

А. Е. Загребин

Финно-угорские этнографические исследования в России

(XVIII – первая половина XIX в.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

А.Е. Загребин

**Финно-угорские
этнографические
исследования в России**

(XVIII – первая половина XIX в.)

ИЖЕВСК 2006

Научный редактор:
доктор исторических наук *В.Е. Владыкин*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *Г.А. Никитина*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Г.Н. Чагин*
кандидат исторических наук *В.В. Пузанов*

Загребин А.Е.

314 Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.) : Монография. – Ижевск, 2006. – 324 с.: ил.

ISBN 5-7691-1798-2

В монографии на базе научного концепта «эпохи–идеи–герои» рассматриваются исследовательские приоритеты, теоретико-методологические разработки и ключевые результаты, достигнутые в области этнографического финно-угроведения в XVIII – первой половине XIX в. Особо подчеркивается, что современное этнографическое знание о финно-угорских народах России в равной степени основано как на эмпирических данных, так и историографических материалах.

Книга адресована историкам, краеведам, преподавателям и студентам.

ISBN 5-7691-1798-2

УДК 902.7
ББК 63.5(2)

© Загребин А.Е., 2006

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2006

ВВЕДЕНИЕ

Финно-угорские народы России, включающие в себя финнов (ингерманландцев), саамов, воедь, ижору, карелов, вепсов, марийцев, мордву, удмуртов, коми, коми-пермяков, хантов и манси, являются частью древнего автохтонного населения Евразии¹. На протяжении многих столетий народы, говорящие на финно-угорских языках отделены друг от друга огромными расстояниями, отличиями хозяйственной деятельности, образа жизни и религии, тем не менее, сохраняют четкую идентификацию себя не только как носителей определенной этничности, но и как представителей более широкой общности². Как случилось, что люди, живущие в Западной Сибири, на Урале, в Поволжье и на Европейском Севере России ощущают не только ментальное единство, но и немало знают о своих зарубежных родственниках – финнах, эстонцах и венграх? Думается, что ответ на этот вопрос можно найти в области истории как таковой, а также в сфере истории науки и образования. Дело в том, что финно-угроведение (финно-угристика), зародившись как исследовательское направление филологического характера, довольно ско-

¹ Согласно принятой в науке классификации, финно-угорские народы в языковом отношении являются родственными самодийским этносам (ненцам, энцам, нганасанам и селькупам), совместно образуя уральскую языковую семью; отсюда встречающиеся в научной литературе названия – уральские народы, уральцы и уралоистика. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. численность финно-угорских народов составила 2,7 млн. человек, или 1,9% от общей численности населения страны. См.: Финно-угорские народы России. Статистический сборник. Сыктывкар, 2005. Подробнее: *Лаллукка С.* Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997; *Понне Н.Н., Старцев Г.А.* Финно-угорские народы. Л., 1927; *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985; *Ancient Cultures of the Uralian Peoples.* Budapest, 1976; *Bartens H.-H.* Die finnisch-ugrischen Minoritätsvölker in Europa. Hamburg, 1998; *Finnugor kalauz.* Budapest, 2001; *Manninen I.* Die finnisch-ugrische Völker. Leipzig, 1932; *The Finno-Ugric World.* Budapest, 2004; *Vuorela T.* The Finno-Ugric Peoples. Bloomington, 1964.

² *Domokos P.* Uralisztikai olvasókönyv. Budapest, 1977; *Grünthal R.* Uralilaiset kansat – kalanrasvanhajuisia vai hovikelpoisia? // *Sukukansapäivien satoa.* Castrenianumin toimitteita. 2000. Vol. 57. S. 34–40; *Lehtinen I.* Suomalais-ugrilainen kulttuuriperintö ja identiteetti // *Sukukansaohjelman ARKI.* Castrenianumin toimitteita. 2005. Vol. 64. S. 131–148; *Finnugor-Szamojéd (Uráli) regék és mondák.* 1–2. Budapest, 1984; *Taagapera R.* The Finno-Ugric republics and the Russian State. London, 1999; *The Great Bear.* A thematic anthology of oral poetry in Finno-Ugric languages. Helsinki, 1993; *Zsirai M.* Finnugor rokonságunk. Budapest, 1937.

ро приобрело полифункциональную, этнографическую (в широком понимании термина) сущность³. Не важно кто – лингвист, историк или литературовед – занимался изучением финно-угорской проблематики, главное, что результаты научных поисков, откладываясь на страницах газет, журналов и школьных учебников, формировали чувство финно-угорского родства.

Замысел данной книги сложился из двух составляющих, одна из которых имеет «академическое» происхождение, вторая – «университетское». Первая мотивация была связана с защитой диссертации и вышедшей по ее итогам монографии, тема которой предполагала дальнейшее расширение исследований⁴. Но потребовавшие больших затрат времени преподавательские заботы, казалось бы, надолго отодвинули такую перспективу. Однако, как выяснилось, специфика работы на кафедре сама подтолкнула этот проект вперед, так как читаемые студентам курсы по истории зарубежной этнологии и финно-угорской этнографии требовали целенаправленного поиска специальной литературы⁵. Неоценимую помощь оказали стажировки при кафедрах этнологии, фольклористики и социальной политики Хельсинкского университета, где сама научная атмосфера (не говоря уже о профессорских консультациях и богатейших библиотеках) настраивала на особый

³ См., например: *Казанцев Д.Е.* Истоки финно-угорского родства. Йошкар-Ола, 1979; *Основы финно-угорского языкознания.* М., 1974–1976. Т. 1–3; *Поппе Н.Н.* Этнографическое изучение финноугорских народов в СССР // *Финноугорский сборник. Труды по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран.* Л., 1928. С. 27–76; *Сануков К.* Финно-угорские народы России: проблемы историографии // *Finnno-Ugristica.* 1998. № 1 (2). С. 38–66; *Он же.* Финно-угристика о финно-угорских народах России: основные этапы и тенденции развития исследований // *Финно-угроведение.* 2000. № 1. С. 3–16; *Korompay B.* Finn nyomokon: Folklór, néprajz, irodalom. 1–2. Budapest, 1989; *Lallukka S.* The East Finnic minorities in the Soviet Union. Helsinki, 1990; *Markantonio A.* Uralic language family. Facts, myths and statistic. Oxford–Boston, 2002.

⁴ *Загребин А.Е.* Проблемы этнографии удмуртов в исследованиях финских ученых XIX – первой половины XX вв.: Автореф. дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Ижевск, 1997; *Он же.* Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999.

⁵ Выбор истории этнографии в качестве профилирующего направления моих исследований был бы не возможен без учительского терпения и вразумления заведующего кафедрой этнологии и регионоведения Удмуртского университета, профессора В.Е. Владыкина. Нельзя забыть добрых советов профессоров Мордовского университета Н.Ф. Мокшина, Пермского университета Г.Н. Чагина, Томского университета Н.В. Лукиной, заведующего отделом МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН А.И. Терюкова, трудолюбие, человечность и оптимизм которых служат мне примером.

лад⁶. Многие вопросы теории и истории науки стали более понятны после посещения университетов Великобритании с их имперским прошлым и мультикультурным настоящим. Состоявшийся затем официальный переход в академический институт, вкупе с образовавшейся, к моему удивлению и удовлетворению, исследовательской свободой, актуализировал прежние мысли о подготовке книги по истории финно-угорской этнографии⁷.

Апробированные в виде докладов на различных конференциях предварительные тезисы работы, указали на ее возможную структуру, продемонстрировав наиболее значимые и вместе с тем уязвимые аспекты⁸. Постепенно стало ясно, что меньше всего информации имеется о ранних исследованиях в области этнографического финно-угроведения. Кроме того, весьма неопределенно выглядел вопрос о времени институционализации этнографии применительно к изучению финно-угорских народов России. Трудности усугублялись тем, что в научном сообществе финно-угроведение чаще всего ассоциировалось с лингвистикой, из которой действительно, как из первоосновы постепенно вырастали история, этнография и археология. Отчасти решимость заняться этим, казалось бы, малоперспективным «ранним» периодом

⁶ Выражаю самую искреннюю благодарность моим финским наставникам – профессорам Хельсинкского университета Ю.У.Э. Лехтонену и А.-Л. Сиикала, старшему научному сотруднику Музея культур и председателю Общества М.А. Кастрена И. Лехтинен, директору Института России и Восточной Европы С. Лаллукка. А также, профессору университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия) Э. Сий и профессору университетского колледжа (Лондон, Великобритания) М. Брэнчу.

⁷ Скорее всего, эта работа задержалась бы еще на неопределенное время без поддержки моих академических руководителей – директора УИИЯЛ УрО РАН профессора К.И. Куликова, профессоров М.Г. Ивановой и Г.А. Никитиной. Хочу выразить признательность всем друзьям и коллегам, которые на разных этапах работы оказывали действенную помощь своими советами, критикой и добрыми пожеланиями.

⁸ *Загребин А.Е. (Zagrebina A.) Интеллектуальные основы финно-угорских этнографических исследований в России (к постановке проблемы) // Тезисы докладов VI Конгресса этнологов и антропологов России. СПб., 2005. С. 433; «Описание трех языческих народов в Казанской губернии» Г.Ф. Миллера – первый опыт этнографического анализа региона // Тезисы докладов X Международного конгресса финно-угроведов. Часть 3. Йошкар-Ола, 2005. С. 34–35; Researcher and Power, or about some Peculiarities of Finno-Ugric Fieldwork in Russia // Kultuur ja võim. ERM 46. konverents. Tartu, 2005. P. 46–47; The road as a life and work: the Udmurts in the travel notes of A.J. Sjögren and M.A. Castrén // Research and Identity. Non-Russian Peoples in the Russian Empire 1800–1855. The 2nd A.J. Sjögren Memorial Conference. Kouvola, 2006. P. 49–50.*

укрепила невозможность его интерпретации в качестве «нормальной науки» (по Т. Куну)⁹. При более пристальном рассмотрении оказалось, что языковедческие исследования (не говоря уже о путевых дневниках и историко-географических сочинениях), были наполнены сведениями этнокультурного характера. Рано или поздно этнографическая сущность эмпирического материала должна была возобладать над формой его изложения, что и начало происходить в финно-угроведении в XVIII – первой половине XIX в. Приняв данное умозаключение за некую отправную точку, можно было уже подробнее рассматривать внутривременные связи и разрывы рассматриваемого периода.

О периодизации: Одной из традиционно сложных и принципиальных проблем, возникающих при подготовке исследования по истории науки, является необходимость разработки общей схемы периодизации рассматриваемых событий. Нельзя не согласиться с мнением С.А. Токарева о том, что «...периодизация есть установление качественно своеобразных этапов исторического процесса, развертывающегося во времени»¹⁰. Другое дело, что понимать под этим качеством: изменения теоретико-методологического обеспечения исследований, появление ученых-новаторов, формирующих научные школы, или смену приоритетов в определении предметно-объектной сферы науки. Думается, что было бы корректно, учитывая все вышеперечисленные факторы, рассматривать их в рамках исторических периодов, стратификация которых была обоснована господствовавшими в обществе идеями генерирующего характера.

Не менее важным представляется вопрос о времени и обстоятельствах зарождения финно-угорской этнографии в России как части процесса становления отечественного народоведения. Причем изначально следовало бы разграничить чрезвычайно длительный период накопления эмпирических материалов о жизни народов и хронологически более

⁹ Дело в том, что финно-угроведение как научное направление испытает свой революционный сдвиг на рубеже XIX–XX вв., когда произойдет легитимация финно-угорской этнографии в качестве самостоятельного научного направления. См.: *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003. С. 20–25; *Hämäläinen A.* Das Gebiet, die Aufgaben und der gegenwärtige Stand der finnisch-ugrische Völkerkunde // *Mitteilungen des Vereins für finnische Volkskunde.* 1943. Bd. 1–2. S. 1–13; *Korompay B.* Unkarin panos suomalais-ugrilaiseen kansatieteeseen // *Kalevalaseuraan vuosikirja.* 1964. Vol. 44; *Lehtinen I.* Field expedition as a source of Finno-Ugrian ethnology // *Pioneers: The History of Finnish Ethnology. Studia Fennica: Ethnologica.* Helsinki, 1992. Vol. 1. P. 41–49; *Lehtonen J.U.E.* U.T. Sirelius ja kansatiede. Helsinki, 1972; *Valonen N.* Why have Finno-Ugric ethnology // *Ethnologia Fennica.* 1981. P. 3–5.

¹⁰ *Токарев С.А.* Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии // *Советская этнография.* 1951. № 2. С. 161.

скромный период научного осмысления собранного, связанного с профессионализацией этнографических исследований¹¹. Наиболее аргументированной в этом плане представляется точка зрения Л.П. Лашука, отмечавшего, что «...в науках истории и географии России в том виде, в каком они сформировались к середине XVIII в., значительное место занимали «народоведческие» описания и обобщения, которые во второй половине этого столетия заметно расширились и подверглись первичной рационально-теоретической обработке. Это, собственно, и было реальное начало отечественного народоведения, которое, обретя философско-историческое обоснование и обратившись к сравнительно-историческому методу, приняло форму самостоятельной этнографической дисциплины около середины XIX столетия»¹². Возвращаясь к избранной теме, можно сослаться также на мнение венгерского финно-угроведа П. Домокоша, считающего, что «...финно-угорская наука под влиянием интереса к древней истории зародилась фактически в различных уголках Европы в век Просвещения и, прежде всего, на основании языковых источников и данных. Основной вопрос – а именно: кто же эти живущие среди нас народы с такими непонятными языками, откуда они пришли? – был задан и решался исследователями нефинно-угорского происхождения (например, Фишер, Ломоносов) и учеными финно-угорских народов (Шайнович, Портан). И с другой стороны – что за язык, на котором мы говорим, и откуда мы попали в Европу? Параллельно с тем, как рождались ответы, рождалась сама наука... К XIX веку разрозненные исследования сложились в зрелую науку, ученые искали контакты друг с другом, начались экспедиции, создавались университетские кафедры...»¹³.

Таким образом, предлагаемая периодизация истории этнографического изучения финно-угорских народов России в XVIII – первой половине XIX в. предполагает выделение двух сменяющих друг друга этапов. Первый этап, хронологически охватывающий весь XVIII в., был непосредственно связан с развитием идеи европейского Просвещения, включавшей в себя народоведение как часть общей программы рационального познания окружающего мира. Академические экспедиции, работавшие в те годы на пространствах Российской империи, подняли огромный пласт этнокультурной информации, осмысление которой

¹¹ См., например: Гяя Я. Древнейшие сведения о финно-угорских народах и первые шаги в их изучении // Советское финно-угроведение. 1987. № 2. С. 127–130.

¹² Лашук Л.П. Проблема становления русской этнографической науки // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989. С. 22.

¹³ Домокош П. История и роль международных конгрессов финно-угроведов // Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Orationes plenariae. Pars 1. Yoshkar-Ola, 2005. P. 1. С. 93–94.

было начато выдающимися умами эпохи. Исследовательский импульс, нашедший свое воплощение в историко-географических и этнографических трудах Ф.И. Страленберга, Г.Ф. Миллера и И.Г. Георги, был распространен в том числе и на финно-угорские народы, сделав их полноправными субъектами просветительской ойкумены. Истоки финно-угорских этнографических исследований, берущие свое начало от века Просвещения, получили пронзительное, чувственное звучание в трудах ученых-романтиков, чья деятельность анализируется в рамках второго этапа нашей периодизации. Когда на заре XIX в. активизировался процесс строительства европейских наций, финские и венгерские ученые посчитали делом своей чести восстановить историю своих народов, обратившись к изучению материальных и духовных свидетельств прошлого. Поиски финно-угорской (уральской) прародины и родственных народов привели А.И. Шёгрена, М.А. Кастрена и А. Регули в Россию, заново открытую в романтический период истории науки¹⁴. Будучи, подобно их предшественникам, воспитанниками европейских научных институтов, они привнесли в российскую науку не только устоявшиеся исследовательские традиции, но и заложили первые камни в фундамент отечественного финно-угроведения.

О методологии: Размышления и некоторые предварительные опыты над тем, как надежней всего связать в единый текст довольно разнородный историографический и этнографический материал, подсказали способ изложения, который вкратце можно отобразить в виде следующей последовательности: эпохи – идеи – герои.

Казалось бы, сам переживаемый исторический период диктует людям изначально определенные нормы поведения, мышления и письма – «коллективные представления» (по Э. Дюркгейму), одновременно определяя цель интеллектуальной деятельности, направляющей усилия ученых-профессионалов и энтузиастов-любителей. Форма и стилистика научных произведений, датируемых примерно одним временем, также указывают на их связь с некими общими идеями, которые позволяют авторам особым образом интерпретировать находящийся в их распоряжении материал. Мир идей, по-видимому, превращает историческое время в историческую эпоху, выделяя исследовательские приоритеты, указывая на ориентиры и вырабатывая систему оценивания. То есть, мы вновь возвращаемся к мысли об исторической предопре-

¹⁴ См., например: *Папану Й.* Божество слова. Памяти Антала Регули. Сургут, 1993; *Терюков А.И.* Финно-угорская этнография в Петербурге – Ленинграде (XIX – 30-е гг. XX вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 7–14; *Он же.* А.И. Шёгрэн и М.А. Кастрен // Финляндия и Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 3–15.

деленности большей части научных результатов, когда творческий потенциал ученой личности реализовывался в рамках доминирующей идеологии. Между тем, устойчивость идейного обеспечения науки зависела от достижительных способностей ее лидеров, а именно – от их умения продемонстрировать познавательные возможности выработанной методологии и способности увлечь за собой молодое поколение. Проблема лидеров состояла еще в том, что добиваясь выдающихся научных успехов, они сами взрывали прежние установки, своими трудами и героизмом биографий задавая столь высокую планку, за которой, как будь-то бы возникала пустота¹⁵. Но эта пустота была не безвоздушным бесплодным пространством, а стартовой площадкой для поисков новых героев, новых идей, новой эпохи.

Расположение и отслеживание движения избранных нами героев в историческом времени, географическом пространстве и мире идей потребовало применения ряда специальных приемов, первостепенное значение среди которых занимает метод биографического анализа. Научная биография как жанр предполагает не только рассказ о личных успехах и неудачах ученого, но, прежде всего, исследование его мироощущения и, если можно так сказать, позиционирования в различных социальных средах¹⁶. Таким образом, научные биографии выделенных персоналий в буквальном смысле находятся между социологией и историей, если учитывать индивидуальные импульсы и коллективные решения, имеющие место в конкретной ситуации. Биографические данные, в свою очередь, фокусируют внимание на истории тех научных сообществ, в которых формируются и работают интересующие нас ученые. Академические традиции, университетская жизнь, а также сведения о неформальных объединениях интеллектуалов создают «рабочий контекст», позволяющий определить степень вовлеченности ученого в общее дело, рассмотреть взаимоотношения с коллегами и работодателями.

Сделанные М. Фуко наблюдения из европейской истории знаний, подчеркнули общественную значимость научных изысканий, великих открытий и инноваций, показав тесную взаимосвязь интеллектуальной и политической истории. Финансирующие науку государственные ин-

¹⁵ В этом отношении, я солидаризируюсь с точкой зрения Г.П. Мягкова считающего, что научная школа это не сумма личностей и их достижений, а нечто большее (*Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. С. 6). Под этим «большим» хочется видеть устойчивую исследовательскую традицию, допускающую вариативность мнений, суждений и разночтений.

¹⁶ См., например: *Gribaudi M.* Biography Academic Context and Models of Social Analysis // *Between Sociology and History. Essays on Microhistory, Collective Action, and National-Buildings.* Helsinki, 2004. P. 102–129.

ституты, равно как и покровительствующие ученым сановники-мecenаты становились участниками исследовательского процесса, пытаясь извлечь из него практическую пользу, а порой и личную выгоду¹⁷. Тонкая игра между учеными и властью продолжалась с переменным успехом, точно так же, как и дружба/вражда между отдельными представителями науки и правительства. Нарушение этого баланса грозило, с одной стороны, политизацией и полным «огосударствлением» науки, с другой – дестабилизацией самого государства, вошедшего в противоречие с интеллектуальной элитой. В этой связи, в предлагаемой читателю работе значительное внимание уделено истории взаимоотношений ученых и империи. Тем более, что теория и практика европейского национализма, широко обсуждающаяся в последнее время в рамках имперского дискурса, представила достаточно оригинальный угол зрения на, казалось бы, давно известные факты¹⁸. Так, имперское государство, чья устойчивость, как известно, зиждилась на наднациональной природе власти, должно было быть достаточно чутким к поликультурной реальности своего внутреннего бытия. Данная чуткость могла развиваться только на основе научного знания народонаселения, открытого и описанного учеными. В том случае, если империя начинала изменять правила в пользу одного или нескольких численно доминирующих народов, ответный ход не заставлял себя долго ждать, принимая формы тайных обществ, просветительских кружков и национальных движений, программы которых также создавались на основе научных рекомендаций.

Наверное, трудно было бы представить личность ученого безотнositельно его текстов. Другое дело, каким образом извлечь из научных сочинений необходимую информацию об авторе, его позиции и мировоззрении. В этом случае был предпринят опыт прочтения интересующих нас трудов, во многом опирающийся на методологические разработки ученых-литературоведов. В частности, привлекла внимание поднятая в исследованиях М.М. Бахтина проблема отношения автора к герою, применительно к этнографическим текстам – к героям, под которыми следует понимать описываемые народ(ы)¹⁹. Специфика этнографического текста отдаленной от современности эпохи становится ближе и понятнее, если учитывать идеологические и стилистичес-

¹⁷ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994; *Он же*. Интеллектуалы и власть. Т. 1–2. М., 2005.

¹⁸ См., например: Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004; Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.

¹⁹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 9–25; *Он же*. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. М., 2000. С. 32.

кие особенности времени, разглядеть которые может помочь «нулевая степень письма», поиски которой советовал вести Р. Барт, четко отделявший политически ангажированную оболочку текста от его глубинного ценностного ядра²⁰. Идеологическая пристрастность автора выступает не столько декларацией его политической позиции, сколько способом личной ориентации в историческом периоде. Одновременно «метафоричность» научных произведений часто указывает на подлинное отношение авторов к исследуемому материалу²¹. Умение писать правду или максимально приближенные к правде вещи, не вступая при этом в открытую конфронтацию с режимом, стала визитной карточкой этнографов. И финно-угорская проблематика не была исключением.

Не секрет, что определяющий вклад в становление отечественной этнографии внесли приглашенные из различных европейских стран, преимущественно из Германии, ученые, опиравшиеся не только на свои полевые собрания, но и широко использовавшие наследие предшествующей литературы. Историографическая значимость так называемых «высказываний иностранцев о России», стала предметом исследования М.П. Алексеева и его школы, воспринятая затем исследователями финно-угорских народов²². Далеко не всегда лицеприятные сочинения иностранных писателей, проанализированные с исторической и культурологической точек зрения приобретали, порой, совсем иное звучание. Или, как отмечал Ю.М. Лотман, следует: «...подходить к источникам этого типа как к текстам, нуждающимся в дешифровке, своеобразном раскодировании, которое должно предшествовать цитатному их использованию»²³. Кроме того, работая с текстами историко-географической и этнографической направленности, многие исследователи замечали некоторые закономерности, связанные со стереотипизацией рассматриваемых объектов и событий²⁴. Создаваемые таким

²⁰ Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М., 1983. С. 306–349.

²¹ White H. Metahistory: Historical Imagination in the Nineteenth-century Europe. Baltimore–London, 1973. P. 21.

²² Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Иркутск, 1941; Мокишин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993; Юрченков В.А. Взгляд со стороны. Мордовский народ и край в сочинениях западноевропейских авторов VI–XVIII столетий. Саранск, 1995; Финские ученые о языке и культуре Марийского края. Йошкар-Ола, 2002.

²³ Лотман Ю.М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 125.

²⁴ См., подробнее: Шенк Б. Ментальные карты. Конструирование географического пространства в Европе со времени эпохи Просвещения // Новое литературное обозрение. 2001. № 52.

путем ментальные карты отображали субъективированную историю стран и народов, на долгое время закрепляя в литературе те или иные символы и маркеры, изучение которых видится весьма перспективным.

Об источниках: Источниковая база данного исследования определилась из принятой концепции, предполагающей историографическую направленность работы, реализуемой в рамках финно-угорского этнографического дискурса. Высокая степень биографичности привлекаемых источников потребовала изучения как опубликованных авторских трудов, так и рукописных материалов²⁵. Надеюсь, что использованные в работе специальные научные исследования, архивные собрания, энциклопедическая, справочная и мемуарная литература создали необходимый этнографический и историко-биографический контекст, который в сочетании с историографическими и науковедческими разработками позволил создать более или менее реалистические образы минувших эпох, будораживших эти эпохи идей и рожденных этими идеями героев.

²⁵ *Kahla M.* Bibliografinen luettelo Neuvostoliitossa vuosina 1918–1959 julkaistusta suomalais-ugrilaisesta kielitieteellisestä kirjallisuudesta. Helsinki, 1960, 1962. Vol. 1–2; *Kecskeméti I.* Suomalais-Ugri-laisen Seuran arkisto ja julkaisut vuoteen 1968 // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1970. Vol. 69; *Bibliographia Uralica* 1918–1962. Tallinn, 1976; *Bibliographia Studiorum Uralicorum* 1917–1987. Helsinki, 1988–1993. Vol. 1–4; *Finnugor életrajzi lexikon*. Budapest, 1990; *Skribnik E.* *Bibliographia Sibirica*. Finno-Ugristics and samojedology in scientific centres of Siberia. Szombathely, 1994; *Bibliographie der uralischen Sprachwissenschaft 1830–1970*. München, 2001; *Suomalais-Ugri-laisen Seuran julkaisut* (1885–2004). Helsinki, 2005.

ИСТОКИ ФИННО-УГОРСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (XVIII в.)

Финно-угроведение в эпоху Просвещения

В поисках положительных генерирующих импульсов европейская историография раннего нового времени нередко обращалась к ветхозаветным сюжетам и атлантическим образам. Почти лишенные этнической специфики легендарные истории прошлого довольно удачно сочетались с антикварным пониманием исторического процесса, особенно в его локальных интерпретациях¹. Финно-угроведение также отдало свой долг этому подходу – иллюстрацией могут послужить труды первых ученых-финнофилов, указывавших не только на общее происхождение финского, саамского и пермского языков, но и на возможное родство последних с языками древних греков и евреев². История, или правильнее будет сказать – недифференцированная «полигистория», оставалась еще во власти риторики, когда обоснованность научных текстов и верификация сделанных в них выводов сверялась в основном по степени авторитетности цитируемых античных и средневековых писателей³. Современная ирония по этому поводу допустима лишь при понимании того, что без этих начальных, во многом наивных, попыток соединения эмпирических материалов и концепции исторической динамики вряд ли была возможна ра-

¹ Например, согласно воззрениям шведского ученого XVII в. И. Мессениуса, один из наследников Ноя по имени Туискон основал обширную империю, восточная часть которой называлась Сарматия населенная племенами венедов, включавшими в себя финнов и славян. Эта Сарматия, или Венеландия и стала со временем называться Финляндией. В книге известного шведского историка О. Рюдбека «Атлантика» прародитель северных народов Туискон был заменен не менее легендарным Месехом. Популярностью пользовалась теория, выводящая происхождение шведов и финнов от Магога, сына Яфета и внука Ноя. См.: *Kemiläinen A. Finns in the shadow of the «Arians». Race Theories and Racism. Helsinki, 1998. P. 34–35; Hogden M.T. Early Anthropology in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Philadelphia, 1964.*

² *Korhonen M. Finno-Ugrian language studies in Finland 1828–1918. Helsinki, 1986. P. 25–27; Коваленко Г.М. Д. Юслениус и развитие исторической мысли в Финляндии // Скандинавский сборник. 1986. № 30. С.177; Fewster D. Visions of Past Glory – Nationalism and the Constructions of Early Finnish History. Helsinki, 2006. P. 52–56.*

³ Не случайно, основатель критического направления в финской (финно-угорской) историографии, профессор Академии г. Або/Турку Х.Г. Портан, по сложившейся схолярной традиции, занимал кафедру элоквенции, т. е. риторики.

дикальная смена прежней исследовательской парадигмы, ставшая реальностью в связи с распространением в науке идей европейского Просвещения⁴. Стремление историков XVIII в. освободиться от груза непроверенных теорий и сомнительных историописаний требовало применения рациональных методов исследования, включая непосредственное наблюдение за жизнью народов, не обладавших длительной письменной культурой, историей которых являлась этнография.

В научно-справочной литературе встречаются разные толкования и определения эпохи Просвещения, чаще всего связываемой с отказом от провиденциализма и господствовавшей в ученой среде средневековой схоластики. Общество тех лет занимала мысль о «равенстве», а академическое сообщество о – «разуме» как носителе универсальных ценностей, наделенном инструментальной функцией, способствующей постижению сути вещей⁵. Благодаря этому в просвещенческом идеале складывалась логически выстроенная концепция поступательного освоения природы, включающей человечество во всем его культурном и географическом многообразии. Конечной целью движения по пути прогресса становилось достижение всеобщего блага путем экспериментального изучения внутренней структуры предмета, исправления и улучшения выявленных нарушений и уродств. Для западных наставников Петра I, как пишет Ю. Слѣзкин «все мироздание... четко делилось на «естественное» и «искусственное» (рукотворное), причем до «натуральной» природы можно было добраться, лишь устранив все «ошибочное» и «видоизмененное»⁶. Хотя общей тенденцией присущей работам просветителей была страсть к морализаторству, в целом им удалось утвердить в общественном сознании идею единства человеческого рода, вне зависимости от происхождения, образа жизни и уровня политико-экономического развития. Несмотря на приоритет естественнонаучных знаний, XVIII в. позволил существенно развиваться гуманитарным наукам, также пытавшимся обнаружить и обосновать законы человеческого общежития⁷. Интерес к таким мировоззренческим проблемам, как свобода и несвобода, бедность и богатство,

⁴ См.: Загребин А.Е. Интеллектуальные основы финно-угорских исследований в эпоху Просвещения // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 7. С. 39–54.

⁵ Барз М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 312–313.

⁶ Слѣзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII в. и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 121.

⁷ В некоторых странах авторитет естественнонаучных дисциплин был так велик, что, по мнению современников, «физика стала... синонимом свободы». Цит. по: Богданова И.А. Просвещение как начальный этап формирования национальных культур // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 61.

прогресс и отсталость, порой приводил просветителей к конфронтации с властью, но в то же время многие из них оговаривали собственные держания соображениями государственной пользы и надеждами, возлагаемыми на просвещенного государя-реформатора⁸. Ученые представители эпохи собирали факты, подчиняясь логике энциклопедизма и руководствуясь представлениями о «естественном праве», «общественном договоре» и «добродетельном дикаре». Хаотический эмпиризм и книжная эрудиция предыдущего поколения ученых постепенно уступали место полевым наблюдениям и критике источников⁹. Стремление к рациональному познанию окружающего мира коснулось в те годы историко-географического освоения европейской периферии и сопредельных с ней азиатских земель, где в массе своей жили финно-угорские (уральские) народы¹⁰.

Если же задуматься над тем, кто из титанов эпохи внес определяющий вклад в философский базис этнографии и этнографического финно-угроведения в частности, то, скорее всего, на историографическом горизонте возникнут три знаковых фигуры, хронологически отбрасывающие преемственность просвещенческих идей: Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), Жан-Жак Руссо (1712–1778) и Иоганн Георг Гердер (1744–1803).

Синтетическим по своей природе научным мировоззрением Г.В. Лейбница была сформулирована теория, подразумевавшая существование двух форм познания (темного чувственного и ясного разумного), четко расчлененных форм бытия¹¹. Причем, выбор науки, по его мнению, должен был склониться в пользу последнего, позволяющего с помощью рациональных методов добиться получения устойчивых, поддающихся проверке результатов. В трактате «О приумножении наук» Лейбниц отмечал, что в понимании тайн природы его время, несомненно, превосходит предшествующее, но он же предостерегал современников от обольщения непроверенными на практике гипотезами и поспешными выводами, фундированными, казалось бы, эмпирическими материалами¹². Разделяемая и развиваемая им идея «круговорота»

⁸ См., например: *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

⁹ См.: *Лециловская И.И.* Культура Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе // Вопросы истории. 1985. № 1. С. 73–89.

¹⁰ *Магидович И.П., Магидович В.И.* История открытия и исследования Европы. Л., 1970; *Leete A.* Põhjarahvad antiigist tänapäevani: obiugrilaste ja neenetsite kirjelduste muutmine. Tartu. 2000. S. 77–84.

¹¹ *Лосев А.Ф.* Классицизм. Конспект лекций по эстетике Нового времени // Литературная учеба. 1990. № 4. С. 141.

¹² *Лейбниц Г.В.* О приумножении наук // Лейбниц Г.В. Сочинения. М., 1982. Т. 1. С. 170.

задолго до появления идей этнологического эволюционизма и диффузионизма предполагала культурный дрейф на Восток, прежде всего, в стремительно модернизирующуюся Россию. Обновленная страна, чей народ выходил на мировую арену, по мысли ученого, имел счастливую возможность использовать культурные достижения двух континентов, на которых он расположен – Европы и Азии¹³.

Руссоистская идеологема, на первый взгляд, абсолютно противоречила наставлениям Лейбница, отвергая примат рассудка и даже ставя под сомнение саму науку¹⁴. Однако, выдвигая на первый план простые народные чувства, Ж.-Ж. Руссо сохранил в своих философских рассуждениях не только общую просветительскую направленность, но и развил теорию разумного преобразования современного ему общества путем обращения к глубинам истории, где таится «золотое детство» человечества – век равенства и справедливости¹⁵. Идеализация древности сопрягается у Руссо с распространенным тогда представлением о существовании «добродетельного дикаря», поиски которого он вел на самых отдаленных и недавно открытых землях, в известной степени стимулируя этнографические интересы своих читателей и почитателей. Как писал Б. Андерсон, благодаря трудам Руссо и других светил Просвещения «...появилась возможность мыслить Европу как всего лишь одну из множества цивилизаций, причем не обязательно Избранную или лучшую»¹⁶. Созданный идеями Руссо и пером Вольтера «Простодушный», не пытавшийся никому ничего доказать и тем более навязать, воспитанный простой органичной жизнью, прямо противостоял как феодальному прошлому человечества, так и буржуазному будущему. Кроме того, Руссо своими трудами способствовал утверждению национального самосознания европейских народов, может быть, ранее других осознав, что невозможно искренне любить свое, отвергая и презирая чужое¹⁷.

Радикализм позднего европейского Просвещения воплотился в работах И.Г. Гердера, в особенности в его учении о народе как подлинном творце духовных и материальных ценностей¹⁸. Буря и натиск

¹³ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII в.). М., 1979. С. 265; Чучмарев В.И. Лейбниц и русская культура. М., 1968.

¹⁴ Руссо Ж.-Ж. Рассуждения о науках и искусствах // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. М., 1981. Т. 2. С. 25.

¹⁵ Токарев С.А. Истоки этнографической науки. М., 1978. С. 114–115.

¹⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 91.

¹⁷ См.: Верцман И.Е. Жан-Жак Руссо. М., 1976; Леви-Стросс К. Руссо // Курьер ЮНЕСКО. 1963. № 3.

¹⁸ См.: Гулыга А.В. Гердер. М., 1975.

философско-исторической концепции пастора Гердера не только расшатывали позиции космополитически настроенных ученых, лишь изредка иллюстрировавших свои во многом умозрительные сочинения элементами «народности». Труды Гердера впервые позволили представить историю человечества как мощное поступательное движение, в котором каждому народу отведено свое достойное место, что в перспективе позволило развиваться не только романтическому пониманию истории, но и решительно заявить о себе народоведческим наукам¹⁹. Гердер призывал своих единомышленников не гнушаться полевой собирательской деятельностью, отмечая, что «...даже в Европе целый ряд наций остается неизученным и неописанным... А между тем среди них имеется так много лиц, призванных по долгу службы изучать язык, нравы, образ мышления, древние поверья и обычаи своего народа!»²⁰. Таким образом, внимание просвещенных европейцев обращалось к ценности местной простонародной культуры, закладывая основы этнографического краеведения и фольклористики.

Вместе с тем, необходимо осознавать, что осуществление практических шагов в области этнографии вряд ли было возможно без деятельности тех ученых, которые первыми увидели в этом предмете серьезную исследовательскую перспективу. Речь идет, прежде всего, об авторе первой всеобъемлющей «Истории Российской» В.Н. Татищеве (1686–1750), создателе «Allgemeine Nordische Geschichte...» А.Л. Шлёцере (1735–1809) и основоположнике финской национальной историографии Х.Г. Портане (1739–1804)²¹. Предпринятые ими попытки опровержения ранее устоявшейся картины мира, покоившейся на авторитете генеалогических таблиц Книги Бытия, способствовали прояснению проблем этнической истории Северо-Восточной Евразии. Находясь у истоков национальных школ историков и лингвистов, они направили своих последователей по единственно возможному тогда пути выявления новых источников и критического отношения к имеющемуся научному наследию. Сделав предметом своих начинаний историю народов, долгое время находившихся в тени классических древностей и письменной традиции, эти выдающиеся представители эпохи пробудили общественный интерес к этническим исследованиям. Развившаяся при этом

¹⁹ Glaser R. Aspekte der Herder-Reception in der deutschen Volkskunde // *Ethnologia Europea*. 1994. Vol. 24. № 2. S. 134–135.

²⁰ Цит. по: Гердер И.Г. Избранные произведения. М.; Л., 1959. С. 69.

²¹ См.: Попов Н.А. Татищев и его время. СПб., 1861; Шлёцер А.Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, им самим описанная. СПб., 1875; Коваленко Г.М. Х.Г. Портан и развитие исторической мысли в Финляндии во второй половине XVIII в. // Скандинавский сборник. 1986. № 30. С. 201–216.

фиксация этнографических фактов, впрочем, как и лингвистическая компаративистика, сформировали новый тип научного работника, способного совмещать экспедиционную деятельность с трудом кабинетного ученого-теоретика.

Со всем уважением и признательностью относясь к научному труду пионеров народоведения, хотелось бы представить начальную историю этнографического изучения финно-угорских народов России сквозь призму личной истории трех выделяемых персоналий: Ф.И. Страленберга – первым указавшего на факт языкового родства финно-угорских народов; Г.Ф. Миллера – первым предпринявшего попытку совмещения сведений о народах восточной России, извлеченных из актового материала, с живой фольклорно-этнографической информацией; И.Г. Георги – автора первой сводной этнографической работы о народах России, показавшего финно-угров в качестве древнего автохтонного населения страны²². Присущая этим разным и в то же время близким по духу людям исследовательская проницательность, стремление к систематизации и умение придать научному продукту необходимую потребительскую привлекательность, обеспечила условия для будущего развития этнографического финно-угроведения.

Немаловажными факторами в деле формирования интеллектуальных основ финно-угорской этнографии были свойственный английской научной традиции эмпиризм, французский энциклопедизм и характерный для германской науки синтез исторического и естественно-математического мышления. Нельзя не учитывать и скандинавского влияния, особенно на финляндских ученых. Тем более, что шведская «нордистика» во второй половине XVII в. достигла достаточно высокого научного уровня, сделав качественный шаг вперед в представлении этнографической карты региона. Например, в опубликованной в 1674 г. книге И. Шефферуса «*Lapponia*» указывалось на сходство языков и антропологического типа финнов и саамов²³. Даже О. Рюдбек, один из столпов идеи «атлантизации» национальной истории, собрал некоторое количество этимологий, демонстрировавших языковое родство финнов и венгров²⁴. Примерно в те же годы два других шведа, поэт Г. Стернхельм и канцлер Б. Шютте, отмечали сходства, существующие между

²² Загребин А.Е. К проблеме этнической идентификации финно-угорских народов в трудах ученых XVIII в. // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 2006. С. 63.

²³ *Kemiläinen A. Suomalaiset, outo pohjolan kansa. Rotuteorijat ja kansallinen identiteetti.* Helsinki, 1993. S. 47–48.

²⁴ См.: *Hormia O. Über die fennougristischen Interessen von Olaus Rudbeck // Finnisch-Ugrischen Forschungen.* 1964. Bd. 35. S. 1–43.

финским и венгерским языками²⁵. Критическое восприятие древностей и современной этнокультурной информации было достигнуто благодаря трудам профессора Упсальского университета И. Ире, собравшего немало сведений по истории и языкам финнов и саамов.

Вместе с тем, в силу известного прагматизма эпохи, проявляющегося, в том числе, в постоянно фигурирующем вопросе о практической ценности проводимого исследования, ученые должны были определить субъекты, заинтересованные в реализации этнографических проектов, указав их цели и источники финансирования. В качестве спонсоров и заказчиков научных работ могли выступать как правительственные органы, заинтересованные в дополнительной информации о налогоплательщем населении, так и само общество, где на протяжении всего XVIII в. шел процесс формирования национального сознания²⁶. В этой связи особенную роль приобретали работы ученых способствующие реконструкции, а в чем то и конструкции национальной истории²⁷. Находясь в рамках многонациональных империй, представители финляндской и венгерской интеллигенции ранее других озаботились проблемой идентификации своих народов в историческом времени и географическом пространстве, используя просветительскую риторику и компаративную методологию. Эстонская интеллигенция в те годы находилась еще в самом зачаточном состоянии и вынуждена была учитывать довлеющие над ней факторы остзейского происхождения. Финно-угорские народы России в этом случае по-прежнему оставались объектом исследования, но по мере расширения «галактики Гуттенберга» и изменения традиционного образа жизни и мысли, постепенно втягивались в общий процесс модернизации²⁸. Хотя до разработки проектов нациестроительства дело дойдет еще не скоро.

В Финляндии начальная компаративная направленность научной мысли проявилась уже в середине XVII в. в ходе историко-географи-

²⁵ *Korhonen M.* Early Finno-Ugric Linguistics // *Friends and relatives. Finnish–Hungarian Cultural Relations.* Budapest, 1985. P. 31–32.

²⁶ *Богданова И.А.* Просвещение как начальный этап формирования национальных культур. С. 63–64.

²⁷ *Pearson R.* History and historians in the service of nation-building // *National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries.* Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1999. Vol. 6. P. 74–75.

²⁸ *Красильников А.Г.* Духовная культура этноса: от устной к письменной традиции (на материале восточно-финских народов). Ижевск, 1999. С. 98–99; *Калинин И.К.* Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000. С. 31.

ческих исследований профессора М. Вексониуса-Гюльденстолпе, рассматривавшего взаимоотношения финского, эстонского, ливского и саамского языков. По его мнению, племена тавастов (хяме), карелов, саволаксов и эстонцев прежде составляли один древний финский народ, обладавший единым языком²⁹. Следующим этапом стала опубликованная в 1732 г. диссертация М. Галлениуса, еще до конца не изжившая умозрительных представлений относительно происхождения финского языка, но уже отразившая инновационный потенциал классификационных опытов. Спустя некоторое время, отмеченная тенденция отразилась в научном творчестве финляндского профессора И. Велина, составившего внушительный список финско-венгерских языковых схождений (этимологий), но в силу обстоятельств не успевшего представить их в виде концептуальной схемы. Демократические веяния эпохи коснулись и такой консервативной сферы, как церковная практика, в рамках которой просветителем А. Лицелиусом было осуществлено новое издание Библии на финском языке. Он также предпринял усилия для развития народного языка как письменного, с этой целью в 1776 г. им было начато издание первой в Финляндии газеты на финском языке. Народоведческие интересы финляндской интеллигенции проявились в трудах пастора К. Ганандера, который, являясь последователем профессора Х.Г. Портана, увлеченно собирал и публиковал образцы народной поэзии финнов³⁰.

Необходимо также учесть, что все попытки финнов позаботиться о сохранении своей культуры и выяснить ее истоки, наталкивались в лучшем случае на равнодушие королевских администраторов, для которых «...главной задачей... всегда было превращение финнов в шведов»³¹. Вопрос об обучении всех финнов шведскому языку неоднократно обсуждался на сессиях риксдага в Стокгольме, выдвигались даже проекты насильственного переселения финнов с занимаемых ими земель с целью ускорения их ассимиляции³². В целом, старавшийся сохранять лояльное отношение к властям и будучи критически настроен-

²⁹ *Lehtinen E.* Suomen varhaishistorian ja ristiretkikauden kuvasta uskonpuhdistus- ja suurvalta-aikana. Helsinki, 1968. S. 114–120.

³⁰ Опубликованный в 1789 г. словарь К. Ганандера «Финская мифология», синтезировавший ранее накопленные исторические знания и полевой фольклорно-этнографический материал, можно сказать, открыл энциклопедическое направление в зарождающемся финно-угроведении. См.: *Hoppál M.* Finno-Ugric mythology reconsidered // *Uralic mythology and folklore. Ethnologica Uralica.* 1989. Vol. 1. P. 16.

³¹ Цит. по: *Лайдинен А.П.* Очерки истории Финляндии второй половины XVIII. Л., 1972. С. 78–79.

³² *Alanen A.* Suomen historia vapaudenajalla. Helsinki, 1963. S. 112.

ным к сепаратистским настроениям части финляндской аристократии Х.Г. Портан опасался за будущее финского народа³³. Он писал, что не было недостатка в тех, кто требовал заставить финнов совсем отказаться от своего языка. Несмотря на это, ученый хотел выяснить, что представляла собой культура финнов до того времени, как она испытала влияние западной церкви, как и когда финны появились на своей нынешней родине и где находилась их прародина³⁴. Поддерживая идею А.Л. Шлёцера о том, что финский народ не обнаруживает никакого родства со скифами, гуннами и древними евреями, Портан считал, что финны всегда были и должны оставаться финнами. В организованной и вдохновляемой им газете «Åbo Tidningar» Портан писал в 1772 г., что финны, как и многие другие народы, не происходят непосредственно от десяти племен израильских, будучи связаны родством со многими народами, пришедшими с Востока, чьи древние обиталища находились на огромной территории от Ледовитого океана до Каспия³⁵. Он предполагал, что предки современных ему финнов и угров были многочисленными, сильными и свободными племенами, способными создавать развитые культуры, подтверждением чему, по его мнению, служили легенды о стране Биармии/Перми³⁶. Интерес Портана к России подкреплялся не только стремлением узнать как можно больше о древней прародине, но и желанием собрать информацию о родственниках народов, ныне живущих на территории империи, чтобы сопоставить исторические пути финнов и российских финно-угров³⁷. Таким образом, можно предположить, что в какой-то мере шведская культурная гегемония заставляла представителей немногочисленной еще финской интеллигенции, в буквальном смысле вышедшей из народа, объединяться вокруг национальной идеи, постепенно оформляясь в феннофильское движение. Не пытаясь на первых порах противостоять великодержавным политическим замыслам шведской короны, феннофилы сосредоточились на культурно-просветительской и научной работе, стараясь

³³ *Nygård T. Kustaa III. Vallanomaava mutta alamaisilleen armollinen kuningas.* Helsinki, 2005. S. 200–201.

³⁴ *Setälä E.N. H.G. Porthan sumen kansallisen tieteen perustajana // Valvojä.* 1904. Vol. 4. S. 5.

³⁵ *Kemiläinen A. Finns in the shadow of the «Arians». Race Theories and Racism.* P. 40.

³⁶ *Такала И.Р. Финно-угорские народы в трудах Х.Г. Портана – предшественника А. Шёгрена // Шёгрен – академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук: К 200-летию со дня рождения.* СПб., 1993. С. 8–9.

³⁷ *Некрасов Г.А. Х.Г. Портан как историк России // Портан Х.Г. Основные черты русской истории. Первый университетский курс истории России за рубежом в XVIII в. М., 1982. С. 8.*

пробудить национальную гордость финнов и выяснить их исторические связи с другими народами.

Финно-угроведение в Венгрии продвигалось в основном умами учившихся за границей сторонников декартианства, энциклопедизма и несколько позже – учеными, находившимися под влиянием гёттингенской историко-филологической школы А.Л. Шлёцера, что можно попробовать истолковать как некое общее для эпохи проявление идейного импорта, необходимого для будущего самостоятельного развития³⁸. В связи с этим деятельность венгерских просветителей можно рассматривать в качестве подготовительного этапа к конструированию образа национальной культуры³⁹. Собственно этнографические интересы венгерского научного сообщества проявились в последние десятилетия XVIII в., когда в период вольностей так называемого «йозефинизма» исследователь венгерской мифологии Д. Корнидес был утвержден в должности профессора «вспомогательных исторических дисциплин»⁴⁰. Усилившиеся в эти годы патриотические настроения среди венгров находились под влиянием историософских и фольклористических взглядов Гердера, предполагавшего, что происходя из единого корня – природы, – человечество едино в своем существе, но каждый народ проходит свой путь, приобретая неповторимый культурный облик и национальный характер⁴¹. Интерес образованной части общества к своему народу и собственной стране стимулировал развитие этнографического краеведения, картографирования и формирования региональной идентичности⁴². Внешний интерес к Венгрии подогревался в основном военно-политическими событиями: сначала освобождением страны от власти султана, затем восстанием трансильванского князя Ф. Ракоци против габсбургского дома и вновь австро-турецкими войнами. При этом сохранялось общее отношение к венграм как к нужда-

³⁸ *Poor J.* August Ludvig Schlözer és magyarországi levelezői // *Filológiai közlöny*. 1985. Vol. 31. № 1–4. Old. 133–143.

³⁹ *Пев М.* Сходство и различия в развитии идей Просвещения в России и Венгрии второй половины XVIII века // *Русская литература XVIII века и ее международные связи*. XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 72.

⁴⁰ *Sándor I.* A nép, nemzet, kultúra fogalma XVIII. századi magyar gondolkodóknál // *Ethnographia*. 1989. Vol. 100. № 4. Old. 80–108; *Voigt V.* A brief account of more than two hundred years of teaching folklore and ethnography at Hungarian universities // *Acta Ethnographica Hungarica*. 2004. Vol. 49. № 3–4. P. 184.

⁴¹ *Kovács G.* Batsányi és Herder // *Filológiai közlöny*. 1970. Vol. 16. № 1–2. Old. 177–186; *Rathmann J.* Herder und Ungarn // *Jahrbuch für Geschichte*. 1979. Vol. 19. S. 133–145.

⁴² *Cserbák A., Gáborján A.* XVIII. századi magyarországi parasztábrázolások és viselettörténeti tanulságaik // *Ethnographia*. 1990. Vol. 101. № 1. Old. 51–74.

ющимся в дальнейшем просвещении потомкам пришедших в Европу восточных кочевников⁴³.

В то же время сами венгры все чаще задумывались о тайне своего происхождения. Однако высказывавшиеся некоторыми учеными гипотезы венгерско-финского родства не находили достаточного понимания ни со стороны политической, ни интеллектуальной элиты венгерского общества, склонной выводить венгерские древности из номадических культур аваров, гуннов или скифов и называть Атиллу одним из своих великих прародителей⁴⁴. Это было в целом неудивительно, поскольку носителем национального импульса в Венгрии выступало преимущественно мелко- и среднепоместное дворянство, из среды которого выделялась образованная часть общества. Сменив саблю на перо, наследники боевой славы древних венгров своими научными изысканиями хотели подтвердить героическое прошлое народа, все чаще пытаясь противостоять «поглочительным» намерениям, исходящим от венского двора⁴⁵. По меткому выражению профессора П. Домокоша «...венгерская интеллигенция настолько сильно, упрямо и агрессивно чуждалась так называемых «родственников воняющих рыбой», насколько глубока и определяющая была их привязанность к знаменитым (в основном, восточным) языкам, культурам и народам»⁴⁶. В этой связи весьма неоднозначно была встречена работа Я. Шайновича «*Demonstratio. Idioma Ungarorum et Lapponum idem esse*», в которой проводилась мысль о венгерско-саамском родстве, продемонстрированном путем сравнения структурно-морфологических элементов исследуемых языков⁴⁷. Несмотря на негативный общественный резонанс, другой венгерский

⁴³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 244–247.

⁴⁴ Преодолеть устоявшийся стереотип восприятия начальных ступеней национальной истории венгерскому обществу удастся только в XX в. После многочисленных экспедиций и затяжных «тюрко-угорских войн» в венгерской науке ученым стоило больших трудов убедить современников в существовании древнего финно-угорского родства. См.: Zsirai M. *Finnugor rokonságunk*. Budapest, 1937.

⁴⁵ Примечательно, что вплоть до 1840-х гг. официальным языком в Венгрии оставалась латынь, являясь по сути дела одним из ключевых бастионов сопротивления имперским властям, пытавшимся распространить немецкий язык в качестве общегосударственного. См.: Гусарова Т.Г. Общество и языковая ситуация в Венгрии в эпоху становления династии Габсбургов (XVI–XVII вв.) // Научные издания Московского венгерского колледжа. М., 2002. II/2. С. 291–299.

⁴⁶ Домокош П. О Шамуеле Дьярмати // Арт (Лад). 2005. № 4. С. 142–143.

⁴⁷ Sajnovics János *Demonstratio az 1770-es nagyszombati kiadás magyar fordítása* / Bibliotheca Reguliana. Vol. 2. Budapest, 1994; Csopor Z. Erinnerung an János Sajnovics der Begründer finnisch-ugrische Sprachwissenschaft // Congressus

компаративист Ш. Дьярмати также показал факты генетического родства уральских языков⁴⁸. К близким выводам пришел и Х.Г. Портан на основе имевшихся в его распоряжении исторических и лексико-грамматических материалов⁴⁹.

Этнические исследования, в частности картографические работы, проводившиеся в России в допетровское время, носили преимущественно прикладной ведомственный характер и были мало известны в Европе, поскольку правительство старалось не допустить утечки, как ему казалось, стратегической информации⁵⁰. Кроме того, распространению достоверных этнографических сведений о стране препятствовали объективные причины военно-политического и конфессионального характера. Проблема обозначилась острее, когда стало ясно, что, по мере расширения страны на Восток, самим российским властям не хватает достоверной информации о новых для них землях с разнородным населением⁵¹. Ситуация начала меняться с приходом к власти Петра I и его преемников, покровительствовавших наукам и заботившихся об издании материалов полевых экспедиций, содержащих ценные лингвистические и этнографические сведения о финно-угорских народах. Пафос эпохи нашел свое отражение в словах одного из первых русских академиков, С.П. Крашенинникова: «Знать свое отечество во всех его пределах, знать изобилие и недостатки каждого места, знать промыслы граждан и подвластных народов, знать обычаи их, веру, содержание и в чем состоит богатство их, также произрастит земля и воды и какими местами к ним путь лежит, — всякому, уповаю, небесполезно, а наипаче нужно великим людям, которые по высочайшей власти имеют попечение о благополучном правлении государства

Internationalis Fenno-Ugristarum II. Helsinki, 1965. S. 14–16; Marcantonio A. The role of János Sajnovics in comparative linguistics: A critical review // *Fenno-Ugristica*. 2004. Vol. 24. P. 151–169.

⁴⁸ Gyarmathi Sámuel Affinitas az 1799-ben Göttingában latinul megjelent mű magyar fordítása / *Bibliotheca Reguliana*. Vol. 3. Budapest, 1994; Farkas J. Sámuel Gyarmathi und die finnisch-ugrische Sprachvergleichung // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse*. Göttingen, 1948. Bd. 3. S.110–136.

⁴⁹ Weöres G. H.G. Porthan und die ungarische Sprache // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1966–1967. Bd. 36. S. 353–354.

⁵⁰ Косвен М.О. Материалы к истории ранней русской этнографии (XII–XVII вв.) // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Труды института этнографии АН СССР. М., 1956. Т. 30. Вып. 1. С. 43–44; Райнов Т. Наука в России XI–XVII веков. М.; Л., 1940. С. 372–373.

⁵¹ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XIV вв. М., 1973. С. 314–317.

и о приращении государственной пользы, ибо когда известно состояние по всем вышеписанным обстоятельствам, то всякого звания люди имеют желаемую пользу»⁵².

Думается, что еще одной причиной развертывания мощной научно-исследовательской географической и этнографической деятельности в России стало заложенное в общественное сознание в эпоху Просвещения представление о некоем цивилизационном зонировании, согласно которому, пользуясь метафорой Л. Вульфа, Западная Европа изобрела Восточную Европу как свою «вспомогательную половину»⁵³. Тогда как для европейцев Поволжье, Урал и в полной мере Сибирь со всей Великой Татарией (или скорее, Тартарией) прочно ассоциировались с неведомой «terra incognita»⁵⁴. Как пишет Р. Уортман, «одним из знаков выхода России «на театр славы всего мира» стало ее участие в европейском проекте географических исследований. В конце XVII в. в центре внимания западных ученых и землепроходцев, занятых поиском путей в Китай, оказалась Сибирь»⁵⁵. Произошедшая в ходе петровской модернизации верхушечная европеизация страны предполагала среди прочих проектов обнаружение и исследование собственных маргинальных колонизируемых зон, ибо продемонстрировать свою цивилизованность можно было, в том числе, путем трансляции западных ценностей далее на Восток. Таким образом, прежнее мифологизированное пространство, этнографические контуры которого были весьма условны (часто обозначаясь такими собирательными названиями как «чудь, чухна, мордва, черемиса, пермь, остяки и др.», под которыми могли скрываться различные этнические группы, обладавшие немалым количеством внешних и внутренних этнонимов), должно было стать обширным полем не только для этнографа, но и для учителя-миссионера и чиновника. Кроме того, отмечавшаяся впоследствии многими наблюдателями «комплементарность» восточных финно-угров с русскими давала власти определенную надежду на скорую их аккультурацию и «обрусение»⁵⁶. С культурологической точки зрения земледельческие восточно-финские народы виделись просветителями как некое

⁵² Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 87.

⁵³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. С. 35.

⁵⁴ См.: Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.

⁵⁵ Уортман Р. Записки о путешествиях и европейская идентичность России // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 33–34.

⁵⁶ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 65, 71.

переходное звено, сообщающее западные импульсы за Урал и передающее сведения о Сибири в европейскую часть, то есть туда, где они осмысливались и приобретали печатную или картографическую форму.

Резюмируя вышесказанное, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что интеллектуальный прорыв, совершенный наукой в эпоху Просвещения, способствовал не только разрушению замкнутой европоцентричной модели истории, но и кумуляции разрозненных знаний в рамках национальных исследовательских институтов. Программные заявления просветителей, их философия и практическая деятельность, несмотря на глобальность цели, неизбежно приближали время национальной истории и культуры. Начатое просветителями движение к высотам разума, предполагало распространение среди самых разных народов чувства сопричастности к всеобщей истории, что неизбежно вело к закреплению в умах идеи равенства культур⁵⁷. Как мне представляется, не менее значимым явлением эпохи, чем формирование научного интереса этническому многообразию окружающего мира, стало развитие в рамках отдельных многонациональных государств понимания того, что призрачные универсальные модели далеко не всегда приносят искомый результат. Словом, гибкость и приспособляемость просветительской идеологии к местным условиям позволила ей завоевать обширные пространства по обе стороны Урала.

Идея Академии: Рационализация различных отраслей знания в эпоху Просвещения потребовала принятия новых организационных форм, способных объединить и направить творческий потенциал космополитичного ученого сообщества на решение насущных практических задач. Наиболее продуктивной в этом отношении виделась идея создания Академии наук⁵⁸. Европейский опыт свидетельствовал о том, что инкорпорация академических институтов в традиционную систему науки и образования позволяла ожидать значительного прогресса в деле освоения материальных и духовных ресурсов страны. На это, в частности, указывал пример, связанный с деятельностью Г.В. Лейбница на посту президента Берлинской Академии наук. Встречи и почти двадцатилетняя переписка Г.В. Лейбница с Петром I свидетельствуют о масштабе влияния немецкого ученого на грядущий российский академизм.

Уже после первой встречи в Торгау в 1711 г. Лейбниц, покоренный «властелином, призванным более, чем всякий другой, споспешествовать мировой цивилизации в обширном смысле этого слова», убеждает

⁵⁷ *Nisbet H.B.* Herder: the nation in history // *National History and Identity. Studia Fennica: Ethnologica.* Helsinki, 1999. Vol. 6. P. 85–88.

⁵⁸ См.: *Кузнецова Е.В.* Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // *Вопросы философии.* 1989. № 3. С. 49–64.

царя, среди прочих инновационных проектов, заняться организацией «республики ученых»⁵⁹. По его мысли, находясь под покровительством просвещенного монарха, Академия должна стать подлинным центром научной активности в России, открывая ученым мужам далеко идущие перспективы. Увлеченный поисками изначального языка человечества, Лейбниц предполагал, что изучение российских этнолингвистических материалов позволит пролить свет на события древней истории народов, живущих в стране «великого государя»⁶⁰. Практические советы, поступавшие от европейских ученых, совпадали с интеллектуальным этосом царя, сочувствовавшего настроениям его корреспондентов. Неслучайно, став в 1719 г. почетным членом Парижской Академии наук, Петр I в ответном благодарственном послании академикам, писал: «...ничего больше не желаем, как чтоб чрез прилежность, которую мы прилагать будем, науки в лучший цвет привести»⁶¹. Еще до учреждения Академии наук российские власти делали определенные шаги по собиранию исторических материалов. В частности, хорошо известны петровские указы 1717–1721 гг. о приеме за вознаграждение разного рода «куриозных вещей» и древностей⁶². Следует подчеркнуть тесную связь этих мер с характерным для классической эпохи интересом к составлению частных коллекций «дикинов» и «антиков», логическим продолжением которого явилось формирование фондов первого российского музея – Петровской Кунсткамеры⁶³. Уже в несколько ином, идеологическом ключе можно рассматривать петровские распоряжения о снятии копий с древних актов и летописей, переводе и публикации известий иностранцев о России и поручение Я.В. Брюсу вступить в переговоры с Лейбницем о проведении специального исследования по вопросу происхождения русского народа⁶⁴.

Академия наук, основанная в Российской империи сенатским указом 1725 г., стала одним из немногих государственных институтов, где

⁵⁹ Зубков К.И. Церковь и государство в поле культурной диффузии: предпосылки петровской модернизации // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 12.

⁶⁰ Richter L. Leibnitz und sein Russlandbild. Berlin, 1946. S. 76–87; Hegedus J. Leibniz and the Finno-Ugrians // Magyar Nyelv. 2004. Vol. 4. P. 395.

⁶¹ Колмов Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР (1724–1917). М., 1977. Т. 1. С. 26.

⁶² ПСЗ. Т. 5. С. 541–542; Т. 6. С. 358.

⁶³ См.: Шафрановская Т.К. О сокровищах Петровской Кунсткамеры // Советская этнография. 1965. № 2. С. 188–205.

⁶⁴ Емельянов Ю.Н. Историческая проблематика периодических изданий Академии наук // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1978. С. 214.

модель власти как суверенного закона, устанавливающего предел естественной свободе, приобрела иную перспективу, объединяя усилия ученых «скептиков и критиков». Академия оказалась учреждением, приемлющим личностную автономность, наряду с общим стремлением участников научного процесса к релевантному результату⁶⁵. Одновременно Академия в качестве одного из имперских проектов обеспечивала людям свободных профессий и нередко низкого происхождения доступ на государственную службу и право говорить от имени власти научным языком⁶⁶. Согласно высочайше одобренному проекту, академическое учреждение должно было состоять из трех классов: математики, физики и гуманиора, причем последний класс включал в себя элоквенцию и «студиум антиквитас», историю древнюю и современную, а также право, политику и этику⁶⁷. Несмотря на предложенное разделение сфер ответственности, при решении масштабных государственных задач академики придерживались принципа универсализма. Наглядным подтверждением тому служат академические экспедиции, в ходе которых историко-этнографическими исследованиями занимались чаще всего представители естественнонаучных дисциплин. Поддерживаемой государством интеллектуальной элите было позволено более или менее свободно выражать свои мысли на страницах печатных изданий, организовывать дискуссии по острым вопросам социальности, не опасаясь скорого суда и расправы. Академическая свобода проявилась еще в том, что в 1759 г. была утверждена новая категория сотрудников – членов-корреспондентов, которые могли способствовать приросту знаний своими трудами, выполняемыми инициативным путем, без отрыва от основных занятий, часто не связанных с наукой и образованием.

Первым членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук стал «товарищ» Оренбургского губернатора, затем главный командир Екатеринбургских заводских правлений П.И. Рычков, с именем которого связано начало региональных исследований в России⁶⁸. Опираясь на научный авторитет двух историков – своего непосредственного начальника по службе В.Н. Татищева и многолетнего друга – акаде-

⁶⁵ См.: *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977.

⁶⁶ *Рибер А.* Сравнивая континентальные империи // *Российская империя в сравнительной перспективе.* М., 2004. С. 50.

⁶⁷ Проект Положения Академии наук и художеств // *История СССР.* 1974. № 2. С. 98.

⁶⁸ *Пекарский П.П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова // *Сб. статей Отд. русского языка и словесности Академии наук.* СПб., 1868. Т. 2. № 1. С. 1–184; *Мильков Ф.Н.* П.И. Рычков. Жизнь и географические труды. М., 1953; *Матвиевский П.Е., Ефремов А.В.* Петр Иванович Рычков (1712–1777). М., 1991. С. 53, 115–116.

мика Г.Ф. Миллера, – Рычков предпринял успешную попытку открытия своим просвещенным читателям локального измерения истории⁶⁹. Используя местную документальную базу и личные полевые наблюдения, он коснулся в том числе этногенетических и этнополитических проблем связанных с историей финно-угорских народов поликультурного Урало-Поволжского региона. Он осознавал подготовительную сущность своих розысканий, отмечая в своем «Опыте Казанской истории», что «великая окружность Казанской губернии, в которой заключаются разные провинции, многие города и жительства, да и разность находящихся тут народов, требует великого труда и старания, чтоб к описанию оных, по их прежнему и нынешнему состоянию, собрать нужные сведения. Все сие с полными обстоятельствами не может учинено быть скоро, но надобно исподволь и помаленьку приготавливать к тому материи. Пускай сперва будут они собираемы не по порядку мест и порознь, как что случится, по собранию оных не будет уже большого затруднения, не только в том, чтоб привести их в надлежащий порядок, но и в сочинении на всю оную пространную губернию полной и обстоятельной топографии с историческими и географическими известиями»⁷⁰.

Финно-угорская научная проблематика стала неотъемлемой частью исторических исследований в России, вне зависимости от того, к какому течению или научной школе принадлежали ученые. Неслучайно, академики Г.З. Байер и Г.Ф. Миллер посвятили немало времени изучению славяно-финно-угорских взаимоотношений, а их извечный оппонент М.В. Ломоносов начинает свою «Древнюю Российскую историю...» со слов ставящих знак равенства между «...старобытными в России обитателями, славянами и чудью»⁷¹. Так, постепенно включаемое в структуру академического интереса финно-угроведение приобретало дисциплинарный характер, определяемый реализацией научных проектов и наличием оплаченного государством заказа. Успехи, достигнутые Академией наук в области изучения ресурсов страны, позволили поставить во второй половине XVIII в. более амбициозные задачи, в частности выдвинуть план «Общего исторического описания Российского государства». На первом этапе предполагалось выделить

⁶⁹ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 95–99; Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. С. 55, 205.

⁷⁰ Опыт Казанской истории древних и средних времен, сочинен Петром Рычковым. СПб., 1767. С. 187.

⁷¹ Древняя Российская история от начала российского народа до кончины князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым статским Советником, Профессором Химии и Членом Санктпетербургской Императорской и Королевской Шведской Академий наук. СПб., 1766. С. 5.

«наиважнейшие» направления изучения отечественной истории, а на втором этапе приступить к изучению истории конкретных народов империи, обращая пристальное внимание на происходящие с ними «особые перемены»⁷². Так, в формулировках протокола исторического департамента Академии, предшествовавшего Физической экспедиции (1768–1774 гг.), в качестве одного из перспективных направлений исследований выделялись так называемые финские народы – «Nations finlandaises», под которыми понимались финны Выборгской и Санкт-Петербургской губерний, эстонцы Таллиннской губернии и части Ливонии, ливы Рижского уезда, а также «Nations qui descendent, à juger par la langue qu'elles parlent, des Finlandois» в составе саамов, коми, удмуртов, мари, чувашей, тептярей, мордвы, хантов и манси⁷³. Вместе с тем, возможность для последующих теоретических конструкций и практических реконструкций находилась в прямой зависимости от способности академиков самостоятельно добывать опытный материал⁷⁴. Одним словом, идея экспедиции как специального «ученого путешествия», предоставляющего возможность для непосредственного наблюдения, в буквальном смысле витала в научной атмосфере эпохи.

Что же касается развития академических институтов в Венгрии и Финляндии, то при всей активности просветителей их инициативы могли реализоваться лишь при более благоприятной политической обстановке и, наверное, никак не ранее того времени, когда народ (или, скорее, его образованная часть) осознает себя нацией⁷⁵. Тем не менее, уже в конце XVIII в. венгерский писатель-патриот Д. Бешшени выступил со статьей «Благочестивые намерения в отношении венгерского общества», в которой, наряду с программой всеобщего образования, заметное место отводилось созданию национальной Академии. Главной задачей этого учреждения он видел заботу о языке, отмечая, что «...для большинства людей, которые не имеют возможности изучить много языков, – это родной язык каждой страны. Его усовершенствование должно быть первым делом для той нации, которая хочет рас-

⁷² Щетинина Г.И. Центры изучения истории в дореволюционной Академии наук // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1978. С. 197.

⁷³ Branch M. The Academy of Science in St. Petersburg as a center of Finno-Ugrian studies 1725–1860. // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1995. Vol. 86. P. 70.

⁷⁴ Zagrebin A. Researcher and Power, or about some Peculiarities of Finno-Ugric Fieldwork in Russia // Kultuur ja võim. ERM 46. konverents. Tartu, 2005. P. 46–47.

⁷⁵ Как отмечал один из исследователей венгерского национального движения П. Игнотус «Нация рождается тогда, когда небольшая группа людей решает, что ей надлежит быть». Цит. по: Ignotus P. Hungary. N.Y., 1975. P. 44.

пространять науки среди жителей для их благополучия»⁷⁶. Венгерская Академия наук, основанная в 1825 г., воспримет идеи просветителей, направив героико-романтические интересы своих членов в русло научного исследования венгерского языка и его связей с культурами родственных народов. Финляндская наука длительное время сохраняла университетские черты, то есть образ образовательного учреждения, развивающего собственные научные школы, берущего начало от основанной в 1640 г. Академии в г. Або/Турку и далее к Императорскому Александровскому университету в г. Гельсингфорсе/Хельсинки⁷⁷. Однако, масштаб начатых исследований, нацеленных на идентификацию финнов в историческом и географическом пространстве, вскоре заставил финляндских ученых искать интеграции с правительственными органами и имперскими научными центрами. Неслучайно, многие финские исследователи языка и культуры финно-угорских народов, отправлялись в длительные экспедиции по России, опираясь на поддержку своего университета, властей автономии и Санкт-Петербургской Академии наук. При этом, большая часть из них стремилась сочетать преподавательскую деятельность с интенсивными полевыми изысканиями и разработкой фундаментальных проблем этногенетического характера.

Идея экспедиции: Прежде всего, необходимо было расстаться с привычной организацией научного труда и отправиться в полную неизвестности дорогу. Пожалуй, наиболее точно по этому поводу высказался А.Л. Шлёцер, отметивший, что шаги истории надлежит прослеживать не столько по военным дорогам завоевателей, сколько по проселкам, по которым незаметно крадутся купцы, миссионеры и путешественники⁷⁸. От себя добавим – и этнографы, и фольклористы, и археологи.

Развившаяся из западноевропейской традиции фиксирования путевых наблюдений экспедиция создала абсолютно новый тип исследовательских процедур, ныне известный как полевая работа⁷⁹. Кроме того, она привела

⁷⁶ Рев М. Сходство и различия в развитии идей Просвещения в России и Венгрии второй половины XVIII века. С. 74.

⁷⁷ Берендтс Э. Императорский Александровский университет в Финляндии: Очерк его организации и значение в общественной жизни Финляндии. СПб., 1902; Книпович Н. Гельсингфорский университет // Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф.А. и Эфрон И.А. СПб., 1896. С. 251–252.

⁷⁸ August Ludwig von Schlözer und Russland // Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Hrsg. von E. Winter. Berlin, 1961. Bd. 9. S. 10.

⁷⁹ Склонность к перемене мест была особенно присуща немецким ученым. А.Л. Шлёцер считал ее одним из своих «национальных достоинств», которое привело его в Россию. Кроме того, опыт «благородного путешествия» с познавательными целями позволял сформировать не только ментальную карту исследуемого региона, но и составить коллекцию (кунсткамеру) экзотических вещей

к появлению такой системы взаимоотношений, которую можно определить как «экспедиционное товарищество». Университетский, затем академический корпоративизм был связан с иерархией, экспедиция же подразумевала разрыв с традиционной схемой отношений. Экспедиционное равенство вместе с тем не препятствовало проявлениям лидерства, но лидерства, обусловленного не борьбой за власть и имущество, а основанного на готовности принять чужой авторитет, пусть не всегда подкрепленный чинами и рангами, но способный обеспечить эффективную жизнедеятельность научного коллектива, находящегося в полевых условиях, нередко в агрессивной социальной и экологической среде⁸⁰. С течением времени лидеры экспедиции могут сами превратиться в субъекты, персонифицирующие историю науки, чей мифологизированный жизненный путь будет увлекать в дорогу новые поколения ученых.

В истории финно-угорских исследований рассматриваемого периода найдется немало примеров, иллюстрирующих деятельность «экспедиционных товариществ». Одним из наиболее ранних опытов такого рода была поездка Д.Г. Мессершмидта по Сибири (1720–1727 гг.)⁸¹. Будучи на первых порах «полководцем без армии», Мессершмидт именно в экспедиции нашел родственные души таких же скитальцев, правда, в отличие от него, подневольных. Пленные шведы с готовностью приняли предложение своего гражданского товарища пойти в неизвестность, приняв его верховенство не только по причине начальственного статуса, но и учитывая его духовные качества, безусловно, усиленные их общим пиетическим настроем⁸². Ученый, в свою очередь, разделил с ними не только все тяготы сибирского странствия, но и поделился собственными знаниями. Знаниями, которые в сочетании с «полем», сформировали его «верного драбанта» – Ф.И. Страленберга

(паритетов), которые можно было с успехом демонстрировать знакомым, иллюстрируя свои рассказы (экскурсии). См., подробнее: *Stagl J.* Das Reisen als Kunst und als Wissenschaft (16.–18. Jahrhundert) // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. 1981. Bd. 61. S. 78–92; *Stagl J.* Der wohl unterwiesene Passagier. Reisekunst und Gesellschaftsbeschreibung von 16. bis zum 18. Jahrhundert // *Reisen und Reisebeschreibungen im 18. und 19. Jahrhundert als Quellen der Kulturbeziehungsforshung*. Berlin, 1987. S. 353–384.

⁸⁰ *Загребин А.Е.* Полевая этнография: история – теория – практика. Ижевск, 2003. С. 5–9.

⁸¹ *Winter E.* Die wissenschaftliche Erforschung Sibiriens in der Petrinischen zeit. Die Sieben Jahrige Forschungsreise D.G. Messerschmidts durch Sibirien (1720–1727). M., 1971.

⁸² *Hämäläinen A.* Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karl XII. über die finnisch-ugrischen Völker // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1937–1938. Vol. 49. S. 7–8.

как исследователя, выросшего до собственных оценок собранного материала. Несколько иной пример экспедиционного товарищества представляет история поездки руководителей сухопутного отряда «Великой Северной (2-ой Камчатской) экспедиции» (1733–1744 гг.) – Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина. Будучи по началу малоопытными и в какой-то мере легкомысленными молодыми людьми, чье мировоззрение с успехом сочетало авантюризм и традиционную немецкую работоспособность, они в дороге проделали огромную работу, прежде всего над собой. Преодолевая свою абстрагированность от этнокультурного окружения, участники экспедиции смогли реализовать амбициозные планы по описанию необъятных пространств Восточной России слывшей, с точки зрения европейской историографии «...под именем Татарии». Как писал об этом профессор Гмелин «...все народы, в ней обитавшие, почитались за татар; не знали даже, как далеко (на восток) тянется суша и продолжается ли она до Америки или отделяется от нее морем»⁸³. Великая Северная экспедиция не знала себе равных по поставленным задачам, а, как оказалось позже, и по обилию собранных материалов. Причем, многие этнографические сведения, полученные сотрудниками Академии наук в Поволжье, на Урале и в Сибири, будут положены в основу грядущих финно-угорских исследований.

Поколение, пришедшее в российскую академическую науку во второй половине XVIII в., было так же, как и их предшественники, увлечено идеей экспедиции, где просветительские цели сочетались с государственной необходимостью (предусматривая научное описание всей империи с точки зрения истории, управления и административного деления, физической географии и экономики, включая зоологию и ботанику)⁸⁴. В качестве одного из направлений выделялись исследования сравнительного характера по выявлению связей между угорскими и финскими народами. Работа, развернутая отрядами Физической экспедиции (1768–1774 гг.), дала не только богатый эмпирический материал, отображенный в «Дневных записках» И.И. Лепехина, «Путешествии по разным провинциям Российской империи» П.С. Палласа, «Журнале и путевых записках» Н.П. Рычкова, записках И.П. Фалька, но и ряд новых идей⁸⁵. Так, на основе полученного полевого опыта можно было уже приступить к первичному осмыслению собранных

⁸³ *Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Erste Theil. Göttingen, 1751; Цит. по: Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 5.*

⁸⁴ *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР (1724–1917). С. 119–120.*

⁸⁵ *Токарев С.А. История русской этнографии (Доктябрьский период). М., 1966. С. 94–96.*

материалов. Результатом предпринятой академиком И.Г. Георги систематизации стал фундаментальный этнографический труд, первый том которого был непосредственно посвящен финно-угорским народам империи⁸⁶. Кроме того, особой академической комиссией была высказана мысль о перспективности перехода от длительных маршрутных путешествий к региональным экспедициям. Дополнительную динамику в этой связи могли получить полевые финно-угорские исследования, для поддержки которых необходимы были специалисты⁸⁷. Логическим продолжением данной идеи стало конкретное предложение совместить академический интерес и стремление финских ученых глубже прояснить историческое и культурное прошлое своего народа.

В 1795 г. П.С. Паллас от имени Санкт-Петербургской Академии наук обратился к продолжателю шлёцеровской научной традиции, профессору Х.Г. Портану, снискавшему известность своими феннофильскими взглядами, приехать в Россию, чтобы заняться изучением родственных финнам народов⁸⁸. К сожалению, имевшая место политическая напряженность между странами, почтенный возраст и неуверенность в состоянии здоровья не позволили Портану принять это предложение. Вместе с тем, Портан выразил надежду, что наверняка найдется некий «...разумный молодой человек, который сможет осуществить это путешествие прежде, чем эти различные народы окончательно ассимилируются с русскими»⁸⁹. Этот ответ, кроме известного пессимистического (просветительского) настроя относительно будущего российских финно-угров, подразумевал и другое⁹⁰. А именно – будущее финно-угорских иссле-

⁸⁶ *Georgi J.G.* Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religionen, Gebrauche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. I–IV. St.-Petersburg, 1776–1780; Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1–3. СПб., 1776–1778.

⁸⁷ *Branch M.* The Academy of Science in St. Petersburg as a center of Finno-Ugrian studies 1725–1860. P. 69–73.

⁸⁸ *Setälä E.N.* Dem Andenken H.G. Porthans // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1904. Bd. 4. S. 5–6.

⁸⁹ Цит. по: *Branch M. A.J.* Sjögren studies of the North // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1973. Vol. 152. P. 26.

⁹⁰ В 1782 г. Х.Г. Портан писал: «Первый шаг заключается в том, чтобы овладеть русским языком, ибо на нем появляются грамматики и лексиконы тех финских наречий, на которых говорят финские народности, живущие в России; но чтобы разобраться в том, что действительно является финским, надобно знать также татарско-турецкий, монгольский и прочие языки». Цит. по: *Карху Э.Г.* Постановка проблемы финско-русского научно-культурного сотрудничества в конце XVIII – начале XIX в. // Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1980. С. 142.

дований зависит не только от дальнейшего поиска и обработки полевых материалов, но и от своевременного появления новой генерации исследователей, способных взять на себя инициативу по решению ранее выявленных научных задач.

Идея классификации: Накопление информации неизбежно приближает науку к классификации типологически сходных данных, придавая им вид определенной логической схемы. Тем более, что миропорядок понимался европейскими энциклопедистами, естествоиспытателями, просветителями как великое множество вещей, которые необходимо было описать и систематизировать по единой методе. Благодаря принятой учеными на вооружение системе изложения, обнаруживалось, что хаос эмпиризма можно обуздать с помощью «таблиц», связывающих вещи с текстом и речью. Данное обстоятельство, по мнению М. Фуко, стало новым способом создания истории⁹¹. Другой французский исследователь – Л. Пэнто – отмечал, что в XVIII в. почти по всей Европе между государством и учеными был заключен негласный союз, обеспеченный тем, что работа по классификации преследовала одновременно познавательные и сугубо практические цели. Классификация позволяла принимающим решения быть информированными о состоянии населения, на которое будет направлено властное действие⁹². Наука, в свою очередь, брала на себя ответственность путем регистрации и инвентаризации предоставлять заказчику сведения, позволяющие ему действовать рационально, в плане контроля и прогнозирования социальной реальности.

Вышеописанное положение вещей было присуще и для Российской империи, чей полиэтнический, поликонфессиональный и сословный состав населения предоставлял властям различные возможности для политического маневра⁹³. Но то, что касалось «чистой науки», как отмечал один из «авторов» выше охарактеризованного союза Г.В. Лейбниц, «...многие дельные авторы пишут так, что все их рассуждения могут быть сведены к делениям и подразделениям, при этом они пользуются методом, имеющим отношение к родам и видам и служащим не только для запоминания вещей, но и для того, чтобы находить их»⁹⁴. Зародившись в недрах естественных наук, страсть к классифика-

⁹¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 161.

⁹² Пэнто Л. Государство и социальные науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 5. С. 106.

⁹³ Kappeler A. Russia as a multi-ethnic Empire: Classifying people by Estate, Religion and Ethnicity (1760–1855) // Research and Identity. Non-Russian Peoples in the Russian Empire 1800–1855. Kouvola, 2006. P. 29.

⁹⁴ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Сочинения. М., 1983. Т. 2. С. 292.

ции распространилась на всю гуманитарную сферу посредством лингвистики, занявшей вскоре приоритетное место в историко-культурных исследованиях. Не случайно классиками ранней финно-угристики являлись астроном-математик – Я. Шайнович и медик-ботаник – Ш. Дьярмати⁹⁵. А.Л. Шлёцер, в годы учебы в Упсале также увлекавшийся ботаникой, так указывал на источник своих классификационных опытов: «я не вижу лучшего средства объяснения хитросплетений древней и средневековой истории, чем применение Линнейевского метода, то есть, составляя системы народов по классам и родам»⁹⁶. Особый интерес в этой связи представляет попытка венского лингвиста Л. Эрваса-и-Пандуро классифицировать языки по их элементарным структурам – матрицам. Этот подход базировался на убеждении в существовании древних и неизменных типов языковых структур⁹⁷. Таким образом, была выдвинута универсальная гипотеза о неразрывной связи истории языка и истории человечества. Обнаруженная учеными XVIII в. множественность признаков этнической номенклатуры, включавшая произведения материальной и духовной жизни народов, тем не менее, всегда опиралась на универсальный этнодифференцирующий признак языка. Например, когда И.Г. Георги описывал финно-угорские народы, распространенные от Прибалтики и Баренцева моря до Оби и Иртыша, он постоянно подчеркивал, что эти во многом разнящиеся народы происходят от одного корня, от одного «Финского языка», то есть языка-основы.

Одна из первых попыток построения этнолингвистической классификации в региональном разрезе была предпринята Д.Г. Мессершмидтом в начале 1720-х гг. В ходе сибирской экспедиции ученым было выделено 4 основных класса, или группы народов – древние гунны и скифы; арабы, сарматы и скифы; азиатские обские скифы; восточные или северо-восточные скифы. Известные ему финно-угорские народы – ханты, удмурты, марийцы и манси – были отнесены к первому классу. Придерживаясь своей классификации, доктор Мессершмидт рассматривал Сибирь (по традиции включая в этот регион уральские земли) как арену этнических миграций. Таким образом, выделенные им этнические группы не были исторически статичны, интенсивно взаимодей-

⁹⁵ Загребин А.Е. Классификация как новый способ конструирования науки (наблюдение из истории финно-угроведения) // Семиозис и культура. Сыктывкар, 2006. Вып. 2. С. 33–34.

⁹⁶ Weithmann M.W. Fenno-Ugrica in August Ludwig Schlözers «Allgemeine Nordische Geschichte» // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 1983. Bd. 7. S. 186; Михина Е.М. Август Людвиг Шлёцер до его приезда в Россию в 1761 г. // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1981. С. 270–271.

⁹⁷ Stipa G.J. Finnisch-Ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1990. Vol. 206. S. 158.

ствуя и смешиваясь⁹⁸. Согласно воспринятой им идее скифского происхождения большинства народов Восточной России, Мессершмидт определял местные курганные захоронения как скифские, но в то же время он не был готов окончательно расстаться с гипотезами предшествующей эпохи, например, о возникновении сибирских памятников в ходе миграций китайцев, персов, ранних христиан и даже исчезнувших израильских племен.

Наиболее популярной этнолингвистической классификацией в истории финно-угроведения стал опыт, предпринятый в 1730 г. Ф.И. Страленбергом. Опровергая сложившееся в европейской историографии мнение о том, что население необъятной Северо-восточной Евразии представлено лишь татарами, он с помощью вынесенной в приложение своей книги сравнительной таблицы «*Tabula polyglotta/Harmonia linguarum gentium boreo-orientalium vulgo tatarorum*» классифицирует в 6 группах/классах лексические материалы из 32 языков. Сопоставляя числительные от 1 до 10–20 и наиболее распространенные существительные (бог, отец, мать, род, огонь, вода, земля, ветер, солнце, луна, ночь, день и т.д.), автор не только раскрывает использованный им в таблице метод построения, но и отмечает значение своего опыта классификации в деле изучения древней истории⁹⁹. Высказанные им предположения по сей день являются побудительными мотивами для научных дискуссий в области урало-алтаистики и финно-угроведения¹⁰⁰. Ясно, пожалуй, только одно: объединенные им языки народов «гуннской группы» (мордвы, марийцев, коми-пермяков, удмуртов в Европе, манси, хантов и барабинских народов в Азии, совместно с финнами, саамами, эстонцами, венграми, а также с ливами) составляют этноязыковое единство¹⁰¹.

Своей классификацией Страленберг выразил одну из ключевых идей финно-угроведения о том, что народы, говорящие на родственных языках, в настоящее время живущие частью в Сибири и частью в Европе, в древности составляли один народ, одну культуру, пережитки которой, скорее всего, существуют и поныне. Вместе с тем, необходимо отметить, что работа Страленберга, вопреки распространенному

⁹⁸ Титова З.Д. Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д.Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Труды института этнографии АН СССР. М., 1978. Вып. 8. С. 8.

⁹⁹ Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг: его работы по исследованию Сибири. М.; Л., 1966. С. 74–76.

¹⁰⁰ См.: Manaster Ramer A., Sidwell P. The truth about Strahlenberg's classification of the languages Northeastern Eurasia // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1997. Vol. 87. P. 139–160.

¹⁰¹ Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 32.

мнению, опиралась не только на сопоставление лингвистических данных, но и на другие критерии. Так, например, народы четвертой группы – калмыки, монголы, тангуты и маньчжуры – были объединены не по языковому, а религиозному признаку и принадлежности к единой древней общности. Народы Южной и Северо-Восточной Азии, имеющие мало общего в языковом отношении, образовали пятую группу в силу административной подчиненности властей Сибирской губернии¹⁰². В основу выделения шестой группы народов, обитавших между Черным и Каспийским морями, был также положен преимущественно территориальный принцип

Современник Страленберга, русский ученый и государственный деятель В.Н. Татищев, к вопросам происхождения и классификации народов также подходил с историко-лингвистической точки зрения, порывая с прежней традицией, возводившей происхождение современных европейских и других народов к библейской истории о Ное и его сыновьях. Татищев отмечал: «...оное весьма сумнительно; ибо чрез так много 1000 лет народы преходя мешались, иногда пленниками и покоренными себе размножались, иногда пленением и обладанием от других язык свой переменить и оставить принуждены были»¹⁰³. И далее: «Доказывать языками произшествие народов есть между всем наилучший способ», пишет он, веря в непрерывность исторического процесса на территории европейской и азиатской России и, что древние народы «не исчезли, но где-либо под другими именами дондесь остались»¹⁰⁴. Татищев дает классификацию всех народностей и племен, живущих в Российской империи, выделяя 3 большие группы – скифы, сарматы и славяне. К «скифам», помимо ряда древних народов, в основном были отнесены тюрко-монгольские народы, к потомкам «сарматов» – финны, вотяки, болгары, весь, емь, корелы, меря, мордва, мешера, мурома, чудь, югра и т.д., то есть в основном финно-угорские народы¹⁰⁵. В своей работе «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ» он пояснял: «Главной поданных русских язык сарматской, по сей день употребляют разные народы, яко финны и корелы, лапландцы и самоеды, вотяки, пермяки, зыряне, вогуличи, остяки, мордва, чувашы, черемисы и пр.»¹⁰⁶.

¹⁰² Вдовин И.С. История изучения палеоазиатских языков. М.; Л., 1954. С. 16.

¹⁰³ Цит. по: Степанов Н.Н. В.Н. Татищев и русская этнография // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Труды института этнографии АН СССР. М., 1956. Т. 30. Вып. 1. С. 81.

¹⁰⁴ Там же. С. 82.

¹⁰⁵ Татищев В.Н. К примечаниям на Страленберга // Татищев В.Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 401.

¹⁰⁶ Татищев В.Н. Избранные сочинения. Л., 1979. С. 102.

Скифская принадлежность языка и культуры «чудских народов», под которыми понимались ливы, эстонцы, ингры, финны, карелы, саамы, коми-пермяки, марийцы, удмурты, коми-зыряне, ханты и венгры, была очевидна и для М.В. Ломоносова¹⁰⁷. Подробно рассматривая и сопоставляя сведения о скифах, содержащиеся в работах античных авторов и средневековых хронистов, Ломоносов пишет о былом могуществе Чуди на европейском Северо-востоке, миграциях и славяно-финских взаимовлияниях.

Суммировавший на страницах «Всеобщей Северной истории» открытия своих предшественников А.Л. Шлёцер выделил четырнадцать групп финно-угорского происхождения, включая саамов, финнов, карелов, эстонцев, ингров, ливонцев, зырян, пермяков, вотяков, черемисов, мордву, вогулов, остяков и венгров. Он попытался подвести своеобразную итоговую черту под начальным этапом этноязыковой классификации, хотя и оставил немало свободных мест для последующих интерпретаций¹⁰⁸. Например, язык чувашей, следуя ранее сложившемуся мнению, он связал с волжско-финским языковым субстратом, хотя его российский коллега и корреспондент И.Э. Фишер отмечал серьезное отличие чувашского языка от языков «чудского корня», поскольку обнаруживал в нем преобладание тюркского компонента¹⁰⁹.

Фишер, обладавший личным полевым материалом, собранным в сибирской экспедиции в 1740–1745 гг., писал о том, что языки обско-угорских народов имеют много общего с «чудским языком»: «...то есть с языком тех народов, которые в разных своих диалектах показывают однако всеобщее начало и одинаковое происхождение: я разумею

¹⁰⁷ Древняя Российская история от начала российского народа до кончины князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым... С. 32–40.

¹⁰⁸ *Farkas J. Eräs suomalais-ugrilaisen tutkimuksen kukoistusaika 1700-luvulla // Virittäjä. 1952. S. 153–164.*

¹⁰⁹ И.Э. Фишер писал по этому поводу: «Чувашский язык наиболее разнится от языка других народов. Почти можно бы было почесть его за Татарский диалект: много в нем собственного, а протчия слова, которых очень не много, суть Чудския. Однако не думаю я, чтоб Чувашский первоначальный язык имел нечто общее с Татарским: ибо Чуваши по всему виду прежде поселились в той земле, нежели Татара: но они забыв древний свой язык для долговременного между Татарами пребывания, смешали его с их языком: так сделалось и с башкирцами, у которых едва приметить можно, что в древния времена говорили они другим, а не Татарским языком». Цит. по: Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-Петербургской Академии наук и профессором древностей и истории, также членом исторического Геттингенского собрания Иоганном Ебергардом Фишером. СПб., 1774. С. 76.

Эстландцов, Финнов, Лапландцев, Зырян, Пермьяков, Вотьяков, Черемису, Мордву и Чуваш...»¹¹⁰. Гипотетичность происхождения чувашей была не единственной проблемой ученых-классификаторов XVIII в. Не менее остро вставала проблема доказательства родства обско-угорских народов и венгров и происхождения башкир, подсказанная тем же И.Э. Фишером. Сопоставляя данные русских летописцев со сведениями средневековых немецких и венгерских историографов, предполагая, что в древности югры (предки венгров) и манси жили совместно на р. Урал, Фишер резюмирует: «Ежели по тому Югры и Вогуличи один народ, и ежели сии Югры прародители нынешних Венгров, то не оспоримо следует, что древние Вогуличи в разсуждении нынешних Венгров тоже самое суть»¹¹¹. В подтверждение своей гипотезы он приводит сравнительную таблицу, в которой сопоставляет произнесение слова «Бог» и числительные от 1 до 10, 100 и 1000 в венгерском, мансийском, хантыйском, удмуртском, марийском и финском языках¹¹². Что касается происхождения башкирского народа, исследователь отмечал: «О башкирцах кроме того известно, что происходят они не от Татар, хотя ныне говорят по Татарски; чего ради они от Киргизких Козаков, своих соседей, называются Уштяки (Остяки) т.е. чужестранцы. И я не сомневаюсь, что, если бы были у нас остатки древняго башкирского языка, то нашлись бы в нем многие следы ныняшнего Венгерского языка, как сие известно в разсуждении Вогуличей, и других Чудских народов; ибо в Венгерском языке почти половина представляющихся глазам и каждому известных вещей означает Чудскими, и особливо Вогульскими словами»¹¹³. Обобщающий труд Фишера «*Vocabularium Sibiricum*» охватывал лексические материалы 40 различных языков, дополненных пространными справками этно- и топонимического содержания и стал одним из первых опытов создания этимологического словаря финно-угорских языков¹¹⁴.

На этом пути бывали и ошибки, как это случилось, например, с М.В. Ломоносовым, включившим в число «чудских поколений» аваров¹¹⁵. Аналогичный случай имел место с латышами, которые были

¹¹⁰ Сибирская история с самого открытия Сибири... С. 78.

¹¹¹ Там же. С. 75–76.

¹¹² Там же. С. 81.

¹¹³ Там же. С. 76.

¹¹⁴ Fischer J.E. *Vocabularium Sibiricum* (1747) // *Opuscula Fenno-Ugrica* Gottingensia III. Hrsg. von J. Gylya. Göttingen, 1987; Гужа Я. Краткий очерк истории сравнительного финно-угорского языкознания // Основы финно-угорского языкознания. М., 1974. Т. 1. С. 61–62.

¹¹⁵ Древняя Российская история от начала российского народа до кончины князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым... С. 39–40.

отнесены И.Г. Георги к числу народов финского происхождения. Некоторые ученые пытались идти дальше типологических поисков, в частности, финский историк Х.Г. Портан, не ограничившись констатацией фактов этногенетического родства племен «чудского корня», обратил внимание исследователей на актуальность поисков прародины, в сопоставлении с нынешними местами расселения финно-угорских народов¹¹⁶. Одним словом, все возрастающее бережное отношение науки к ранжированию и каталогизированию создавало некую новую модель, с успехом поглощающую плоды ученой любознательности. Принцип таксономии подсказывал дальнейшие шаги по интерпретации собранных в полевых условиях сведений. Тем более, что возвращающиеся на родину по завершении Северной войны (1700–1721 гг.) шведские военнопленные, а следом за ними и профессиональные ученые доставили в Европу богатые языковые и этнографические материалы из глубинных районов России.

Ключевым пунктом в методологии финно-угроведов XVIII в. был поиск языковых соответствий, чаще всего реализуемый при помощи составления сравнительных многоязычных словарей, когда по заранее подготовленному списку собирались слова по возможности из разных языков и диалектов. Сопоставляя лексические формы, по мнению ученых, можно было приблизиться к пониманию существовавшего в древности мирового языкового «универсума» и получить надежное средство, приоткрывающее тайны прошлого народов¹¹⁷. Г.В. Лейбниц, первым высказавший эту мысль, сформулировал ее так: «Язык финнов, или северо-запада нашего континента, являющийся также языком лапландцев, распространен от Немецкого, или скорее Норвежского, моря до Каспийского (хотя и прерываясь славянскими народами, вклинившимися между ними); он родственен венгерскому, происходящему из стран, находящихся в настоящее время под владычеством москвитян». «Таким образом, – с уверенностью заявлял Лейбниц – здесь нет ничего, что противоречило бы, а не подкрепляло бы скорее теорию об общем происхождении всех народов и об одном первичном коренном языке»¹¹⁸. Применительно к финно-угорским языкам, идею создания сравнительного словаря первым обосновал Х.Г. Портан, отмечавший, что «первый шаг заключается в том, чтобы хорошо овладеть русским

¹¹⁶ *Портан Х.Г.* Основные черты русской истории. Первый университетский курс истории России за рубежом в XVIII в. М., 1982.

¹¹⁷ См.: *Michalove P.A.* The classification of the Uralic languages: Lexical evidence from Finno-Ugric // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2002. Bd. 57. P. 58–67.

¹¹⁸ *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии. С. 281.

языком, ибо на нем появились грамматики и лексиконы тех финских наречий, на которых говорят многие финские народности, живущие в России. Но чтобы разобраться в том, что действительно является финским, надобно знать также татарский, турецкий, монгольский и прочие языки»¹¹⁹. Так, преодолевая сложившиеся стереотипы, наука вела общество к пониманию того, что несмотря на территориальную удаленность, уровни политического и экономического развития, можно уверенно говорить о неизменности древних языковых типов. Кроме того, определение языкового родства подготавливало почву для поиска исторических параллелей, времени и места возможных этнических контактов.

Идея этнографии: Возникновение научного понятия «этнография» было связано с интеллектуальной историей европейского Просвещения и в определенной степени имело отношение к финно-угроведению. Одной из особенностей формирования этнографии в качестве научного направления была ее первоначальная зависимость от теории и практики сравнительно-лингвистических исследований. Г.В. Лейбниц в свое время выдвинул гипотезу о том, что «все народы от лапонцев до татар, живущих за Каспийским морем, родственны по своему происхождению и что к ним нужно отнести финнов, эстонцев, ливонцев, пермяков, самоедов и даже венгерцев, которые жили между Сибирью и Каспийским морем»¹²⁰. Взяв за основу его учение о первичном языке, компаративисты XVIII в. выделили языковые семьи, состоящие из родственных языков.

С наибольшей определенностью и свойственной ему прямоотой о приоритете языка как средства разрешения этногенетических проблем высказывался руководитель сухопутного отряда «Великой Северной экспедиции» Г.Ф. Миллер. На личном опыте убедившись в ограниченных возможностях классической методы, отдающей приоритет внешней критике «источника» и составлению научного «аппарата», Миллер в данном случае считал, что «характерное различие народов состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны там нечего искать единоплеменности»¹²¹. В своих многочисленных «инструкциях», «анкетах» и «описаниях» Миллер закладывал основы региональных историко-культурных сравнений, признавая авторитет

¹¹⁹ Цит. по: *Карху Э.Г.* История литературы Финляндии. Л., 1979. С. 91–92.

¹²⁰ Цит. по: *Герье В.* Лейбниц и его век: Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. Т. 2. С. 41–42.

¹²¹ Цит. по: *Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири. С. 31.

языка как ведущего этнодифференцирующего признака, но не делая его догмой¹²². Компаративистикой была увлечена сама императрица Екатерина II, видевшая одной из задач своего просвещенного правления создание сравнительного словаря языков империи и возможно всех языков мира. Иначе говоря, являясь на первых порах лишь иллюстративным фоном лингвистических штудий, этнография завоевывала самостоятельное место в научных публикациях и в организационных решениях властей.

Значительные усилия в определении предмета этнографии были приложены В.Н. Татищевым, хотя вопросы народной культуры у него самым тесным образом переплетались с географической проблематикой, составляя единую науку, обозначенную как «землеописание, или география», которую он, подобно истории, делил на «древнюю, среднюю и новую»¹²³. В задачи этой «полезной науки» он включал почти все, что теперь понимается под этнографией, видя ее предмет в исследованиях «...о народе, или обывателях, какую оной веру имеет, их нравы и обычай, имеют ли собственные свои гражданские законы, привилегии или вольности, должности, преимущества или увольнение в чем-либо пред другими, – оные письменные или застарелые; какое светское или духовное начальство; какие промыслы или обилия к их довольству имеют, и в чем переизыществуют»¹²⁴. Особую группу в работах Татищева составляют вопросы исторической этнографии и, в частности, вопросы этногенеза народов, живущих или живших на территории империи.

Попытки сформулировать понятие, дающее краткую и емкую характеристику народоведческой дисциплине, предпринимались в стенах Санкт-Петербургской Академии наук, где под влиянием трудов Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа и И.Г. Георги первоначально прижился такой вариант как «Völkerbeschreibung», в буквальном переводе с немецкого – народописание. В частности, для академика Миллера этнография являлась подлинной, «настоящей» наукой, будучи, вместе с тем, составной частью всеобщей истории. Важнейшей задачей этнографии он считал описание всех народов, особо выделяя значимость данных исследований для многонационального российского государства¹²⁵.

¹²² См.: *Bucher G.* «Von Beschreibung der Sitten und Gebräuche der Völker». Die Instruktionen Gerhard Friedrich Müllers und ihre Bedeutung für die Geschichte der Ethnologie und der Geschichtswissenschaft. Stuttgart, 2002.

¹²³ Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором В.Н. Татищевым. СПб., 1793. Ч. 2. С. 39.

¹²⁴ *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 204.

¹²⁵ *Косвен М.О.* Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. Труды института этнографии АН СССР. М.; Л., 1961. Вып. 3. С. 185–186.

Однако, собственно термин «Ethnographie», по всей видимости, впервые ввел в научный оборот А.Л. Шлёцер, по отзывам современников, обладавший особым талантом придумывать новые слова и научные определения¹²⁶. Наряду с попытками определения предметной сферы народоведения, в России XVIII в. зародилось такое явление как «местная этнография», заключавшаяся в предпринимаемых частными лицами опытах описания народного быта, верований и произведений народной словесности. Наибольший удельный вес в эти годы приобрели работы этнографов-любителей, касавшиеся жизни и быта народов Сибири¹²⁷. Приоритет сибирских исследований был обусловлен общим государственным интересом к природным богатствам малоизученного края и вызванной этим интересом концентрацией интеллектуальных ресурсов.

Масштабные академические экспедиции по различным областям империи способствовали выработке не только понятийного аппарата этнографии, но и методики полевой работы. Например, в 1733 г. Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин приступили к изучению поволжских народов и памятников старины с того, что попросили губернаторскую канцелярию «сыскать им по два старых и степенных человека из каждого племени, которых можно было бы спрашивать об их верах, жизни, торгах, промыслах, нравах, обычаях и истории, а для объяснений с ними дать искусных толмачей, которыми можно было бы располагать свободно и ездить с ними по окрестным деревням»¹²⁸. В качестве варианта данного подхода, осуществленного в рамках регионального анализа полевого материала, можно рассматривать работу, проделанную в Сибири Д.Г. Мессершмидтом. Поставленная перед его экспедицией задача «изыскания» материалов по самым различным отраслям знаний определила методику сбора и характер используемых источников. В отличие от своих предшественников, – путешествовавших по России европейцев, – участники экспедиции не только привлекали к исследованию значительно более широкий спектр информации, но и скрупулезно-критически фиксировали ее в путевых журналах, пытаясь отделить выдумки «врунов» от достоверных сведений. Мессершмидт особо подчеркивал, что нельзя полагаться на сообщение одного или двух аборигенов, а необходимо опросить в разное время трех-четырех

¹²⁶ Фермойлен Х.Ф. Происхождение и институционализация понятия Völkerkunde (1771–1843) // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 102–104.

¹²⁷ Косвен М.О. Местная этнография Сибири в XVIII веке // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Труды института этнографии АН СССР. М., 1974. Т. 102. Вып. 4. С. 7.

¹²⁸ Харлампович К.В. Известия И. Гмелина о Казани и казанских инородцах (1733) // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии. 1904. Т. 19. С. 253.

человек¹²⁹. Ученый, ссылаясь на царское повеление, доведенное с помощью специальных писем до сведения сибирских канцелярий, осуществлял целенаправленный сбор вещественных материалов, приобретал как «могильные вещи» и другие раритеты, извлеченные из древних курганов, так и вполне тривиальные изделия местных жителей, характеризующие их повседневный быт. Так, у обских хантов он купил сапоги и тулуп из оленьей кожи, кисет для огнива и корзину, плетенную из бересты¹³⁰. Как пишет один из исследователей его научного творчества Г. Ярош «у представителей разных народов он узнавал названия различных предметов на их языке и одновременно подробно описывал эти предметы. Иногда на основании отдельных слов и названий он делал заключения о происхождении соответствующих предметов»¹³¹.

Не менее ярко развитие научного инструментария иллюстрирует анкета В.Н. Татищева¹³². Анкета поражает не только широтой поставленных вопросов, но и самой методикой получения полевой информации. Вопросы о названиях и самоназваниях народов, занимаемой территории, занятиях, происхождении, религии, народной медицине, обрядах и обычаях при рождении, браке, погребении, о языке, народной поэзии и т.д., рекомендуется задавать «без принуждения, но паче ласкою и чрез разных искусных людей, знающих силу сих вопросов и язык их основательно, к тому же не одна, но чрез несколько времени спрашивать от других»¹³³. Татищев требовал особой тщательности и осторожности в работе с информантами и записи их ответов. «Остерегаться же и того, чтоб кто от крещеных или иного народа умышленно в поношение или хвастание чего лишнего не прибавил, или истинного не убавил, дабы тем правости не повредил; понеже многие глупые лжами хотят себе честь или пользу приобрести, но в том всегда обманываются»¹³⁴. Автор указывал на полезность изобразительного матери-

¹²⁹ *Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1964. Theil 2. Hrsg. von E. Winter und N.A. Figurowsij. S. 181–183.*

¹³⁰ *Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien... Berlin, 1967. Theil 4. S. 224.*

¹³¹ *Jarosch G. Voyages de recherche scientifique de D.G. Messerschmidt à travers la Sibirie source importante concernant les peuples de Sibirie // Actes du XI Congrès international d'histoire des sciences. Paris, 1967. Vol. 2. S. 321.*

¹³² *Шаном Е.Г. Анкеты В.Н. Татищева как источник по истории Сибири первой половины XVIII в. // Проблемы источниковедения. Вып. 10. М., 1962. С. 132–152; Каменский А.Б. Историко-географическая анкета В.Н. Татищева // Советские архивы. 1985. № 5. С. 38–41.*

¹³³ *Токарев С.А. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Труды института этнографии АН СССР. М., 1956. Т. 30. Вып. 1. С. 7.*

¹³⁴ *Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С.92.*

ала, сопровождающего анкету: «При описании каждого народа состояние телес общественное нужно описать: крупен или мелок или широк; плечи, круглые, покляповатые или плоски; волосы черные, русые, белые или рыжие и как долги; имеют ли нос, рот большой, губы толстые или средние цветом смуглы или белы, желты; платье, обувь и убранство обыкновенное и уборное, как мужчин, так и женщин, особливо девок невест, яко и женихов при браке. Сие все как наиболее находится и весма бы изрядно было, ежели б, где живописца сыскав, оных смалевать»¹³⁵. В первой редакции от 1734 г. анкета состояла из 92 вопросов. Татищев отправил ее в Академию наук и, не дождавшись заключения ученого сообщества, сам разослал вопросник по губернским и провинциальным канцеляриям Сибири и Казанской губернии и вскоре начал получать ответы. Три года спустя, он составил вторую редакцию анкеты из 198 вопросов и вновь разослал ее.

Вторая половина XVIII в. была отмечена дальнейшими попытками синтеза историко-архивных и фольклорных материалов. Одним из первых по этому пути прошел Г.Ф. Миллер. Неслучайно автор «Описания живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков...» и «Описания Сибирского царства...» оказал столь сильное влияние на научное мировоззрение А.Л. Шлëцера¹³⁶. Покинув в 1768 г. Россию и возглавив кафедру истории в Гёттингенском университете, Шлëцер в своих публикациях неоднократно демонстрировал факты национально-культурного взаимодействия, синтезируя данные официальной (документированной) истории северных стран и фольклоризированной истории народов Северо-восточной Евразии¹³⁷. В частности, он писал: «Суровый северо-восточный север по сию сторону Балтийского моря до Ледовитого океана и Урала, о существовании которого не ведали ни греки, ни римляне...», пребывал в блаженной наивности до тех пор, пока не ощутил на себе «возбуждение» со стороны надвигающейся цивилизации»¹³⁸. Широко использовавшийся Шлëцером метод синхронизации событий применительно к истории народов, не имевших длительной письменной традиции, стал со временем «визитной карточкой» гёттингенских историков, серьезно по-

¹³⁵ Степанов Н.Н. В.Н. Татищев и русская этнография. С. 75.

¹³⁶ Bucher G. The development of research practices during the 18th century and their impact on 19th century research of the non-Russian peoples in Siberia // Research and Identity. Non-Russian Peoples in the Russian Empire. Kouvola, 2006. P. 19.

¹³⁷ Farkas J. August Ludwig von Schlözer und die finnisch-ugrische Geschichts-, Sprach- und Volkskunde // Ural-Altaische Jahrbücher. 1952. Bd. 24.

¹³⁸ Цит. по: Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая половина XIX в.). М., 1985. С. 34.

вливая на зарождающиеся национальные научные школы. Так, по завершении стажировки в Гёттингене у профессора Шлёцера, Х.Г. Портан еще более укрепился в мысли о перспективности совмещения исследований финских древностей и сравнительного изучения соседних и родственных народов, что имело определяющее значение для формирования основ финно-угорской этнографии¹³⁹. Идея синтеза проявилась в попытках введения в научный оборот сведений, касавшихся традиционных верований и мифологических представлений, которые, как оказалось, трудно было интерпретировать безотносительно их этнографического контекста. Первые публикации такого рода появились в Финляндии, где в 1782 г. при деятельной поддержке Портана была защищена диссертация Э.К. Лёнквиста «Суеверия в верованиях и практике древних финнов», а через несколько лет был опубликован упоминавшийся ранее финский мифологический словарь К. Ганандера. Примерно в те же годы учившийся в Гёттингене венгерский ученый Д. Корнидес подготовил курс лекций о верованиях древних венгров, опираясь на данные средневековых хроник¹⁴⁰. Одним словом, методологические поиски XVIII в. привели к распаду прежней «полигистории» на отдельные отрасли знания, среди которых важную роль суждено будет сыграть этнографии.

Процесс формального обоснования этнографической науки требовал принятия организационных решений, с которыми академические чиновники и университетские начальники, по-видимому, не торопились. Определенный выход энергия энтузиастов народоведения находила в зарождающихся научно-практических обществах. Например, серьезный этнографический компонент содержался в деятельности созданного в 1765 г. Вольного Экономического Общества¹⁴¹. Заинтересованные в хозяйственном усовершенствовании страны и развитии торгово-предпринимательской среды члены общества много сделали для развития методики сбора и обработки этнографических данных, что способствовало оформлению этнографии/этнологии как самостоятельной научной дисциплины. Подготовка государственных экономических программ требовала географического и этностатистического исследования территорий. Неслучайно активными членами Общества были Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, П.И. Рычков, П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.Г. Георги и другие участники академических экспедиций. Примечательно, что в Фин-

¹³⁹ Коваленко Г.С. Х.Г. Портан и развитие исторической науки в Финляндии во второй половине XVIII в. // Скандинавский сборник. 1990. № 30. С. 204–205; Klinge M. Mikä mies Porthan oli? // Tietolipas. 1989. Vol. 116. S. 32–38.

¹⁴⁰ Hoppál M. Finno-Ugric Mythology Reconsidered. P. 15–16.

¹⁴¹ Вовина О.П. Научные общества в истории отечественной этнографии второй половины XVIII – начала XIX вв. Чебоксары, 1993. С. 7–26.

ляндии Х.Г. Портан с группой своих единомышленников также организовал Общество содействия экономическому развитию страны, видя в том один из залогов укрепления национального идентитета¹⁴². В этих практиках можно разглядеть воплощение еще одной методологической идеи Руссо, сформулированной в свое время К. Леви-Строссом о сближении личности исследователя с нуждами и ценностями изучаемой им культуры, которую он назвал «принципом изначальной идентификации»¹⁴³.

Идея Робинзона: Успех усилий, предпринимавшихся учеными-просветителями в деле прироста научного знания, находился в прямой зависимости от способности подготовить новое поколение, которое восприняло бы идею прогресса. И высшим слоям, и простому народу внушалась мысль о том, что благополучное зажиточное население служит самой прочной основой государства, просвещенный правитель которого гарантирует права лояльного ему народа/народов. Учительский пафос просветителей требовал выхода на неосвоенные еще наукой пространства детей природы, приблизив которых к свету разума, можно было на практике пронаблюдать действенность избранных моделей¹⁴⁴. Показательна в этом случае история шведского сержанта И.Г. Рената, долгие годы проведенного в джунгарском плену, где он одновременно учил в открытой им школе «малых детей арифметике», отливал пушки и мортиры и обучал местных военачальников, «как в поле и в лагерях поступать по европейскому обычаю»¹⁴⁵. Российская империя в этом случае представлялась уникальным местом на периферии Европы, где на огромной площади сосуществовали различные экономические уклады, религиозные традиции и народы, жившие по сути дела в разных исторических периодах, изучение которых могло дать обильную пищу для размышлений интеллектуалам и необходимые основания для принятия властных решений просвещенным бюрократам.

Петровские преобразования в области «книжного учения» находили благожелательный отклик как со стороны прозападно настроенной

¹⁴² *Setälä E.N. Dem Andenken H.G. Porthans. S. 6–7.* Кроме того, Х.Г. Портан был пионером этнографического краеведения в Финляндии, разработавший и опубликовавший в прессе подробные инструкции по описанию приходов и городов страны. Поступающие к нему описания отдельных местностей, Портан печатал в газете г. Або/Турку, способствуя развитию регионального сознания финляндцев. См.: *Касперович Н.И. Краеведение в Финляндии // Краеведение. 1928. Т. 5. № 8. С. 482.*

¹⁴³ *Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1980. С. 54.*

¹⁴⁴ См., например: *Дюше М. Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения // Век Просвещения. Москва–Париж, 1970. С. 275–277.*

¹⁴⁵ *Моисеев В.А. В джунгарском плену // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 211–212.*

российской элиты, так и самого Запада, интеллектуальные круги которого с интересом следили за превращением жителей самых отдаленных уголков Московии в население регулярного устроенного светского государства¹⁴⁶. Один из наиболее последовательных сторонников этой линии, В.Н. Татищев считал важнейшей задачей правительства просвещение народов Урало-Поволжья и Сибири. С одобрением он отзывался о Швеции, где «...для лапландцев книги на их языке напечатаны». И продолжал: «Лапландцы, что у нас и гораздо дичее, нежели Мордва, Чюваша, Черемиса, Вотяки, Тунгусы и прочие», и последних «весьма легче научить». Сообразно с этим, он предлагал создать целую сеть школ для изучения «нужнейших языков» (в Санкт-Петербурге, Казани, Оренбурге, Астрахани, Архангельске, Тобольске и т.д.)¹⁴⁷. Одну из таких миссионерских школ при Зилантовском монастыре в Казани посетили в 1733 г. Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин, причем последний описал ее устройство с почти свифтовским сарказмом: «Мы страстно хотели видеть его и скоро увидели: это была машина, имеющая вид цилиндра, на которой висел сюртук. Она имела голову с узким лбом, острым носом и бледными щеками. Около этой машины, которая вслед тем была выдана за философа, стояли чувашские, черемисские, мордовские, калмыцкие и татарские мальчики, которые этой машиной ежедневно наставляемы были в философии. Хотя они еще немного умели по-русски, но машина эта ухитрялась как-то вместе с языком (русским) сообщать им философию»¹⁴⁸. В более сдержанных формах они восприняли информацию о миссионерских проектах казанских властей, предполагавших учредить еще четыре школы, для обучения будущих проповедников христианства среди инородческого населения губернии. Иронию академиков можно списать на их молодость, но при желании в ней можно разглядеть зарождающееся в ученом сообществе сомнение в способности государственных институтов с их жесткостью и механизмом придать инновационные импульсы традиционному обществу. Тем не менее, при всем несовершенстве обучающих технологий миссионеров, практическая значимость их опытов проявляется в приобщении ранее бесписьменных народов к книжной культуре¹⁴⁹. Так, фольклорный текст эпического сказания, обычая и обряда начинал сосуществовать с буквами Закона Божьего и закона государственного.

¹⁴⁶ См.: *Левин Ю.Д.* Английский журнал «Московит» (1714) // Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975. С. 7–23.

¹⁴⁷ Цит. по: *Степанов Н.Н.* В.Н. Татищев и русская этнография. С. 79.

¹⁴⁸ *Харламович К.В.* Известия И. Гмелина о Казани и казанских инородцах (1733). С. 260.

¹⁴⁹ *Красильников А.Г.* Этапы аккомодации удмуртской культуры к письму // Первая удмуртской грамматике 225 лет. Ижевск, 2002. С. 175–180.

Впрочем, дух эпохи повлиял на некоторых ее просвещенных сыновей еще в том отношении, что они сами, стремясь быть учителями, не стеснялись перенимать полезные новшества из жизни простодушных. Примером тому является история шведского офицера И.А. Гриппенхейма, находившегося на поселении в Казанской губернии. Его любознательность распространилась на изучение традиций бортевого пчеловодства, практикуемого местными финно-уграми, предположительно мордвой¹⁵⁰. Вернувшись из плена на родину и став губернатором одной из провинций, он подал королю специальную записку о приобретенном опыте, а затем много способствовал развитию пчеловодного промысла шведскими крестьянами. В этом случае знакомство с «натуральной» жизнью можно интерпретировать как своего рода откровение для «просвещенных», увидевших как много было потеряно их цивилизацией с точки зрения естественной гармонии. Варварство, отсталость и «глупость» дикарей порой оказывались много привлекательней регламентированного и лишнего импровизации общественного бытия. Желание некоторых просветителей вернуть утраченную пастораль приводило к конструированию новой/старой реальности, достижимой для одних путем литературной деятельности, для других – разработкой практических проектов¹⁵¹. Как писал об этом И.Г. Гердер «...если мы услышим, что народы, которые в течение целых столетий и даже тысячелетий или по ту сторону гор, в бескрайних соленых и песчаных морях Татарии жили в лесах и тундрах северной Европы, даже и в прекраснейшие долины римской и греческой империи принесли с собой образ жизни вандалов, готов, скифов, татар, образ жизни, отдельные черты которого до сих пор присущи Европе, так нам не следует удивляться этому и не следует ложным образом приписывать себе некое подобие культуры, а нам нужно... заглянуть в зеркало истины, узнать в нем свой собственный облик и, если окажется, что мы все еще носим на себе звонкие украшения наших отцов-варваров, благородно заменить их подлинной культурой и гуманностью...»¹⁵².

Просвещенческий, или скорее «руссоистский» пафос, звучащий в трудах ученых-путешественников, значительно усиливается к концу XVIII в., когда преобразование страны мыслилось уже не только под влиянием действий властей, но и как результат движения снизу, со стороны простого народа, привыкшего рассчитывать только на себя¹⁵³.

¹⁵⁰ Sandklef A. Bee-keeping in the goverment of Kazan; in Russia, in early part of the 18th century // Acta Ethnologica. Helsinki, 1937. P. 139–164.

¹⁵¹ Сурво А.А., Шапанов В.Э. Псевдофиктивные тексты // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар, 2005. С. 8–9.

¹⁵² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 458.

¹⁵³ Годжи Дж. Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 220.

Идеализация народного быта и нравов становится особенно заметна в дневниках участников Академической экспедиции, когда профессор И.П. Фальк и его спутники не стесняясь выражали свое восхищение открытой трудовой жизнью многонационального российского крестьянства. И.И. Лепехин уже на первых страницах своего дневника рисует следующую пастораль: «Столь приятен был вид трудящихся сельских жителей. Всякой тут со своим семейством прилагал труды к трудам, и сельския Нимфы облегчали труд возлюбленных для их предметов простым своим пением...»¹⁵⁴. В то же время, для финского просветителя Х.Г. Портана был присущ более сложный спектр воззрений на простой народ. Портановский «народ» велик своим героическим прошлым, но даже в нем были темные страницы варварства и разного рода невежества¹⁵⁵. Знание народной истории было для него в значительной мере средством для воодушевления соотечественников, которым следовало смелее идти вперед по пути цивилизации.

Так, жизнь больше похожая на интеллектуальную робинзонаду удивительным и одновременно логическим путем позволила просвещенным и ученым найти своего доброго дикаря, которому предстояло стать Пятницей. Или другими словами – оторвавшийся от начал природного бытия рациональный человек пошел навстречу «наивному», в образе жизни которого увидел больше правды, творчества и смысла. Неслучайно, просвещенческая направленность, характерная для научных произведений описываемой эпохи, дополняется многими авторами распространенной со времен средневековья идеей порицания городских спесивцев, противопоставляемых поселянам-простецам, что составит вскоре один из краеугольных камней мировоззрения ученых-романтиков¹⁵⁶. Как бы то ни было, на протяжении всех этапов истории этнографического финно-угроведения неизменной останется великая идея о том, что дело, начатое просвещенными, должно быть продолжено и завершено просвещаемыми...

¹⁵⁴ Schwamm K. Johann Peter Falks Bericht über die Wotjaken aus dem Jahre 1772 // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 1980. Bd. 4. S. 104–107; Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 г. СПб., 1770; Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. С. 9.

¹⁵⁵ См., подробнее: Klinge M. Kaksi Suomea. Helsinki, 1982. S. 63–86.

¹⁵⁶ Zagrebin A. Reason against feelings, or the first pages in the history of Udmurt studies // Permiek, Finnek, Magyarok. Írások Szij Enikő 60. születésnapjára. Urálisztikai Tanulmányok. Budapest, 2004. Vol. 14. P. 463.

Ф.И. Страленберг(-Табберт) – путник в «странах полуночных»

Начало века Просвещения в Европе, с присущим ему интересом к человеку, к наукам и стремлением к гармонии, было, тем не менее, ознаменовано долгими войнами, ведущимися просвещенными монархами, и бедствиями народов. Но если попробовать увидеть за этими конфликтами нечто большее, чем полууфемерное наследство испанских королей, то во многих спорах будет также просматриваться оформленное вполне в духе времени желание закрепить свое право на трансляцию ключевых идей эпохи. В этом контексте Северная война (1700–1721 гг.) была не просто попыткой Швеции отстоять свой статус великой европейской державы, но и шансом для России заявить о своих претензиях на место в общеевропейской политике, а со временем и в культуре¹. Возможно поэтому, даже в самые тяжелые годы военных испытаний, царь Петр I не забывал о значимости научных изысканий, которые для него являлись важным элементом государственной политики и фактором национальной самоидентификации. Успехи в области истории и географии в этом случае становились в один ряд с выигранными сражениями, так как кроме громкой славы, влекли за собой возможность культурного освоения занятой территории. Кровавопролитные сражения за признание на Западе, очевидно, сопрягались с экспедиционными работами, строительством заводов и миссионерской деятельностью на Востоке, ибо только так можно было встать в один ряд с ведущими странами Европы, уже давно вставшими на этот путь². Поддерживаемые государством энтузиасты ориенталистики имели перед собой гигантское исследовательское поле с крайне неопределенными очертаниями мест и местных жителей.

Выдающуюся роль в создании реалистического образа Восточной России суждено было сыграть Ф.И. Страленбергу, во многом открывшему читающей публике историко-географическое и этническое изображение тех земель, что обозначались ранее как Московия, Сибирь и Великая Татария. Страленберг был одним из тех авторов, трудами которых была заложена новая просвещенческая традиция в западноевропейской историографии России, опиравшаяся на методики включенного наблюдения, сбора полевого материала и сравнительного анализа. Неслучайно Вольтер, работая над текстом своего «Петра Великого»,

¹ См.: *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны: история дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986.

² См., например: *Рафиков А.Х.* Изучение Востока в Петровскую эпоху // *Страны и народы Востока.* М., 1975. Вып. 17. С. 9–18.

регулярно справлялся с трудом шведского ученого³. Наверное, не будет большим преувеличением сказать, что многие локальные историографии могут смело отсчитывать свои истории с публикации в 1730 г. книги, карты и сравнительно-лингвистической таблицы Страленберга. В этом ряду не является исключением и финно-угроведение, давно и прочно связанное с этим именем⁴, хотя до сих пор феномен Страленберга, впрочем, как и феномен его научной работы, остается загадкой для исследователей. Человек, посвятивший свою жизнь развеиванию мифов, сам стал в некотором роде мифологической личностью.

Филипп Иоганн Табберт (1676–1747) родился в немецком портовом городе на Балтике Штральзунде, отошедшем по итогам Тридцатилетней войны к Швеции. Отец его, находясь на королевской службе, исполнял должность ландрентмейстера (казначей). Мать происходила из знатной померанской семьи (Клинков/фон Клинковстрём), также тесно связанной с военной и административной службой короне. В 1694 г. Филипп Иоганн (в шведской орфографии Филипп Юхан) Табберт, освоив школьный курс наук, поступил вольноопределяющимся в шведскую армию. Отличаясь с детства живым любознательным характером, в армии он обучился инженерному делу, ремеслу чертежника и даже освоил хозяйственно-экономическую часть. Развернувшиеся вскоре события Северной войны двинули его Зюдерманландский пехотный полк к театру боевых действий против вооруженных сил саксонского курфюрста и польского короля Августа II Сильного. Лейтенант, затем капитан Табберт отличился при штурме крепости Торн и в битве под Фрауерштадтом, был пожалован за храбрость в 1707 г. шведским дворянством с присвоением новой фамилии – фон Страленберг (Штраленберг). После губительной для шведов Полтавской баталии и поспешного отступления остатков армии в дунайские княжества, Страленберг оказался в русском плену. Есть сведения, что капитан от инфантерии Табберт попал в плен под Черновцами в конце сентября 1709 г., будучи послан королем на рекогносцировку⁵. Отконвоированный затем с сотней других обер-офицеров и 34 хлопцами (т.е. денщиками) капитаном московского гарнизона Иваном Свечиным в Вятку, этап Страленберга был сдан местному воеводе стольнику С.Д. Траханиотову, которому вменялось в обязанность препроводить пленных до Соликам-

³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 243.

⁴ См.: Загребин А.Е. Ф.И. Страленберг: первые шаги финно-угорской историографии // Марийский археографический вестник. 2006. № 16. С. 4–15.

⁵ Шебалдина Г.В. Московские перекрестки полтавских пленников // Шведы в Москве. М., 2002. С. 50–62.

ска⁶. По разным оценкам, от 20 до 25 тысяч шведских подданных оказалось тогда в плену. Это были не только военные, но и гражданские чиновники, женщины, дети и слуги, которым долгие годы доведется провести в России.

Тяжкий, невольный путь в «страны полуночные» легче было преодолеть, пытаясь с помощью веры сохранить внутреннюю свободу. В этом многим пленникам помогло распространившееся на рубеже XVII–XVIII вв. в Германии и Скандинавии религиозно-мистическое учение, известное как «пиетизм», способствовавшее духовному единению шведов, немцев и финнов. Сторонником учения был сам король (мастер) и многие из его солдат и офицеров, или – как их чаще всего называли – «каролины», для которых истинное благочестие было неразрывно связано с земными поисками, поскольку идея пиетизма прямо говорила о необходимости испытаний как средства приближения человека к Богу и обязательности для всех адептов практической деятельности⁷. Приобщение Страленберга к пиетизму началось в армии, где батальонные проповедники отвечали не только за соблюдение религиозных обрядов, но и строго наблюдали за поведением и образом жизни своей паствы⁸. Однако, по настоящему основы учения ему раскрыл знакомый драгунский капитан К.Ф. фон Врех, с которым они вместе шли в Сибирь. Работая на веслах, голодая и ожидая худшего, пленники обсуждали «Проповеди» профессора А.Г. Франке и книги других наставников веры. Страленберг, тем не менее, не замкнулся на теологических размышлениях, свидетельством тому стали его наблюдения, касавшиеся истории и культуры народов, встреченных им в Восточной России⁹. Сейчас трудно сказать, задумывался ли пленный офицер над тем, стоит ли ему придавать своим записям какой-либо системный вид, скорее всего, это было не так уж важно¹⁰. Гораздо важнее тогда было найти новые стимулы для дальнейшей жизни в сложившейся нестандартной ситуации.

Партии шведских военнопленных первоначально направлялись в Москву и другие города центральной России, но, когда в Свияжске была вскрыта попытка побега группы арестантов, большинство из них

⁶ См.: Юрьев А. Материалы для истории XVIII в. // Вятская старина. Вятка, 1888. Вып. 1. С. 124–125.

⁷ *Salomies I. Der Hallesche Pietismus in Russland // Annales Academie Scientiarum Fennicae. Helsinki, 1936. Bd. 30. № 2. S. 128–131.*

⁸ *Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 18.*

⁹ *Владыкин В.Е., Загребин А.Е. Шведско-финский компонент в исследовательском пространстве пермских народов // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997. С. 107–108.*

¹⁰ *Напольских В.В. К вопросу о диалектной базе удмуртского словника Ф.И. фон Штраленберга // Linguistica Uralica. 2002. Vol. 1. S. 33–34.*

отправили в Вятку, откуда речным путем до Соликамска и опять водой в Тобольск¹¹. Во главе заговора стояли капралы-драбанты эстляндец И.Ф. Рюль и лифляндец И.Ф. фон Курсель. Заговорщики численностью до 150 человек планировали бежать через Украину в Польшу, по другим данным – в Крым¹². В результате предательства идея заговора стала известна русским властям, организаторы были сурово наказаны, а многие офицеры выселены из городов европейской России и направлены в Сибирь. Опасаясь ссылки, один из шведских офицеров писал, наверняка выражая общие чувства своих товарищей: «Теперь нас переводят из одного места в другое, и мы видим плутоватого русского торговца, а скоро увидим и татарина, и калмыка, и, черемиса и прочих язычников. Я содрогаюсь и не могу без ужаса подумать о том, что нам предстоит увидеть и Казань! А может быть, не долго угодить и в Сибирь, от чего упаси нас Боже»¹³. Страленберг, по-видимому, не столь остро переживал изгибы судьбы, используя любые возможности, чтобы утолить свою природную любознательность. Согласно документам Вятского приказа, 24 мая 1710 г. гуляющими за городом были задержаны два пленных шведа – капитаны Иоганн Таберт (очевидно, Ф.И. Страленберг) и Иоганн Шпрингер, проживавшие на дворе Федора Пушкарева. К разбирательству совершенного проступка властями был привлечен капитан фон Врех, поскольку мало того, что пленные просто гуляли, они плыли на плоту, осматривая окрестности. Можно было бы предположить, что под этим определением скрывалась попытка побега, хотя мало вероятно, учитывая географическую удаленность вятского края от внешних границ.

По распоряжению московского коменданта (в скором будущем – первого сибирского губернатора), ответственного за движение этапов военнопленных, «...шведам, которые привезены будут с Вятки... давать корму по две деньги на день и хлеба, только б их не поморить»¹⁴. Заинтересованность российских властей в пленных шведах проистекала из возможности использования их труда на строящихся крепостях, верфях, железоделательных заводах и в рудниках, где особенно не хватало квалифицированной рабочей силы. Бурная деятельность, раз-

¹¹ Грот Я.К. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // Журнал министерства народного просвещения. 1853. Февраль. С. 119.

¹² Шебалдина Г.В. Московские перекрестки полтавских пленников // Шведы в Москве. М., 2002. С. 60–62.

¹³ Цит. по: Шарышкин Д.М. Русские дневники шведов – полтавских пленников // Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975. С. 73.

¹⁴ Цит. по: Чагин Г.Н. Шведы в Северном Прикамье в первой четверти XVIII в. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997. С. 202.

вернутая в Сибири губернатором князем М.П. Гагариным и начальником горных заводов В.Н. Татищевым, способствовала широкому привлечению на государеву службу иностранцев, в том числе военнопленных¹⁵. Особенно тяжело в плену приходилось шведским солдатам и унтер-офицерам, не получавшим никакой помощи из дома и вынужденным порой даже менять подданство, чтобы поступить на русскую службу¹⁶. Несмотря на попытки шведского фельд-комиссариата – специального органа в Москве, занимавшегося делами пленных соотечественников, наладить их снабжение, многим офицерам приходилось терпеть нужду и самостоятельно искать заработка. Так, корнет Пистольшельд в Соликамске занимался изготовлением игральных карт и винокурением, ротмистр Галь в Тобольске стал мастером-красильщиком, ротмистр Риддерборг вышивал золотом и серебром шапки и чепраки, и даже генерал-адъютант Канифер в Илимске торговал вином и привозными китайскими товарами¹⁷. Вместе с тем, режим содержания пленных офицеров не был излишне строг. Участник русского посольства в Китай, англичанин Дж. Белл, встретивший пленных шведов в Тобольске, писал: «Как во многих других городах, через кои мы проезжали, нашли мы здесь много выдающихся шведских офицеров... Им дозволялось далеко отлучиться на охоту или рыбную ловлю, а также разрешалось отправляться в другие места, дабы посетить своих соотечественников. Что касается меня, то я думаю, что наибольшая милость, оказанная его величеством этим пленникам, заключается в том, что они были поселены в эти места, где могут хорошо жить с малыми тратами и наслаждаться всей той свободой, на какую лица в их положении могут рассчитывать...», и далее: «За наше пребывание в Томске мы развлекались рыбной ловлей и охотой. Мы также присутствовали на музыкальных концертах, исполненных шведскими офицерами и господином Козловым, комендантом города»¹⁸. Пользуясь относительной свободой, пленники попробовали построить вокруг себя более или менее комфортный мир, наполненный скромными радостями, свойственными им в прежней жизни.

¹⁵ Цит. по: *Мусихин А.Л.* Князь М.П. Гагарин в свете русско-шведских отношений начала XVIII в. // *Шведы и Русский Север: историко-культурные связи*. Киров, 1997. С. 207–209.

¹⁶ См.: *Зуев А.И.* «В русскую службу шел волею» (шведские военнопленные периода Северной войны на русской службе в Восточной России) // *Историческое, культурное и природное наследие*. Улан-Удэ, 1997. Вып. 2. С. 7–17.

¹⁷ *Грот Я.К.* О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом. С. 123.

¹⁸ Цит. по: *Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968. С. 69.

Поселившись в 1711 г. в губернском городе Тобольске, где в ссылке находились уже около тысячи офицеров, Ф.И. Страленберг стал одним из заметных людей шведско-немецкой колонии, участвуя в организации школы для детей пленных и других благотворительных проектах. Но все же больше он увлекся работой над картой Сибири¹⁹. Будучи еще в самом начале своей военной карьеры на строительстве фортификационных сооружений, а затем исполняя должность полкового квартирмейстера, Страленберг научился делать топографические съемки местности и картографические вычисления. Оказавшись волей судьбы в одной из самых отдаленных частей тогдашней ойкумены, он решил взять на себя смелость пролить свет науки на этот малоизученный край. Знаковая сущность его решения вполне укладывается в общий просветительский концепт эпохи, а именно – попытаться силой разума, рациональных приемов и критического отношения к ранее известным сведениям и ныне собранным эмпирическим данным сконструировать надежный и свободный от мифических домыслов прежней историографии образ России и народов ее населяющих. Слова, сказанные самим Страленбергом о том, что «мы знаем о Сибири не больше, чем остяки о Германии», стали своего рода лейтмотивом всей его последующей научной деятельности. Не случайно все тот же Дж. Белл, познакомившийся с ним зимой 1719 г. писал: «Капитан Табоорт, шведский офицер, в это время писал историю Сибири. Он был джентльменом весьма способным для подобного предприятия; и, ежели она когда-либо будет опубликована, она не сможет не дать большого удовлетворения любознательным»²⁰. Данное сообщение наводит на мысль о том, что замысел книги по истории края возник у Страленберга практически одновременно с идеей создания карты, а это уже серьезно меняет отношение к масштабу его исследовательских планов.

По крупицам, чтобы не вызвать напрасных подозрений, суммируя и дифференцируя сообщения своих информантов, среди которых были приезжающие в административный центр губернии купцы, миссионеры и чиновники, Страленберг нашел занятие, целиком поглотившее его внимание и, что немаловажно, время. Беседы с российским резидентом в Пекине, шведским инженером Л. Лангом и высланным в Сибирь по «делу Мазепы» украинским шляхтичем Г.И. Новицким, ставшим автором первого этнографического описания хантов, постепенно вык-

¹⁹ См.: *Strindberg A. Philipp Johann Strahlenberg och hans karta // Svenska Sällskapet för Antropologi och Geografi. Geografiska Sektionens Tidskrift. 1879. Vol. 1. № 6.*

²⁰ Цит. по: *Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. С. 139.*

ладывались на листах будущей карты²¹. Познакомившись с жившим в Тобольске русским картографом С.У. Ремезовым, автором «Чертежной книги Сибири» – своего рода атласа сибирских уездов и городов, Страленберг почерпнул массу полезных сведений, в особенности касавшихся мест расселения и кочевий коренных народов края²². Вместе с тем, он убедился в несовершенстве техники исполнения прежних карт, лишенных градусной сетки и, следовательно, четкой привязки географических объектов к местности. Общаясь с жившими в городе и его окрестностях бухарцами и другими выходцами из Центральной Азии, он записывал лексический материал, приобретал рукописи и вычерчивал планы. Возвратившись на родину, он встречался с бывшими военнопленными, побывавшими в разных уголках России и Сибири, с их слов восстанавливая географию отдельных регионов, в которых ему не пришлось побывать лично.

Будучи человеком практического ума и, вероятно, не лишенным честолюбия, Ф.И. Страленберг рассчитывал выгодно продать изготовленную им карту и приобрести славу личности, приоткрывшей завесу тайны над территорией Сибири и всей «Великой Татарии». Тем более, что научного географического описания России, ее народов и их занятий на тот момент не имелось, а сведения о естественных ресурсах были крайне скудны. Не было, конечно же, и общей карты Российской империи, которая давала бы достоверное представление о действительных размерах, местонахождении естественных пределов и административных границ страны²³. Узнав в 1717 г. об этих замыслах, ранее покровительствовавший Страленбергу сибирский губернатор князь М.П. Гагарин отдал приказ изъять карту и пригрозил ему немедленной высылкой на побережье Северного Ледовитого океана. Впору было впасть в уныние, и пленный офицер действительно на время забросил работу, пока не появился случай вновь проявить себя в связи с приездом в Тобольск доктора Д.Г. Мессершмидта.

²¹ Катанов Н.Ф. Известия Лоренца Ланге о Сибири и сибирских инородцах // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1905. Вып. 14; Рафиенко В.В. Лоренц Ланг и Восточная Сибирь // Известия СО АН СССР. № 6. Вып. 2. С. 145–147; Шафрановская Т.К. Лоренц Ланг и значение его дневников // Скандинавский сборник. 1971. № 14. С. 215–222; Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. СПб., 1884; Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком. 1715 г. Новосибирск, 1941.

²² Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939. С. 47; Гольденберг Л.А. С.У. Ремезов. М., 1965. С. 81; Греков В.И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 4.

²³ См.: Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1993. С. 33–53; Фель С.Е. Картография в России в XVIII в. М., 1960.

В экспедиции: Ранней зимой 1719 г. доктор медицины Д.Г. Мессершмидт, которому было отказано в исследовательской поездке в Китай, приступил к подготовке экспедиции вглубь Сибири²⁴. Вполне естественно, что главными его консультантами стали шведские военнопленные, с которыми он быстро сошелся по причине языкового и религиозного единства, являясь, подобно многим пленным, сторонником пиетизма. Будучи выпускником университета г. Галле, доктор Мессершмидт был искренним сторонником профессора теологии А.Г. Франке, основавшего при университете, а затем по всей протестантской Германии сеть «*Frankesche Stiftung*» – религиозных школ, сиротских домов и библиотек²⁵. Выпускники «штифтунов» занимались филантропической и миссионерской деятельностью, призывая обратиться к истинному евангельскому благочестию, одновременно прикладывая много сил для просвещения людей из разных стран и разных сословий. Одним из важных проектов «галльских пиетистов» было налаживание научных и культурных связей с Россией. В 1702 г. профессор Франке организовал в Галле «*Collegium Orientale*» – своеобразный семинар по изучению Востока, в котором впервые в Германии начинается изучение русского языка, появляется библиотека с книгами о России и русские студенты²⁶. Между «штифтунами» и петровскими эmissарами в Европе возникли оживленные контакты на предмет закупки медикаментов, книг и учебной литературы²⁷. Опираясь на личное знакомство с царем и его сановниками, А.Г. Франке и adeпты его идей из московской «немецкой слободы» старались всеми доступными способами поддержать шведских пленников-единоверцев, собирая для них деньги, вещи и книги.

Кроме того, родной город Д.Г. Мессершмидта – Данциг, хотя и относился территориально к Речи Посполитой, этнически и культурно более тяготел к соседним шведско-немецким землям²⁸. Капитан Страленберг, практически земляк-поморянин Мессершмидта, ознакомил его с местной топографией, другие офицеры оказали содействие в сборе образцов флоры и фауны, распространенной вблизи Тобольска.

²⁴ Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. С. 13.

²⁵ См.: *Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert.* Berlin, 1953.

²⁶ *Winter E. A.H. Franke und Russland // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* 1963. Bd. 3. S. 958–964.

²⁷ Терра инкогнита Сибирь. У истоков научного освоения Сибири при участии немецких ученых в XVIII в. Галле, 1999. С. 8.

²⁸ См., например: *Saarinen H. Bürgerstadt und absoluter Kreegsherr. Danzig und Karl XII. im Nordischen Krieg.* Helsinki, 1996.

Это общение побудило доктора Мессершмидта ходатайствовать перед властями о включении в состав сибирской экспедиции «шведских арестантов»²⁹. Положительное решение властей обеспечило ученого не просто спутниками, но и составило необходимое связующее звено между исследователем, не знающим русского языка, и полевой реальностью предстоящего исследования – 1 марта 1721 г. экспедиция отправилась в путь, имея в своем составе обер-офицера Ф.И. Страленберга и унтер-офицера Д. Капеля. Путь лежал из Тобольска вдоль Иртыша до г. Тары, затем через Барабинскую степь до Чаусского острога. Оттуда по зимнику, проложенному по Оби, до с. Богородского. К началу весенней распутицы экспедиция прибыла в Томск, в окрестностях которого пребывала около трех месяцев, дожидаясь схода большой воды.

Интересным нововведением в полевой практике стала попытка привлечения местных жителей к сбору сведений по естественной истории края. По просьбе Д.Г. Мессершмидта, комендант города отдал распоряжение расклеить в людных местах объявления, призывавшие обывателей доставлять участникам экспедиции образцы сибирских рыб, зверей и насекомых, минералы, вещи, вырытые из могил, и прочие редкости³⁰. Из этой затеи мало что получилось, и на тот момент вряд ли могло получиться, если вспомнить о невысоком проценте грамотного населения и народной традиции держаться подальше от власти, тем более призывавшей, а не приказывавшей. Здесь достаточно отчетливо проявляются сложные взаимоотношения ученых, властей и простого народа, когда импульсы, исходящие от интеллектуалов, с большим или меньшим успехом пытаются использовать трансляционные возможности администрации. Личная работоспособность руководителя экспедиции была поистине феноменальной, от своих спутников он также требовал неутомимой деятельности. Академик П.С. Паллас писал по этому поводу: «Мессершмидт владел отличной ученостью, часто писал дневник всю ночь до утра, записывал все, что он за день увидел и собрал, оставляя сну лишь немногие часы. Удивляешься, что этот человек сделал один, тем более что он во всем соблюдал излишнюю даже пунктуальность, о каждой мелочи писал представления начальству и т.д. Чучела зверей он набивал обычно сам и тут же их сшивал. Растения он собирал частично самолично, частично пользовался здесь услугами мальчиков, которые также очищали семена,

²⁹ Грот Я.К. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом. С. 119–178; Ярош Г. Ф.И. Табберт-Страленберг – спутник исследователя Сибири Д.Г. Мессершмидта // Известия СО АН СССР. № 136. Вып. 1. Новосибирск, 1968. С. 68–73.

³⁰ Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг... С. 35.

собранные с сухих растений, в каждом заслуживающем внимания месте он, если светило солнце, измерял географическую широту (высоту полюса)»³¹. В дороге определился круг обязанностей Страленберга, отвечавшего за ведение полевого дневника, фиксацию сделанных наблюдений на немецком и латинском языках. Ставший по сути дела заместителем начальника экспедиции, лучше ориентируясь в сибирской специфике, он предпринимал самостоятельные исследовательские решения и поездки. В особенности Страленберг интересовался этнографическими, археологическими и лингвистическими вопросами, встречаясь с информантами, среди которых были представители коренных народов, шведские военнопленные, служилые люди, казаки и представители администрации. Теперь собирать сведения для карты, которая оставалась для него главным делом, было много проще, беря в расчет официальный статус всего научного предприятия.

В начале июля 1721 г. Д.Г. Мессершмидт водным путем направился в Кузнецк, откуда намеревался посуху добраться до Абаканского острога, а Страленберг предпринял поездку в Нарым для изучения медного хантыйского идола, по слухам, хранящегося у местного воеводы. Затем, уже поздней осенью, он отправился в Абакан, где встретился с Мессершмидтом. Здесь, на берегах Енисея, забыв о зимней стуже, нехватке денег и продовольствия, они с увлечением изучали древние могильные курганы, пещеры и каменные идолы. Весной 1722 г., после еще одной самостоятельной поездки в Енисейск, Страленберг прибыл в Красноярск, где ему официально было объявлено о подписании мира и скором возвращении домой. В трогательных словах Мессершмидт описывает момент расставания с человеком, который за год совместного путешествия стал его настоящим другом и советчиком: «...Со слезами распрощался я с красноречивым, прилежным, верным Таббертом, со своим единственным другом и опорой, остался без знакомых и помощников...»³². Печаль Мессершмидта можно понять: теперь ему предстояло одному противостоять всем внешним трудностям и внутренним сомнениям. Участники экспедиции расстались на Чулыме, откуда Страленберг с экспедиционным рисовальщиком К.Г. Шульманом отправились в обратный путь в Тобольск, нагруженные письмами и экспедиционными материалами, но не упуская ни одного случая, чтобы не пополнить свои сведения о народах края.

³¹ *Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien (1720–1727)*. Berlin, 1962. I Theil. S. 8.

³² Цит. по: *Hämäläinen A. Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karl XII. über die finnisch-ugrischen Völker // Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1937–1938. Vol. 49. S. 29.

Зимой 1723 г. капитан Страленберг прибыл в Москву, где уже сосредоточились готовящиеся к отправке на родину «каролины». Его не могло не огорчить известие о том, что переданная им шесть лет назад высокопоставленным шведским пленникам карта «Великой Татарии» так и не нашла признания, находясь в руках нечистоплотных комиссионеров³³. Будучи не в состоянии выкупить карту, он принял решение приступить к созданию ее нового варианта, уточненного и дополненного теми сведениями, что ему удалось приобрести в ходе экспедиции. Есть также сведения о том, что ряд его российских знакомых, в частности генерал-фельдцейхмейстер граф Я.В. Брюс, предлагали ему остаться в России, приняв ту или иную ответственную и хорошо оплачиваемую должность³⁴. Там же в Москве, Страленбергу удалось почерпнуть немало сведений о древней и новой истории российского государства, о политических особенностях развития страны. Но остаться в России он не решился.

Вернувшись на родину, Ф.И. Страленберг продолжил военную службу в своем прежнем полку в чине подполковника, а затем до конца жизни состоял комендантом одной из шведских крепостей, но развившаяся в нем страсть к научным занятиям не отпускала. Работа над картой, рассчитанной, прежде всего, на интерес просвещенной европейской публики, потребовала составления серьезных комментариев. Чтение современной ему историко-филологической литературы и средневековых хроник, работа в королевской библиотеке Стокгольма, встречи со шведскими учеными и, наконец, поездка в Лейпциг для консультаций с немецкими ориенталистами постепенно расширили его первоначальные рукописные тексты до объема самостоятельного научного труда, впервые увидевшего свет в 1730 г. в Стокгольме под пространным заглавием «Северная и Восточная часть Европы и Азии...»³⁵. В целом же следует отметить, что первая половина XVIII в.

³³ Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг... С. 43–44.

³⁴ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М.; Л., 1985. Ч. 1. С. 55–56.

³⁵ Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, in einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellt, nebst einer noch niemahls ans Licht gegebenen Tabula Polyglotta von zwei und dreyssigerley Arten Tatarischer Völcker Sprachen und einem Kalmückischen Vocabulario, sonderlich aber einergrossen richtigen Land-Charte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupferstichen, so die Asiatisch- Scythische Atiqvität betreffen; bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschaft in Russland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstatteten weiten Reisen zusammen gebracht

стала периодом расцвета западноевропейской историографии, посвященной русской тематике, причем особым вниманием пользовались те сочинения, авторам которых пришлось лично и часто подолгу находиться в России³⁶. Тем не менее, самое продолжительное время наибольшим авторитетом как в России, так и за ее рубежами пользовалась книга Ф.И. Страленберга, первоначально напечатанная на немецком языке, затем неоднократно переводимая на английский, французский и испанский языки.

«Каролины» как исследователи этнографии России: Среди пленных «каролинов» было немало даровитых энтузиастов народоведения. Наряду с Ф.И. Страленбергом, можно вспомнить имена И.Б. Мюллера, А. Пильстрёма, И. Шнитшера, И.Г. Рената, П. Шенстрёма, С. фон Линдхейма и др., чьи работы значительно обогатили европейскую историографию о восточных областях России и сопредельных с ней стран³⁷. Участвуя в экспедициях, организуемых русским правительством в восточные страны, шведские военнопленные нередко становились первыми европейцами, получавшими возможность непосредственного наблюдения за жизнью автохтонного населения. Так, в 1714 г. из Тобольска в Восточный Туркестан и Джунгарию была направлена экспедиция подполковника И.Д. Бухгольца, имевшая в своем составе группу шведов, сведущих в минералогии и металлургии³⁸. В 1717 г. в путь отправилась экспедиция в Хиву под руководством князя А. Бековича-Черкасского, который «...набрал в Казани эскадрон шведских пленных, кои добровольно с ним следовать согласились, под начальством пленного же майора Франкенберга, уроженца Шлезского»³⁹. К сожалению, вернулись назад из этих рискованных предприятий немногие.

Интерес шведов к народам Востока был обусловлен еще тем, что многие из пленников были озабочены поисками следов загадочных древних готв, которые, согласно гипотезам шведских историографов

und ausgewefertiget, von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm, in Verlegung des Autoris. 1730; *Strahlenberg P.J.T., von. Russia, Siberia and Great Tartary* [1738]. N.Y., 1970; *Strahlenberg Ph.J. Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia* // *Studia Uralo-Altaica*. Vol. 8. Szeged, 1975.

³⁶ См.: *Беснятых Ю.Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998.

³⁷ *Stipa G.J. Finnisch-Ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus* // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1990. Vol. 206. S. 177–180.

³⁸ *Моисеев В.А.* В джунгарском плену // *Вопросы истории*. 1977. № 6. С. 210–211.

³⁹ Цит. по: *Итина М.А.* Средняя Азия на карте Страленберга // *Советская этнография*. 1974. № 1. С. 76.

XVI–XVII вв., вышли из Швеции – колыбели мировой цивилизации и распространились затем по всему белому свету⁴⁰. Патриотически настроенные шведские путешественники целенаправленно собирали исторические предания, покупали книги и рукописи в надежде найти новые свидетельства о деяниях величественных предков. Этим настроениям способствовала утвержденная на официальном уровне имперская идеология, отчетливо заявившая о себе в Швеции после заключения Вестфальского мира 1648 г.⁴¹ Известно также, что рост рационализма в быденной и духовной жизни протестантских стран имел двоякие последствия: одновременно в обществе усиливались позиции атеизма и возникли мистические учения пиетического толка, часто искавшие промысел божий в стороне от секуляризованной государством религии⁴². Вместе с тем, некоторые из получивших светское образование каролинов критически воспринимали энтузиазм сторонников теории библейского происхождения современных народов, предпочитая опираться на действительные факты языковой и этнокультурной близости.

Небезынтересным в этой связи представляется вопрос об историографической базе писем, дневников и мемуаров шведских пленников в Сибири. Ключом к пониманию этого вопроса может стать полемика, развернувшаяся почти сразу после издания книги Страленберга. Можно предположить, что поводом к ней стало заявление самого исследователя о том, что в своей работе он избегал компилятивного изложения сочинений других писателей, что, кстати говоря, являлось неотъемлемой чертой прежней западной историографии о России⁴³. Хотя изначально было ясно, что работая над текстом монографии, он не мог не ознакомиться с трудами предшественников, осознавая, что степень его специальной научной подготовки нуждается в усовершенствовании. Как бы то ни было, еще при жизни Страленберга многие ученые-профессионалы осознавали, что находясь в Восточной России, они вольно или невольно проходили по дорогам уже освоенным «каролинами» и прежде всего автором «Северной и восточной части Европы и Азии...».

⁴⁰ См.: *Тиандер К.* Скандинавское переселенческое сказание. Пг., 1915.

⁴¹ *Уредссон С.* Карл XII и падение шведского великодержавия в историографии и традиции // *Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы.* М., 1999. С. 203–205.

⁴² *Смилянская Е.Б.* «Суеверие» и рационализм властей и подданных в России XVIII в. // *Европейское Просвещение и цивилизация России.* М., 2004. С. 209.

⁴³ *Катанов Н.Ф.* Швед Филипп-Иоганн Страленберг и труды его по России и Сибири // *Известия Общества археологии, истории и этнографии.* 1903. Т. 19. Вып. 2. С. 170–174.

Опыты краеведческого и лингвистического свойства предпринимались многими шведскими военнопленными, в той или иной степени вовлеченными в исследовательский процесс⁴⁴. Здесь нельзя исключать и литературного импульса, особенно характерного для северо-германской барочной традиции жанра авантюрного, плутовского романа, который предполагал элемент странствий главного героя по экзотическим местам, а также текстов религиозно-моралистической направленности шведских пиетистов. Первоначально хотелось бы упомянуть о книге «Истинная и обстоятельная история шведских пленных в России и Сибири», изданной пятью годами ранее работы Страленберга его другом К.Ф. фон Врехом. Рассматривая события из жизни колонии военнопленных сквозь призму своих религиозно-нравственных убеждений, автор книги иллюстрирует ее многочисленными письмами, полученными от своих товарищей. Собственно финно-угорский этнографический интерес представляет письмо лейтенанта Мартина о поездке в 1714 г. из Тобольска в Томск по лесным дорогам, через хантыйские селения, где его внимание привлекли моленные домики с деревянными фигурками идолов, одетых в лоскуты тканей. По его сообщению, это были изображения духов охоты и рыбной ловли, перед которыми совершали ритуальные действия, испрашивая удачи в промысле, и в случае успеха лова жертвовали божествам орудия промысла, оставляя их подле такого моленного домика⁴⁵.

Здесь же капитаном фон Врехом приводится обстоятельное письмо к нему Ф.И. Страленберга, содержащее описание религиозных верований, семейных обрядов, одежды и жилищ хантов, живших по течению р. Обь. Описание было сделано со слов шведских офицеров, лично побывавших в хантыйских селениях, очевидно, в ходе миссионерских поездок митрополита Сибирского и Тобольского Филофея, поэтому не удивительно, что в тексте письма дается характеристика дохристианских ритуалов, некоторые из которых были зафиксированы ранее лейтенантом Мартином, как, например, следующий обряд: «Рядом со своими

⁴⁴ *Титова З.Д.* Сообщения пленных иностранцев о народах Сибири (XVIII в.) // Вопросы истории, археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. Вып. 8. С. 172–173.

⁴⁵ *Wahrhafte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien, Weckhergestalt dieselbe nach dem A. 1709 bey Pultava in der Ukraine mit denen Russen gehaltenen unglücklichen Treffen, in ihrer Gefangenschaft, zum Theil von Gott kräftig zur Busse erwecket worden, und was sich von einigen von ihnen angerichteten Schule, zu Tobolsky von Anfange bis zu Ende, wie auch ihrer Zurückkunft nach erfolgten Friedens-Schluss begeben hat, mitgetheilt von Curt Friedrich von Wreech, gewesenen Capitaine unter dem Königl. Schwedischen Albedylischen Dragonner-Regiment. Sorau, 1725. S. 179–180.*

хижинами эти бедные люди вешают маленькие деревянные шкафчики или сундучки, в которых находятся маленькие фигурки и изображения. Когда остяки идут на охоту или рыбную ловлю, они сперва подходят к этим фигуркам, наклоняются и что-то шепчут перед ними, а затем отправляются в путь»⁴⁶. Большой новизной отличается сообщение об устройстве хантыйского жертвенника: «Вблизи своих хижин они установили длинную жердь, а на нее повесили топор, ножи и стрелы, а порой водружали лошадиную голову с гривой и с четырьмя ногами, говоря, что это их жертвы. Также в их жилищах были маленькие деревянные лошадки, на которых, как они сообщали, ездили их боги, кроме того, были у них и другие маленькие фигурки»⁴⁷. Исследовательская наблюдательность нередко подкрепляется стремлением проводить культурологические параллели. Автором письма, в частности, было замечено, что хантыйская техника шаманского камлания во многом совпадает с саамской, вплоть до конструкции бубнов. В этом отношении возникает пока остающийся открытым вопрос, каким образом Страленберг оказался осведомлен об особенностях культового инструментария саамов, и на какие источники он опирался при проведении своих сравнений. Возможно, он был знаком с работой шведского историка И. Шефферуса о Лапландии. Есть в этом письме еще один любопытный с точки зрения истории этнографии момент, когда Страленберг специально упоминает о том, что темно-красный цвет лица и слезливость остяков объясняется вовсе не особым строением их организма, а лишь постоянной задымленностью их жилищ⁴⁸. Этим наблюдением он исподволь указывает на антропологическую несостоятельность многих представлений, господствовавших прежде в европейской историографии о народах северных стран.

Говоря о значительной роли лесных охотопромысловых занятий и в целом о натуральности хозяйства хантов в качестве экзотического момента, Страленберг указывает на бытующую здесь традицию изготовления одежды из рыбьих кож, по большей части из кожи налима. Семейная обрядность в его описании касается хантыйской традиции именнаяречения и погребального ритуала, с чертами народных анимистических представлений: «Если кто умирает, то остяки выдалбливают колоду, обматывают труп оленьей кожей или березовой корой и кладут его в колоду. Погребают покойника в удобном месте в лесу. С умершим кладут его лук, стрелы, копье, топор и котел, в зависимости от того,

⁴⁶ Wahrhafte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Russland... S. 182.

⁴⁷ Ibid. S. 183.

⁴⁸ Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых. С. 76.

какого он был достатка»⁴⁹. Вызывают интерес ответы хантов на вопросы о феномене человеческой души: «Наконец мы их также спрашивали знают ли они, что обладают бессмертной душой. Они отвечали, что когда кто-либо бывает растерзан в лесу диким зверем или еще как-нибудь будет убит в лесу (так как медведи здесь часто задирают людей, и если они клянутся, то говорят: пусть меня медведь задерет, если это не так), душа поднимается вверх; если же кто-нибудь умирает дома или в хижине собственной смертью, то он отправляется вниз и принадлежит шайтану»⁵⁰. Таким образом, от наблюдательности шведов не ускользнули те аспекты религиозно-мифологических представлений хантов, которые свидетельствуют об их значительном синкретизме, особенно что касалось оппозиции рая и ада в интерпретации охотничьего народа, а также о взаимовлияниях традиционного для сибирских народов культа медведя и христианской концепции бессмертия человеческой души.

Интересные сведения о шведских военнопленных, находящихся в сибирской ссылке, сообщает Х.Ф. Вебер, приобретший известность после выхода книги «Преобразованная Россия»⁵¹. Построенное в информативном, почти энциклопедическом духе сочинение представляет в авторской трактовке характеристику духовных и светских властей, состояние армии и флота, формирование финансовой системы государства, местонахождение открытых рудников, развитие академий и искусств, перечисление важнейших мануфактур, характеристику изданных правительством распоряжений, отношения с соседями и вассалами, наряду с новыми известиями об этих народах, и обстоятельствами, связанными с делом царевича Алексея Петровича и другими примечательными событиями. Приехавший в Санкт-Петербург в качестве резидента Брауншвейг-Люнебургского княжества и проживший в стране до 1719 г., Вебер вторично приезжал в Россию уже после смерти Петра I, издав в Ганновере в 1738 г. вторую и в 1740 г. третью части своего труда. О жизни пленных шведов, он писал: «В Сибири находится до

⁴⁹ Wahrhafft und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Russland... S. 183–184.

⁵⁰ Ibid. S. 185.

⁵¹ Das Veränderte Russland, im welchem die ietziige Verfassung des Geist und Weltechen Regiments: der Kriegs, Staats zu Lande und zu Wasser; wahre Zustand der Russischen Finantzen; die geoffneten Berck-Wercke, die eingeführten Academien, Künste, Manufacturen ergangene Verordnungen, Geschäfte mitt denen Asiatischen Nachbahren und Vasallen, nebst der allerneuesten Nachricht von diesen Völckern, die Begebenheiten des Czarewitten, und was sich sonst merckwürdiges in Russland zugetragen, nebst verschiedenen andern bisher unbekandten Nachrichten in einem bis 1720 gehenden Journal vorgestellt werden, mit einer accuraten Landcarte und Kupfferstischen versehen. Franckfurt, 1721.

9 тысяч шведских пленнх, считая с обер- и унтер-офицерами, и хотя их не гоняют ни на какую работу, ни на ловлю соболей (на что употребляют только русских колодников), но все-таки живут они там в крайней нищете... все они, как крестьяне, ходят в совершенно простых и плохих кафтанах; ни от короля, ни от кого из своих они содержания не получают и потому поневоле работают на русских за поденную плату. Князь Гагарин (которого, можно сказать, боготворят в Сибири за его щедрость и доброту), в продолжение трехлетнего своего губернаторства роздал пленным свыше 15000 рублей. Пленные выстроили собственными руками шведскую церковь и имеют пастора, бывшего в Петербурге при одной из церквей и сосланного его величеством в Сибирь за некоторые произнесенные речи»⁵².

Следующий отрывок демонстрирует ту степень противопоставления регулярно построенной жизни и природной пасторали, которую обнаружили шведы в Сибири. С одной стороны, пленные всеми силами пытались восстановить тот привычный образ жизни, что вели прежде и даже приучить к его благам аборигенов, но некоторые из них начинают задумываться над тем, стоит ли им следовать устоявшемуся мнению. Возможно, что местные жители как истинные дети природы олицетворяют образец праведной целомудренной жизни, вызывая растущие симпатии просвещенных. Вебер пишет: «Один шведский обер-лейтенант, также сосланный по некоторым причинам дальше за Сибирь к осякам, теперь живет там очень хорошо. Он приобрел такую любовь туземцев, что они снабжают его всем, что только ему нужно, и во всех делах своей земли спрашивают его совета. Лейтенант этот говорил, что он охотно закончил бы там и жизнь свою, если б только семейству его было дозволено приехать к нему. Те же, которые никакого ремесла не знают и одарены хорошими физическими силами, ходят в лес, рубят там дрова по сажени в день, и вечером получают за это свой алтын или добытый грош. Другие, напротив, обладая какими-нибудь знаниями, завели порядочные школы в несколько классов, в которых обучают не только детей шведских пленнх (многие шведы взяты были с их женами, другие же женились на русских женщинах), но и русских вверяемых им детей латинскому, немецкому, французскому и другим языкам и также морали, математике и всякого рода телесным упражнениям. Школы эти приобрели известность между русскими, что сии последние присылают в них для обучения сыновей своих из Москвы, Вологды и других городов. Учителя в них, бывшие прежде высшие и низшие офицеры, ведут теперь весьма нравственную жизнь, вполне посвятили себя духовному служению и содержание свое получают от учеников и знаме-

⁵² Das Veränderte Russland... S. 8.

нитого господина Франке из Галле»⁵³. Так, культурный импульс, исходящий от «каролинов», попал на благодатную почву модернизирующейся России, остро нуждавшейся в «учителях», о чем говорил в годовщину полтавской битвы сам царь Петр I, видевший в шведах не только противников, но людей способных усовершенствовать жизнь его страны⁵⁴.

Некоторые из военнопленных не только созерцали и фиксировали особенности аборигенного быта, но и пытались осмыслить нахлынувший на них поток экзотической эмпирики, опираясь на базу ранее полученных историко-лингвистических знаний, а также готовясь к обобщению собранных сведений и выдвижению гипотез этногенетической направленности. Вебер приводит такой случай: «Один шведский полковник по имени Шенстрём, человек с хорошими средствами, обладающий ученостью и умом провел время плена своего в Сибири в интересных наблюдениях и изучении страны и ее обитателей. Он писал к другу своему в Москву, что на границах Сибири он встретил языческий народец, вероятно, соседний с остяками, и по ближайшему исследованию его веры и образа жизни нашел много такого, что имеет весьма большое сходство с древним язычеством. Так как народец этот в богослужении своем упоминает имена Тора, Фреггы и Одде, бывших древними языческими божествами в Упсале, то он полагает, что язычники эти, имеющие свой собственный язык, должны были происходить от тех готов, которые в древности оставили Швецию, вышли на берег Остзейского моря и частью потянулись к Черному морю, частью в русские земли и что, вероятно, некоторые из них под гнетом и силою врагов своих принуждены были оставить занятые ими места, двигаться дальше и, наконец, искать безопасности в отдаленнейших странах за Сибирью, куда уже никто не хотел следовать за ними. Этот полковник составил любопытные замечания, которые со временем хотел издать с целью подтверждения приведенного здесь предположения»⁵⁵. Попытки сформулировать некие этногенетические гипотезы, предпринятые оказавшимися в России каролинами, можно истолковать как частные проявления общего стремления образованных людей эпохи внести посильную ясность в абсолютную «ненаучность» того мира, в котором они оказались. Опираясь на ранее полученные знания, они начали работать на переднем крае опытного освоения природы этнического.

Пожалуй, наибольшей популярностью среди европейских читателей (до появления работы Страленберга) пользовалась книга пленного

⁵³ Das Veränderte Russland... S. 8–9.

⁵⁴ См.: *Autio V.-M. Yliopiston virkaniemitykset 1809–1852.* Helsinki, 1981.

⁵⁵ Das Veränderte Russland... S. 161.

драгунского капитана И.Б. Мюллера «Жизнь и обычаи остяков», изданная сначала на немецком, затем на французском языке⁵⁶. Как выяснилось впоследствии, преимущественная часть этнографических наблюдений была заимствована капитаном Мюллером из рукописного сочинения его тобольского знакомого Г. Новицкого, вместе с которым они сопровождали митрополита Филофея (Лещинского) в миссионерских поездках к хантам и манси. Дело в том, что в 1706 г. вышел царский указ об активизации распространения христианства среди обско-угорских народов, усиленный в 1710 г. особым распоряжением сибирскому губернатору⁵⁷. По всей видимости, нуждаясь в грамотных сотрудниках, митрополит привлек к работе в миссии не только своего земляка, учившегося в Киево-могилянской Академии ссыльного казачьего полковника Г.И. Новицкого, но и некоторых шведских пленных. Экспедиции к березовским хантам в 1712–1713 гг., к пелымским манси в 1714–1715 гг., а затем к хантам, живущим по р. Конде, сопровождалась преодолением множества препятствий. Неоднократно подвергаясь нападениям не желающих принимать крещение язычников, но действуя со свойственной миссионерам настойчивостью, спутники митрополита Филофея смогли обратить в православие более сорока тысяч местных жителей. Для закрепления основ христианского образа жизни в новокрещенных ясачных волостях были назначены не только священники, но и светские надзиратели, среди которых были пленные офицеры⁵⁸. Таким надзирателем в Кондинской волости стал ссыльный полковник Новицкий, исполнявший эту должность в течение нескольких лет и убитый вместе со священником противниками новой веры.

Ф.И. Страленберг также оставил несколько любопытных наблюдений по поводу миссионерской деятельности православного духовенства, отметив, что хотя русские пастыри и применили много усилий,

⁵⁶ Johann Bernhard Müllers, Königl. Schwedischen Dragonner Capitain, Leben und Gewohnheiten des Ostiaken, eines Volcks, das bis unter dem Polo Arctico wohnet, wie selbiges aus dem Heydenthum, in diesen Zeiten zur Christl. Griechischen Religion gebracht, Mit etlichen curieuses Anmerkungen vom Königreich Sibirien und seinem Freto Nassovio oder Weigats, In der Gefangenschafft deselbst geschreiben. Berlin, 1720., Jean Bernhard Müller Les mœurs et usages des ostiackes. Et la maniere dont ils furent convertis en 1712, à la Religion Chrétienne du rit Grec. Avec plusieurs Remarques curieuses sur le Royaume de Sibirie, & le Détroit de Weygatz ou de Nassau.

⁵⁷ См.: *Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941; *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 264.

⁵⁸ На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Екатеринбург, 1996. Ч. 1. С. 127–129.

чтобы обратить язычников в христианскую веру, но до сих пор добились еще малых успехов, так как эти язычники, во-первых, живут по лесам очень рассеянно и редко находятся в одном месте, во-вторых, потому что у них нет книг и письмен, и они не понимают русского языка. Напротив, те, что живут в деревнях среди русских, почти все крещены, говорят по-русски и так, что их невозможно отличить от русских⁵⁹. Так, довольно метко автор исследования подчеркнул неумолимое развитие ассимиляционных процессов в Сибири, когда новая вера воспринималась скорее как идентифицирующий признак, ведущий к смене всего этнического образа. Данное замечание характеризует, в том числе, противоречивость личных духовных установок автора письма. Страленберг, будучи искренне верующим человеком, для которого принятие христианства являлось необходимым шагом на пути цивилизации, скорее всего понимал, что ускоренная принудительная христианизация – мероприятие государственное с четко обозначенной целью достичь некоторого единообразия в этнической и конфессиональной пестроте колонизируемой территории. Таким образом, государством выстраивалась некая идеальная триада, предполагавшая христианизацию–просвещение–обрусение⁶⁰. Тем не менее, постоянно сталкиваясь с внутренними противоречиями (например, как просвещать инородцев – по-русски или на местных языках? и др.) и внешним сопротивлением (сектантство, двоеверие, неоязычество и др.), практическое осуществление этого проекта закономерно перешло в стадию политического «долгостроя» и этнокультурного дискурса.

Возвращаясь к вопросу о формировании научного мировоззрения Ф.И. Страленберга, думается, что его первыми учителями были книги, которыми ему удалось обзавестись в плену всеми правдами и неправдами. Кое-что удалось найти за короткое время пребывания в Москве, что-то было прислано единоверцами уже в Тобольск. Специальное исследование его текстов, проведенное научными оппонентами, показало наличие в них сведений, почерпнутых из работ античных и средневековых авторов. Однако жемчужиной его библиотеки стала рукопись среднеазиатского историка XVII в. Абул-Гази Бахадур-хана «Генеалогическая история татар, жизни и деятельности татарских ханов», или «Родословное древо тюрок», приобретенная им в Тобольске⁶¹. По собственным словам

⁵⁹ Зиннер Э.П. Известия шведских военнопленных о Сибири. С. 48.

⁶⁰ Слёзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 132–133.

⁶¹ Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописных татарских книги Сочинения Абулгази Баядур-хана и дополненная

Страленберга, «...он поддерживал дружеские отношения как с проживающими в Тобольске и его окрестностях бухарскими татарами, так и с другими татарами-мусульманами как ради изучения языка, так и ради тех путешествий, которые некоторые из них совершали в Великую Татарию. Особенно часто встречался я с их ахуном по имени Азбакевич. Однажды он показал мне, кроме всех других документов, которые у него имелись, две рукописи. Одна из них касалась Персии, а другая Татарии, причем эту последнюю он назвал «Чингиз Китап», то есть книга Чингиза. Обе рукописи были получены из Туркестана. Из объяснений в отношении отдельных частей этих рукописей, данных им на русском языке, я понял, что в них, особенно в последней, содержится много материалов для описания Великой Татарии. Поэтому я выпросил у него эту рукопись, чтобы более подробно посмотреть ее с помощью другого моего знакомого татарина»⁶². Перевод рукописи был организован весьма примечательным образом – с помощью знакомого татарина текст переводился из слова в слово на русский язык, затем два пленных офицера, хорошо знавшие русский, переводили его на немецкий язык. Вполне возможно, что работая над этой рукописью, Страленберг начал превращаться в профессионального историка и лингвиста, складывающего мозаику разрозненных сведений о «Великой Татарии». Вероятно, что к моменту знакомства с доктором Мессершмидтом он уже твердо стоял на исследовательском пути, хотя и ощущал пиетет перед профессиональной наукой. Утратив возможность общения со своим ученым другом (Д.Г. Мессершмидтом), о котором в иносказательной форме он упоминает в своей книге, Страленберг отдал свой труд на исправление знакомым ученым, которые постарались придать его работе некие наукообразные формы, присущие европейским историографическим представлениям того времени.

Есть сведения о том, что с исходными рукописями Страленберга ознакомился и, возможно, дополнял Лейпцигский ориенталист и филолог Г.Я. Кер, занимавший впоследствии профессорскую должность в Санкт-Петербургской Академии наук⁶³. Решение о необходимости подобных

великим числом примечаний, достоверных и любопытных о прямом нынешнем состоянии Северная Азии с потребными географическими ландкартами / Пер. с французского В. Тредьяковского. СПб., 1768; Абульгази-Бахадур-хан Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова, с послесловием и примечаниями Н.Ф. Катанова // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1905. Т. 21. Вып. 5, 6.

⁶² Цит. по: Кононов А.Н. История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абульгази «Родословная тюрков» // Советская тюркология. 1971. № 1. С. 3; Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972. С. 58–62.

⁶³ Härmäläinen A. Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karl XII. über die finnisch-ugrischen... S. 32.

консультаций было продиктовано тем, что автор с самого начала своей научной деятельности отдавал приоритет лингвистическим данным, усердно собирая слова из всех встречавшихся на его пути языков и диалектов, видя в восточных языках, в том числе сибирских, верное средство к объяснению вопросов происхождения и родства народов⁶⁴. Как пишет о нем В.Н. Татищев «что оной издатель о произшествии народов тщился доказывать языками, оное есть между всеми наилучший способ, а особливо в случае недостатка деписаний»⁶⁵. Вместе с тем, уверенность в правоте собственных интерпретаций полевого материала ему добавляли ссылки на авторитетные труды классиков и современников. Возможно, что в ходе общения с профессиональными учеными, Страленберг воспринял идею Г.В. Лейбница об определении родства различных народов, в том числе и финно-угров, путем сравнения языков, о чем свидетельствует избранная им методология⁶⁶. Имя Страленберга приобрело не просто широкую известность в научных кругах, а его труд – чрезвычайно высокий индекс цитируемости, но часто полярные оценки со стороны современников и исследователей более позднего времени. Например, профессор И.Г. Гмелин, также немало времени проводивший в странствиях по Сибири, наряду с критикой некоторых аспектов работы, отмечает совершенный Страленбергом пионерский прорыв в изучении огромных пространств ранее не известной науке ойкумены⁶⁷. Отношение его экспедиционного товарища Г.Ф. Миллера к Страленбергу приобретает глубоко личное измерение, когда внешне критическое отношение к сведениям шведского исследователя становится не просто актом личного позиционирования, но и внутренним признанием первенства Страленберга в постановке ряда ключевых проблем истории и этнографии обширного края⁶⁸. В то же время А.Л. Шлёцер не считал книгу Страленберга серьезным источником и со свойственным ему

⁶⁴ Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 19.

⁶⁵ Цит. по: Татищев В.Н. Примечания на книгу, учиненную господином Страленбергом, имянуемую Северной Восточной страны Европы и Азии, печатанной 1730-м году в Стокгольме // Татищев В.Н. История российская в семи томах. М.; Л., 1968. Т. 7. С. 405.

⁶⁶ См., например: Droix D. Le voyage de «Schreiten»: Leibniz et les débuts du comparatisme finno-ougrienne // Leibniz, Humbolt and the Origins of Comparativism. Amsterdam, 1990. P. 19–25.

⁶⁷ Белковец Л.П. О месте И.Г. Гмелина в истории русской науки // История Сибири. Томск, 1971. Вып. 3. С. 14–29.

⁶⁸ Zagrebin A. Die Position des Autors in der «Nachricht von den Tschheremisien, Tschuwaschen und Wotiacken» // Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien. 2005. Bd. 3. S.105–110.

апломбом писал, что «ни один иностранец не наделал столько ошибок и глупостей в русской истории, географии и статистике, как этот швед – хвастун и невежда»⁶⁹.

Одним из наиболее серьезных и вдумчивых критиков Страленберга был В.Н. Татищев, познакомившийся с пленным шведским офицером еще в 1720 г. в Тобольске⁷⁰. Сотрудничество их продолжилось в 1724–1726 гг., когда Татищев находился в Стокгольме как представитель Берг-коллегии⁷¹. Страленберг познакомил русского коллегу со шведскими и немецкими историками, которые помогли Татищеву организовать работу по изучению скандинавских исторических источников и литературы⁷². Из письма Страленберга берлинскому слависту Л. Фришу известно, что в 1725 г. Татищев, который «...хорошо говорит и порядочно пишет по-немецки», составил примечания к статьям о России в «Staats und Zeitung Lexicon» И. Хюбнера. Кроме того, пишет Страленберг, «Татищев охотно согласился взять в Петербург для перевода имеющийся у меня труд Абул-гази и обещал проверить его текст»⁷³. Находясь в Швеции, В.Н. Татищев ознакомился с подготовительными рукописями Страленберга и отписал начальству: «Здесь подполковник Табогт историю сибирскую весьма с довольным обстоятельством совершил и ландкарту вскоре будет печатать»⁷⁴. Уже после смерти императора он сообщал кабинет-секретарю М.А. Черкасову о желании Страленберга посвятить свой труд императору Петру I, отмечая, что «описание Сибири безо всякой противности состоит и паче к славе и пользе российской», обещая написать к этой работе свое предисловие⁷⁵. Но вопрос так и не нашел разрешения в бюрократических инстанциях, и книга была посвящена шведскому королю. Осенью 1730 г., получив известие о публикации в Стокгольме книги и карты Ф.И. Страленберга, Татищев немедленно обратился к академическому советнику И.Д. Шумахеру с просьбой приобрести для него один экземпляр⁷⁶.

⁶⁹ Цит. по: *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая половина XIX в.). М., 1985. С. 55.

⁷⁰ *Grau C.* Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und wissenschaftler Vasilij N. Tatišëev (1686–1750). Berlin, 1963. S. 47–49, 174–177.

⁷¹ *Юхт А.И.* Поездка В.Н. Татищева в Швецию (1724–1726 гг.) // Исторические записки. М., 1971. Т. 88. С. 322–323.

⁷² *Шольц Б.* Варяжский вопрос в записках Ф.И. Страленберга об истории и географии России // Скандинавские чтения. СПб., 1998. С. 195–196.

⁷³ Цит. по: *Юхт А.И.* Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 179–180.

⁷⁴ Цит. по: *Андреев А.И.* Труды В.Н. Татищева по истории России. С. 8.

⁷⁵ Цит. по: *Юхт А.И.* Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. С. 179.

Позднее Татищев неоднократно возвращался к работе Страленберга, на которую в 1732 и 1736 гг. составил подробные примечания, нередко идущие вразрез с авторскими трактовками. Тем не менее, отдавая должное новаторской публикации, Татищев писал: «Сей господин издатель по его любопытству и трудам весьма похвалы достоин, и подлинно можно сказать, что он другим подал немалую причину о происхождении и переселениях народов, обретающихся в сих странах, далее истин искать, которым он во многих обстоятельствах света окно отворил». Сомневаться в искренности слов основоположника российской исторической науки не приходится, поэтому рассмотрение финно-угорских материалов, содержащихся в книге Страленберга, попробуем осуществить в системе прямого корреспондирования с примечаниями В.Н. Татищева⁷⁶.

Финно-угорские народы в книге Ф.И. Страленберга: Как не однократно отмечалось исследователями, значение труда капитана Страленберга в плане финно-угорской направленности заключается, прежде всего, в предпринятой им попытке систематизации родственных народов по языковому принципу⁷⁸. Несмотря на то, что он часто основывался лишь на лексическом совпадении, либо фонетическом созвучии отдельных слов, вынесенных им в сравнительную таблицу, это не помешало ему в целом верно сгруппировать языки финно-угорского происхождения.

Развеивая один из мифов, сложившихся в европейской историографии о моноэтнической структуре населения «Великой Татарии», Страленберг пишет: *«Если я должен заранее что-то сообщить о так называемых татарах: то необходимо знать, что в обозначенной северной и восточной части Европы и Азии находятся шесть классов основных народов, которые в Европе объединены в одно целое под названием татар, в то время как на европейской территории живут Мордва, Черемисы, Пермьки и Вотяки, а в Азии к ним относятся Вогулы, Остяки и Барабинские народы, к которым также принадлежат Финны, Лапландцы, Эсты, Венгерские секлеры и малочисленные*

⁷⁶ Валк С.Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 46.

⁷⁷ Цит. по: Татищев В.Н. Примечания на книгу, учиненную господином Страленбергом, имянуемую Северной Восточной страны Европы и Азии... С. 405; Загребин А.Е. Ф.И. Страленберг и В.Н. Татищев у истоков этнографического изучения финно-угорских (уральских) народов // Уральский исторический вестник. 2006. № 13. С. 59–68.

⁷⁸ Manaster Ramer A., Sidwell P. The truth about Strahlenberg's classification of the languages Northeastern Eurasia // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1997. Vol. 87. P. 140–143.

*Ливы, или Лифы в Курляндии, изначально являвшиеся одним народом, а в древности принадлежали к ним Гунны, или Унны, которые никакие не татары»*⁷⁹. Отличительной чертой работы Страленберга, помимо использования передовой систематизирующей методологии, было подчеркнутое стремление к историчности повествования, заполнению многочисленных белых пятен информацией этногенетического характера, пусть противоречивой и не всегда подкрепленной фактами.

Начиная свою книгу с главы, касающейся проблемы происхождения названия Россия, Страленберг предлагает читателям ретроспективный анализ различных, внутренних и внешних, наименований территории, составляющей современную ему Российскую империю. Так, рассматривая одно из наиболее распространенных в европейской книжной традиции названий российских земель, как-то «Скифия», он указывает не только на древнегреческое происхождение этнонима, но и, возможно, бытовавшее здесь самоназвание местных жителей «чюати» и «чудь». Ссылаясь далее на публикации Санкт-Петербургского академика Г.З. Байера, с которым он находился в переписке, Страленберг предполагает, что от кочевников скифов образовались многие современные ему народы России, однако не славяне и не татары⁸⁰. Следовательно, это могли быть финские и угорские народы.

Еще одно рассмотренное им название страны – «Сурима», – автор возводит к финским словам «suuri» – большой, великий и «maa» – земля. Закljučая свои рассуждения, он пишет, что о происхождении названия Русь/Россия могут быть разные мнения, ясно только одно, что имя это унаследовано нынешним населением от древних жителей страны. В русском переводе, сделанном для В.Н. Татищева, мысль шведского исследователя передана так: «...что слово и имя Русь, не что иное есть, токмо перевод прежде реченных имян Сарга, Саури или Сармадаи, ибо слово Русь такожде не славянское, но природное российское слово и в российском языке знаменует русые или желтоватые волосы, також у Финнов (которые принадлежат к прямым и древним обитателям России) русское, русое или рыжие значит...»⁸¹. В этом контексте следует также упомянуть о попытке сближения автором башкир и финно-угров на основе так называемого «коэффициента рыжести». Стрален-

⁷⁹ Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 31–32.

⁸⁰ См.: Байер Ф.З. О начатке и древних пребывалищах скифов // Краткое описание commentaries Академии наук на 1726 г. СПб., 1728. Ч. 1. С. 125–138; Он же. О местоположении Скифии, каково было в лета Герадотовы // Краткое описание commentaries Академии наук на 1726 г. СПб., 1728. Ч. 1. С. 139–166; Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. С. 5.

⁸¹ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга... С. 12.

берг пишет, что татары называют башкир «sari-işteк», то есть «рыжие остяки», а из этого ясно, что они потомки гуннов. Продолжая свою мысль далее, он уточняет: *«Поскольку остяки, в отличие от других народов, рыжеволосые и сегодня говорят на гуннском языке, то названные башкиры, которые тоже рыжеволосые, до и после к ним относятся»*⁸². Здесь уместно будет сказать о том, что Страленберг выступил как один из пионеров гипотезы угорского происхождения башкирского народа, или, по крайней мере, одной из составных частей данного этноса⁸³. Примечательно, что в данном случае автор отходит от генерального принципа избранной им методологии, – принципа языкового родства.

В ответ Татищев своими комментариями словно пытается вернуть его в прежнее методологическое русло: «Чтоб башкиры от остяков произошли, оное весьма неправо: 1) что они волосы якобы красные имеют, оное я довольно рассмотреть случай имел и нахожу, что есть неправда, ибо их с киркиз-кайсаками, или казачиею ордою, различить, кроме малой отмены в наречии, ничем невозможно...»⁸⁴. И далее: «Башкиры принадлежат к прежним казанским татарам и не являются отдельным народом. Обычно называются *baskire*, что означает на татарском того, кто отрывает голову, но этот народ такого имени не хочет иметь и воспринимает его как насмешку»⁸⁵. В тексте «Истории Российской» он пересматривает свою точку зрения и солидаризируется со Страленбергом, недвусмысленно высказываясь в пользу сарматского происхождения башкир. А что касается их языка, пишет: «Понеже они закон Магометов с татары приняли и язык их употреблять стали, за татар уже почитаются. Однако в языке от прочих татар много разнятся, что не всяк ис татар их разуместь может»⁸⁶. Как бы то ни было, предварительный вывод Страленберга, о развитии ранней этнической истории европейского Северо-Востока достаточно очевиден: первоначальное неславянское население России, представленное «скифскими/чудскими/сарматскими» племенами, передало название страны своим восприемникам-славянам. Обращаясь в четвертой главе к проблеме преемственности власти в России, Страленберг еще раз подчеркивает,

⁸² Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 61.

⁸³ Янгузин Р.З. Угорская теория происхождения башкирского народа // Этнос – культура – человек. Ижевск, 2003. С. 490–491; Он же. Происхождение башкирского народа. Уфа, 2003. С. 17–24.

⁸⁴ Цит. по: Татищев В.Н. К примечаниям на Страленберга // Татищев В.Н. История российская в семи томах. М.; Л., 1968. Т. 7. С. 401.

⁸⁵ Татищев В.Н. Примечания к [сочинению о] Северо-Восточной России господина Страленберга // Татищев В.Н. История российская в семи томах. Л., 1968. Т. 7. С. 398.

⁸⁶ Татищев В.Н. История российская в семи томах. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 252.

что славяне восприняли нынешний этноним Русь/Рось/Россиане от прежних насельников страны⁸⁷.

Третья глава книги, повествующая об истории административно-территориального устройства российского государства, содержит ряд примечательных моментов, связанных с расселением финно-угорских народов. Подразделяя страну на «приобсценные» и «завоеванные» области, Страленберг пишет, что в числе последних в европейской части находится Великая Пермия, в древности называемая Биармаланд. Население ее, занимавшее обширную территорию, поклонялось огню, воде и идолу, известному как Золотая Баба, до тех пор, пока в 1343 г. стараниями православного епископа Стефана Пермского здесь не было распространено христианство. В пределы Великой Пермии автор включает «земли и уезды» Югскую, Сухонскую, Вологодскую, Вятскую, Холмогорскую, Печерскую, Лапландскую, Корелия, Печоры, Угорию или Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермьяки, Гамы и Чусовую. Присоединение большей части этих земель к Москве он датирует временем правления великого князя Василия III⁸⁸. Лишь только ханты показаны в азиатской части страны, в пределах бывшего Сибирского ханства. Таким образом, историко-географическая концепция Страленберга безусловно вбирает в себя динамику отношений российского государства и финно-угорских народов. Включение в границы Великой Пермии/Биармии практически всех земель с бывшим и настоящим финно-угорским населением, по всей видимости, свидетельствует о понимании автором не только их этнокультурного родства, но и государственных потенций.

В то же время в примечаниях к четвертой главе своей книги Страленберг, со ссылкой на средневековые хроники и данные собственной сравнительно-лингвистической таблицы «*Tabula Polyglotta*», отождествляет территорию Биармии то с современной ему Карелией, то с Чердынью на западном Урале, подчеркивая, что финны, пермяки, биармы и остяки прежде говорили на одном языке⁸⁹. Таким образом, автор исподволь выступает как сторонник идеи шведского историографа XVI в. О. Магнуса о «двух Биармиях» – ближней и дальней, хотя и не говорит об этом открыто⁹⁰.

Татищев пишет по этому поводу: «*Biarmia* – это не теперешняя *Permtia*, но страна, которая в древние времена лежала около Ладожского озера, как явствует из Олая Магнуса и Саксона Грамматика, которые оба сообщают, что шведы и датчане приходили до того места, след-

⁸⁷ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга... С. 39.

⁸⁸ Там же. С. 51–52.

⁸⁹ Там же. С. 72.

⁹⁰ *Савельева Е.А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983. С. 45–46.

ственно, на реке Каме оно быть не может. Возможно, люди оттуда были изгнаны славянами, а имя еще удержали»⁹¹. Выступая против попытки Страленберга локализовать территорию Биармии на западном Урале, Татищев, очевидно, с излишним скептицизмом пишет: «Написал, якобы город Чердынь есть Биармия, о котором часто в древних шведских историях упоминается, и тем хочет доказывать, что индианцы, найденные при реке Ельбе, якобы Волгою, Камою и Вишерою вверх перевозились с торгами в реку Печору и потом морем торг свой отправляли. Но сие его мнение весьма невероятно. 1) Бярмия издревле в северных историях известна, и она была не город, но целой народ, которые жили между Белого и Ладоского озер к северу... И оные в 8-м ст. по Христе при нашествии словян еще были в довольной силе и в те времена с датчанами и шведами приходящими имели войны. А от словян уходя далее в леса, оные бярмы, может, поселясь по Каме, пермями...»⁹². В другом отрывке своих «Примечаний...» Татищев еще раз подчеркивает, что «пермы» произошли, по-видимому, от «бярмов»⁹³. Как видно, мысль русского историка о миграции народа и, соответственно, миграции топонима в целом не противоречила ранее высказанной гипотезе «о двух Биармиях». Приверженность русского историка «миграционизму» и его уверенность в доказательной способности языковых созвучий однажды подвела самого критика, что имело место в попытке отождествления Татищевым ингерманландской води с удмуртами (вотяками)⁹⁴.

Рассматривая административную карту Российской империи, Ф.И. Страленберг указывает ареалы расселения некоторых финно-угорских народов привязанные к речным бассейнам и городским центрам, с учетом границ вновь образованных губерний. Более подробно им показан этнический состав Сибирской губернии, куда автор включил: «княжества Вятское, Соликамское и Кунгурской уезд, Угория и все оные землицы, которая под именем Сибири заключаются...»⁹⁵. Соответственно, удмурты и коми-пермяки, совместно с манси и хантами, были отнесены им к числу сибирских народов, что было не совсем

⁹¹ Цит. по: *Татищев В.Н.* Примечания к [сочинению о] Северо-Восточной России господина Страленберга. С. 398.

⁹² *Татищев В.Н.* Примечания на книгу, учиненную господином Стралембергом, имянуемую Северной Восточной страны Европы и Азии, печатанной 1730-м году в Стокгольме. С. 416.

⁹³ Там же. С. 411.

⁹⁴ *Татищев В.Н.* Примечания к [сочинению о] Северо-Восточной России господина Страленберга. С. 398; *Он же.* Примечания на книгу, учиненную господином Стралембергом, имянуемую Северной Восточной страны Европы и Азии. С. 416.

⁹⁵ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга... С. 44.

справедливо, поскольку, описывая далее население Казанской губернии, из финно-угров он упоминает только горных марийцев, упустив местное удмуртское население. Дополнительно выделенная в тексте книги Нижегородская «вице-губерния» населяется автором луговыми марийцами и мордвой. Примечательно, что Страленберг выделяет мордву-мокшу Воронежской губернии в отдельный народ⁹⁶. Не будучи знаком с этой группой мордовского народа непосредственно, он указывает, что мокшане представляют собой один из языческих народов России, имеющий сходные с чувашами нравы и обычаи, места же расселения мокшан находятся между Ломовым, Тамбовом и городом Пенза⁹⁷. Сведения Страленберга по этнографии восточно-финских народов, по сравнению с обско-угорскими материалами, не отличаются особенной глубиной, что объяснимо кратковременностью его пребывания в губерниях европейской части России.

Сочетанием правды и фантазии звучат некоторые полевые наблюдения Ф.И. Страленберга. Например, можно согласиться с его предположением, что самоназвание хантов «chondichne» произошло от названия р. Конда и даже с тем, что манси могли рассказывать ему о том, что прежде они составляли с пермяками один народ и даже с тем, что их часто называли «tschuludi», но сообщение о том, что живущие близь Томска ханты связывали свое происхождение с некоей страной «Sauomis» или «Sembla», отождествленной им с Финляндией или Лапландией, кажется несколько надуманным. Впрочем, как и его желание связать уральское поселение Тура с главным городом финнов – Турку, вполне совместимое с тем, что во Фригии находилась Троя⁹⁸. В.Н. Татищев более осторожно пишет: «Тура река в Уральских горах в Верхотурском уезде... вогуличи именуют Тырна, но что то значит, истолковать не разумеют»⁹⁹. Из этой же логики следует предложенная Страленбергом этимология удмуртского этнонима «Ар», являющегося внешним (татарским) названием удмуртов. «Ары» видятся автором потомками сарматов и кимеров, которые были древнейшими жителями России. Именно от них произошел этот народ, чья земля обозначается словом «Arima», что может, по мнению автора, сближаться с упоминаемым у Плиния названием «Aramasi»¹⁰⁰. Множественные этимологические опыты и смелые исторические обоб-

⁹⁶ Юрченков В.А. Взгляд со стороны. Мордовский народ и край в сочинениях западно-европейских авторов VI–XVIII столетий. Саранск, 1995. С. 188–193.

⁹⁷ Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 401.

⁹⁸ Ibid. S. 64–65.

⁹⁹ Татищев В.Н. Примечания на книгу, учиненную господином Стралембергом, имянуемую Северной Восточной страны Европы и Азии, печатанной 1730-м году в Стокгольме. С. 431.

¹⁰⁰ Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 76.

щения приближают стилистику труда Страленберга к эрудитской традиции западноевропейской историографии XVI–XVII вв., тогда как конкретные этнографические и географические наблюдения, совместно со сравнительной таблицей языковых форм, выводят его работу на новый рационалистический уровень, приближающийся к классическим образцам научного текста эпохи Просвещения.

Ф.И. Страленбергом, кроме того, был поставлен целый ряд научных проблем, занимающих ученых по сей день. Так, по мнению финского языковеда Э.Н. Сетяля, Страленберг был первым, кто обозначил проблему существования древнего финно-угорского языка-основы¹⁰¹. Венгерский лингвист П. Хунфалви в совместной с А. Регули публикации о народе манси, обратил внимание на использованные автором этимологии и принципы классификации, и в особенности в плане установления финно-венгерского родства. Венгерские ученые обратили внимание на тот факт, что Страленберг использовал такой этноним как «секлеры», считая последних потомками гуннов. Дело в том, что секлеры (локальная группа венгерского народа, живущая преимущественно в Трансильвании), были хорошо известны в Европе по причине их военно-пограничного противостояния османской экспансии. Это и еще несколько выявленных в тексте обстоятельств свидетельствуют о серьезной теоретической проработке шведским ученым этногенетической проблематики. Страленберг опирался не только на личные полевые собрания, но и на «100 финско-венгерских этимологий», по-видимому, извлеченные из работы шведского историка О. Рюдбека «*Specimen usus linguae gothicae*» 1717 г. и книги венгра М. Бела «*De vetere literatura Hunno-Scythica*», опубликованной в 1718 г. в Лейпциге. Безусловно, не все предположения Страленберга, сделанные на основе изучения научной литературы, были справедливы, как, например, его попытка отождествления финнов с древними «уйгурскими гуннами».

Кроме суждений о взаимоотношениях различных народов и языков северо-востока Евразии, труд Страленберга содержит этнографические заметки, касающиеся некоторых сторон духовной и материальной культуры финно-угорских народов. В основном, это краткие справки, рассеянные по различным частям книги. Поскольку большую часть своего плена капитан Страленберг провел в Западной Сибири, значительная доля его материалов обско-угорского происхождения. Кое-что им было почерпнуто из опубликованных сообщений ранее побывавших в Сибири европейцев, как это было, например, с описанием медведя, «...бьющего по барабану с колокольчиками, на нюрнбергский

¹⁰¹ *Setälä E.N. Lisiä suomalais-ugrilaisen kielentutkimus historian // Suomi. 1892. Vol. 3. S. 257.*

манер», которому на коленях молились обские ханты. Сюжет явно заимствованный из путевых записок голландского путешественника Избрандта Идеса¹⁰². Имея лишь краткую возможность лично наблюдать жизнь и быт народов Поволжья и Приуралья, Страленберг, тем не менее, сообщает ряд интересных этнографических сведений, возможно, записанных со слов офицеров, отбывавших свой плен в пределах Казанской губернии¹⁰³. Автор, в частности, пишет о распространении среди мордовского народа пережитков солярного культа: *«Дверные проемы своих жилищ мордвы, как и чувашаи, устраивала на южной стороне избы, чтобы обращать свои молитвы к солнцу; очаг в их домах находится с левой стороны... Мордвыны жертвуют своему богу «Jumischipas», (равнозначному Jumala) быков и при этом просят у него всего, в чем нуждаются в данный период. Они не развешивают жертвенные лошадиные шкуры на деревьях, как это делают черемисы, не едят также конины, подобно христианам, и свинины, подобно имеющимся в Русском государстве иудеям»*¹⁰⁴. Сведения Страленберга о солярных верованиях мордвы отчасти подтверждается более поздними сообщениями нижегородского епископа И. Дамаскина. Информанты епископа, имевшего высочайшее распоряжение о составлении сравнительного словаря языков народов, живущих в вверенной ему епархии, доносили, что мордва живет не в городах, а в небольших деревнях, дома в которых расположены так, что их двери смотрят на восток, и как только солнце восходит и его первые лучи проникают сквозь маленькое дверное окошко, люди кланяются ему и произносят молитву. Кроме того, источники епископа сообщали, что утром, только поднявшись, и вечером перед сном мордвыны молятся лицом на восток¹⁰⁵. В целом, хочется отметить, что Страленберг, уделяя много внимания дохристианским верованиям народов восточной России, стимулировал научный интерес к данной проблематике.

Кроме этнографических заметок, в тексте Ф.И. Страленберга содержится немало крайне неясных сообщений, над которыми еще предстоит серьезно поразмышлять. К таковым следует отнести сведения о магическом значении чисел 3 и 9 в контексте ритуальных действий

¹⁰² См.: E. Ysbrand Ides Dreyjährige reise nach China von Moscau durch gross Ustiga, Siriana, Permia, Sibirien etc. Frankfurt, 1707; Избрандт Идес и Абрам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай. (1692–1695). М., 1967; Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 59.

¹⁰³ Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. С. 33.

¹⁰⁴ Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 402.

¹⁰⁵ Цит. по: Härmäläinen A. Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karl XII. über die finnisch-ugrischen Völker. S. 47–48.

крестьян Ливонии, совершаемых вблизи священных деревьев или в рощах, когда, жертвовались (пища, олово, латунь и т.д.)¹⁰⁶. Очевидно, что Страленберг мог лично присутствовать на некоторых церемониях жертвоприношений, об этом свидетельствуют его материалы по сибирскому культу медведя. Он писал по этому поводу, что если манси добывали в лесу несколько медведей, то приносили жертву следующим образом: в грубо срубленной хижине для молений стоял стол, за которым в определенном порядке лежали туши трех медведей, у которых были нетронуты лишь головы, шкура же была набита. По обеим сторонам туш находились мужчины с длинными ножами в руках, затем входил еще один с топором и изображал сцену поимки медведя, а двое стоявших с ножами символически защищали их и просили у них прощения, якобы они не виноваты в том, что медведи были убиты, поскольку их убили стрелы, железо для которых выковали и изготовили русские. Между тем, остальные участники церемонии были на улице и занимались приготовлением медвежьего мяса. Женщинам же доставалось лишь только то, что оставалось после всей церемонии жертвоприношения¹⁰⁷. Близкие этому описания будут затем нередко встречаться на страницах этнографических работ, посвященных обско-угорским народам¹⁰⁸.

О манси исследователь сообщает, что *«среди прочих божков, есть у них еще деревянные совы, которым крепят на ноги настоящие совиные лапы»*¹⁰⁹. Эту подробность можно связать со сведениями о священных животных и птицах, которые бытуют у сибирских народов, например у якутов, татар, а также у калмыков. Культ священных «родовых животных», отмеченный в анализируемом тексте, по-видимому, связан с тотемистическими представлениями, весьма распространенными у финно-угорских народов. О верованиях хантов Страленберг далее пишет, что имя «Thorup» могло означать у них как бога, так и небо, но предложенная им этимология происходит скорее из области фантазии¹¹⁰. Он также описывает молельный дом хантов и само моление, причем, первый имел продолговатую форму и был покрыт березовой корой, в конце бревенчатой, или главной, стены стоял высокий на балках жертвенник, на котором были одетые в тряпки мужской и женский идолы. Вокруг них размещались более мелкие фигуры белки, зайца, оленей, лисы, грубо вырезанные из дерева, которые также были обернуты в лоскуты ткани. Последним оказывалось меньше внимания. Когда же ханты

¹⁰⁶ Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 75.

¹⁰⁷ Ibid. S. 84.

¹⁰⁸ Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972. С. 73–79.

¹⁰⁹ Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 353.

¹¹⁰ Ibid. S. 104.

входили в молельню, они свистели, как вороны или мыши. И еще якобы у них был обычай ежегодно приносить в жертву божеству р. Обьюную девушку¹¹¹. Не знаю, насколько справедливы данные Страленберга о переживаниях обычая человеческого жертвоприношения, но приведенные им описания хантыйских антропо- и зооморфных изображений не вызывают сомнения в оригинальности его этнографических заметок, находящих множественные аналогии в более поздних исследованиях культа предков обско-угорских народов.

При описании особенностей быта Страленберг упоминает, что для изготовления крапивной ткани ханты, живущие на р. Тавда, использовали веретена из местного минерала, известного в народе как «адамова кость», который, по мнению В.Н. Татищева, является не чем иным, как древним окаменевшим деревом хвойных пород¹¹². Также он пишет, что собачьи упряжки ханты использовали при охоте на лис. Запрягая в легкие сани одновременно до шестнадцать собак, охотники рассчитывали на то, что, почуяв лису, собачья упряжка сама начнет преследование зверя на полном ходу. Однако ездили на собаках только в дневное время, предварительно накормив их рыбой¹¹³. В пространственно-временном отношении, как сообщает автор, ханты, подобно сибирским татарам, измеряли время не годами, а периодичностью выпадения снега. Потому желая показать давность события они говорили не сколько прошло лет, а сколько раз с тех пор выпадал снег¹¹⁴.

Достоин упоминания, что Страленберг обратил внимание на традиции бортевого пчеловодства, распространенные во многих частях России и сопредельных стран, в частности в Прибалтике. Наблюдательный автор пишет о таком устройстве, как «люлька», предохранявшем борти от посягательств медведей. Сведения о подобном устройстве он мог получить из работы епископа О. Магнуса «Carta Marina» 1539 г., в которой содержится изображение улья, охраняемого такой медвежьей палицей¹¹⁵. Здесь же приводится история о том, что в давние времена эстонские крестьяне из-под Дерпта заключили договор с псковскими горожанами, разрешившими держать в их лесах борти, что может свидетельствовать о том, что пчеловодство в эстонско-ливском этно-

¹¹¹ Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 413.

¹¹² Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 309; *Татищев В.Н.* Примечания на книгу, учиненную господином Стралембергом, имянуемую... С. 427.

¹¹³ Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 374.

¹¹⁴ Ibid. S. 402.

¹¹⁵ *Hämäläinen A.* Beiträge zur Geschichte der primitiven Bienenzucht bei den finnisch-ugrischen Völkern // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1933–1935. Vol. 47. S. 29–30.

культурном ареале было распространено издавна. О сибирском пчеловодстве он пишет, что в Сибири можно купить пуд прекрасного белого зернистого меда за 70–80 копеек и еще дешевле. Информацию Страленберга оспаривал профессор натуральной истории И.Г. Гмелин не обнаруживший в крае никаких признаков бортевого и тем более пасечного пчеловодства¹¹⁶. Это, на первый взгляд, малозначительное сообщение и поступившие на него возражения, как оказалось впоследствии, представляют явный интерес в плане разработки проблемы финно-угорской (уральской) прародины¹¹⁷. Метод лингвистической палеонтологии, завоевавший признание финно-угроведов, занимавшихся реконструкцией древнейших этапов этнической истории, среди прочих аргументов оперировал данными о распространении одомашненной пчелы в Сибири.

Особого рассмотрения заслуживают сделанные Ф.И. Страленбергом зарисовки, среди них – изображения идолов, уральские и сибирские наскальные рисунки, надгробия и надписи, идентифицированные им как «скифские древности». Побывав в верховьях р. Вишеры, он первым свидетельствовал, что «надписи, находящиеся в Великой Перми, недалеко от города Чердыни, либо выжженные, либо написанные нестираемою красною краскою на скале (может быть таким же образом, как некогда в Исландии писали на костях)»¹¹⁸. Автор справедливо утверждает, что ни металлические пластины с надписями, ни мегалитические изображения божеств не принадлежали первоначально ни пермским, ни обско-угорским народам, а были наследием предшествующих сибирских цивилизаций¹¹⁹. Страленберг первым скопировал в районе Томска многие сибирские древности, которые позднее были изучены Г.Ф. Миллером и И.Г. Гmeliным. Нельзя не сказать о карте, с которой все началось и которая в результате стала приложением к книге Страленберга. Карта, несомненно, являлась лучшим образцом для своего времени¹²⁰. О финно-угорских народах она дает наиболее полное представление, особенно что касается мест расселения пермских и обско-угорских народов. В частности, на ней показаны места жительства манси по верхнему течению Камы и Печоры, то есть там, где они граничили с пермянами.

Выполненная Страленбергом исследовательская работа может быть

¹¹⁶ См.: *Белковец Л.П.* Сведения И.Г. Гмелина о земледельческом освоении Сибири // *История Сибири*. Томск, 1975. Вып. 18. С. 137–153.

¹¹⁷ *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985. С. 145.

¹¹⁸ Цит. по: *Чагин Г.Н.* Шведы в Северном Прикамье в первой четверти XVIII в. С. 205.

¹¹⁹ *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia...* S. 312.

¹²⁰ *Леонтьев Д.М.* География России петровского времени. М.; Л., 1950. С. 240.

высоко оценена не только как большая энциклопедия историко-географических знаний о Востоке, но и как важный этап в истории европейской историографии России. Напомню, что одним из актуальных вопросов пространственного характера, волновавших интеллектуалов эпохи Просвещения, было определение границы между Европой и Азией, иными словами, между цивилизованным миром и миром, нуждающимся в усовершенствовании. Соответственно и для Петра I эта тема была небезынтересна, так как открытие и обоснование искомой границы позволяло власти провести четкую линию, разделявшую владения империи на основную (европейскую) и дополнительную (азиатскую, колонизируемую, просвещаемую) части. Так Страленберг, рассуждая в этом духе, в начальной части своей книги указывает: *«Возможно, что не каждого читателя развлекут мои описания этих холодных и отчасти пустынных краев, где грубые манеры и невежество, как в религии, так и в мирских делах, преобладают неизменно и лишают туземцев истинного пользования теми благословениями, которыми природа столь щедро и необычайно наделила некоторые из этих стран. Поэтому, когда мы сравниваем грубое и жалкое состояние этих народов с цивилизованными государствами Европы, где поддерживаются лучшие и разумнейшие нравы, где процветают науки и искусства, где у нас нет недостатка в средствах познать истинного Бога и Его служение, у нас появляются величайшие причины воздать хвалу Божественному Провидению, возрадоваться нашему счастливому состоянию и сожалеть об отверженности и слепоте этих народов»*¹²¹. Предложенная Страленбергом и почти одновременно с ним В.Н. Татищевым разграничительная линия, проходящая по Уральским горам, несмотря на высказывавшиеся прежде и впоследствии альтернативные точки зрения, оказалась наиболее приемлемой для западноевропейского, а также для российского просвещенного мнения. Как пишет по этому поводу М. Бассин, сложившаяся в петровское время картографическая и политическая дихотомия, разделившая страну на коренные земли (метрополию) и периферию (колонию), лишь подчеркнула превращение России в империю в соответствии с принятой европейской моделью¹²². Урал, таким образом, стал ассоциироваться с культурной границей цивилизации, а Сибирь приобрела некий трудноопределимый ментальный статус, споры вокруг

¹²¹ Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 5–6.

¹²² Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 282–285.

¹²³ См., например: Ремнев А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 112–143.

которого будут иметь весьма длительную перспективу¹²³.

Что касается влияния данного открытия на развитие этнографического финно-угроведения, наверное, можно предположить, что пристальный интерес к выявленному пограничному региону не мог оставить без внимания его жителей, неведомым для себя образом оказавшихся на перепутье света и тени научного знания XVIII в. Восточно-финские и обско-угорские народы России, таким образом, стали ассоциироваться с неким этнографическим переходом из Европы в Азию, чей образ жизни, религия и даже физический облик служили иллюстрацией движения цивилизации в ту или другую сторону. В то же время западно-финские этносы империи, еще недостаточно уверенно идентифицированные среди автохтонного населения Санкт-Петербургской, Выборгской и Олонецкой губерний, привлекали к себе внимание ученых и политиков, учитывая расположение их поселений в прибалтийском «столичном пограничье», где сохранялась устойчивая традиция западного конкурирующего (шведского, лютеранского) просвещения¹²⁴. При этом отношение властей к финно-угорским народам складывалось как к православным, но недавно; понимающим по-русски, но с трудом; подданным, но все же инородным. С другой стороны, в наибольшей степени затронутые русификацией и продемонстрировавшие центру свою лояльность этнические группы рассматривались как хороший «строительный материал» для великорусского ядра империи, что вело к дальнейшим административным попыткам распространения понятия «внутренняя Россия» на национальные регионы-окраины¹²⁵. Однако в первой половине XVIII в. предпринимались еще только самые первые попытки синтеза научного подхода к выявленной проблеме и властного решения последней.

Возвращаясь к Ф.И. Страленбергу, думается, что годы, проведенные в плену, смягчили жесткие морализирующие установки, сделав его взгляд более открытым для восприятия разноликой ойкумены. Прочувствованное автором на личном опыте соотношение зла (суеверия, отсутствие наук и искусств) и добра (искренность, верность данному слову, отсутствие страсти к наживе) в жизни туземцев Восточной Рос-

¹²⁴ См., например: *Казьмина О.Е., Шлыгина Н.В.* Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии и ее роль в жизни финнов-ингерманландцев // *Этнографическое обозрение*. 1999. № 4; *Таценко Т.* К вопросу о культурном и духовном влиянии немецких евангелическо-лютеранских общин Санкт-Петербурга на окружающую общественную среду // *Studia Slavica Finlandensia*. 2002. Tom. 19. S. 35–43.

¹²⁵ *Горизонтов Л.Е.* Внутренняя Россия и ее символические воплощения // *Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления*. Воронеж, 2004. С. 84.

сии, выразилось ближе к концу книги в следующих словах: «При всем этом, как бы наивны и простодушны эти язычники не были, они при этом очень естественные и благочестивые люди, которые мало знают о ложных клятвах, воровстве, блуде, чревоугодии, обмане и тому подобных больших пороках. Редко найдется среди них такой, который напрасно обвинит кого-нибудь, за исключением тех, которые живут среди русских христиан, от которых они постепенно учатся этому... И когда я у реки Оби по определенным причинам остановился на 14 дней у остяков и стал у них на квартиру, я все свои немногие товары, которые вез с собой, открыто держал в хижине, где жило целое семейство, из которых я не обнаружил ни малейшей пропажи. – И далее, – Любопытное происшествие сообщил мне в Тобольске один русский: оный, когда он следовал из этого места в город Березов, расположенный севернее Тобольска в 12 дней пути, ночью остановился в пути в остяцкой юрте или хижине; когда он отделился примерно на милю, он теряет кошелек, в котором было почти сто рублей. Поскольку здесь дороги объезжаются не так часто, как в Европе, то приходится сын остяка, бывший на охоте, случайно натыкается на место, где лежит кошелек с деньгами. Оный его не берет, а приходит домой и сообщает отцу, что он нашел в таком-то месте. Отец приказывает сыну, чтобы он снова туда пошел и закрыл бы кустом, чтобы собственник (кошелек), если он когда-либо даст о себе знать, мог бы его оттуда взять. Этот кошелек лежал там свыше трех месяцев, и когда после этого времени русский на обратном пути остановился у названного остяка, который не знал его, и рассказал, как он был несчастлив в пути, обрадовался остяк и сказал: «Ты ли тот человек, которому принадлежит кошелек? Я пошлю с тобой своего сына, тот тебе покажет, где он лежит, ты можешь сам его взять. Такой веры и в Израиле не много найдешь!»¹²⁶.

Добавить к этому можно лишь слова, сказанные о В.Н. Татищеве, как мне представляется, человеку и ученому, наиболее близком по духу идей Ф.И. Страленбергу: «Идеология тем хороша, что ее носитель подчас не осознает ее. Собственные взгляды и убеждения могут казаться неидеологичными, нейтральными, даже совершенно естественными в любом контексте, в любую эпоху. Основанные на идеологии интервенции в текст выглядят для автора неразличимыми на общем фоне. Такими же они кажутся и читателю, разделяющему идеологию автора. Но не нам»¹²⁷.

¹²⁶ Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 281.

¹²⁷ Цит. по: Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. Киев, 2005. С. 419–420.

Г.Ф. Миллер – историк на пути к этнографическим источникам

Превращение открытого географического пространства в пространство историческое и, соответственно, в этнографическое, должно было стать следующим закономерным шагом в работе ученых, придерживающихся исследовательской логики, свойственной эпохе Просвещения¹. В XVIII в. найти вещественные и документальные свидетельства былой древности изучаемого региона было не менее важно, чем установить контакты с местным населением, в обычаях, образе жизни и внешнем виде которого, необходимо было также пытаться разглядеть следы давно минувших эпох. Россия в этом отношении по-прежнему представляла собой уникальное многообразие малоизученных земель и народов, объединенных под скипетром московских царей, с недавних пор стремившихся к формированию нового облика страны как европейской державы. Вместе с тем, Российская империя сохраняла за собой право выступать по отношению к Европе в качестве одного из возможных и наиболее безопасных «окон на Восток», что привлекало в страну ученых искателей таинственного Оrients.

Санкт-Петербургская Академия наук, используя ранее опробованную в Европе практику, выступила в качестве своеобразного правительственного агента, сначала привлекающего на службу заинтересованных в новизне открытий приглашенных ученых, обеспечивая необходимый минимум исследовательского комфорта, а затем транслируя успешные результаты их научных разработок². Отказавшись от схоластики и отвлеченных дискуссий, пришедшие в отечественную науку западные рационалисты обратились к поиску причинно-следственных связей в российских событиях, фактах и культурных явлениях, пытаясь представить их неотъемлемой частью всемирного исторического процесса³. Значительно расширив базу используемых в исследовании ис-

¹ См.: *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук в XVIII в. М.; Л., 1946; *Полевой Б.П.* Истоки начальной географической деятельности Академии наук // *Известия АН СССР. Серия географич.* 1974. № 5. С. 120–129; *Сухова Н.Г.* Академия наук и развитие географической науки в России в XVIII в. // *Известия ВГО.* 1974. Т. 106. С. 185–191; *Александровская О.А.* Становление географической науки в России в XVIII в. М., 1989.

² См.: *Копелевич Ю.Х.* Возникновение научных академий. Середина XVII – середина XVIII в. Л., 1974.

³ См.: *Штрэнге М.М.* Идеи Просвещения в русской историографии 50–70-х гг. XVIII в. // *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе.* М., 1972. С. 177–183.

точников, они, по сути дела, сформулировали само понятие исторического источника, предложили методы его критики и верификации. Особенно хотелось бы отметить работу таких немецких ученых, как Г.З. Байер, И.Э. Фишер, А.Ф. Бюшинг, Г.Л.Х. Бакмейстер и А.Л. Шлёрцер, проявивших свое усердие не только в изучении российских историко-географических и лингвистических материалов, но и прочно связавших молодую гуманитарную науку России с европейскими исследовательскими институтами⁴.

Ключевой фигурой в процессе исторического взаимообогащения России и Европы стал Г.Ф. Миллер, на протяжении всей жизни прилагавший серьезные усилия по формированию положительного образа своей новой родины, по его мнению, имеющей собственную историю, не менее значимую и содержательную, чем создающиеся в этот период национальные истории европейских государств⁵. Заслуга Миллера состояла еще в том, что в своих публикациях он последовательно проводил мысль об истории России как истории многонационального государства.

Герард Фридрих (в русском обиходе Федор Иванович) Миллер (1705–1783) родился в вестфальском городе со славным ганзейским прошлым – Герфорде⁶. Отец его, являясь лицом духовного звания, был ректором местной гимназии, а мать происходила, по одним сведениям, из купеческого сословия, по другим – из семьи профессора богословия и советника консистории г. Ринтельна⁷. Выделявшаяся среди других бюргеров своей ученостью семья не могла не дать своим детям того

⁴ См., например: *Гулыга А.В.* Исторические взгляды немецких просветителей // Новая и новейшая история. 1963. № 3. С. 114; *Pantenius M.* Büsching und Schlözer. Zwei Pioniere der deutschen Russlandkunde im Widerstreit // *Zeitschrift für Slavistik*. 1985. Bd. 30. № 4. S. 560–567.

⁵ См. например: *Белковец Л.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1990; *Гофман П.* О переписке Г.Ф. Миллера и А.Ф. Бюшинга // Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978. С. 290–295; *Winkler E.* G.F. Müller und H.L.Ch. Bacmeister // *Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien*. 2005. Bd. 3. S. 78–91; *Лаух А.* Бакмейстер и русский читатель эпохи Просвещения // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975. Сб. 10. С. 64–69.

⁶ Оригинальное звучание фамилии Г.Ф. Миллера было – Мюллер (Müller), но по невыясненным причинам в России его фамилию начали писать и произносить через «и». См.: *Каменский А.Б.* Работал для веков в глуши... // Родина. 1990. № 3. С. 21.

⁷ *Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 13–14; *Hoffmann P.* Gerhard Friedrich Müller. 1705–1783 // *Wegbreiter der deutsch-slavischen Wechselseitigkeit*. Berlin. 1983. S. 71–72.

импульса, который можно определить как тягу к знаниям, к новизне открытий. Даже если они ждут на страницах следующей по счету книги из домашней библиотеки. Освоив положенный школяру курс наук, юный Миллер был зачислен в число студентов Рингельского университета. Из всего спектра гуманитарных наук он более всего имел склонность к истории, или правильнее будет сказать, к «полигистории» как наследнице накоплений предыдущих поколений интеллектуалов. Не до конца дифференцированное историческое знание во многом еще базировалось на штудировании трудов античных и средневековых авторов, что приучало неофитов к упорядоченному восприятию огромных объемов фактической информации. Неслучайно современники Миллера, а за ними и его биографы, затрудняясь обозначить область его первоначальной специализации, отмечали, что «книговедение и история науки ему были по сердцу еще со времен отцовского дома»⁸. Нельзя не учитывать также свойственного немецкой студенческой молодежи интереса к философии, классическим языкам и расширяющегося увлечения вопросами научно-практического синтеза.

Стремясь как можно скорее выйти в люди, в мир самостоятельной деятельности, Г.Ф. Миллер отправился в один из культурных и научных центров Европы – Лейпцигский университет, где в рамках набирающей популярность ориенталистики, проявлялся исследовательский интерес к России⁹. В Германии было хорошо известно, что саксонский курфюрст и одновременно король Польши Август II Сильный славился как меценат, покровитель искусств и наук. Было известно и другое: он являлся большим другом московского царя Петра I, в союзе с которым одержал победу над казавшимися прежде непобедимыми шведами. Возможно, что именно в Лейпциге у молодого бакалавра изящных искусств и философии возникла идея отправиться в далекую, страшную, но заманчивую страну, где многие вчерашние безденежные студенты сделали блестящую карьеру, подобно недоучившемуся в Йене студенту-теологу А.И. Остерману. Как писал впоследствии А.Л. Шлёцер, многие отправлялись в Россию «...не только без всяких рекомендаций, но и с последним червонцем в кармане»¹⁰.

Уверенности Г.Ф. Миллеру придал отъезд в Россию его старшего брата и желание поскорее отделаться от надоедливых прусских вербовщиков, буквально не дававших прохода холостому молодцу гренадерских статей. Окончательно вопрос решило письмо, полученное от

⁸ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири. С. 14.

⁹ Grasshoff H., Lauch A., Lehmann U. Humanistische Traditionen der russischen Aufklärung. Berlin, 1973. S. 186.

¹⁰ Цит. по: Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири. С. 14.

его лейпцигского знакомого историка И.П. Коля, который став в 1725 г. членом Санкт-Петербургской Академии наук и нуждаясь в помощниках, писал Миллеру: «Я считаю вас способнейшим к тому перед прочими и сильно желаю иметь вас около себя. Могу вас уверить, что мне в Петербурге так же хорошо, как и в Германии»¹¹. Пройдет время, и уже сам Миллер будет через немецкие газеты и своих зарубежных коллег привлекать к научной работе деятельную молодежь. В 1761 г. он напишет выпускнику Гёттингенского университета, увлеченному восточными языками и мечтами о путешествии на Восток Шлёцеру: «По видимому, Россия есть поле, над которым работать предопределено вам Провидением. Естественная история, тесно связанная с политической историей и географией, и ни в какой другой стране невозможно делать так легко новых открытий, как в России»¹².

Двадцати лет от роду Г.Ф. Миллер приехал в Санкт-Петербург, и если не считать академической командировки в Англию, Голландию и Германию в 1730–1731 гг., в европейские университеты он более не возвращался¹³. Более того, приняв в 1748 г. российское подданство, Миллер навсегда связал себя с Россией, хотя в жизни бывали моменты, когда он мог справедливо посетовать об этом решении. Но характера и настойчивости ему было не занимать. В столице империи, находясь в скромном звании «студента», он начал свою преподавательскую деятельность, как сам затем писал «...в вышнем классе гимназии... особенно же преподавал я наставления в латинском языке, в истории и в географии»¹⁴. Речь идет о гимназии, учрежденной при Академии наук, где за нехваткой адъюнктов и нежеланием многих профессоров с учащимися работали наставники, сами недавно вставшие со школьной скамьи¹⁵. По всей видимости, продемонстрировавший на педагогическом поприще свои полифункциональные способности Миллер обратил на себя внимание, пожалуй, самого влиятельного чиновника Санкт-Петербургской Академии наук – библиотекаря И.Д. Шумахера.

¹¹ Цит. по: *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 310.

¹² Там же. С. 374–375.

¹³ *Копелевич Ю.Х.* Из истории международных связей Петербургской Академии наук в XVIII в. (поездка Г.Ф. Миллера в Англию, Голландию и Германию в 1730–1731 гг.) // Наука и техника. Вопросы теории и истории. Л., 1972. Вып. 7. Ч. 2. С. 153–159.

¹⁴ Автобиография. Описание моих служб // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 147.

¹⁵ *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР (1724–1917). М., 1977. Т. 1. С. 73–74.

Неустойчивость общественного положения подсказывала Миллеру необходимость обзавестись нужными знакомствами и влиятельными покровителями. Определяющую роль в стремлении адаптироваться в российском обществе сыграло редактирование им в 1728–1730 гг. «Санкт-Петербургских Ведомостей» с «Примечаниями» на русском и немецком языках. Журналистское умение правильно подать новости, интерпретировать светские толки и при этом постепенно приобщать общество к восприятию культурной информации пригодится ему при дальнейших вращениях в элитарных кругах. Научная поездка за границу подтолкнула Миллера к внедрению еще одной инновации, а именно – изданию с 1732 г. специализированного исторического журнала, названного им «Sammlung Russischer Geschichte/Собрание российских историй». Этот публиковавшийся на немецком языке журнал был одной из немногих в стране легальных трибун отечественной просвещенческой мысли и средством распространения достоверной исторической информации о России среди читающей европейской публики¹⁶. Миллер, поддерживая на протяжении всей жизни регулярные контакты со своими зарубежными корреспондентами и издателями, стал в свое время одним из немногих известных на Западе российских историков. Другим его успехом был допуск к академической «архиве» и утверждение в должности суббиблиотекаря.

Счастье, грезившееся ему в занятиях «родословной двора и знати» и в руке дочери академического советника Шумахера, оказалось несбыточным. Игры с властью и несдержанный характер нажили ему немало недоброжелателей, в связи с чем административная составляющая карьеры в Санкт-Петербургской Академии наук, казавшаяся прежде доминирующей, стала под вопросом. Необходимо было принимать нестандартное решение, подобное тому, на что он решился, покидая свою тихую вестфальскую родину. Задуманные Петром I академические экспедиции должны были шаг за шагом раскрыть богатства огромной державы, дать государству научно обоснованную картину прошлого и настоящего составляющих Россию территорий, прежде всего – восточных областей. Добровольно вызвавшись в 1733 г. отправиться в Сибирь, Миллер, с большим скрипом утвержденный двумя годами ранее в должности профессора истории, должен был на практике доказать академикам свою профессиональную состоятельность.

Как отмечал первый историк русской этнографии А.Н. Пыпин, стремление к сибирскому путешествию в Миллере пробудил его хоро-

¹⁶ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVIII – первая половина XIX в. М., 1985. С. 19–27.

ший знакомый капитан-командор В. Беринг¹⁷. Нельзя также недооценивать и влияния классического образования, полученного Миллером в Лейпцигском университете под руководством профессора И.Б. Менке, чьи лекции по истории, историографии и филологии нередко выводили слушателей на просторы таинственного Востока¹⁸. Находясь в России, Миллер начал целенаправленно собирать источники по истории и географии Калмыкии, Китая, Тибета и Монголии, написав ряд работ, построенных на базе полевых наблюдений предшественников¹⁹. Определенное знакомство с Сибирью он получил, участвуя в академической комиссии, принимавшей экспедиционные собрания Д.Г. Мессершмидта. Несмотря на то, что поездка окажется совсем не простой, Миллер никогда не раскаивался в сделанном выборе и позднее писал: «Скорее видел я в том как бы предопределение, потому что этим путешествием впервые сделался полезным российскому государству и без этих странствий мне было бы трудно добыть приобретенные мною знания»²⁰. Десять лет спустя, пройдя по пути наибольшего сопротивления, он вернется в Академию маститым ученым.

Проштудировав перед отъездом в экспедицию целый ряд описаний путешествий по восточной России и сопредельным странам Азии, Миллер, очевидно, понял, в чем состоял основной изъян, присутствовавший в работах предшествующих авторов, – для интересующейся европейской публики все земли, лежащие к востоку от Урала, по-прежнему были суть Великая Татария, и беглыми путевыми записками, пусть дополненными многочисленными компиляциями, внести ясность в проблемы этногенетического характера невозможно. О том, что данное положение в науке было очевидным, свидетельствуют близкие по содержанию высказывания Ф.И. Страленберга и И.Г. Гмелина. Преодолеть область историко-географического мрака он предполагал при помощи извлечения необходимых сведений из провинциальных архивов и знакомства с преданиями старожилов. Миллер писал: «Понеже при отправлении моем в Сибирь главное намерение к тому склонялось, чтоб историю сей пространной земли обстоятельно описать, чего ради имел я позволение во всех сибирских городах канце-

¹⁷ *Пытин А.Н.* История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1. С. 103–104.

¹⁸ *Белковец Л.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1988. С. 55–57.

¹⁹ *Миллер Г.Ф.* О первых российских путешествиях и посольствах в Китай // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих, при Императорской Академии наук. СПб., 1755. Т. 2. С. 15–57; *Он же.* История о калмыках и деяниях их, взятая из Витзенова описания Северо-Восточной Татарии // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ч. 90.

²⁰ Цит. по: *Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири. С. 16.

лярские архивы пересматривать, и что к тому намерению годно казалось, отдавать списывать, то я по должности своей большую часть моих трудов положил...»²¹.

Сухопутный отряд экспедиции в разное время состоял примерно из десяти-двенадцати человек – штатных сотрудников Академии наук, студентов Академического университета и вольнонаемных служащих, силами которых планировалось дать научное описание Сибири, Дальнего Востока и в особенности Камчатки. Лидером этого отряда, ответственным за общую координацию действий полевых исследователей стал двадцативосьмилетний профессор Г.Ф. Миллер.

В экспедиции: Десять лет сибирской экспедиции открыли молодому Миллеру совершенно невероятные пространства Восточной России, начавшиеся с посещенной академиком осенью 1733 г. Казани. Далее был и Екатеринбург, и Тобольск, откуда в 1734 г. путешественники поплыли по Иртышу в Тару и Омск, после чего, через степные пограничные крепости в Томск, Енисейск и Красноярск; 1735 г. прошел в поездках по Селенгинску, Кяхте, Нерчинску, Удинску и закончился остановкой в Иркутске. Следующий год участники экспедиции почти полностью провели в якутских пределах, а в 1737 г. отправились в путь по землям бассейна р. Лена, откуда вернулись в Иркутск. В 1738–1739 гг. Миллер и Гмелин вновь побывали в Енисейске, Новой Мангазее и Красноярске, а в 1740 г. Миллер уже один совершил выезд в Томск, откуда направился на северо-запад Сибири, в Нарым, Сургут, Березов и Тобольск. В новом 1741 г. он приехал в Тюмень, взяв дальнейший курс на Урал, где на р. Исеть встретился со своим другом И.Г. Гmeliным, с которым они вернулись в Тобольск. Лишь в 1743 г., через Туринск, Верхотурье, Соликамск и Вологду, академики вернулись в Санкт-Петербург.

Занимаясь поиском достоверных источников по истории Сибири и народов ее населяющих, Г.Ф. Миллер и его сотрудники просмотрели и обработали архивные материалы в двадцати местных городах и острогах. Результатом археографической деятельности Миллера, который, по отзывам современников, собирал едва ли не каждую бумажку, имевшую отношение к истории России, стали знаменитые «портфели Миллера», исследование содержимого которых занимает историков, этнографов и лингвистов на протяжении множества лет²². Многие из скопи-

²¹ Предисловие Г.Ф. Миллера к русскому переводу «Истории Сибири» // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 159.

²² Голицын Н.В. Портфели Г.Ф. Миллера. М., 1899; Алпатов М.А. Неутомимый труженик. О научной деятельности академика Г.-Ф. Миллера // Вестник Академии наук СССР. 1982. № 3. С. 117.

рованных им архивных документов, особенно из провинциальных хранилищ, ныне давно утрачены в оригинале и были спасены лишь трудами Миллера, как это произошло, например, с уничтоженными пожарами огромными Енисейским и Красноярским архивами²³.

Почти с самого начала полевой деятельности участники экспедиционного отряда ездили по селам, деревням и стойбищам в поисках, как мы бы сейчас сказали, ключевых информантов – знатоков исторических преданий и легенд²⁴. Миллер старался лично, как можно больше наблюдать за жизнью коренных народов Урала и Сибири, для чего присутствовал на свадьбах и других народных празднествах, беседовал со стариками, русскими старожилами, служащими местных канцелярий, постоянно общающимися с аборигенами края. Нередко его поездки были специально посвящены ознакомлению с бытом того или иного народа, в частности, он писал о своем посещении Березова: «Это путешествие было весьма мне полезно для полнейшего изучения остяков и вогулов, их образа жизни и обычаев, а равным образом для составления по рассказам замечток обо всем, касающемся до самоедов»²⁵. Как отмечает А.Х. Элерт, подготовленные Миллером анкеты, рукописные «Описания...» обследованных сибирских уездов и путевые заметки, наряду с географическими данными, содержат обширные сведения по истории освоения края русскими, образу жизни и численности коренного ясачного населения²⁶.

Инструкция, составленная Академией наук для Г.Ф. Миллера и его товарищей, предполагала «1. ...наипаче наблюдать надобно, где будут пределы каждого народа, какие границы и не разных ли происхождений и разных родов народы между собою смешаны, или нет; 2. Какие суть начала каждого народа по их же повествованию, какие суть каждого народа древние жилища, преселения, дела и проч.; 3. Какая есть в каждом народе вера, и имеют ли они какуюнибудь естественную? И какое понятие имеют о божестве и о вещах, до спасения принадлежащих, и какие наблюдают обряды при своем богослужении; 4. Должно примечать обычаи и обряды народные, домашние и брачные и проч.; 5. Надобно наблюдать и коммерцию, произведения земли, народные художества, войско, политическое правление каждого народа; 6. Об

²³ Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. Труды института этнографии АН СССР. Вып. 3. М.; Л., 1961. С. 177–178.

²⁴ См.: Белковец Л.П. Сведения И.Г. Гмелина о народах Сибири // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск, 1980. С. 34–53.

²⁵ Цит. по: Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. С. 180.

²⁶ Элерт А.Х. Г.Ф. Миллер о коренном населении Томского уезда // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 171–172.

языке каждого народа надобно сделать несколько примеров, напр.: переводы господней молитвы, числа, существительные, употребительнейшие имена; 7. Имена каждого народа, страны, реки, города и проч. Точно по настоящему того народа и соседних народов произношению записывать должно, прибавляя к ним, если только доискаться можно, и происхождение имен; 8. Надобно описывать историю каждого народа, когда и кем оной строиться начат и, если он под другим владением находится, то каким случаем и когда покорен нынешнему; 9. Все всякого рода останки, древние монументы, сосуды древние и новые, идола и знатнейших городов проспекты отчасти в точность списываемы, отчасти в Санкт-Петербург привозимы быть должны; 10. Каждого народа и племени несколько человек обоего пола, которых свойства сего народа на глазах и на стане тела видны, вместе с употребительнейшею их одеждою тщательно списаны, также и несколько образцов одежды всякого рода в Санкт-Петербург привезены быть должны...» и т.д.²⁷. Ярким образцом реализации «Инструкции...» является «Описание трех языческих народов в Казанской губернии...», выполненное Миллером на основе первых экспедиционных наблюдений в Поволжье и Приуралье²⁸. Затем, уже на сибирском материале, он предпримет попытку более глубокого совмещения полевого историко-этнографического и камерального историко-архивного исследования.

Свои экспедиционные материалы Г.Ф. Миллер начал обрабатывать уже в Сибири, занося в рукописные полевые журналы массу этнографических наблюдений, которые должны были войти в задуманное им обширное, но так и оставшееся не завершенным описание народов Сибири²⁹. Наряду с анкетами и описаниями отдельных регионов (уездов), важным источником, характеризующим исследовательские приоритеты «отца сибирской истории», являются его черновые записки, объем которых составляет около 2,5 тыс. страниц рукописного текста³⁰. Чередуя выписки из архивных документов с опросом сведущих

²⁷ Инструкция, данная Академией Г.Ф. Миллеру при отправлении в Сибирское путешествие «О истории народов» // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Л., 1937. Т. 1. С. 460–461.

²⁸ См.: Загребин А.Е. Г.Ф. Миллер и его «Описание трех языческих народов в Казанской губернии» // *Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien*. Hamburg, 2005. Bd. 3. S. 92–104.

²⁹ Robel G. German travel reports on Russia and their function // *Deutsch-Russische Beziehungen im 18. Jahrhundert: Kultur, Wissenschaft und Diplomatie*. Wiesbaden, 1997. P. 276–278.

³⁰ Элерт А.Х. Экспедиционные черновые записки Г.Ф. Миллера (1733–1743 гг.) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 88–101.

лиц, в своих «черновиках» Миллер конструирует основные черты истории посещенных им городов и уездов, уделяя немало страниц описанию материальной и духовной культуры уральских и сибирских народов³¹. Кроме того, черновые записки содержат легенды и предания о происхождении и этнической истории местных народов, часть из которых была воспроизведена им затем в «Истории Сибири». Подробно он фиксирует те маршруты, по которым можно было добраться к тем или иным ясачным волостям, зимовьям и острогам, составляя своеобразную навигационную карту сибирского путешествия. В результате кропотливого анализа разнородных источников Миллеру удалось собрать и систематизировать данные о тысячах населенных пунктов Восточной России. Изученные М.О. Косвенем материалы рукописных «портфелей» Миллера содержат следующие подготовительные тексты:

1) «Известия о якутах и их шаманах, о юкагирах, остяках, тунгузах, самоедах, камасинцах, тайгинцах, кайгинцах, татарах и об обычаях разных сих народов»;

2) «Описание сибирских народов»;

3) «Описание сибирским народам вообще, с приобщением к оному особливим известием о живущих около Казани языческих народах и с показанием, что при описании народов примечать должно, Герардом Фридрихом Миллером, императорской Академии наук профессором, сочиненное³².

Таким образом, просматриваются основные контуры задумывавшейся Г.Ф. Миллером этнографической монографии, которая могла включить в себя описание сибирских народов, позднее опубликованную работу о чувашах, марийцах и удмуртах и собственную этнографическую программу, но текущие дела и новые интересы не позволили реализоваться данному направлению его исследований. Миллер пишет, что всему путешествию сочинил он точное описание. «Все дороги, коими я ездил, описал обстоятельно, некоторые дороги описаны и приданными мне студентами, о городах и их уездах, в рассуждении гражданского правления, истории и географии, собирал я потребные тому известия; пересмотрел и в порядок привел архивы во всех сибирских городах, так же и города Чердына, и нужное списал, которые списки составляют больше 40 больших книг в десть; остатки древностей я описал и велел изобразить в лицах; нравы, употребления, зако-

³¹ *Элерт А.Х.* Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // *Источники по истории Сибири досоветского периода*. Новосибирск, 1988. С. 75–76.

³² Цит. по: *Косвен М.О.* Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. С. 184.

ны и пр. тамошних народов описал же; новые ландкарты отчасти сам делал, отчасти ж геодезистов, при мне бывших, делать заставлял; канцелярские и секретарские дела путешествующего академического общества все отправлял я и господину Гмелину помогал я в набирании натуральных редкостей»³³. Добавить к этому можно только лишь тот факт, что общая протяженность его маршрута составила, по его собственному же расчету, 31 362 версты.

Школа и дело Миллера: А.Л. Шлёцер, классифицируя различные поколения ученых-историков, выделял три основных типа: собиратель, исследователь и повествователь³⁴. Думается, что Г.Ф. Миллер последовательно освоил все три вышеперечисленные стадии, успешно реализовав их в своих главных работах, в том числе в «Истории Сибири». Не имея первоначальной подготовки к полевой работе, ему пришлось до многих вопросов доходить в буквальном смысле опытным путем. Он сам признавался, что на первых порах имел весьма смутное представление о том, что ему следовало требовать и о чем спрашивать³⁵. В этом случае Миллеру пришлось самому организовать для себя школу, которая посредством анализа повседневной работы приблизила его к пониманию изучаемого предмета.

Свои начальные представления о специфике архивных изысканий он с успехом компенсировал природным трудолюбием и, как оказалось, умением организовать исследовательский процесс. Не владея еще твердо русским языком, а тем более «канцеляризмом» допетровской России, Миллер, можно сказать, обучался на ходу³⁶. Некомпетентность могла обойтись слишком дорого, поэтому работа в его экспедиционном отряде была организована подобно механизму, где каждый элемент выполнял свою, четко обозначенную функцию. Одержимый исследователь и от своих сотрудников требовал самоотверженного труда, часто исключавшего даже элементарные бытовые удобства, работая даже там, где «отказывались работать провинциальные подьячие, ссылаясь на сырость помещения и мышей»³⁷. Студенты и вольнонаемные переводчики, копиисты и проводники представляли собой своеобразный цех, обеспечивающий поиск и первичную обработку исследовательского материала, испытывая порой его строгий нрав. По отзывам совре-

³³ Автобиография Г.Ф. Миллера. Описание моих служб. С. 149.

³⁴ Цит. по: Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири. С. 22.

³⁵ Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири. С. 61.

³⁶ Каменский А.Б. Г.Ф. Миллер и архивное дело в России XVIII в. // Советские архивы. 1989. № 2. С. 25–32.

³⁷ Цит. по: Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. М.; Л., 1965. С. 77.

менников, Миллер «...вообще был человек нрава крутого и самолюбивый, не терпел противоречий и никогда не спускал тем, кто, по его мнению, так или иначе унижал его звание академика»³⁸. Как старшина этого цеха, он брал на себя ответственность за селекцию материалов, подготовку «обсерваций» и рапортов руководству императорской Академии наук. Обнаружившаяся вскоре неспособность провинциальных архивов до конца пролить свет на древнейшие пласты региональной истории не поставила его в тупик и заставила начать поиски дополнительных источников, в том числе этнографического содержания.

Примером становления этнографического мировоззрения Г.Ф. Миллера является составленная им (прежде всего для самого себя) инструкция «О истории народов». Она предусматривала изучение этногенеза местных народов, их истории, изначальных мест обитания и миграций, религиозных культов, обычаев и обрядов, семейно-брачных отношений, торговых и хозяйственных занятий, ремесел, общественной и военной организации, системы управления, а также графическую фиксацию народной одежды, предметов быта и культовых вещей. Перечень данных исследовательских позиций указывает на стремление автора к раскрытию истории посредством обращения к информации народоведческого содержания. Дальнейшую методическую разработку принципов полевой работы он продолжил уже в Сибири, подготовив пространную инструкцию из 1287 статей, причем 923 из них вошли в раздел «Об описании нравов и обычаев». Этнографическая часть его инструкции была озаглавлена особо – «Наставление о том, на что надлежит обращать внимание при описании народов, в особенности сибирских». По отзыву М.О. Косвена, «Наставление...» представляет собой замечательный этнографический документ, достойный использования в современной полевой практике³⁹. Отдельный вопросник Миллер подготовил для адъюнкта Академии наук И.Э. Фишера, присоединившегося к нему в 1740 г., чьи историко-этнографические и особенно лингвистические собрания в Сибири не в последнюю очередь обязаны методическому обеспечению исследований⁴⁰. В частности, в § 6 этого документа говорится: «Как описание народов, которое путешествующие в неизвестных странах могут сообщить, является приятнейшим для большей части людей, так такое описание не меньшую пользу имеет для истории, служа для того, чтобы вывести взаим-

³⁸ Цит. по: *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге. С. 335.

³⁹ *Косвен М.О.* Г.-Ф. Миллер // Советская этнография. 1956. № 1. С. 73–75.

⁴⁰ *Bucher G.* Die nicht publizierten Ausschnitte aus den Instruktionen Gerhard Friedrich Müllers // *Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien.* Hamburg, 2005. Bd. 3. S. 9–11.

ное родство народов из их общих нравов и языков»⁴¹. Собранные в «сибирском поле» сведения Миллер предполагал сравнивать с известными науке материалами азиатского, африканского и американского происхождения, также отмечая, что «необходимо делать сравнение не токмо между ныне пребывающими народами, но и между теми, которые в древнейшие времена жили или из которых зделались уже другие народы, и по учинении сего должно производить следствия, которые ко изъяснению наук служить могут»⁴². Близкую к этой мысль он проводит и в одном из вариантов предисловия оставшегося незавершенным «Описания сибирских народов...», указывая, что было бы несправедливо рассматривать местных жителей вне связи с другими народами Восточной России, или например, сведения о лопарях (саамах) следовало бы собирать и в России и в Швеции, одновременно сравнивая их с самоедами (ненцами), поскольку в образе этих народов есть много сходных черт⁴³.

Одним из наиболее действенных способов получения массового историко-этнографического материала Г.Ф. Миллер считал анкетирование, практиковавшееся в российской науке еще с петровских времен⁴⁴. Тем не менее, в отечественной историографической литературе существует точка зрения о том, что миллеровская методика этнографического анкетирования была позаимствована им из более ранних опытов Татищева. Действительно, Миллер, с большим уважением относившийся к научным поискам В.Н. Татищева и нередко ссылавшийся на авторитет последнего в спорных вопросах истории России, пользовался ответами на татищевскую анкету, подготовленными сибирскими уездными канцеляриями. Но при этом он всегда указывал происхождение данных ответов особой пометкой «Nachrichten von... nach Tatischews Vorschrift», сохраняя в чистоте свою исследовательскую этику⁴⁵. Влияние Татищева в методологических воззрениях Г.Ф. Миллера проявилось еще в том, что его исторические работы почти всегда имели географическое измерение, будучи четко привязанными к конкретному региону. Мало того, Миллер серьезно увлекался картографией, например, редактируя рукопись «Описания земли Камчатки» тяжело болевшего С.П. Крашенинникова, он не только снабдил его предисло-

⁴¹ Цит. по: Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. С. 181.

⁴² ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 6. Л. 5 об.–6.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 16.

⁴⁵ Каменский А.Б. Г.-Ф. Миллер и наследие Татищева // Вопросы истории. 1987. № 12. С. 154–158.

вием, но и проиллюстрировал картами собственного изготовления⁴⁶. Позднее он собирал материалы для специальной статьи по истории создания русских «ландкарт» XVIII в. и подготовил к изданию первый в России географический словарь Ф.А. Полунина, снабдив его своими очерками, посвященными отдельным народам, с жизнью которых имел возможность лично познакомиться в ходе сибирской экспедиции⁴⁷.

Возвращаясь к проблеме анкетирования, следует отметить, что Миллер, запустив первые анкеты летом 1734 г. в уездном г. Тара, в дальнейшем продолжал совершенствовать свои начальные «промемотории», самокритично отзываясь о них: «Вопросные мои пункты были тогда не столь генеральны, как оные потом от меня о других городах задаваны были. В таких случаях искусство есть наилучший учитель. И чего у меня едучи туда не доставало, оное и при возвратном путешествии награждено было»⁴⁸. Первоначально он распространял анкеты по прибытии в очередной сибирский город, но со временем отказался от такой практики, направляя вопросники воеводским канцеляриям еще задолго до своего личного приезда, давая возможность приказным служащим подготовить более подробные ответы на заявленные пункты. Этнографические вопросы анкеты обычно предусматривали обозначение ясачных волостей уезда, родовое деление, места кочевков, количество плательщиков ясака и его размеры. Некоторые анкеты содержали вопросы о традиционных верованиях, обрядах, пище и народной медицине, а также заявки на приобретение для Кунсткамеры образцов мужской и женской одежды коренных жителей. К сожалению, довольно часто, невзирая на жалобы и угрозы исследователя, поступавшие к нему ответы были выполнены довольно формально. Поэтому, не до конца доверяя чиновникам, покупку предметов материальной культуры местных жителей, Миллер старался осуществлять самостоятельно из средств «Росписи чрезвычайных расходов» экспедиции, «...по вольной цене безобидно»⁴⁹.

⁴⁶ Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. СПб., 1755.

⁴⁷ Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовья, рудные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской империи и проч., из достопамятных известий собранный коллежским асессором и города Вереи воеводой Федором Полуниным, с поправлениями и пополнениями для пользы общества в печать изданный трудами и с предисловием Г.Ф. Миллера. М., 1773; Илизаров С.С. История создания и публикации первого русского географического словаря // История и историки. Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978. С. 90–97.

⁴⁸ Цит. по: Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. С. 21.

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 25. Л. 24–25 об.

Не рассчитывая лишь на материалы анкетных опросов, Миллер параллельно ведет собственные розыскания, делая выписки из летописей, архивных документов и опросов местного населения. С 1734 г. он фиксирует полученную информацию в историко-географических описаниях сибирских уездов, составленных по единому плану и включающих характеристику географического положения, очерк русской колонизации данной местности, описание уездного города, острогов, крупных сел и слобод, сведения о коренном населении, перечень населенных пунктов уезда. Учитывая неразвитость путей сообщения, основным коммуникационным вектором он показывает водные бассейны, к которым привязаны остальные компоненты культурно-исторического ландшафта: открытые им археологические памятники, пещеры, петроглифы, степень хозяйственной освоенности региона, русское и коренное население и их взаимоотношения. При движении по маршруту экспедиционный отряд обычно сопровождал конвой из местных жителей, а по прибытии в очередной уездный город Миллер требовал от канцелярии присылки к нему приказчиков острогов, крестьян-старожилов, промышленников и ясачных сборщиков, что позволяло ему получать информацию из разных источников в различных ситуациях.

Еще одним источником по истории и этнографии Сибири XVIII в. являются путевые записки и дневники Г.Ф. Миллера, в которых он сам scrupulously фиксировал все примечательное, встречающееся на пути, либо поручал вести записи своим сотрудникам. Должное внимание им уделялось сбору вещественного материала и приобретению местных редкостей археологического характера⁵⁰. Не питая на первых порах особой страсти к общению с местным населением, Миллер довольно быстро понял, что только при личном контакте с людьми, даже со случайными прохожими, можно получить необходимую информацию о нравах и обычаях коренных жителей. Как писал позднее об этом сам исследователь, «хотя сей труд наложен на меня излишней, однако могу сказать, что я во время всей десятилетней езды трудился в оном с великою охотою, что мне, упражнявшемуся в других важнейших делах, вместо отдохновения служило»⁵¹. Методологический подход Миллера к этнографическим сюжетам являлся продолжением его теоретических воззрений на предмет и задачи науки о народах и культурах, в наиболее концентрированном виде изложенных в предисловии к рукописи «Описа-

⁵⁰ См.: *Завитухина М.П.* Коллекция Г.Ф. Миллера из Сибири – одно из древнейших археологических собраний в России // *Сообщения Государственного Эрмитажа*. Л., 1978. Вып. 43. С. 37–40.

⁵¹ Цит. по: *Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. С. 59.

ния сибирских народов вообще», некоторые отрывки из которого позволим себе привести:

«Немалая часть истории состоит во всеобщем описании народов земного круга, которое по сие время по большей части в худых руках было и к числу наук ни от кого ещё не причтено... «Из путешествующих, – пишет Миллер далее, – большая часть бывает таких людей, которые никаким наукам не обучались, а именно купцы, художники, ремесленники, мореплаватели, которые в суеверии воспитаны и к леховерию весьма склонны, что ложь, что правда различать не умеют... Но когда, из ученых осторожные и искусные люди за таким делом отправлялись в свои путешествия, то кажется, что и их описания по большей части служат им самим к увеселению и тому, кто оные читать будет, а не в произведении пользы, которой бы от таковых описаний в разных частях наук ожидать надлежало». Формулируя исследовательские задачи, стоящие перед новой дисциплиной, Миллер продолжает: «Необходимо надлежит сделать сравнение не токмо между ныне пребывающими народами, но и между теми, которые в древнейшие времена жили или из которых сделались уже другие народы, и по учинении сего должно производить следствия, которые ко изъяснению наук служить могут. Многократное мое желание было, чтобы какой не скучной человек из всех по нынешнее время бывших путешественных описаний, також и из описаний одних народов по сообщенному здесь показанию, предпринял намерение к сочинению всеобщего описания народов, чем бы сия материя учинилась некоторую новой наукой, от которой бы потомство вечной пользы себе ожидать могло». Но Миллер-прагматик здесь же возражает себе, мечтателю, предлагая реальные пути развития обозначенного научного направления, исходя из пользы первичного накопления этнографических материалов и их сравнительно-исторического анализа⁵². Научиться сопоставлять между собой различные компоненты культуры как родственных и соседних народов, так и народов, далеко отстоящих друг от друга во времени и пространстве: «Но как сие невозможно сделать, ибо описания народов ещё не достигли прямого совершенства, а паче когда в многих народах нет ещё никаких описаний, к отвращению сей трудности лучшего способу не находится, как ежели бы ученые люди во всех государствах о тех народах, о которых в состоянии свои мнения к тому присовокупить, путешествующим, которые ездят в чужестранные и весьма отдаленные земли, давать обстоятельные инструкции и, получаемые известия напечатав, на

⁵² Токарев С.А. Истоки этнографической науки (До середины XIX в.). М., 1978. С. 113.

свет издавать могли; весьма бы полезно было, ежели бы они сочинения свои соединяли с другим всеобщим описанием народов, и каждый бы во своем месте сколько возможно учинил сравнение между разными народами нынешних и прошедших времен...». Дальнейший ход теоретических рассуждений приводит Миллера к выявлению перспектив этнографии в России. Рассматривая проблему сквозь призму собственного опыта, приобретенного в сибирской экспедиции, когда уже явно определилась зависимость народолюбивого ученого-просветителя от представителей администрации⁵³, Миллер, пишет: «Трудно сыскать такое государство, которое бы столь великое множество, да к тому же разного рода народов, которые в прочих европейских государствах и по имени неизвестны, под своею державою имело, как Российская империя. Пределами своими она прилегла ко многим соседним державам, которые существующими европейцами ещё не описаны. Частые посылки в дальнейшие провинции и соседственные государства подают изрядной случай к собиранию потребных известий. Но что уже действием исполнено, то по тому явствует, коим образом сие дело в небрежении оставлено не было при воспоследовавшем в 1733 г. моем отправлении в Сибирь, яко в таковую часть Российской империи, где между народами находится различие весьма велико: по высочайшему императорскому указу мне повелено было нравы и обычаи всех народов, которые мне на пути попадутся. Хотя сей труд наложен на меня излишней, однако могу сказать, что я во время всей десятилетней езды трудился в оном с великою охотою, что мне, упражнявшемуся в других важнейших делах, вместо отдохновения служило. Данные мне полномочные указы в производимых делах делали такую пособность, что трудно было чему-нибудь от меня утаиться. Ибо по силе оных указов все тамошние начальствующие чины по требованию моему обязаны были в произведении отправляемых дел чинить вспоможение, а паче, прииславши, присылать хороших толмачей, в которых я никогда нужды не имел. Ласковым же обхождением со многими народами, где мне несколько пробыть можно было, снискал я себе к тому как большую помощь, ибо я поступал с ними якобы с друзьями, чему они весьма рады были и допускали смотреть все и при том рассказывали. А без сего средства мне можно бы было всех их обрядов и прочих обстоятельств их языческого суеверия ни видеть, и ниже о том уведомить»⁵⁴.

⁵³ Zagrebin A. Researcher and Power, or about same Peculiarities of Finno-Ugric Fieldwork in Russia // Kultuur ja võim. ERM 46. konverents. Tartu, 2005. P. 46–48.

⁵⁴ Цит. по: Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. С. 187.

Приведенный отрывок характеризует Г.Ф. Миллера как ученого с гибким и широким теоретическим кругозором, прекрасно видящим перспективу этнических исследований в контексте исторической науки. Неслучайно А.Л. Шлёцер, с юмором относившийся к чужим авторитетам, в том числе и к миллеровскому, приехал учиться в Россию не к посевшим над книгами академиком, а к суровому, уже отосланному в почетную ссылку в Москву историку и этнографу, так и оставшемуся в понимании многих самоучкой. В последствии Шлёцер, характеризуя Миллера, писал: «В продолжение более чем тридцати лет он собрал невероятное множество известий о древней и новой истории, географии и политике этого новосозданного государства, которое до того времени было terra incognita или, что еще хуже, описывалось совершенно ложно недовольными. Но угнетенный неслыханными каверзами и ябедами Миллер сделался трусливым и долго не смел что-нибудь издавать из своих собраний в свет»⁵⁵. Школа жизни, которую он прошел, была способна сломить сильнейшего, но к его чести, когда в 1751 г. академический советник И.Д. Шумахер поручил ему составить критический разбор изданного за границей сочинения И.Г. Гмелина о путешествии в Сибирь на предмет «...что в нем излишнего, непристойного и сумнительного находится», Миллер, несмотря на негативное отношение руководства Академии к уехавшему в Тюбингенский университет профессору Гмелину, не желая предать экспедиционной дружбы, ответил решительным отказом⁵⁶. Даже богатырский внешний облик и грубоватые манеры, которыми Миллер мог успешно соперничать с его постоянным оппонентом и критиком в Академии наук М.В. Ломоносовым, вызывали недовольство его недоброжелателей. Как писал о нем его ученик А.Л. Шлёцер «...он мог быть чрезвычайно бойким, у него были остроты и колкия выражения; из его маленьких глаз проглядывала сатира, а в образе мыслей было что-то великое, справедливое, благородное. Он был горячий патриот России...»⁵⁷. От себя добавим, патриот России не чиновной и столичной, а скорее той, что открылась ему в молодые годы на Волге, на Урале и в Сибири, среди людей, не разучившихся еще воспринимать себя как часть большого мира окружающей природы.

Историк в России – фигура почти всегда политическая: с одной стороны, обремененная вниманием общества, ждущего открытий из сво-

⁵⁵ Цит. по: *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге. С. 375.

⁵⁶ *Белковец Л.П.* Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. М., 1990.

⁵⁷ Цит. по: *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге. С. 376.

его славного прошлого; с другой – находящаяся под бдительным оком властей, жаждущих летописания не менее славного настоящего. В этой ситуации для Миллера, получившего уже в первые годы пребывания в российской столице несколько назидательных уроков лояльности, пресекавших вольности, унаследованные из атмосферы германских университетов, было очень важно сохранить баланс между проявлениями самостоятельности мышления и показным верноподданничеством. Принципиальная позиция, занятая им по вопросу о работе П.Н. Крещина «Родословие великих князей, царей и императоров», породила «дело Миллера» – многомесячное разбирательство сенатской комиссии и академической канцелярии. Представленная им в 1749 г. диссертация «Происхождение имени и народа российского» вызвала не только уничтожающую критику со стороны «антинорманистов», когда эта «скарденная диссертация» была предана огню, но и навлекла опалу со стороны двора⁵⁸. Ситуация несколько успокоилась лишь пять лет спустя, когда Академия наук вновь оценила деловые качества Миллера, избрав его своим конференц-секретарем.

На волне нового признания Г.Ф. Миллер предложил реализовать программу исторических исследований и популяризации исторических знаний, согласно которой необходимо было готовить труды по отечественной истории, публиковать уже написанные, комментировать выходящие за рубежом книги о России, а также всячески поощрять местных энтузиастов, работающих над историко-географическими описаниями отдельных регионов, что было особенно ценно для дальнейшего развития этнографического краеведения⁵⁹. Исходя из этой задачи, Миллер регулярно предоставлял место для такого рода публикаций в редактируемых им с 1755 г. «Ежемесячных сообщениях...», где печатались, например, работы П.И. Рычкова об Оренбургском крае и другие регионоведческие исследования⁶⁰. Занимаемая им должность государственного историографа предоставляла свободный доступ ко всем необходимым источникам, но и принуждала занимать весьма взвешенную позицию, соотносящуюся с мнением носителей властных полно-

⁵⁸ *Шатило А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 191–195.

⁵⁹ *Каменский А.Б.* Академик Г.-Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века // *История СССР.* 1989. № 1. С. 148.

⁶⁰ *Загребин А.Е.* Об этнографической журналистике в истории финно-угроведения // *Журналистика Удмуртии: история и современность.* Ижевск, 2006. С. 30–31; *Западов А.В.* М.В. Ломоносов и журналистика его времени // *Из истории русской журналистики.* М., 1959. С. 14–16; *Примаковский А.П.* Первый научно-популярный журнал в России // *Вестник АН СССР.* 1955. № 5. С. 64.

мочий. Несмотря на бдительность недоброжелателей и собственную осторожность, Миллеру удалось найти, вернее – создать самому информационный канал для трансляции собственного видения острых вопросов современности при помощи журнальных периодических изданий. Одной из важных проблем российской истории, потребовавшей от него не только исследовательской, но и гражданской позиции, стала тема крепостничества, рассматриваемая в контексте общепросветительской дискуссии о равенстве, естественном праве и свободе.

Толчком к размышлениям Миллера о судьбах крестьянства стали сочинения его хорошего знакомого, лифляндского пастора И.Г. Ейсена, посвященные описанию тяжелого морального и экономического положения, в котором находились эстонские, ливские и латышские крепостные под властью немецких помещиков. Отредактировав и существенно дополнив эти материалы ссылками на прибалтийские хроники, другие исторические и правовые источники, он в 1764 г. подготовил их к печати в своем журнале «Sammlung Russischer Geschichte», указав во введении: «Мы не могли отказать этому сочинению в месте в нашем издании из-за содержащихся в нем хороших положений...»⁶¹. Аболиционистский пафос пастора Ейсена серьезнейшим образом повлиял на редактора, который невольно превратился в соавтора статьи, указывая, что личная свобода и обладание собственностью есть неотъемлемое право человека, не зависимо, богат он или беден, знатен или худороден. Властям рекомендуется смелее идти по пути постепенной ликвидации крепостничества, начав с ликвидации самых уродливых его проявлений – барщины, всевластия помещиков над душой и телом крестьянина, не опасаясь расшатывания устоев монархии. Смелость Миллера, безусловно, подкреплялась теми умонастроениями, что были распространены при дворе начинающей свое правление Екатерины II. Озвучить эти идеи, по мнению ученого, было необходимо для вынесения дискуссии на более широкое общественное поле. Своего рода продолжением данной взрывной публикации стала история с избранием в 1767 г. профессора Миллера членом Уложенной комиссии, когда уже на одном из первых ее заседаний он сделал попытку обнародования своих идей, но был сурово одернут председательствующим. Сама императрица показала ему свое монаршее неодовольствие, упрекнув в «упражнениях всякими сочинениями», вредными для непосвященных. Однако известность Миллера в кругах европейских интеллектуалов, равно как и его полемические и журналистские таланты через некоторое время вновь понадобились властям.

⁶¹ Цит. по: *Белковец Л.П.* К вопросу об оценке историографических взглядов Г.Ф. Миллера // *История СССР.* 1985. № 4. С. 157.

Живя и работая с 1765 г. в Москве, сначала как главный надзиратель воспитательного дома, затем в должности директора московского Архива Коллегии иностранных дел, Г.Ф. Миллер сохранял репутацию ведущего историка страны, выполняя правительственные заказы на генеалогические исследования, несмотря на возраст, совершая историко-этнографические экскурсии по Московской губернии и сотрудничая с издателями зарубежных энциклопедий на предмет написания статей о России и народах, ее населяющих. Авторитет Миллера как человека, лучше других ученых знающего Россию, еще раз проявился при организации Академией наук нового исследовательского проекта, известного как Физическая (Академическая) экспедиция. Назначенный руководить движением ее сухопутных отрядов профессор Паллас находился в регулярной переписке с Миллером, который исполнял роль посредника, через которого Академия осуществляла связь с полевыми исследователями. П.С. Паллас, как правило, закончив очередной рапорт в Академию наук, сопровождал его письмом к Миллеру, где нередко упоминал, что оставляет рапорт незапечатанным в надежде, что «высокоблагородный и достопочтенный господин коллежский советник, высокочтимый покровитель» удовлетворит тем свое любопытство⁶². Другой участник экспедиции, И.Г. Георги, работая над первой в России обобщающей монографией по этнографии страны, также корреспондировал с Миллером и в сомнительных случаях всегда обращался к нему за советом и поддержкой⁶³.

Прожив 58 лет в России, из них десять лет проведя в странствиях по стране, он самостоятельно сформировал свою идентичность, став россиянином, не переставая при этом быть немцем. Данное обстоятельство очень близко соотносится с сущностью той новой науки – этнографии/этнологии, предвозвестником которой был Г.Ф. Миллер.

Финно-угорские народы России в трудах Г.Ф. Миллера: История становления Миллера как этнографа имела, по-видимому, двоякий характер. С одной стороны, приехав в Россию и приступив к изучению средневековых письменных памятников как отечественного, так и иностранного происхождения, он не мог не обратить внимание на зафиксированное в них множество племенных групп различного этнического происхождения. Кроме того, читая работы современных ему историков, в частности Г.З. Байера и В.Н. Татищева, он еще раз мог убедиться в сложности языковой и этнокультурной карты страны в прошлом и

⁶² Научное наследие П.С. Палласа. Письма (1768–1771). СПб., 1993. С. 15.

⁶³ Токарев С.А. Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // Вестник Московского университета. 1958. № 4. С. 116.

настоящем. С другой стороны, личное открытие многонациональной Российской империи он мог сделать уже в первые дни пребывания в Санкт-Петербурге, находящегося в непосредственном контакте со своей финноязычной сельской округой. Месяц, проведенный им в Казанском крае среди татар, чувашей, марийцев и удмуртов, затем посещение Урала и годы, проведенные в Сибири, наверняка окончательно развенчали для него европейский миф о «Великой Татарии»⁶⁴. Миллер не оставил исследований, специально посвященных финно-угорским народам, но это совсем не удивительно, если учесть, сколь слабо была разработана на тот момент этническая история Восточной России в целом. Тем не менее, буквально рассыпанная в опубликованных трудах и многотомных рукописных материалах Миллера «финно-угрия», занимает вполне достойное место в его этнографических представлениях.

Осенью 1733 г. профессор истории Г.Ф. Миллер с товарищами по «Великой Северной (2-й Камчатской) экспедиции» прибыл в пределы Казанской губернии, где по заданию Санкт-Петербургской Академии наук приступил к изучению поволжских народов и памятников старины. Результатом их пребывания в пределах губернии стали записки, положенные в основу более серьезных академических работ, в частности его «Описания трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков»⁶⁵. Работа была опубликована в «Ежемесячных сочинениях к пользе и увеселению служащих» в 1756 г., то есть двадцать три года спустя после знакомства с Волго-Вятским регионом и его жителями⁶⁶. Неслучайно сам путешественник просит читателей, *«...чтоб ему в вину ставлено не было, ежели перемены такая примечены будут, о которых он в толь давнем расстоянии ныне провести не мог»*⁶⁷. По-видимому, замысел Миллера первоначально был много шире предложенного к печати текста, поскольку в русском варианте рукопись озаглавлена «Описание Сибирских народов вообще с приобщением к оному особливых известий о живущих около Казани языческих народов, ...Герардом Фридрихом Миллером Императорской Академии Наук Профессором сочиненное»⁶⁸. Кроме того

⁶⁴ Загребин А.Е. Казань как центр финно-угорской этнографии // *Studia Slavica Finlandensia*. 2005. Том. 22. С. 97–99.

⁶⁵ Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков // *Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих*, при Императорской Академии наук. СПб., 1756. (июль) С. 33–64., (август) С. 119–145.

⁶⁶ Автобиография Г.Ф. Миллера. Описание моих служб. С. 151.

⁶⁷ Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 34.

⁶⁸ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 6. Л. 1.

пространного введения, рукопись содержит лингвистическое приложение, состоящее из сравнительной таблицы, представляющей основной словарный запас и числительные на русском, татарском, марийском, чувашском, удмуртском, мордовском, коми-пермяцком и коми-зырянском языках, а также марийский и чувашский переводы молитвы «Отче наш»⁶⁹. Приведенные в рукописи лингвистические материалы в массе своей опубликованы уже в новом (посмертном) издании труда Миллера о народах Казанской губернии⁷⁰.

В структурном отношении исследование Г.Ф. Миллера состоит из восьми глав: «О их жилищах и гражданских распорядках», «О их качествах телесных и душевных», «О одежде их», «О пропитании, промыслах и торгах их», «О языках, художествах и науках их», «О естественном их законе, и какое имеют они понятие о боге и о божественных делах», «О языческом их законе и принадлежащих к оному обрядах», «О светских обыкновениях их», что на первый взгляд представляет его как сравнительно-этнографическое описание, выполненное в духе европейской литературы об экзотических уголках ойкумены и получившей широкое распространение в эпоху Просвещения⁷¹. Стилистическая и языковая символика текста фиксирует расположение автора по отношению к описываемым событиям и артефактам, позволяя установить тщательное наблюдение за его движением в исследуемом пространстве. А самому повествованию придает необходимую образность, привязку к месту и времени, в свою очередь, предоставляя возможность автору описать результаты своих поисков в «...гладких нейтральных и надежных словах»⁷².

Слово ученого, наряду с констатацией эмпирического материала, также проявляется в отрывках, определяемых Р. Бартом в качестве «политического письма», заявляющего о коренной причастности автора к конкретному социальному слою или, проще говоря, принуждая его

⁶⁹ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 6. Л. 114 об.–129.

⁷⁰ Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском, зырянском, и приобщенным переводом господней молитвы «Отче наш» на черемисском и чувашском языках». СПб., 1791.

⁷¹ Токарев С.А. Истоки этнографической науки (До середины XIX в.). С. 108.

⁷² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 160.

вставать на сторону тех, в чьих руках власть⁷³. Особые отношения с властью в целом станут одной из характерных черт в организации полевых исследований в России, и горизонт языка, с помощью которого интерпретировались полученные сведения, будет служить своеобразной меткой-ярлыком социальной благонадежности. Миллеровский текст в этом отношении практически безупречен, оговаривая авторские дерзания соображениями государственной пользы. Вместе с тем, Миллер не мог не позаботиться о форме изложения, учитывая, что его публикация должна послужить и *увеселению*. Таким образом, произведение в идеале должно было совместить академичность стиля и увлекательность языка, при этом автор должен был недвусмысленно подчеркнуть научную правоту своих рассуждений.

«Описание...» вбирает в себя этническую территорию марийцев, чувашей и удмуртов, определяемую автором с помощью нескольких ключевых топонимов и гидронимов. Во-первых, это административный центр губернии – Казань. Во-вторых – бассейн р. Волги (в случае с удмуртами делается оговорка, указывающая на тяготение их поселений к р. Вятке), организующей одомашненное, но до поры скрытое от непосвященного наблюдателя пространство, ибо *«множество находящихся в сих местах лесов есть тому причиною, что все вышепомянутые народы жилища имеют или в лесах, или между лесами, и к поселению своему выбирали такие места, что каждая деревня построена при нарочитой реке, или речке, или озере...»*⁷⁴. Склонность путешественника к рациональному восприятию и освоению окружающего проявляется в специальном абзаце, посвященном региональным мерам расстояния: *«Между Волгою и Камою реками по дороге от Казани до Осы, и от Осы до Соликамской и до Чердыня, разстояния мест числятся не верстами, как обыкновенно в России, но Чумкасами»*⁷⁵. При чем слово «Чумкас», как и многие другие выделяемые по смыслу понятия и термины, пишется автором с большой буквы, что может указывать как на «выделенность» этого нового понятия из общего повествовательного контекста, так и на общую «выделенность» региона из общероссийской пространственно-географической среды. В связи с этим, очевидно, неслучаен в тексте следующий отрывок: *«Можно Чумкас без дальнейшей ошибки сравнить с немецкой милею, коих 15 содержится в градусе Экватора»*⁷⁶.

⁷³ Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М., 1983. С. 315.

⁷⁴ Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 36.

⁷⁵ Там же. С. 37.

⁷⁶ Там же. С. 37.

Поселенческая структура трех описываемых народов рассматривается в связи с миграционными процессами в крае, где чересполосное расселение уже давно стало реальностью и лишь удмурты «...столь не обходительны, что с помянутыми народами сообщения не имеют, но живут везде особо»⁷⁷. Миллер примечает также, что к названиям некоторых деревень удмурты «...прибавляют слово Пилга, а к другим не прибавляют, чему они причины показать, ни слово Пилга изъяснить не могут: но только объявляют, что оныя места их предками так прозваны»⁷⁸. Со своей стороны осмелюсь предположить, что родовое имя «Пельга», действительно нередко встречающееся в этнокультурном ареале удмуртов, само дает некий намек на отмеченную автором «не обходительность» удмуртов⁷⁹: в условиях усиливающейся в крае миссионерской деятельности русской православной церкви составные элементы традиционной религии по возможности скрывались⁸⁰. Соответственно, консервация могла иметь место и в тесно связанной с ней поселенческой структуре этноса.

От наблюдателя не укрылось вялое течение урбанизационных устремлений «трех языческих народов в Казанской губернии», которые, в отличие от татар, не живут вместе с русскими ни в городах, ни в слободах. Тем не менее, структурообразующий импульс государства, строящего иерархическую вертикаль посредством приобщения к городской культуре, находит свое отображение в системах власти, где имперский интерес сочетается с элементами местного самоуправления: «Все вышеописанные народы состоят в команде у градских командиров; но им дозволено выбирать из своей братьи сотников, выборных, старост и десятников для суда и расправы в их деревнях... а буде явится кто в важном каком преступлении, то такого отсылают в город за караулом»⁸¹. Рядом с модернистскими тенденциями Миллер отмечает распространенную у марийцев и удмуртов традицию к перемене места жительства по причине неудовлетворенности ранее сделанным выбором. С несвойственной для него легкостью он выводит ее из «бродячего» прошлого народов, правда, с некоторой долей «кажимости» пишет, что «...сие обыкновение переселения с места на место осталось еще от древних Гамаксобитов, которому последуют и ныне во всем Калмыки, Мунгалы и другие кочующие народы»⁸².

⁷⁷ Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 38.

⁷⁸ Там же. С. 39.

⁷⁹ Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск, 2001. С. 82–85.

⁸⁰ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 275–283.

⁸¹ Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 40.

⁸² Там же. С. 39.

Природно-географический и хозяйственный детерминизм служит для исследователя свидетельством наличия определенной рациональности в жизнеустройстве местных народов, в частности, в определении размеров и численности своих поселений: *«Есть пониже устья Камы реки Чувашская деревня, Ликтубаева называемая, которая состоит более как из 200 дворов. Вотяки ставят обыкновенно в деревнях своих дворов по 20, по 30 и по 40, смотря по тому, сколько им в диких лесах под жилье свое места занять, или для себя и скота довольно корму иметь можно»*⁸³. Таким образом, культурный ландшафт представляется Миллером как освоенная еще с давних пор территория, весьма неравномерно удостоенная историческими памятниками. В «Описании...» практически отсутствует лирическая тема любования местными природными красотами, но ощущения сухости также нет, поскольку автор с самого начала берет на себя роль проводника, ведущего читателя по логически осваиваемому пространству. Спокойное и пластичное повествование может объясняться еще тем, что анализируемый текст был опубликован в 1756 г., то есть более чем через двадцать лет после путешествия.

Лирика, если в этом тексте вообще допустимо говорить об этом, содержится в тех отрывках, где автор дает антропологическую характеристику местным народам, в особенности представительницам женского пола. Примечательно, что для определения этнического образа, автор использует не просто традиционный в таких случаях сравнительно-сопоставительный подход, а вводит своего рода оценочные коэффициенты. Татары и Финны, словно два полюса, между которыми заключена антропометрия «трех языческих народов Казанской губернии». Г.Ф. Миллер пишет: *«Черемисы и Чуваши много походят на Татар...», «А Вотяки могут уподоблены быть Финнам потому что волосы на голове и в бороде почти у всех рыжие, напротив чего у Черемисов и Чувашей оне большей части темнорусые»*⁸⁴. Интересно, по каким признакам автор соотнес удмуртов и их дальних языковых родственников, живущих, в отличие от татар, за тысячи километров от исследуемого региона? Рост, цвет и форма глаз – все является подчиненным по отношению к оминанте, которой выступает цвет волос. Следующая сентенция автора, касающаяся этнического образа, происходит из сферы более этнопсихологической нежели антропометрической: *«У Вотяков примечается, что они пред прочими народами весьма упрямы и тем, равно как внешним видом, много сходствуют с Финскими крестьянами»*⁸⁵.

⁸³ Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 38–39.

⁸⁴ Там же. С. 41–42.

⁸⁵ Там же. С. 43–44.

Определяющими являются два структурно-опозиционных блока авторского утверждения о том, что *«мужской пол у сих народов носит платье почти такое же, как Русские крестьяне»*, тогда как женское платье серьезно дифференцировано по возрастным и статусным категориям. Данное наблюдение, подтвержденное затем не раз записками других путешественников XVIII в., указывает не только на больший консерватизм женского костюма, но и на большую социальную мобильность мужского населения края, чья одежда раньше испытывает на себе процессы стандартизации и унификации. Тот факт, что неким усредненным образцом в воспроизводстве основных элементов мужского костюма чувашей, марийцев и удмуртов становится одежда русских крестьян, может также интерпретироваться как проявление этнической мимикрии, связанной с желанием мужчин успешно функционировать в политически господствующей инокультурной среде. Выезд в город, на ярмарку, обращение к властям легче было осуществлять во внешней оболочке социальной благонадежности, и в формировании благожелательного образа одежда играла не последнюю роль.

Говоря далее о женской одежде, автор пишет, что наилучшее платье принадлежит замужним женщинам, но в качестве доминанты их облика он однозначно выделяет головной убор, сравнительно-сопоставительному описанию вариантов которого отведено едва ли не 2/3 всего текста главы. Женский головной убор в представлении Миллера это не только этнодифференцирующий признак, но и важнейший элемент женской чести, без которого замужняя женщина не воспринимается как носительница наивысшего статуса в женской иерархии. Автор приводит любопытное наблюдение, сделанное им в удмуртских селениях: *«Дивиться должно, что при приезде к Вотякам посторонняго человека, хотя и поздно ночью, однако жены их пробудившись от сна слезят с печи не в ином каком, как в вышепомянутом головном уборе, что неоднократно случалось мне видеть»*⁸⁶. Кроме того, как явление типологического сходства он подмечает протекание у трех описываемых народов обрядов перехода девушек в женское состояние, когда в ходе свадебной церемонии происходит торжественная замена круглой девичьей шапочки или платка на головной убор замужней женщины, чаще всего конусовидной формы. Пожалуй, самое оригинальное сравнение данного типа головного убора, встречающегося как у западно-финских, так и у восточно-финских народов, было сделано русским путешественником Ф.О. Туманским, работавшим в конце XVIII в. среди води и ижоры в Ингерманландии и проводившим такую аналогию:

⁸⁶ Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 47–48.

«пайкас» вожанок – *«шапка подобная гренадерским...»*⁸⁷. Имперский дух эпохи проявлялся порой самым неожиданным образом, подчеркивая растущий разрыв между двумя профилирующими линиями русской культуры. Крестьянское, простонародное, инород(ное)ческое все чаще воспринималось и анализировалось пишущими сквозь призму мифов и церемоний европеизирующегося российского дворянства⁸⁸. Национальные особенности становились ближе и понятнее, если их удавалось соотнести с почерпнутыми из книг универсальными ценностями, формулами плац-парадов и экзотическими вещами, увиденными на карнавалах.

Маркирование пищевых предпочтений населения края начинается автором с интригующего высказывания о том, что больше всего любят они лошадиное мясо⁸⁹. Чем можно объяснить такой оборот, нет ли здесь элемента завораживающей непосвященного читателя экзотики? Для народов, издавна ведущих оседлый образ жизни и традиционное земледельческое хозяйство (правда, с изрядной долей присваивающих элементов и лесных промыслов), эта форма питания выглядит, на первый взгляд, не совсем логично. Думается, что ответ заключен в последующих отрывках, где автор указывает: *«Свиней хотя по примеру татар обыкновенно у себя не водят, однако бывая в городах, свиней у русских есть не отрицают. А вотяки и охоту к свинине оказывают...»*⁹⁰. Известное в Европе еще с давних пор понимание всех восточных владений России как Татарии не могло не повлиять на мировосприятие Миллера, использующего характеристики татаро-мусульманской культуры в качестве основного сравнительного элемента системы жизнеобеспечения описываемых этнических общностей региона. В этом случае удмурты, менее склонные придерживаться пищевого запрета на свиное мясо, видятся им как народ, в наименьшей степени испытывавший тюркское влияние. Что касается подчеркнутой склонности к употреблению лошадиного мяса, то некий намек на происхождение этого обычая автор дает в главах, посвященных языческому культу, в частности, в отрывках, описывающих обряды жертвоприношений, где предпочтительным жертвенным животным выступает лошадь. Культ коня, с давних пор распространенный среди народов Волго-Камья, за долгие годы своего существования, вероятно, приобрел и бытовые реминисценции, касаю-

⁸⁷ Шлыгина Н.В. Архаические формы женской одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 215.

⁸⁸ См., например: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. С. 390–434.

⁸⁹ Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 49.

⁹⁰ Там же. С. 49.

щиеся пищевых и вкусовых предпочтений, не исключая, впрочем, возможных инноваций со стороны тюркской традиции⁹¹.

Впервые столкнувшись с практически полным отсутствием привычных ему письменных текстов, за исключением довольно скудной архивной переписки, Миллер осознает, что весь прежний опыт неэффективен и это расшатывает его уверенность. Признаться себе в этом трудно, поэтому автор с горечью восклицает: *«Все сии народы препро-возждают житие свое в крайнем невежестве. Нет у них ни писем, ни книг...»*⁹². Он все еще пытается удержаться в рамках профессиональной традиции ученого-эрудита, заранее предполагающего знание, цитирование и комментирование письменных памятников древности и сочинений предшественников⁹³. Неслучаен интерес Миллера к надписям на татарском и армянском языках, обнаруженным им на развалинах столицы древнебулгарского государства⁹⁴, а также пристальное внимание к трудам предшественников – итальянца А. Гваньини, голландца Н. Витсена, и в особенности немцев – А. Олеария и Ф.И. Страленберга, в разное время побывавших в Восточных областях России.

Довольно неумело скрывая постигшую его неудачу в попытках собрать местные исторические предания, Миллер пишет: *«Сперва думал было я получить от них какая нибудь хотя неясные и с баснословными обстоятельствами смешанные известия о состоянии их в древние времена, о происхождении их, о прежних их жилищах, о бывших у них войнах, и о прочем, что надлежит до их истории: но без успеху»*⁹⁵. Причины своей неудачи он видит в консервативно устроенных механизмах передачи исторической памяти, отвергающих все, что не связано с «языческим законом». Но далеко не с первого взгляда и, наверное, даже не со второго, открывается полевому исследователю сложный и многослойный мир религиозных верований и мифологических представлений этноса.

Заслуга и пионерская позиция Г.Ф. Миллера в освещении этого сюжета заключается в том, что он попытался вдумчиво подойти к выявленному им краеугольному камню региональной идентичности (рассмотрение дохристианских обычаев и обрядов марийцев, чувашей и удмуртов занимает около 60 % в объеме текста «Описания...»). Конечно его дескрипция, под общим механистичным влиянием ранней

⁹¹ Худяков М.Г. Культ коня в Прикамье // Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры. М., 1933. Вып. 100. С. 251–280.

⁹² Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 54–55.

⁹³ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 308.

⁹⁴ Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 36.

⁹⁵ Там же. С. 55.

компаративистики, излишне схематизирована: «У всех трех языческих народов языческой закон один, и обряды притом почти сходны»⁹⁶, но в целом она не препятствует развитию основной авторской мысли, к которой Миллер исподволь приводит заинтересованного читателя. Местная история существенным образом отличается от модели, принятой в европейской книжной традиции. Это не текст хронографа или послания, это текст живого разговорного языка, текст религиозного обряда и, наконец, это текст этнографического факта и артефакта. Постигание местной истории невозможно осуществить лишь силой разума, поэтому встреча с живой фольклорной и этнографической реальностью чрезвычайно важна для человека науки, давая возможность почувствовать себя первооткрывателем, казалось бы, уже давно известных истин, возвращая способность восприимчиво относиться к окружающему миру.

М.М. Бахтин писал: «Автор должен быть, прежде всего, понят из события произведения как участник его, как авторитетный руководитель в нем читателя»⁹⁷. В этой связи, наверное, будет небезынтересно посмотреть, с помощью каких приемов будет достигать обозначенной выше задачи автор «Описания...».

Нам свойственно сверять свои собственные шаги в избранной области с достижениями предшественников. Для классической эпохи заочная дискуссия, нередко переходящая в полемику, являлась одной из основных форм, в которую облекалось научное сочинение. Диалоги Филалета и Теофила, за которыми скрывался научный спор Г.В. Лейбница с Дж. Локком, А. и В. из Добавлений к «Путешествию» Бугенвиля Д. Дидро и даже постоянный внутренний диалог-конфликт Робинзона в знаменитой книге Д. Дефо свидетельствуют о стремлении многих авторов той эпохи выстраивать свои тексты, если можно так выразиться, в «теннисной манере», где авторская мысль приобретает ускорение, отталкиваясь от нескольких точек зрения, или полюсов знания⁹⁸. Так, из авторов-предшественников в труде Г.Ф. Миллера в основном встречаются имена путешественников XVII в., но есть два имени, по частоте упоминания стоящие вне всякой конкуренции.

Около десяти раз в миллеровском тексте встречается ссылка на автора «Описания путешествия в Московию и Персию» – немецкого дип-

⁹⁶ Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 119.

⁹⁷ Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 225–226.

⁹⁸ Zagrebin A. Die Position des Autors in der «Nachricht von den Tscheremisien, Tschuwaschen und Wotiacken» // Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien. 2005. Bd. 3. S. 105–106.

ломата Адама Олеария⁹⁹. Показательно, что Миллер почти не спорит с ним, не вступает в полемику, принимая на веру большую часть его сведений. В тексте есть только одно принципиальное расхождение между ними, – по вопросу о языческих верованиях марийцев, – но и там Миллер находит собственное оправдание предшественнику¹⁰⁰. Объяснимость этого явления может быть выведена из сравнительной давности материалов, предоставляемых Олеарием, то есть той давностью, которую трудно оспорить по причине ее недоступности авторскому наблюдению. Нельзя не учитывать определенный пиетет, что испытывает автор перед представителем, пусть не лишенной налета «космографичности», но все же европейской историографии. В этой связи примечателен отрывок, в котором, касаясь такой тонкой сферы, как понимание местными народами природы божественного, автор не просто сверяет, но и проверяет себя по Олеарию, который разговаривал о «...сей материи с одним Черемисом...» и следовательно: «я отом же разговаривал со стариком из Черемискаго народа...»¹⁰¹. Можно предположить, что авторитет голштинского посланника, от записок которого Миллера отделяет целое столетие, оказался необходим историк-у, с юных лет прилежавшему более к «...истории учености, к сведениям, требуемым от библиотекаря»¹⁰².

Совсем иное отношение Г.Ф. Миллер демонстрирует к научному творчеству Филиппа Иоганна Страленберга, с которым он, судя по тексту, находится в явной внутренней полемике. Духовно будучи почти современником шведского ученого, он понимает, что во многих вопросах первенство в актуализации проблемы находится за автором получившего широкую популярность труда «Северная и Восточная часть Европы и Азии...»¹⁰³. Возможно, отсюда его несколько нервное позиционирование и такие высказывания в сторону Страленберга, как «...объявляет несправедливо», «...выговаривая не правильно», «...не справедливо сие мнение», «...не справедливо написал», «...сие объявление не основательно». Стремясь продемонстрировать свою компетент-

⁹⁹ См.: *Olearius A. Vermehrte neue Beschreibung der Moscovitischen und Persischen Reyse. Schleswig, 1656*; *Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 287–470.*

¹⁰⁰ *Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 129.*

¹⁰¹ Там же. С. 61.

¹⁰² *Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. С. 14.*

¹⁰³ *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, in einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekkannten Nachrichtenvorgestellt, nebst einer noch niemahls ans*

ность, Миллер, по всей видимости, не случайно избирает главным объектом своей критики лингвистический аспект работы Страленберга, то есть ключевой пункт доказательной базы последнего. Обнаруживая архаизмы, надуманные с точки зрения современной науки сопоставления, автор порицает Страленберга за приверженность символическим этимологиям, нередко встречающимся в его толкованиях¹⁰⁴. Так, Миллер *«справедливо»* указывает на неоправданную связь удмуртского внешнего этнонима «Ар» с упоминаемыми у Плиния «Арамеями», выделение мордвы-мокши в особый народ и выведение самоназвания марийцев от упоминаемых Иорданом неких *«...домовых дедов называемых море или мере, от коих произошли будто Унны»*¹⁰⁵. Шаг за шагом, проверяя и анализируя указанные в работе Страленберга факты, автор показывает себя большим прагматиком. Но, наряду с обращением в мире сложных лингво-исторических категорий, он, словно утрируя собственный практицизм, не менее страницы посвящает описанию проблем изготовления на Вятке «чашек деревянных точеных изрядной работы» из капа. Думается, не случайно его внимание было обращено в эту сторону, ибо *«о сей Каповой посуде писал и господин Страленберг, токмо в некоторых обстоятельствах он ошибся, которых можно поправить по сему описанию»*¹⁰⁶.

Правка прежних авторов является одним из профилирующих мотивов в тексте «Описания...». Подчеркивая компаративную направленность своей мысли, Миллер пишет: *«В бытность мою в Казани сочинил я при вспоможении данных мне от тамошней Губернской Канцелярии толмачей Вокабулярию Черемисскаго, Чувашскаго и Вотяцкаго языков... дабы надежнее можно было рассуждать о сходстве помянутых языков, которую Вокабулярию приложу я в конце к сему описанию, и можно по оной исправить и умножить как Страленбергову многоязычную таблицу, [Tabula polyglotta], так и Витзенову Вокабулярию находящуюся в его описании Северовосточной Татарии»*¹⁰⁷. Заметим, что

Licht gegebenen Tabula Polyglotta von zwei und dreyssigerley Arten Tatarischer Völcker Sprachen und einem Kalmückischen Vocabulario, sonderlich aber einergrossen richtigen Land-Charte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupferstichen, so die Asiatisch- Scythische Atiqvität betreffen; bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschaft in Russland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstatteten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgewfertigt, von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm, 1730.

¹⁰⁴ Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 37.

¹⁰⁵ Там же. С. 56–57.

¹⁰⁶ Там же. С. 51–52.

¹⁰⁷ Там же. С. 54.

авторская позиция опирается здесь не только на данные его полевых собраний, но и, что примечательно, идет в русле обозначившейся в русской историографии тенденции критического отношения к научным поискам иностранцев¹⁰⁸. В.Н. Татищев, например, считал необходимым использовать материалы Ф.И. Страленберга, но вместе с тем не относился слепо к его научному авторитету, составив многочисленные примечания на книгу недавнего российского пленника¹⁰⁹. Двадцати лет уехав из дома, Миллер сформировался как зрелый ученый на российской и, что немаловажно, на провинциальной (экспедиционной) почве, поэтому понятен смысл его исканий среди авторитетов, стремление найти свое место и при этом суметь сказать свое слово.

В данном конкретном случае его слово реализуется не только в его способности «расколдовывания» для читателя малоизученного мира *«трех языческих народов»*, но и в новизне самого подхода к исследуемому пространству. Труд Миллера стал по сути первым опытом историко-географической и хозяйственно-культурной классификации народов края. Представленная им точка зрения фундирована на рассмотрении и бытописании этнических культур с точки зрения культурного ландшафта, освоенного соседствующими народами и осваиваемого путешественником. Подчеркиваемый автором синкретизм описываемых культур найдёт впоследствии не только немало критиков, особенно со стороны приверженцев лингвистического подхода, но и сторонников, указывающих на явления региональной идентичности. Правда, неясно, осознавал ли сам автор принципиальную новизну своего подхода и степень собственного противопоставления авторитетам. Запоздавшее для обоих ученых «примирение» состоялось лишь в 1791 г., когда Санкт-Петербургская Академия наук опубликовала новую иллюстрированную русскую редакцию «Описания...»¹¹⁰. В ее тексте Миллер сетует на то, что капитан Страленберг, не будучи до конца уверен в правоте своих этимологий, передал с согласия издателя свой труд лейпцигским «ученым друзьям», которые и внесли многие ложные исправления и дополнения.

Г.Ф. Миллер как автор «Описания...» держит в своих руках две книги – труды А. Олеария и Ф.И. Страленберга, сверяя по ним свой путь. Взятые в дорогу, по всей видимости, из академической библиотеки, они стали в буквальном смысле его проводниками на необъятных

¹⁰⁸ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. С. 189–197.

¹⁰⁹ Härmäläinen A. Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karl XII. über die finnisch-ugrischen Völker // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1937–1938. Vol. 49. S. 27–30.

¹¹⁰ Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... СПб., 1791.

пространствах Восточной России¹¹¹. С их помощью автор взвешивает личные наблюдения на образовавшихся историографических весах и тем самым добивается объективизации фактов. Миллеровское отношение к работам предшественников различно еще по той причине, что имеющиеся в его распоряжении тексты различны по своей языковой природе и по хронологической способности передавать мысль. Письмо Олеария нуждается скорее в комментировании, тогда как письмо Страленберга, практически его современника, достойно критики. Или, как замечает М. Фуко – критика судит и профанирует язык, комментарий фетишизирует текст¹¹². Миллер, таким образом, пытается удержаться в рамках профессиональной традиции ученого-эрудита, заранее предполагающего цитирование и комментирование авторитетов¹¹³. В этом отношении он во многом отходит от фольклорной и этнографической новизны описываемого, приобретая взамен аналитическую весомость и критическую направленность. Давлению красочной эмпирики автор противопоставляет прочно усвоенный постулат – верить, а тем более доверять можно лишь письменному тексту, в качестве которого здесь выступают труды предшественников и письменные памятники древности. Здесь мы видим ученого представителя письменной культуры, оказавшегося в нестандартной исследовательской ситуации «акустической экзотики», видим путника ищущего «подсказки», придающие ему уверенность. Вместе с тем, присущая Г.Ф. Миллеру острота исследовательского чувства, в данном случае не препятствовавшего развитию в тексте «Описания...» общей модели рациональности, позволила ему понять, что успех научного предприятия часто зависит от умения работать в пограничных областях знания, намеренно отказываясь от широких историографических обобщений¹¹⁴.

Вернувшись из сибирской экспедиции в середине февраля 1743 г. в Санкт-Петербург, Миллер рапортовал в Сенат и Академическую канцелярию обо всех обстоятельствах путешествия и о своей готовности продолжать работу над «Описанием Сибири», начальные главы которой были написаны автором на немецком языке уже в Сибири. Начавшаяся работа по переводу книги на русский язык, исправлению, дорисовыванию отдельных глав и рецензированию затянулась, благодаря стараниям его оппонентов И.Д. Шумахера и Г.Н. Теплова, до 1749 г., когда

¹¹¹ Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 61.

¹¹² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. С. 113–114.

¹¹³ Барз М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. С. 308.

¹¹⁴ Загребин А.Е. Автор и авторитет(ы) в «Описании трех языческих народов в Казанской губернии...» Г.Ф. Миллера // Семизис и культура. Сыктывкар, 2005. Вып. 1. С. 101.

после положительных заключений В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова задерживать публикацию первого тома было уже бессмысленно. Татищев, в частности писал: «...Сие есть начало русских участных историй, и нельзя иного сказать, как хваления и благодарения достойная в ней. Сколько труда, сколько смысла сочинителя, а наипаче образец впредь пожелающим о других пределах сочинять, чрез что слава, честь и польза России преумножится. И хотя в ней есть нечто поправления и дополнки требующее и может достаточнее сочинена быть, однакож ее достоинство похвалы тем не умалится...»¹¹⁵. Книга вышла в следующем году под названием «Описание Сибирского царства...», хотя сам автор ранее предлагал другие, более лаконичные формулировки заглавия: «Sibirische Geschichte» и «Geschichte von Sibirien»¹¹⁶. Изданная монография продемонстрировала широту исследовательского подхода автора, задействовавшего преимущественно письменные исторические источники, но не избегавшего фольклорно-этнографических, археологических наблюдений и сообщений.

Приступая к исследованию истории Сибири и народов ее населяющих в период до начала русской колонизации, Миллер искал ту красную линию, которая позволила бы ему связать разрозненные и часто противоречивые сведения в логически выстроенное повествование. Имевшихся в его распоряжении письменные источники во многом предопределили выбор ученого. Речь идет, прежде всего, о привезенной бывшими шведскими военнопленными рукописи Абул-Гази Бахадур-хана, озаглавленной «История происхождения татар», переведенной на французский язык и опубликованной¹¹⁷. Здесь же следует упомянуть о сочинениях Плано Карпини, Марко Поло, Гильома Робрука, Избрандта Идеса и других европейских авторов, писавших о народах северо-восточной Азии и преимущественно – о татарах¹¹⁸. Сам Миллер комментирует свой выбор так: *«Совершенно излишне говорить здесь о сибирских народах, о которых нет никаких известий до покорения их русскими. Мы займем-*

¹¹⁵ Цит. по: Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири. С. 86.

¹¹⁶ Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена; сочинено Герардом Фридериком Миллером, Историографом и Профессором Университета Академии Наук и Социетета Аглинского Членом. Книга первая. СПб., 1750.

¹¹⁷ *Abulgasi Bahadur Chan Histoire généalogique des Tatars, traduite du manuscrit tatar et enrichi d'un grand nombre de remarques authentiques et tres curieuses sur le veritable estat present de l'Asie septentrionale. Avec cartes géographiques.* Leyde, 1726.

¹¹⁸ *Ides I. Reisebeschreibung zu Lande nach China in d. Jahren 1693–1695 // Mentzel Ch. Chinesische Chronologia.* Berlin, 1696., *Recueil des Voyages en Tartarie, par van der Aa.* Leyde, 1729.

ся поэтому более обстоятельно одним татарским владением, которое было известно в Западной Сибири задолго до русской власти...»¹¹⁹.

Иной (русский) взгляд на проблемы сибирской истории был представлен в собранных Миллером сибирских летописях и архивных документах, среди которых он особенно выделял приобретенный им в Тобольске текст, названный им по фамилии предполагаемого автора «Ремезовской летописью»¹²⁰. Но и здесь основные описываемые события разворачивались вокруг противостояния двух центров силы: отряда Ермака, затем представителей легитимной царской администрации и Кучумова Сибирского ханства. Таким образом, финно-угорские народы Сибири, преимущественно обские угры, в обоих случаях оставались на периферии основной сюжетной линии миллеровской «Истории Сибири». Отмеченная маргинальность обско-угорских материалов в контексте русско-татарских отношений не распространяется на ряд принципиальных вопросов, интересовавших автора помимо политических коллизий. Прежде всего, это проблемы этнической истории Сибири и прилегающих регионов, а также языческих верований обско-угорских народов, самым фактом своего существования демонстрирующих сравнительно мирную альтернативу противоборствующим христианскому и мусульманскому сообществам края. Причем предвозвестниками русской колонизации края стали коми-зыряне, посредством которых начальные сведения о Сибири поступали к русским. Свидетельством ранних коми – обско-угорских этнических контактов, по его мнению, служили топонимы зырянского происхождения, зафиксированные в бассейнах крупных рек Западной Сибири. С другой стороны, наиболее распространенный здесь этноним, обозначающий немусульманскую часть населения, был явно тюркского происхождения. Миллер писал, что название «остяки» было заимствовано... от татар, называвших все народы, жившие в тех местах, общим именем остяков, по-татарски «иштяк»¹²¹.

Посвящая первые параграфы своего исследования перечислению сибирских народов на предмет их принадлежности к татарскому или монгольскому происхождению, Миллер еще раз напоминает о своей приверженности лингвистическому методу определения этнического родства: «Я считаю, что самыми вескими доказательствами происхождения того или иного народа являются те, которые основаны на его языке...»¹²². Именно в этом вопросе начинается, или правильнее будет сказать – продолжается, его полемика с этнолингвистическими предложениями Ф.И. Страленберга. Так, выявленные Миллером рас-

¹¹⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 189.

¹²⁰ Там же. С. 189.

¹²¹ Там же. С. 211.

¹²² Там же. С. 188.

хождения в речи местных жителей, скрывавшихся под собирательным этнонимом «остяки», позволили ему выделить три этнолингвистические группы: остяков нарымского (селькупы), сургутского (ханты) и енисейского (кеты) языков. В то же время подчеркнутые еще до него моменты языковой близости между хантами, манси, коми-пермяками и финнами, он, в отличие от Страленберга, не распространял на так называемых томских остяков: «...все это совершенно не касается остяков Томского уезда. Стоит только обратить внимание на их язык, и тогда станет ясно, что они вместе с нарымскими остяками составляют особый народ, совершенно отличающийся от сургутских, тобольских и березовских остяков и, наоборот, имеющий большое сходство с самоедами»¹²³.

Возвращаясь к этнополитическим сюжетам сибирской истории, Миллер, судя по тексту, приходит к выводу о сложности и неоднозначной добровольности вхождения местных народов в состав Российского государства. При этом, казалось бы, просветительская концепция позволяла ему с успехом оперировать такими понятиями, как цивилизованность, дикость, и формально Миллер действительно следует этому пути, пытаясь показать благотворное влияние европейской культуры, распространяемое русской администрацией. Сложнее было вписать в этот мирный контекст факты ожесточенного сопротивления аборигенов объяснению, захватам заложников, карательным экспедициям казаков и служилых людей против отдельных непокорных племен. В этом случае автором предпринимается попытка построить некую логическую схему, согласно которой легче мирились с новой властью менее затронутые «образованностью» доверчивые лесные племена, преимущественно обские угры, тогда как тундровые и степные народы сопротивлялись русским более отчаянно. В этой же просвещенческой манере он выделяет нравственные качества хантов, манси, селькупов и кетов, не способных ко лжи и желанию обогащаться за счет других и насильственно принуждать к труду соплеменников.

Вместе с тем, приводимые Миллером многочисленные сведения о вылазках «вогульских князьцов» еще на подходах русских к Уралу, а затем и на территории Западной Сибири, наглядно демонстрировали многослойность его текста, написанного политически благонадежным «комплиментарным» языком, но тем не менее, открывающим правду исторического факта. Даже неоднократно подчеркнутая им «робость» аборигенов показана как результат насилий и грабежей, чинимых сибирскими администраторами, заинтересованными в личном обогащении много больше, нежели в улучшении жизни налогоплательщиков. Миллер писал по этому поводу: *«У всех восточных, в особенности же у сибирских, народов существует обычай встречать небольшими по-*

¹²³ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 183.

дарками приезжающих к ним гостей и особенно воевод и других начальников. Это так нравилось сибирским воеводам и служилым людям, что они часто, не довольствуясь тем, что приносилось им добровольно, разными насильствами вымучивали гораздо больше. Это приводило к тому, что остяки и другие народы, не разбираясь в подобных насилиях, совершаемых отдельными лицами, считали их присущими всем представителям русской власти и, будучи доведены до отчаяния, не щадили иногда своей жизни, когда представлялась малейшая возможность освободиться от такой власти»¹²⁴.

Довольно смелые умозаключения Миллер сглаживал указанием на то, что в целом верно взятое государством направление на распространение норм христианской и крестьянской жизни в Сибири страдало от своеволия отдельных алчных чиновников. Цивилизацию, конечно, можно формально насадить с помощью розги, но убедить в ее благах личным примером было гораздо сложнее, и лишь немногие к этому стремились. В недостаточности такого рода убеждений он видит скромность успехов миссионерской деятельности и общее стремление таежных жителей пореже встречаться с русскими. Указывая на широкую распространенность охотничьего промысла в крае, тщательнейшим образом описывая его практики и инструментарий, Миллер, не отклоняясь от ранее избранной линии, подводит читателя к мысли о том, что прогресс в существовании местных народов возможен путем постепенного их перехода к оседлому образу жизни. Просветительский концепт диктовал автору некие ориентиры, как-то: сельский труд, городская промышленность и торговля, христианская религия и законопослушание есть светлая перспективная сторона народной жизни¹²⁵. Итак, развивая мысль Миллера далее, можно сконструировать следующую картину: спокойная добродетельная жизнь сибирских народов в будущем вполне возможна, если они будут учиться у русских крестьян-переселенцев навыкам работы на земле, будут законопослушны, будут избегать праздности и оставят языческие суеверия в пользу истинной веры. Проблема же состоит только в том, что мало кто здесь заинтересован в проведении этих идей в жизнь, гораздо выгоднее поощрять хищническое истребление пушных зверей и оленей, набивать кошельки и формально отчитываться о значительном приросте новообращенных. В любом случае, автору удалось, ни на йоту не изменив своей вере в универсальные блага просвещения, показать всю сложность адаптации сибирских народов к государственным институтам и запросам.

¹²⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 302–303.

¹²⁵ Слёзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия. С. 135–136.

И.Г. Георги и первая сводная монография по этнографии народов России

Вторая половина XVIII в. стала для отечественной науки временем нового исследовательского импульса по изучению территории, природы и населения. Россия уже не представляла собой прежней экзотической «terra incognita», поскольку многое уже было открыто и описано в первой половине просвещенного века. Теперь от ученой деятельности требовалась не столько эвристичность, сколько предельная точность в проводимых наблюдениях и способность к обобщению. Необходимо было идти вглубь исследуемых объектов, сохраняя при этом принцип энциклопедичности в изложении добытого в поле материала. Зафиксированное в инструктивных документах академических экспедиций развитие специализации свидетельствовало о дальнейшей дифференциации отраслей знания¹. Существенная сложность заключалась в том, что достаточного количества специалистов, которые могли бы профессионально заниматься детальным изучением фольклорных, историко-географических, статистических и других сюжетов гуманитарного спектра пока не было, основная нагрузка по-прежнему ложилась на «естествоиспытателей». Служителям муз натуральной истории пришлось отдать часть своих усилий музе Клио, чтобы «...найти этнический эквивалент линнеевских пестиков и тычинок, создав сложную, но полную иерархию социальных характеристик»². Открытый учеными в практических штудиях мир российской этнографии оказался настолько сложным, многообразным и гетерогенным, что невольно возникало желание поскорее классифицировать и уложить его в понятные и давно доказавшие свою эффективность рамки научного компендиума. Одновременно с формированием научно обоснованного образа России в историографии в отмеченный период сложилось «территориальное сознание» властей империи, воспринимавших управляемое ими государство как совокупность различных по составу населения земель, с разным уровнем экономического развития, конфессиональными особенностями и степенью лояльности к центральному вестернизированному правительству³.

¹ См.: *Фрадкин Н.Г.* Инструкция для академических экспедиций // Вопросы географии. М., 1950. Вып. 17. С. 213–217.

² *Слѣзкин Ю.* Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 124.

³ *Уортман Р.* Записки о путешествиях и европейская идентичность России // Российская империя: Стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 36–37.

Или, как писал издатель в своем «Преуведомлении» к первому тому «Описания всех обитающих в Российском государстве народов...» И.Г. Георги «известно всякому сведущему о Государствах и Владениях, на земном шаре существующих, что нет на оном ни одного такого, которое вмещало в себе столь великое множество различных народов, как Российская Держава»⁴.

Иоганн Готлиб (в русском обиходе Иван Иванович) Георги (1729–1802) родился в небольшом померанском г. Вехгольцхаген, находившемся первоначально под властью шведской короны, но по завершении Северной войны отошедшем к Пруссии. Отец его был пастором, однако сын выбрал светскую карьеру, отправившись на учебу в знаменитый шведский университет г. Упсала, являвшийся интеллектуальным центром Скандинавии и Северной Германии. Разрыв с семейной традицией проявился в выборе им медицинского факультета, где рационализм научного мышления утвердился много раньше, чем на гуманитарных специальностях. Кроме положенных по программе курсов, студент Георги посещал частные занятия выдающегося ученого-естествоиспытателя К. Линнея, лекции которого он бережно хранил на протяжении всей жизни⁵. Президент шведской Академии наук и почетный иностранный член Санкт-Петербургской Академии наук, профессор Линней преподавал слушателям не только известные ему тайны живой природы, но и прививал страсть к классификации как верному средству для практического освоения окружающего мира.

Дальнейший ход жизни И.Г. Георги вызывает некоторые разночтения. По одним сведениям, окончив университет, он получил степень доктора медицины. По другим данным, по каким-то причинам не завершив учебы, Георги начал заниматься фармацевтикой в г. Стендале. Так или иначе, в 1775 г., представляя Георги академической Конференции в качестве соискателя адъюнктуры по естествознанию и химии, академик Паллас отмечал, что, его протеже не имеет университетского диплома, но многие известные химики так же не посещали университетов, будучи аптекарями. Некоторые академики возражали против подобной постановки вопроса, и положительное решение затянулось

⁴ Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Творение, за несколько лет перед сим на немецком языке Иоганна Готлиба Георги, в переводе на русский язык весьма во многом исправленное и в новее сочиненное в четырех частях, со 100 гравированными изображениями народов и 8 виньетами. Изданием книгопродавца Ивана Глазунова. СПб., 1799. С. VI.

⁵ ПФА РАН. Р. I. Оп. 122. Ед. хр. 12.

почти на год⁶. Но еще задолго до встречи с П.С. Палласом, Георги познакомился в Упсале с ученым, по сути дела предопределившим его жизненный путь, направив интересы в сторону России⁷. Ученик Линнея, доктор И.П. Фальк, поступивший на российскую службу директором Аптекарского ботанического сада Санкт-Петербургской Академии наук, заметил исследовательские способности молодого человека и запомнил его⁸. Спустя некоторое время, в 1769 г., по предложению профессора Фалька, чувствовавшего ухудшение состояния здоровья и нуждавшегося в доверенном помощнике, руководство Академии наук решило пригласить безвестного тогда аптекаря присоединиться к ученым, путешествующим на пространствах между Волгой и Уралом.

В экспедиции: Поводом к организации масштабного академического проекта, вошедшего в истории науки как Физическая (Академическая) экспедиция (1768–1774 гг.), послужило ожидаемое весной 1769 г. прохождение планеты Венеры перед солнечным диском. Для наблюдения за этим астрономическим феноменом предполагалось направить в различные части империи экспедиционные отряды под общим руководством приглашенного из Германии ученого-натуралиста П.С. Палласа⁹. Согласно общему плану, в полевых исследованиях должны были быть задействованы пять отрядов, несколько запутано именовавшихся 1, 2 и 5-й «Оренбургскими экспедициями», 3 и 4-й «Астраханскими экспедициями»¹⁰. Руководство 5-й Оренбургской экспедицией было поручено И.П. Фальку, маршрут которого предполагал движение на юго-восток, через Москву, Пензу и Самару, вниз по Волге до Царицына¹¹. После согласования дальнейших путей с руководителями 1-й и 2-й Оренбургских экспедиций П.С. Палласом и И.И. Лепехиным, полевой сезон 1770 г. тяжело страдающий от приступов ипохондрии профессор

⁶ *Шафрановская Т.К.* Новые данные к биографии И.Г. Георги (К 200-летию начала его экспедиционной деятельности) // Краткое содержание докладов годичной сессии Института этнографии АН СССР. М., 1970. С. 106.

⁷ См.: *Некрасов Г.А.* Роль Упсальского университета в развитии русско-шведских культурных связей в XVIII в. // Скандинавский сборник. 1988. № 31. С. 47–63.

⁸ *Осипов В.И.* Петербургская Академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII в. СПб., 1995. С. 51.

⁹ См.: *Wendland F.* Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Berlin, 1992; *Муравьев В.Б.* Дорогами российских провинций: Путешествия П.С. Палласа. М., 1977.

¹⁰ *Токарев С.А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1968. С. 95.

¹¹ *Schwamm K.* Johann Peter Falks Bericht über die Wotjaken aus dem Jahre 1772 // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 1980. Bd. 4. S. 99.

Фальк провел в бассейне р. Дон и в калмыцких степях. Оттуда он прибыл в Астрахань, где к нему присоединился Георги. Совместная работа началась на пути через степи к Уральску, затем в Оренбург. Весной 1771 г. путешественников ждала Сибирь, сначала в Омск, затем – Кузнецк, Томск, Барнаул¹². Примечательно, что Георги на редкость удачно вписался в исследовательский коллектив российских академиков благодаря не только трудолюбию, но и неиссякаемому оптимизму и дружелюбию своей натуры.

Летом 1771 г. в рапорте о ходе и дальнейших планах экспедиции профессор Фальк положительно отзывался о работе Георги, совершившего ряд самостоятельных полевых выездов (экскурсий), предполагая, что вскоре ему можно будет поручать более длительные исследовательские поездки¹³. Это сообщение было продиктовано, в том числе и учащением приступов перемежающейся лихорадки и депрессии, измучивших Фалька, вскоре доведя его до самоубийства. Сведения о тяжелой болезни руководителя экспедиции дошли до руководства Академии, которое предложило И.П. Фальку вернуться в Санкт-Петербург, предварительно направив Георги и двух студентов к зимовавшему в Красноярске отряду Палласа. По этому случаю Паллас писал в Москву своему наставнику, Г.Ф. Миллеру, курировавшему корреспонденцию, поступавшую из поля: «Одну приятную весть я все-таки под конец приберег, а именно: позавчера сюда прибыл на радость мне и к ужасу моей ипохондрии господин Георги, которого профессор Фальк несколько дней тому назад отправил в путь по почтовому тракту. Этот славный человек, которого Ваше высокоблагородие удостоили в письме ко мне лестных слов, заслуживает самой высокой похвалы; и если бы я всем сердцем не желал, чтобы он состоял при бедняге Фальке, то я был бы не прочь сам иметь такого компаньона. Если бы он не источал вокруг себя атмосферу радости, то и тогда он был бы для меня бесценен, ибо я опять получил возможность говорить о науке...»¹⁴.

В 1773 г. обследовав земли от Тобольска до Екатеринбурга и далее от Оренбурга до Астрахани, Георги поднялся вверх по Волге и уже в начале следующего года достиг Казани. Находясь в Среднем Поволжье, он изучал, среди прочих предметов, быт местных народов – татар, марийцев, удмуртов, чуваш и мордвы. Нелишне будет упомянуть о том,

¹² Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв.: хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л., 1940. С. 107–108.

¹³ *Шафрановская Т.К.* Конец сибирской экспедиции И.П. Фалька и его записки // *Страны и народы Востока*. М., 1973. Вып. 15. С. 257.

¹⁴ Научное наследие П.С. Палласа. Письма (1768–1771). СПб., 1993. С. 168.

что казанский край в это время был весьма небезопасным местом для путешествующего по причине разворачивающейся здесь «пугачевщины». В Казани он нашел своего прежнего начальника, профессора Фалька, которого поддерживал в самый критический момент болезни, когда разум уже отказывался повиноваться ученому. Тщательно собрав оставшиеся после кончины Фалька полевые записи, касавшиеся вопросов географии, ботаники, зоологии и этнографии, Георги известил Академию о печальном событии и мерах, предпринятых по сохранению экспедиционных материалов покойного¹⁵. Едва Георги успел покинуть Казань, как 11 июля 1774 г. город был взят и разграблен повстанцами. По возвращении в столицу империи его заслуги были отмечены золотой медалью и денежным подарком в 300 червонцев лично от императрицы Екатерины II. Почти сразу Георги приступил к обработке своих полевых материалов, этнографическая часть которых хорошо ему послужила при подготовке немецкого и русского вариантов «Описания...». Продуктивности его работы над текстами способствовало и то, что находясь в экспедиции, он регулярно высылал в Академию наук свои полевые тетради, которые после рассмотрения Академической конференцией немедленно передавались в типографию, поскольку в них нередко были зафиксированы ранее малоизвестные факты, касавшиеся политического устройства стран и образа жизни народов Востока¹⁶.

Важнейшей заслугой И.Г. Георги перед этнографической наукой стало редактирование разрозненных экспедиционных записок его трагически ушедшего из жизни наставника И.П. Фалька. Знакомиться с рукописями Фалька он начал в 1780 г. и продолжал эту кропотливую работу вплоть до 1785 г., пока не сдал готовый текст в типографию¹⁷. Это была лишь часть его научной работы, так как в 1776 г., после завершения экспедиции и избрания адъюнктом Санкт-Петербургской Академии наук, Георги решил навсегда остаться в России, приняв после М.В. Ломоносова руководство химической лабораторией и кабинетом минералогии. Одновременно он готовил к изданию свой труд о народах России.

¹⁵ *Шафрановская Т.К.* Конец сибирской экспедиции И.П. Фалька и его записки. С. 259.

¹⁶ *Georgi J.G.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich 1–2. St.-Petersburg, 1775; *Шафрановская Т.К.* Япония в середине XVIII в. по сообщению И.Г. Георги // *Страны и народы Востока*. М., 1972. Вып. 14. С. 158–159.

¹⁷ *Falk J.P.* Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reiches (Publ. Par J.G. Georgi). St.-Petersburg, 1785–1786; *Записки путешествия академика И.П. Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России*. СПб., 1824. Т. 6, 7.

В 1794 г. союз истории и этнографии в трудах академика Георги вновь дал о себе знать в виде подготовленного им первого полноценного краеведческого очерка российской столицы и ее окрестностей, где ряд моментов касался этнического состава населения¹⁸. Так что Георги можно уверенно считать одним из основателей городской этнографии в России и этнографии Санкт-Петербурга. Сам автор отмечал: «Финляндцы и Ижорцы суть древние обыватели сей страны, почему они и доселе живут в деревнях в окрестностях города. Но поелику нрав их весьма разнится от нрава городских обывателей, то между жителями города имеется только весьма малое число Финляндских семей. В лесу, на Васильевском острове находящемся, есть маленькая чухонская деревушка; слуг же и служанок чухонских имеется весьма много»¹⁹. За свои достижения в науке Георги был избран почетным членом Прусской Академии наук, Обществ испытателей природы в Вене и Берлине, Иене и Эрлангене. В 1783 г. он стал ординарным академиком по классу химии, а в частной жизни приобрел славу фармацевта и одного из успешно практикующих в столице врачей. Популярности его имени добавило и то, что берлинский ботаник К. Вильденов назвал в 1804 г. привезенный из Южной Америки цветок в честь Георги георгином.

Творческая лаборатория: «Алхимический» склад ума И.Г. Георги распространялся на самые различные предметы, приобретавшие в его творческой лаборатории новые формы и содержание. Перу Георги не свойственно концентрировать внимание на внешних проявлениях народного быта, зато он стремится выражать все в максимально точных определениях и цифрах, взятых из официальных источников. Вместе с тем, круг его поисков довольно широк. Например, в издаваемых П.С. Палласом «Новых северных примечаниях к физическому и географическому описанию земель и народов, истории естествознания и экономии» он публикует самые различные статьи, тематика которых варьирует от опытов самовозгорания конопли до предложений по развитию подсобных крестьянских промыслов²⁰. Являясь, как и многие отечественные ученые-просветители, членом Вольного Экономического Общества, он опубликовал в его Трудах несколько очерков прикладной направленности, как-то: «Опыты над картофельным мылом», «Практические наставления к употреблению минеральной самородной щелочности», «Способ приготовить полезную краску из яичной скор-

¹⁸ *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1996.

¹⁹ Там же. С. 146.

²⁰ *Зиннер Э.П.* Путешествие длиною в три столетия. Иркутск, 1973. С. 94–96.

лупы» и др.²¹ Прочтение текстов Георги может составить о нем первоначальное впечатление как об ученом, смотрящем на окружающую природу, включая и человеческую, исключительно с практической точки зрения. Но это было не совсем так.

Первичная научная специализация, безусловно, наложила определенный отпечаток на исследовательские подходы Георги, привив ему, если можно так выразиться, «рецептурность» научного мышления, когда мера и следование канону обеспечивали искомый результат²². Впрочем, разумная осторожность в обращении с исходными материалами и ремесленное стремление к сочетанию качества и количества готового продукта не исключали творческого начала. Георги была присуща редкая способность так синтезировать разнохарактерные источники и мнения, что ни у кого не возникала мысль об отсутствии у него собственного мнения об испытуемом предмете. Так, на протяжении многих лет непревзойденным по искусству изложения этнографическим компендиумом являлся труд Георги о народах России. Значимость этой работы состоит, кроме многих ее достоинств, в том, что автором была выработана некая схема (рецептура) группировки и текстуализации этнокультурного материала. Первоначально необходимо было определиться с названиями народов (внутренними и внешними), которые могли указать направление этногенетических поисков; затем следовало очертить этническую территорию, занимаемую народом в прошлом и в нынешнем его состоянии, что могло дать ключ к пониманию таких параметров, как преобладание определенных хозяйственных занятий и даже народной антропометрии. Описание традиционных обычаев и обрядов, в свою очередь, подводило исследователя к таким тонким сферам, как народные нравы и поведенческие стереотипы, где субъективный фактор становился доминирующим. Соотношение общего и особенного при анализе народной одежды, домостроительства, пищи и транспортных средств могло указать на возможные межэтнические связи и имевшие место контакты. Завершить иерархию народных ценностей следовало характеристикой бытующих религиозных верований и суеверий, демонстрировавших определенную динамику этноса в вопросах духовности. Таким образом, химик Георги привнес в науку о народах важные в методологическом отношении приемы, одновременно пройдя по очень тонкой линии, стараясь соблюсти интересы заказчика и не покривить душой против истины.

²¹ См.: *Вовина О.П.* Деятельность Вольного экономического общества в области этнографии во второй половине XVIII–XIX в. // *Этнография. Антропология. Смежные дисциплины: соотношение предмета и методов.* М., 1989. С. 25–34; ПФА РАН. Р. I. Оп. 122. Ед. хр. 17.

²² *Рабинович В.Л.* Средневековый рецепт как форма познания природы // *Методологические проблемы историко-научных исследований.* М., 1982. С. 213–217.

Звучащая во многих произведениях И.Г. Георги и его коллег стержневая мысль о важности использования полевых эмпирических данных при осуществлении дальнейших шагов по освоению ресурсов страны, среди прочих приоритетов, предполагала духовно-нравственное совершенствование, просвещение населяющих Россию людей разных вер и народов²³. В частности, эта идея нашла документальное отображение в Обращении от 7 марта 1777 г. директора Санкт-Петербургской Академии наук С.Г. Домашнева по поводу составления полного географического описания Российской империи, известном как «Plan d'un ouvrage géographique et topographique sur l'Empire Russe»²⁴. В том же году Георги был включен в число сотрудников Топографического комитета, проводящего подготовительные работы к планам генерального межевания земель и разработавшего обширную программу, названную «Начертание общего топографического и физического описания Российской империи». Согласно программе, предполагалось осуществить: 1. Общее географическое описание России; 2. Общее историческое описание; 3. Общее статистическое описание; 4. Описание особенностей географии Российского государства; 5. Физическое описание страны. Кроме того, учеными была создана анкета, значительную часть вопросов которой составляла этнографическая тематика, в особенности проблемы заселения, хозяйственного освоения, нравов и обычаев населения обследуемой территории²⁵. По всей вероятности, этнографические интересы Георги отражали характерный для той эпохи тип научной парадигмы, когда прогрессирующий универсализм позволял достигать высоких результатов в различных отраслях знания. Можно привести примеры инженерно-технических наблюдений историка и крупного чиновника В.Н. Татищева, естественнонаучные труды, исторические сочинения и поэтические опыты М.В. Ломоносова. В этом контексте работы Георги, посвященные описанию земель и народов Российской империи, видятся попыткой естественнонаучного ума объять этническую составляющую государственного организма. Вместе с тем, их можно интерпретировать в качестве его личного вклада в формирование патриотического сознания и национальной гордости россиян²⁶. Гордости не ограниченной рамками господствующей нации, готовой

²³ См.: Кузьмин А.Г. Русское просветительство XVIII в. // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 106–125.

²⁴ ПФА РАН. Р. I. Оп. 122. Ед. хр. 13.

²⁵ Эмаусский А.В. Топографические и исторические описания Вятского наместничества в 80–90-х гг. XVIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 7. С. 204–215.

²⁶ См.: Пытин А.Н. Русская наука и национальный вопрос в XVIII в. // Вестник Европы. 1884. № 5. С. 212–256; № 6. С. 548–600; № 7. С. 72–117;

поглотить и ассимилировать остальных, превращая их в русских, а скорее нации в политическом смысле, когда: «...единообразие учреждения Государства весьма премудро дапомагает сему, и исполинскими шагами приближает Грубых народов наших к единой мечте всеобщего России просвещения, соединения чудесного во едино тело и едину душу, и, так сказать, сплавления в Исполина, непоколебимого сотнями веков»²⁷. Иначе зачем же было выполнять столь трудоемкую работу, демонстрируя своим читателям полиэтническую сущность России и ее истории.

Финно-угры в «Описании всех в Российском государстве обитающих народов...»: Сделанные в ходе экспедиционных исследований накопления этнографической информации вкупе с развитием методологического обеспечения науки должны были найти логическое продолжение в публикациях обобщающего характера. Соответственно, опыты первичной систематизации должны были перерасти в масштабные издательские проекты, иллюстрирующие этническое многообразие империи.

Значение такого рода иллюстрирования подчеркивал сам И.Г. Георги, отмечая, что к составлению краткого связного описания всех наших наций в их теперешнем состоянии побудил его замысел гравера К.М. Рота – с помощью некоторых ученых издать русские нации в подлинных изображениях. Речь здесь идет об изданном в Санкт-Петербурге в 1774 г. альбоме «Открываемая Россия, или собрание одежд всех народов, в Российской империи обитающих», который действительно выходил тетрадами по пять листов в каждой и содержал цветные и черно-белые гравюры, большая часть из которых затем вошла в «Описание всех народов...», создавая визуальные образы народов империи по их внешним антропологическим признакам и по традиционной одежде²⁸. Предпринятая гравером работа так понравилась российской читающей публике, что потребовались более пространные текстовые пояснения, отображающие необходимость не только знать кое-что об отдельных народах, но и иметь общую картину национального состава государства. Однако, это был только частный случай из предыстории «Описания...», более значимые обстоятельства появления книги Георги раскрывает в предисловии своего труда. Несмотря на длительность межэтнических контактов, вза-

Кром М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XIX–XX вв.). М., 1994. С. 16–30.

²⁷ Цит. по: *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. 1. О народах финского племени, известных по Истории Российской под общим именем Руссов. С. IX.

²⁸ См.: *Вишленкова Е.А.* Визуальный язык описания «русскости» в XVIII – первой половине XIX в. // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 97–146.

имовлияний и миграций, народы России сохранили свои культурно-бытовые особенности, что вызывало неподдельный интерес, но точных знаний об этих народах было недостаточно, так как они стали накапливаться лишь в ходе исследовательских поездок ученых, командированных Санкт-Петербургской Академией наук. Теперь пришла пора, говорит автор, систематизировать накопленные сведения, тем более, что быт народов под влиянием соприкосновения с русскими, принятия христианства и других факторов все более меняется.

Публикация «Описания...» осуществлялась с 1776 по 1780 гг. одновременно на немецком (в четырех частях) и русском языках (в трех частях)²⁹. Книга была посвящена Екатерине II, «при кротком правлении» которой столь благополучно народы «жизнь свою препровождают». Работа встретила благосклонное внимание императрицы, отметившей автора золотой табакеркой. В новое царствование работа Георги выдержала еще одно издание на русском языке, расширенное и уточненное, правда, теперь уже с посвящением императору Павлу I³⁰. Первая сводная этнографическая работа о народах России была построена на солидной научной базе. Написанная пером и умом Георги, она вполне может считаться продуктом коллективного сотворчества ученых-путешественников XVIII в. В Преуведомлении к изданию 1799 г. указывается, что «источники, из которых почерпнуто сие описание Народов, обитающих в России, их житейских обрядов... суть во первых Летописцы Российския, а во вторых, и по большей частию, описания частныя России подданных народов, сделанные и изданные в Свете Профессорами и Историографами: Миллером, Гмелиным, Крашенинниковым, Штеллером, Фишером, Рычковым, Самуилом Гмелиным, Палласом, Лепехиным, Ник. Рычковым, Лемом, Клингштедтом, Гегстремом, Гавеном, Шлетцером, Климаном и другими»³¹.

В структурном отношении первая часть «Описания...» представляет собой ряд более или менее крупных очерков об отдельных финно-угорских народах. Некоторые очерки довольно обстоятельны и информативны. Таковы главы о саамах, марийцах, удмуртах и обско-угорских народах, другие отличаются лаконичностью и лапидарностью, напри-

²⁹ *Georgi J.G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religionen, Gebrauche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. I–IV. St.-Petersburg, 1776–1780*; Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1–3. СПб., 1776–1778.

³⁰ *Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799.*

³¹ Там же. С. V.

мер, очерк об ижоре. Судя по сравнительной величине этих очерков, можно сделать вывод о том, что в рассматриваемый период неплохо были известны народы Поволжья, Приуралья и Сибири. Недостаточно были изучены народы Европейского Севера. Георги весьма подробно описывал саамов, но не выделял водь и карелов в качестве отдельных народов, очевидно, считая их финнами. Более объяснимо то, что он не упоминает о вепсах (открытых для науки А.И. Шёгреном лишь в середине 1820-х гг.), но странно, что автор очень мало знает о коми-зырянах и коми-пермяках. В книге нет статей об этих народах, о них говорится мимоходом в статье о хантах. Необходимо обратить внимание на систему классификации описываемых народов. Распределяя их на группы, Георги руководствуется в основном лингвистическим, или точнее – историко-лингвистическим принципом, комбинируя его с географическим. Так, в том, посвященный народам «финского племени», он ввел информацию практически о всех финно-угорских народах страны, указывая даже на такой дискуссионный тогда вопрос, как родство обских угров с «венгерцами» и о происхождении их от «древних угров», хотя и замечает осторожно, что о том «надобно еще подумать»³². Неточность допускает автор только в том, что включает в эту же группу латышей и чувашей. Чувашей автор считает народом, весьма близким к марийцам, что верно в отношении занимаемой территории и хозяйственно-культурного типа, но не языка. Включение латышей в одну подгруппу с эстонцами и ливами объяснимо скорее фактами региональной близости и политической истории, но не утверждением о том, что язык латышский в значительной мере состоит из смеси финских и славянских слов. Тем не менее достоинством книги является то, что Георги не ограничивает свои задачи простым описанием и пересказом эмпирического материала, хотя бы и систематизированного, а старается его осмыслить и обобщить. Как отмечал С.А. Токарев, «...надо оставить на совести автора его попытки дать обобщенные психологические характеристики народам, в одних случаях положительные, в других отрицательные. Можно спорить о допустимости таких характеристик, но для науки того времени было свойственно привязывать бытующие у того или иного народа нравы и обычаи к определенному типу социального строя и уровня экономического развития»³³.

Не вызывает сомнения то, что финно-угроведение как специальное направление исследований не являлось для Георги предметом его непосред-

³² Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 60.

³³ Токарев С.А. Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // Вестник Московского университета. 1958. № 4. С. 120.

редственных научных занятий, поскольку на тот момент степень дифференциации в сфере народоведения находилась еще в самом зачаточном состоянии. Однако предпринятая им попытка создания обобщенной этнографической классификации народов России должна была иметь некий отправной пункт. Да и сама логика работы подсказывала – рассмотрение системы выделенных этнических групп следовало бы начать с народов, являвшихся наследниками древнейшего населения страны как носителей изначальной языковой и культурной идентичности. Для Георги этот вопрос в принципе ясен, и потому первый том был посвящен этносам финно-угорского происхождения. Сложность научной задачи, стоявшей перед исследователем, заключалась в том, что ему предстояло дать максимально подкрепленный источниками очерк ранней этнической истории «финских народов». Накопленный к тому времени отечественной наукой этнокультурный материал вольно или невольно принуждал автора вырабатывать некую систему изложения, наблюдение за которой может многое сказать о стиле мышления пишущего, позволяя ему найти нужные слова, определяющие сущность финно-угорской научной проблематики. Очевидно, что Георги потребовалась длительная историографическая подготовка, необходимая для формирования собственной точки зрения, нашедшей отражение в редакции текста «Описания...» 1799 г., отрывок из которого позволю себе привести:

ФИНСКИЕ НАРОДЫ, или ДРЕВНИЕ РУССЫ

Древние *Руссы* суть коренной России Народ, которого имя только Россия на себе носит, а язык его древний, от смешения, соседства и после соединения со Славянами, совершенно почти исчез. Народ сей в древности занимал пространство нынешней России от острова Тамана, Хвалынского моря, по восточную сторону Волги, до Белого простираясь по северному Океану, по восточной стороне Ботнического залива, по Финскому заливу и озерам: Ладожскому и Ильменю; по рекам Волхову, Шалони, Мсте, Ловати и Пали. При устье Ловати древний их город, *старая Руса*. Народ сей от древних чужеземных дее-писателей назывался Цымбрами, Киммерами, Сарматами, Гоффами и Гетами, а от северных домашних Ютнами, Рисарами, Ризами и Руссами, т.е. по Цельтически, *сильными*. В старину Россия не называлась *Россиею*, но *Русь*, *Руссия*, а *Россиею* стала зваться не прежде, как в конце царствования *Иоанна II*, и название сие введено Макарием митрополитом. Прежде Макария, и несколько времени после него, как в титулах, историях и на деньгах всюду *Русь* именована, и сам оный Государь в речах и граматах всегда *Русия* употреблял. Руссов, Цимбров, или Киммеров, знатная часть, будучи потеснена от Азовского моря Скифами, прошла в Мидию и Лидию, а другие подвинулись в нынешнюю Ютландию, Голштинию и Мекленбургию, от которых и море тамошнее

Кимврийским прозвано. Те же, кои, как выше показано, жили около Балтийского моря и далее к ледовитому Океану, по пришествии на Княжение Рурика, да и прежде уже столько перемешались и породнились со *Славянами*, что на последок стали составлять один народ; есть однакож и по днесь особенные роды того древняго Русскаго Народа, известные ныне под названием, *Финских народов*, и суть: Лопари, Финны, Латыши, Мордва, Вотяки, Тептяры, Вогуличи, Отяки и прочия посторонния малые поколения. Они суть самые древние северныя России жители, и обитают все, кроме Отяков и Вогулич, по сию сторону Уральских гор, составляющих естественный между Европою и Азиею предел.

По самому древнему их состоянию были они все кочевые Народы; но в последующия времена, а особливо по обращении их от языческаго суеверия к Христианскому закону, сделались они из скотоводцов земледельцами, и подвижным своим жилищам предпочли одноместныя. Разсеянные в восточных Странах не большие Народы сообразовались в слове и одежде с теми Народами, кои им были порубежны, или которых они под иго свое покоряли. Таким образом много переняли кое чего Чуваша от Татар; Мордва, а особливо Зиряне и Пермь, коих теперь почти и признать не можно, от Россиян; Отяки от Семоядов, и так далее.

Однакож весьма удивительно, что премногия, в разсеянии живущие Финския поколения, и при различном положении занимаемых ими мест, имеют ещё и теперь очень много собственного и сообразнаго главным Финскаго племени коленам в разсуждении теллообразия, общенародных свойств, языка, нравов, одежды, суеверия, и проч. Все сие явственно будет видно из частных описаний. Достойно также примечания и то, что премногие из сих Народов живут еще и теперь только в северных, болотистых и лесистых Странах, кои изкони были любимыя Финскаго племени места; в разсуждении чего и называются они *Наболотными жителями* (Суома Яме). Звериная и рыбная ловля была первым их промыслом. В прочем кажется быть и действительно вероятно, что столь великое сходство доказывает не оспоримо основанное на самой истине мнение г. Статского Советника Миллера, так и Профессора Фишера: *что все сии Народы суть не особливья какия, но только отщепенция от Финскаго племени колена*³⁴.

И.Г. Георги предлагает своему читателю следующую классификационную схему: открывают мир финно-угорских народов саамы (у Георги – *Лопари*), географически самый северный в Европе народ, к тому же ведущий преимущественно кочевой образ жизни, что для ученого человека эпохи Просвещения уже само по себе вызывает непод-

³⁴ Цит. по: *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. 1. С. 1–2.

дельный интерес. Как рационалист Георги находит тому объективные причины: *«По причине не плодородия тамошних гор и суровости воздуха, так, как и потому живут почти звероподобно, не может сей народ соответственно обширности занимаемой ими страны быть многолюден»*³⁵. Значимость для автора климатических и экологических факторов сопровождает его рассуждения по проблемам этногенеза: *«Лопари суть Финский народ. Они назывались еще за шесть сот лет до наших времен Стрикфиннами (беглыми Финнами) и вероятнее кажется, что нынешние Финны отцетяся от них, переселились в привольные места для спокойнейшей жизни...»*³⁶. Таким образом, демонстрируя свою приверженность «концепции Миллера–Фишера» о возникновении отдельных «финских» народов путем постепенного отделения от материнского этноса отдельных групп, ставших впоследствии родственными народами, автор предлагает пример конкретной реализации последней, выдвигая гипотезу возникновения современных финнов путем выделения из саамской этнической общности и последующей миграции на юг, в более приспособленные для жизни места³⁷. Политическая составляющая отражается в тексте следующим замечанием: *«Они издревле жили на своих горах и управляемы были своими Владельцами: но напоследок покорены Шведами; и теперь нет у них и памяти Дворянских семей»*³⁸. Некий элемент «скотландизации» саамской истории замечен также в сентенции о горной уединенной жизни под началом местных властителей, нарушенной вторжением извне, тогда как использование понятия «дворянство» может трактоваться в качестве особой дани духу времени, когда наличие собственной знати служило одним из определяющих факторов суверенности государства.

Довольно сухие по своей природе, но занимательно изложенные Георги данные, касающиеся саамской антропометрии, сменяются столь любимой просветителями темой «о разуме». Оказывается, что *«разум у них (саамов) обыкновенный простонародный»*³⁹, но это не мешает его обладателям демонстрировать сложную гамму чувственных проявлений, варьирующих от миролюбия и постоянства до недоверчивости и склонности к плутовству в торговле. Тем не менее автор находит ключевой пункт, как мы бы сейчас сказали, «саамской иден-

³⁵ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... Ч. 1. СПб., 1776. С. 3.

³⁶ Там же. С. 3.

³⁷ См.: Карпелан К. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 32–48.

³⁸ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 3.

³⁹ Там же. С. 4.

тичности» в редкой до самоотверженности любви к родине и мироустройству: *«Об отечестве своем и общежительственном устройении очень много думают, и столько как иными так и самими собою пленены, что будут вне отечества, умирают больше от сокрушения своего по родине»*⁴⁰. Следующий по степени важности для Георги этнодифференцирующий признак – это язык, происхождение которого от «финского», то есть в нашем понимании от древнефинского языка основы не подлежит обсуждению, так же, как и наличие множества саамских диалектов, разнящихся настолько, что *«...и сами Лопари с трудом всех своих одноплеменников слова разумеют»*⁴¹. Фиксация слабой языковой консолидации только подкрепляет авторскую логику данными об отсутствии у саамов письменности в общепринятом ее понимании, когда из букв, а не из рисунков составляются слова.

Тайные или явные просветительские настроения не затмевают для автора такого социально значимого явления, как далеко зашедшее имущественное неравенство, царящее в саамском обществе. Рассеянные по тексту свидетельства о местной «жадности к богатству», «корыстолюбии», «зарыванию денег в землю», нежелании и невозможности платить подати должны были, тем не менее, найти какое-либо объяснение. Ответ Георги лежит скорее в области экологического и географического детерминизма⁴². С некоторым удивлением для себя он отмечает, что принятие «христианского закона» не привело здесь к переходу к оседлому образу жизни, да это было бы и трудно исполнимо, поскольку экономически невыгодно и противоречит местной природе. Тогда как столь не любимое просветителями кочевание наоборот приносит наибольшую прибыль саамам-оленоводам, рыбакам и охотникам за «мягкой рухлядишкой». С другой стороны, дикостью и нестандартностью края можно было объяснить неглубокое проникновение основ христианства в саамское мироустройство, отличавшееся на тот момент ситуаций религиозного двоеверия и приверженности шаманским практикам.

Следующие в тексте за саамами финны выступают своеобразными антиподами первозданной дикости северных и северо-восточных соседей: *«Финны, от предков коих произошли почти все Северные Европейские народы, суть Азиатцы, переселившиеся в древние невежеством помраченные времена из Восточных своих стран в занимаемые*

⁴⁰ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 4.

⁴¹ Там же. С. 4.

⁴² См. например: Линкола М. Образование различных этноэкологических групп саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 48–59.

ими теперь на Западе земли»⁴³. Миграционная позиция автора исходит из довольно распространенного для той эпохи понимания исторического процесса, согласно которому пребывание на благословенном просвещенном Западе облагораживает даже самые суровые, закосневшие в неведении сердца вчерашних дикарей. Но в чем же конкретно повезло финнам и каковы предпосылки их нынешних успехов? Ответ в принципе предскажем: *«Они сообразны по своему происхождению, нраву и языку многим Европейским и Азиатским народам, как то Черемисам, Чувашам, и другим; но ни с кем столько не сходятся, как с Лопарями и Пермьянами. Кажется, что они отделились от Лопарей не прежде как в тринадцатом столетии, при разпространении Христианской веры и утверждении жилищ на одном месте»*⁴⁴. Придерживаясь избранной им структуры изложения эмпирического материала, Георги продолжает вести свою идейную линию, не исключая таких, казалось бы, неидеологизированных тем, как народная антропометрия: *«По наружному виду совершенно Финны Лопарям сообразны: но телесными и душевными добрыми качествами далеко от них отошли...»*⁴⁵. Идеализация финнов, одновременно с противопоставлением их язычеству собратьям иллюстрируется рядом важных моментов, как-то: «Говорят собственным языком, но пишут Готскими буквами», то есть переход на латинскую графику не ведет к утрате языковой суверенности, мало того, культура письма предопределяет то, что финны имеют «разные частные и высшие училища; и нарочито успевают в различных художествах и науках». Правда, автор умалчивает, что образование и научные занятия финнов совсем не предполагают развития народного языка, исключая его из высших сфер общения в пользу политически доминирующего шведского и схолярной латыни. Для него гораздо более значимо показать европейские маркеры, приобретенные финнами на новых местах обитания. Лютеранский закон и христианское летоисчисление в этом случае выступают как универсальные ценности, закладывающие базу дальнейшего прогресса. Но кто в таком случае выступит в качестве катализатора поступательного движения? Ответ автора звучит практически в каждом абзаце, это – шведы, ибо «города их подобны Шведским», «хозяйство же свое ведут по Шведскому обыкновению; да и домашняя у них утварь такая же, как и у Шведов», «одевание городских и чиновных людей ничем от Шведской городской одежды не отменно. Да и мужики такое же точно платье носят, какое и Шведские крестьяне». Мало того, даже те области Фин-

⁴³ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 16.

⁴⁴ Там же. С. 16.

⁴⁵ Там же. С. 17.

ляндии, что «...Российской покорены державе, пользуются Шведскими правами и преимуществами»⁴⁶.

Однако путь в европейское сообщество просвещенных наций был для финнов долг и тернист, так, не до конца еще изжиты в народе древние суеверия. Георги, в частности, пишет, что древние финны были такими ревностными идолопоклонниками, что шведским королям и упсальским епископам пришлось употребить немало усилий для обращения упорствующих. Автор пытается не только констатировать современные успехи просвещения финнов, но и по возможности исследовать природу их былых верований. Он приходит к выводу, что *«чрез толь долгое время сделались предания о древнем их богословии весьма недостаточными; в разсуждении же новейших времен сходствует она в главных делах с законоучением Лопарей и других от Финнов произшедших народов»*⁴⁷. Кроме того, Георги кажется, что он находит некий общий момент, роднящий представления язычников о священном. По его мнению, это широко распространенный прежде культ медведя: *«Все в языческом суеверии утопающие Северные и Северо-восточные народы почитают медведей очень важными зверьми, и думают, что души их так же как и человеческие, безсмертны; а от сего и вошли в употребление при звериной их ловле весьма многие суеверные забобоны»*⁴⁸. Как доказательство своего утверждения он приводит перевод текста финской ритуальной песни, связанной с почитанием медведя. В целом автор дает понять, что финны, безусловно, дальше своих собратьев продвинулись по пути цивилизации, но и по сей день им еще много предстоит работать над собой.

Перемещая свой взор с Севера на южное побережье Балтики, Георги обнаруживает среди здешнего коренного населения родственные финнам поколения, обозначенные им как Латыши, Есты и Ливонцы. Каким образом латыши оказались зачислены ученым в ряд «Финских народов», достойно специального рассмотрения. Очевидно, что лингвистическая классификация имела для него первостепенное значение, и будучи реалистом, Георги понимал, что за многие столетия совместной жизни на ограниченной территории Восточной Прибалтики местные народы тесно контактировали в языковом отношении, заимствуя друг у друга лексические формы. Вместе с тем, существенное отличие латышского языка от эстонского и ливского (чье финское происхождение было однозначно ясно) требовало от него более серьезной аргументации, связанной с этническими процессами в регионе. Он предлагает следу-

⁴⁶ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 17.

⁴⁷ Там же. С. 20.

⁴⁸ Там же. С. 22.

ющую схему: *«Латыши, кои обще с Литвою и древними Пруссими составляют один народ, суть смешанные с Финнами Славяне...»*⁴⁹. Далее автором подключаются миграционный и хозяйственно-культурный факторы, согласно которым, латыши, издавна занимавшиеся земледелием в бассейне р. Вислы, переселились в Ливонскую землю, где уже находились кочующие финские народы, не претендующие на сельскохозяйственное освоение этих земель. Латыши, таким образом, мирно вошли в региональное финское сообщество. Объединяла их и языческая вера, по мнению Георги, мало отличавшаяся от финской и саамской.

Еще более сплотила латышей, эстонцев и ливов совместная история, в которой самые темные времена связываются, как ни странно для авторской стилистики, не с первобытными языческими временами, а с приходом сюда крестоносцев: *«И, как в то время Курская и Ливонская земля завоевана Немецкими рыцарями, то все они вообще сделались Христианами и крепостными людьми чужестранного дворянства: в каком состоянии и теперь они находятся»*⁵⁰. Даже местная антропометрия свидетельствовала о неблагополучии простого народа, среди которого было «великое множество печального и сырого сложения людей», «претерпевающих от помещиков угнетение», страдающих от «тягостных работ, недостатков и унижения». Примечателен в этом отношении сюжет о том, что редкие счастливицы, которым все же удастся скопить некоторую сумму, спешат зарыть свои деньги в землю *«...и тем навсегда удаляют их из обращения»*⁵¹. Эта почти библейская история о зарытых в землю талантах, по-видимому, очень близка общественным взглядам автора, синтезировавшего руссоистские настроения европейской интеллигенции с протестантской этикой бюргера. Неприятие режима остзейского дворянства звучит еще в одном отрывке, где Георги говорит о распространенных в крае суевериях и неглубоком проникновении христианской морали в жизнь местных жителей, объясняя проблему эту так: *«Начало обращению их к Христианскому закону положили Бременские купцы, коим последовали благом сим деле, употребляя однакож более оружие, нежели увещевание, меченосцы, а сим Немецкие рыцари»*⁵². Заслуга Георги была не в том, что он заявил о бедствиях крестьян в прибалтийских губерниях. Довольно плохо скрытая оппозиция помещичьей тирании была присуща и другим авторам эпохи Уложенной комиссии, но он смог заявить о ней со страниц официального научного издания империи.

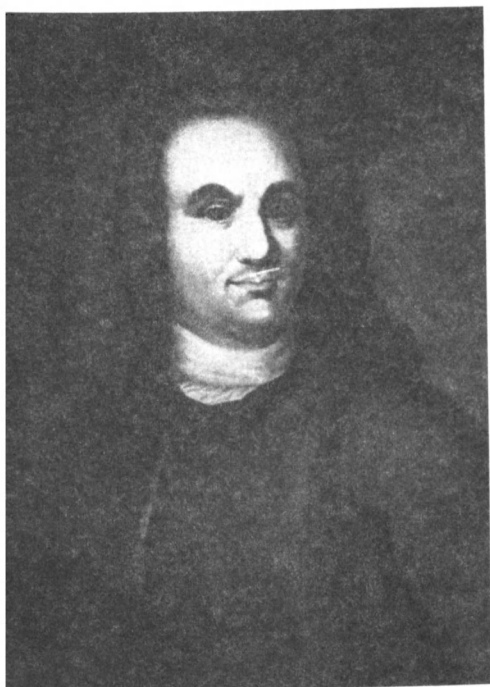
⁴⁹ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 23.

⁵⁰ Там же. С. 23.

⁵¹ Там же. С. 24.

⁵² Там же. С. 25.

Г.В. Лейбниц

В.Н. Татищев

FDH

In so war selches

In einer

von zehn und dreißigstücken Arten Tatarischer Völker Sprachen
und einem Samodischen Vocabulario.

Center for the

137

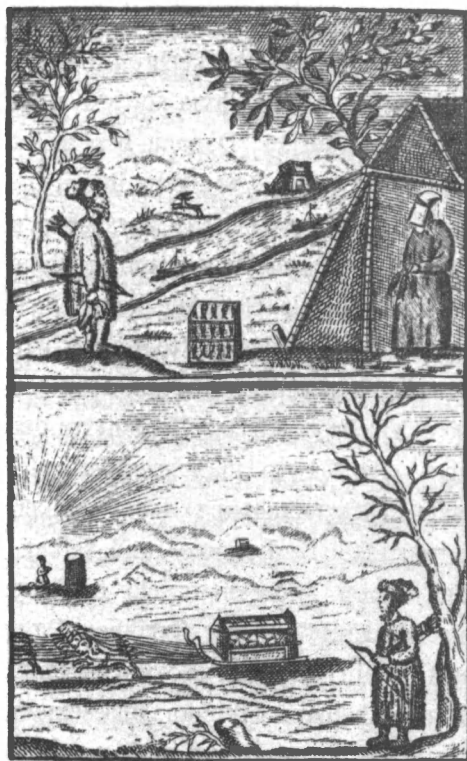
Stockholm, in Verlegung des AUCTORIS, 1730.

СЕѦ ВОСПОДНѦХЪ ИЗДАТЕЛЕ ПОЕГО
 ЛДБОВАИТСТВУ ХПРДАИО ВЕСМА
 ПОДОВАИ ДОСТОИВЪ ХПОДНИКО МОЖНО
 СНАЗАТЪ ЭТО ОНЪ УДѢЛИВЪ ПОСЛАДЪ
 ИМАИДЪ ПРѢДНУ ОТРОХАХОДИИХП
 СЕЛѢНІЯХЪ НАРОДО БОЖЕТАВЦАХЪ
 ОБЩАХЪ СТРАНАХЪ ДАЛѢ ХСТАИИВЪ
 ХСНАТЪ ХДРЗВНІХЪ ДОТВОРИТЪ ХАСНАТЪ
 ПОПОРБИВЪ ОНЪ БОЛНМОЖАХЪ ОБОСТАТЪ
 СТВАХЪ СНАДЪ ОНКО ОТВОРИВЪ ХХОТЪ
 ИВНОТОРЪЕ ПОЗУДИНОСТИ ПОЕГО МИИИИ

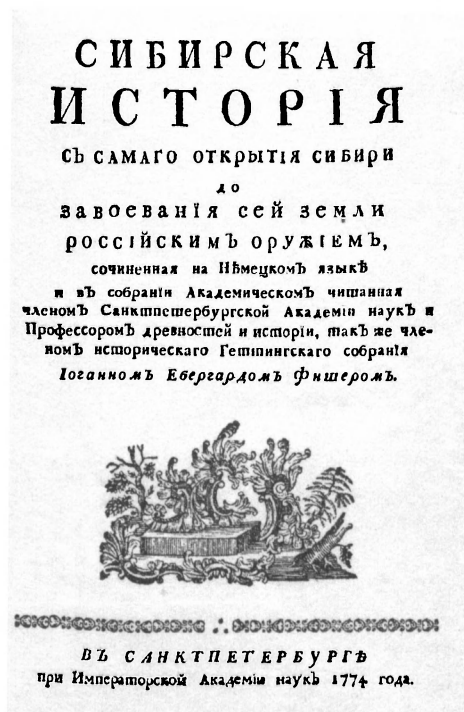
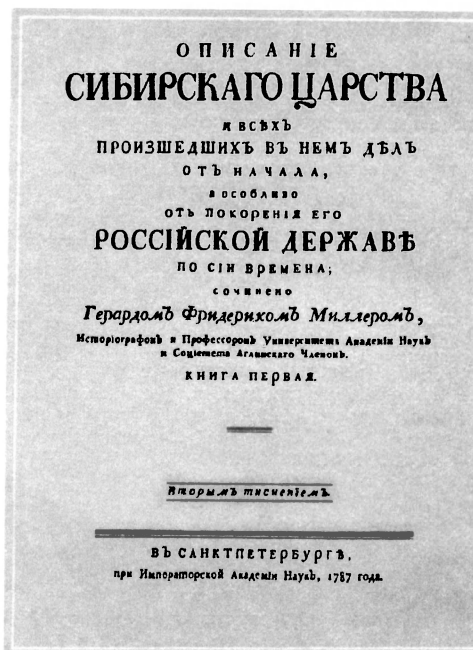
Фрагмент карты Ф.И. Страленберга

Иллюстрация из книги об
остях И.Б. Мюллера

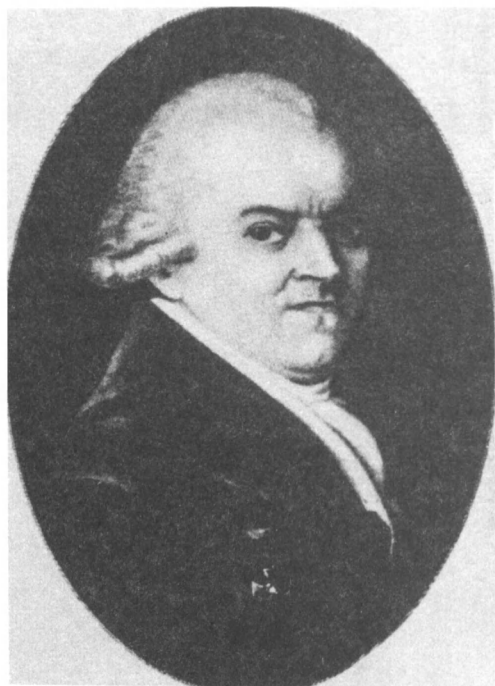
И.Г. Гмелин

Титульный лист «Описания
сибирского царства...»
Г.Ф. Миллера

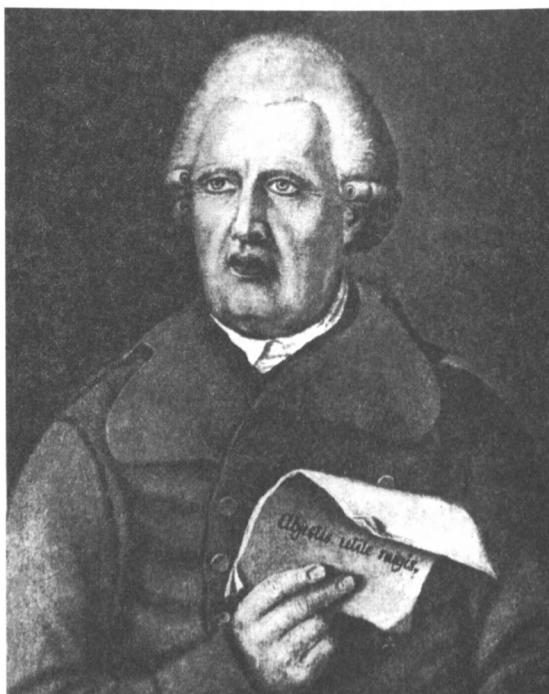

Титульный лист «Сибирской
истории...» И.Э. Фишера

А.Л. Шлёцер

Х.Г. Порган

Титульный лист книги
Я. Шайновича

ET

CONTENTS.

III

AFFINITAS
LINGVAE HVNGARICAE

CVM
LINGVIS FENNICAE ORIGINIS
GRAMMATICAE DEMONSTRATA.

NEC NON
VOCABVLARIA
DIALECTORVM TATARICARVM ET SLAVICARVM
CVM HVNGARICA
COMPARATA

A VCTORE
SAMVELE GYARMATHI
MEDICINAE DOCTORIS
ET SOCIETATIS SCIENTIARVM GOTTINGENSIS SOCIJ CORRESPONDENTIS
REC. BOB. SOCIETATIS NATIVAE CYPRIORVM JERENSIS SOCIO.

GOTTINGAE
TYPIS JOANN. CHRISTIAN. DIETTERICH. 1799.

uel Gyarmathi's *Affinitas* (1799)

JOANNIS SAJNOVICS. S. J.

UNGARI TORDASIENSIS
E COMITATU ALBA-REGALENSIS, REGIÆ SCIENTIARUM
SOCIETATIS HAFNIENSIS, ET NIDROSIIENSIS SOCIJ

DEMONSTRATIO.

IDIOMA
UNGARORUM

LAPPONUM
IDEM ESSE.

REGIÆ SCIENTIARUM SOCIETATI
DANICÆ PRÆLECTA
HAFNIÆ MENSE JANUARIO
ANNO
MDCCLXX.

HAFNIÆ.

Typis Orphanotrophii Regii, excudit GERHARD GIESE SALTICUM.

Титульный лист книги
Ш. Дьярмати

П.С. Паллас

И.Г. Георги

Двигаясь на Восток по побережью Финского залива, Георги в своем повествовании приближается к окрестностям столичного города Санкт-Петербурга, где обнаруживает еще один финский народ – ижору, который, по его словам, *«...как языком, так и нравами отменен был несколько от Карельских Финнов»*⁵³. Примечательно, что ни ранее, ни далее в тексте он не выделяет карелов как особую этническую общность, по-видимому, считая их настолько близкими в языковом и культурном отношении собственно финнам, что не видит необходимости в такого рода дифференциации. Кроме того, на этих землях им не были выделены водь и финны-ингерманландцы (эврэмэйсет и савакот). Вполне возможно, что они соотносились тогда с близкородственными эстонцами и с собственно финнами (суоми). Что же касается ижорцев, то автор не жалуется на их лестными эпитетами, подчеркивая неудовлетворительное состояние большинства хозяйств и склонность к легкой наживе вблизи «большой дороги». Может сложиться мнение, что в этом случае он отступает от той линии, что звучала в предыдущем разделе. Георги не упоминает о тех бедствиях, что выпадали на долю ижоры на протяжении всего средневековья и последующих лет, когда Ингрия многократно переходила из рук в руки, обезлюдевала и запустевала. Автор не пишет о скудости местных почв, нестабильности урожаев и вызванных войнами эпидемиях. Столица империи способна снести «шалости» своих неразумных маргиналов, но усомниться в счастье последних под российским скипетром было бы слишком вызывающе. Однако, сквозь критику ижорской нерадивости и недоверчивости можно увидеть и другие факты, например, закрепощение ижоры, когда после освобождения края от шведов *«немалое число Ижорцов раздарено по земскому обыкновению российским господам...»*⁵⁴. Послевоенное запустение Ингерманландии Георги показывает через упоминание об обязательствах, взятых на себя русскими господами, заселить пустоши «переведенцами» из поместий, расположенных во внутренних областях страны. В результате здесь сложилась этническая, языковая и культовая чересполосица. Автор дает понять, что долгие годы крещенная новгородцами ижора испытывала религиозный гнет шведской администрации, пытавшейся распространить протестантизм. Вместе с тем, ижорцы, по оценкам обеих сторон, оказывались *«...чрезвычайно пристрастны к нелепым языческим мнениям, которые и соплетают по тому с обрядами Христианской веры»*⁵⁵.

⁵³ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 26.

⁵⁴ Там же. С. 26.

⁵⁵ Там же. С. 28.

Следующий раздел своего исследования Георги посвящает марийцам (в книге – *Черемисы*), очерчивая ареал расселения которых, он перемещает читателя во внутренние области России, указав в качестве административных маркеров земли Казанской и Нижегородской губерний, географического ориентира – р. Волгу (левый берег которой населен марийцами значительно больше, чем правый) и исторического восточного предела, где *«жилища же их простираются до самой Пермии»*⁵⁶. Рассмотренная автором в предыдущих разделах этнографическая карта Восточной Прибалтики смыкается в его представлении с картой Поволжья и Приуралья в силу родства местного населения (принадлежащего к «породе Финской») и периферийности этих территорий по отношению к этническому центру империи.

Ключом, подобранным Георги к марийской антропометрии, становится не раз уже использованный путешествующими учеными путь сравнения физических, ментальных и материальных характеристик нескольких народов, когда анализируемый материал помещается как бы между двумя полюсами. Такими полюсами становятся русские и татары, когда марийцы: *«По виду и росту своему могут они почесться средними между Россиянами и Татарами людьми»*⁵⁷. Находясь под властью татарских ханов, марийцы, по мнению Георги, жили значительно южнее своих нынешних мест расселения, кочуя между Волгой и Доном. Дальнейший текст наполнен множеством противоречий, вызванных преимущественно особенностями «политического письма». Так, марийцы прежде имели собственных ханов, но перейдя под власть России при Адае *«...весьма подобоострастном и покорном Российскому престолу храбром»* (подчеркнуто мной. – А.З.) *Владельце; и теперь нет у них ни Князей ни дворян»*⁵⁸. Зато они совершили важнейший, с точки зрения просвещения, шаг вперед, а именно – посредством подражания русским и «по причине стеснения мест», перешли от занятий скотоводством к земледелию. Совершив данный цивилизационный шаг, марийцы не только «окрестянились» и постепенно христианизировались, но приобрели также *«...подобно Россиянам, миром выбранных сотников, десятников и старост»*⁵⁹. Славяно-тюркские элементы и далее фиксируются автором во многих проявлениях внешнего быта

⁵⁶ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 30; См., например: Сепеев Г.А. Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Йошкар-Ола, 1975; Юадаров К.Г. Горные марийцы. Йошкар-Ола, 1995.

⁵⁷ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 30.

⁵⁸ Там же. С. 30.

⁵⁹ Там же. С. 30.

марийцев, начиная от техник ведения хозяйства, заканчивая интерьером традиционного жилища, одеждой и налогообложением.

Дух времени отразился в своеобразном «догердеррианском» понимании автором специфики народного творчества и этнической психологии. Марийцы, по Георги, в делах своих положительно неторопливы и прилежны, однако «...по примеру других не просвещенных людей упрямы и недоверчивы», в городах не живут, время по годам и месяцам не считают и даже преданий о приключениях предков не имеют. Из этого пассажа внимательному читателю становилось не до конца ясно, откуда же Георги и его предшественники узнали о местных правителях, миграциях и языческих верованиях, когда у марийцев: «...за не именем букв, нет... ни письменных, ни печатных дел»⁶⁰. Самого же автора скорее занимало исследование семейной обрядности и в особенности языческой религии марийцев, сообщающей читающей публике информацию экзотического характера. Но в этих сюжетах можно заметить и ряд свидетельств, указывающих на способность марийцев так или иначе трансформировать свою духовную жизнь, приспосабливаясь к новым временам⁶¹. Например, отказываясь от «института посвященных», представленного профессиональными жрецами и гадалками, марийская вера приобретала большую социальность, так как жреческие функции доверялись наиболее уважаемым, трезвым и домовитым крестьянам – картам, что в принципе могло быть довольно близко протестантским воззрениям самого автора. Отметив здесь же значительный прирост новокрещенных в крае, Георги пишет о тайном исполнении ими прежних обрядов, скрываясь от преследования и истязаний властей.

Не подвергая сомнению гипотезу своих наставников, профессоров Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера о «финском происхождении» чувашей, Георги, тем не менее, пытается продекларировать основные позиции, согласно которым возможно обосновать данное утверждение: «Говорят они собственным от Финского происшедшим языком... и хотя они много язык свой смешали с Татарским, однакож при всем том прародительское наречие, также одеяние, нравы, обычаи и суеверия, удержали»⁶². Если же чуваше – народ финского корня, то для автора логично было бы предположить, что где-то неподалеку должны быть его родственники. Георги действительно их находит в лице марийцев, используя в качестве доказательства перечисление имеющих сходства

⁶⁰ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 30.

⁶¹ См., например: Попов Н.С. Православие в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1987.

⁶² Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 41.

этнических признаков и социальных обязательств: *«Они чрезвычайно подобны Черемисам по телесному виду, по нравственным качествам, по расположению деревень, по сельским разпорядкам, по состоянию жилищ, по употребляемой ими в домашнем своем быту утвари, по расположению хозяйства и жизни, по пище, имению и подалям, также по мужским и женским упражнениям»*⁶³. Идентификационная способность рассмотренных выше факторов умноженная на близость, а кое-где и чересполосицу занимаемых территорий, стала не менее устойчивой частью авторской аргументации об общности марийцев и чувашей, чем языковая общность. Таким образом, абсолютно не покушаясь на авторитет языка как профилирующего средства в определении родства народов, Георги вводит в текст хозяйственно-культурные и психологические составляющие этнической идентификации. И здесь уже не столь важно, что впоследствии данная гипотеза не нашла подтверждения, более значим тот вклад, что внес Георги в развитие этнологической теории, расширив представления современников о природе этнического. Несколько выбивается из общего контекста повествования его оценка религиозной ситуации у чувашей, ориентированная скорее на руссоистские ценности, чем на клерикальное морализирование, звучащее в духе идей раннего немецкого Просвещения. Отмечая, что многие чуваша, крещенные еще в петровское время, держались прежних воззрений даже крепче, чем марийцы, Георги пишет: *«При тогдашнем обращении к Христианскому закону нарочито они упрямылись; а в нынешнее время, в которое без собственного удостоверения ни кого к принятию православной веры не принуждает, и не отвлекает их никто от суеверия. Да они и сами в разсуждении тихомирного поведения, прилежания, верности и преданности своим начальникам, крестившимся ни мало не уступают»*⁶⁴.

Мордва представляется Георги в качестве одного из народов, с древнейших времен населяющих бассейн Волги. Причем в период, предшествующий татаро-монгольскому нашествию, мордовские поселения, по сведениям автора, располагались несколько севернее нынешних, вблизи таких городов как Ярославль, Кострома и Галич. По-видимому, речь здесь идет о родственном мордве племени меря, действительно занимавшем очерченный регион и в позднем средневековье в основном слившемся со славянами⁶⁵. Дуальность структуры мордовско-

⁶³ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 41–42.

⁶⁴ Там же. С. 30.

⁶⁵ См., например: Леонтьев А.Е. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. С. 18–66; Ткаченко О.Б. Мерянский язык. Киев, 1985.

го этноса, подразделяющегося на эрзу и мокшу, довольно четко фиксируется автором, лишь с той оговоркой, что *«каратаи составляют еще и третье, но такое малое поколение, что в нескольких только Казанских деревнях заключается»*⁶⁶. Основным дифференцирующим признаком в данном случае выступает язык, который происходит непосредственно от «Финнов», но со значительной примесью татарского⁶⁷. Однако расхождения между мокшанским и эрзянским наречиями бывают столь существенны, пишет автор, что их можно принять за самостоятельные языки⁶⁸. Дополнительными факторами, подчеркивающими этнографические особенности эрзи и мокши, служат отмеченные в описании собственные ареалы расселения, покроем и отделка женского костюма, различия в названиях языческих божеств. Интересен подход Георги к мордовской антропометрии, в рамках которой он приходит к выводу о существенной близости внешнего облика мордвин и русских, тогда как хозяйственно-культурная специфика больше сближает их с соседними марийцами и чувашами. Специально подчеркнутый автором момент, что мордва в меньшей степени привержена «звериному промыслу» исподволь дает понять общее направление цивилизационного вектора. Ранее, по сравнению с соседями, вхождение мордвы в орбиту русской культуры и политики предопределило то, что *«большая половина Мордвы исповедует теперь Христианскую веру и хотя они от языческого закона удалились уже больше, нежели Черемисы и Чуваша: однакож все еще великое имеют к оному пристрастие»*⁶⁹. Кроме того, значительная часть мордовской знати (у Георги – *Ханския семьи*) была кооптирована в состав московского, а затем российского дворянства⁷⁰. Религиозный синкретизм мордвы проявляется еще в том, что, по сведениям Георги, народу свойственно смешивать христианские праздники и почитание святых с языческими жертвоприношениями. Так, *«в первый день как Воскресения, так*

⁶⁶ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 49.

⁶⁷ Очевидно, на это мнение И.Г. Георги повлияли собранные в ходе академических экспедиций сведения об этнографической группе мордвы – «мордвекаратаях», которые в результате длительных контактов с поволжскими татарами усвоили их язык и некоторые элементы бытовой культуры. См.: Кенпен П.И. Каратаи – мордовское колено // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 268. С. 1200–1203; Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос. Саранск, 1989. С. 64.

⁶⁸ См., например: Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (ранний период). М., 1976.

⁶⁹ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 53.

⁷⁰ См., например: Мокшин Н.Ф. Из истории мордовско-русских связей // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 75.

Рождества Христова жертвуют они неизвестным и самим им Российским святостям птиц, пирожное и напитки, дабы только иметь себе заступниками и Российских святых»⁷¹.

По мере приближения к Уралу внимание исследователя привлекают удмурты (у Георги – *Вотяки*), чей этногенез он очень осторожно связывает с живущими на Енисее аринцами, очевидно, памятуя о заочной дискуссии по этому поводу между Г.Ф. Миллером и Ф.И. Страленбергом⁷². Не углубляясь в проблемы ранней этнической истории удмуртов, автор конструирует современный ему этнический образ, пытаясь обнаружить то зерно народной жизни, что позволяет удмуртам сохранять свою идентичность. Думается, что Георги мог бы определить его в такой категории, как консерватизм, проявляющийся прежде всего в социальной структуре и семейно-родовой системе расселения. Даже тот фрагмент, где говорится, что удмурты «с виду походят на Финнов больше, нежели все прочие единоплеменные им народы», можно при желании истолковать как возможную мысль Георги о вероятной близости этноса к некоему изначальному антропологическому типу⁷³. Закономерно возникающий в связи с этим вопрос заключается в том, что обеспечивает удмуртам необходимые условия для консервации милой сердцу архаики. Ответ Георги опирается на успешное использование этносом географического фактора, благодаря чему большая часть удмуртов живет компактно в междуречье Вятки и Камы, имея, таким образом, свою собственную страну, некий «остров» аборигенной культуры. Естественная изолированность удмуртских земель подкрепляется автором поведенческими стереотипами удмуртов, например: «Они больше всех народов убегают обращения с иноплемненниками, и по тому не любят, чтоб в смежности с деревнями их были и чужия: не дают так же пришельцам в посадах своих строить дворов; да и при празднествах своих не терпят инородцов»⁷⁴. Еще один элемент стабильности удмуртского острова опирается на традиционную религию⁷⁵. Георги при всем своем скептицизме по отношению к язычникам пишет об удмуртах не иначе, как о «благоговейных идолопоклонниках»: «Да и тем, которые крестились, можно свободно держаться прародительского своего суеверия, по тому, что живут они от других

⁷¹ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 54.

⁷² Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Л., 1937. Т. 1. С. 185–187.

⁷³ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 55–56.

⁷⁴ Там же. С. 54.

⁷⁵ См.: Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.

народов совсем особливо»⁷⁶. То есть, признавая политическую зависимость сначала от татар, затем от русских, удмурты, по мнению Георги, пытаются по возможности оставить за собой свободу действий на занимаемой ими территории.

Теперь важно, каков результат, увиденный исследователем в таком максимально абстрагированном от внешних воздействий мире. Результат выполненной в духе Руссо картины оказывается довольно успешным. Во-первых, это социальный мир, временами нарушаемый практикой местных молодцами традицией похищения невест у несговорчивых родителей. Во-вторых, экономическое равновесие, когда *«богатых между ними мало: но напротив того и вовсе нет чрезвычайно бедных»*⁷⁷. Интересно, что автор приводит здесь своего рода шкалу, определяющую материальное благосостояние в удмуртском обществе: *«У кого есть от пятнадцати до двадцати пяти десятин земли, да сверх того лошадей от двадцати до тридцати и другого скота соразмерное количество; тот занимает между богачами их первое место»*⁷⁸. Безусловно представленная Георги схема удмуртского общежития не могла до конца использовать идею изоляции по причине множественности зафиксированных в различных исторических источниках межэтнических контактов в Поволжско-Уральском регионе. Соответственно, автор должен был отразить этот момент в своем тексте. Таких этнокультурных схождений оказывалось ничуть не меньше, если не больше, чем отличий. Тип расселения удмуртов был идентичен марийскому; мужская одежда, подобна наряду «русских мужиков»: *«В прочем все сельския их распорядки, жилища, домостроительство, утварь домашняя, пища, питье, подати, и все вообще их устройство такое точно, как и у вышеописанных народов»*⁷⁹.

Небольшую, но довольно любопытную в теоретическом отношении главу Георги посвящает тептярям – сложной по своему этническому составу сословно-территориальной группе, причисленной им к разряду «Финских народов»⁸⁰. Для начала автор указывает время и место зарождения данной общности, довольно жестко проименованной «сволочью»: *«...которая в половине шестагонадесять столетия, по случаю причиненнаго Царем Иваном Васильевичем Казанскому царству*

⁷⁶ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С.

⁷⁷ Там же. С. 54.

⁷⁸ Там же. С. 57.

⁷⁹ Там же. С. 56.

⁸⁰ См., например: Исхаков Д.М. Тептяри: опыт этностатистического анализа // Советская этнография. 1979. № 4. С. 29–42; Якупов Р.И. Тептяри: историко-этнологические очерки. М., 2002.

разрушения, собралась из Черемис, Чуваши, Вотяков и Татар в Урале, а особливо в составляющей Башкирию и к Уфимской провинции принадлежащей онаго части, и весьма скоро стала многолюдна»⁸¹. Понятно, что после взятия московскими войсками Казани и особенно после подавления казанского восстания немало опасавшихся за свою судьбу инсургентов поспешило укрыться в Закамье, на землях, формально принадлежащих кочевникам башкирам, но свободных от оседлых жителей. Георги указывает еще несколько причин переселения «финских народов» в Башкирию: *«Правда, что побегом своим в горы и прилеплением к Башкирскому народу, освободилась сволочь сия от платежа подати...»*⁸². Этим же шагом было осуществлено бегство от христианизации, акт не менее предосудительный, по мнению автора, старающегося отражать правительственную линию.

Наравне с рассмотрением исторических причин формирования и социально-экономических условий жизни тептярского общества, Георги в этом отрывке открывает читателям свое этнологическое мировоззрение, переводя основные положения которого на современный научный язык, получается следующее: этногенетический процессы, имевшие место у большинства народов в древности, вполне реальны и в современности. Новые этносы складываются из различных языковых и конфессиональных групп, объединенных общей судьбой, территорией и, в конечном счете, идентичностью⁸³: *«Сии люди, употребляя по не одинаковой своей природе языки, и при том будучи между собою различны в нравах, а от части и в вере, перемешались, изключая Татар, так, что иногда и нарочито трудно дознаваться от какого происходят они рода племени»*⁸⁴. Тептяри представляются исследователем как живое доказательство того, что *«...в новейшие времена тому, что при государственных смешениях могут новые народы и новыя поколения получить свое бытие»*⁸⁵. Георги приводит конкретные примеры культурного взаимодействия, когда, например, тептяри-марийцы начинают почитать удмуртскую святыню «мудор» (правда, именуя ее собственным названием), чего никогда не случалось с ними на этническом материке. Сохраняя родной язык, различные тептярские «поколения» включают в свои говоры множество слов и выражений, заимствован-

⁸¹ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 67.

⁸² Там же. С. 67.

⁸³ Якулов Р.И. Новые этносы и проблемы их идентификации: опыт исторической реконструкции и осмысления // Расы и народы. 2003. Вып. 29. С. 236–253.

⁸⁴ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 68.

⁸⁵ Там же. С. 68.

ных от соседей, так как практикуют межэтнические браки. Но более всего смешение культур характеризует местная одежда.

Продвигаясь на Восток по выстраиваемой им в тексте этнографической карте России, Георги приближается к Уральским горам, по обеим сторонам которых живет народ манси (у него – *Возуличи*). Как замечает автор, язык манси «...заимствует свое начало от Финского», но имеет множество отличающихся наречий, что вполне может считаться и самостоятельным языком. Неопределенное состояние языка подчеркивается ссылкой на мнение «некоторых писателей», пытавшихся связать мансийский язык с древнеугорским, а через него – с современным венгерским. Пограничность языка манси, соединяясь с географическим положением, во многом предопределяет интерпретацию эмпирического материала, когда *«жители их между кочевым и одностанным среднее»*⁸⁶. В хозяйственном отношении *«нет у них ни пашен, ни огородов, – но в то же время, – упражняются немного в скотоводстве; и содержат по нескольку коров, овец и свиней; лошади же у них редки»*⁸⁷.

В целом, данному разделу присуща игра в «то есть, то нет», очевидно, нацеленная на то, чтобы еще раз подчеркнуть преимущества культурного импульса, идущего с Запада, против закосневшей в снегах и лесах сибирской архаики. Однако отмеченная линия, скорее всего, лишь демонстрирует лояльность автора к доминирующей идеологии, поскольку в тексте присутствуют и другие, параллельно развивающиеся мысли. Во-первых, это региональное противопоставление Севера и Юга, где климатические особенности предопределяют образ жизни больше, нежели внешние культурные влияния. Во-вторых, обращает на себя внимание довольно сложная по набору качеств этнопсихологическая характеристика, данная им манси, которые *«в поступках своих бодры, послушны, честны, рачительны, не глупы, но легкомысленны, к беспорядкам склонны, в гневе неукротимы, и не опрятны»*⁸⁸. По-видимому, здесь борются две позиции: с одной стороны, желание передать те настроения, что вынесли из общения с этим народом ученые-путешественники; с другой – невозможность обойти вниманием тот факт, что манси наиболее упорно сопротивлялись продвижению отрядов русских в Пермь, на Северный Урал и в Зауралье⁸⁹. Третий момент

⁸⁶ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 70.

⁸⁷ Там же. С. 71.

⁸⁸ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 70.

⁸⁹ См., например: Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра I. Новосибирск, 1996; Емельянов Н.Ф. Население Северного Приобья в феодальную эпоху: состав, занятия, повинности. Томск, 1980.

связан с фиксацией автором модернизационных явлений в мансийской жизни, как-то: рост частнособственнических настроений, когда одна семья (деревня) огораживает свой промысловый участок в 10–12 верст от посягательств соседей; технологические инновации, когда охотники-манси одновременно используют традиционные лук и стрелы и огнестрельное оружие. И, наконец, религиозная ситуация в мансийском обществе, сочетающая ставшее уже традиционным для народов Поволжья, Урала и Сибири «двоеверие»⁹⁰. Причем, по сведениям автора, *«пермские Вогуличи приносят теперь жертвы не в священных пещерах, но в Кереметях, кои... находятся в лесах. Они совершенно подобны Черемисским и других народов Кереметям: но иногда не бывает в них дерев»*⁹¹. Таким образом, автор, похоже, старается подчеркнуть взаимосвязь мансийской веры с религиозными системами языческих народов Урала и Поволжья.

Завершается этнографический обзор российских народов «Финского племени» весьма пространной статьей, посвященной хантам (у Георги – *Отяки*). Почему Георги использует (изобретает) данный этноним, не совсем понятно, так как уже в ранней историографии прижился термин *Остяки*, и к тому же в сопровождающих этот раздел иллюстрациях недвусмысленно, на трех языках ханты обозначены как остяки. Почти сразу автор оговаривается, что данный этноним носит собирательный характер, поскольку унаследованное от татар «название сие превратили Россияне в слово Отяк, и разумеют теперь под оным трех, как по происхождению, так и по языку народов»⁹². Далее он приводит свои аргументы, почему под этим названием скрываются, кроме собственно хантов, еще и некий «енисейский народ», родственные аринцам и коттам, а также «самоедские колена», живущие близь Сургута. Исходя из этого, Георги сообщает, что далее его описание будет сосредоточено на «обских отяках», подразделяющихся на южных – *Асях* и северных – *Хонди-Шуй*.

Этногенез хантов Георги рассматривает в связи с миграционными процессами в северо-западном Приуралье, активизировавшимися во второй половине XIV в. под влиянием миссионерской деятельности

⁹⁰ История миссионерской деятельности православного духовенства среди обских-угров, очевидно, включает в себя несколько этапов, начиная от «ненасильственного» внедрения вплоть до массового крещения, инициированного и жестко контролируемого центральными властями империи. См., подробнее: Манькова И.Л. История православия на Севере Западной Сибири в современной историографии // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 61–73.

⁹¹ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 74.

⁹² Там же. С. 77.

епископа Стефана Пермского. Именно нежелание принимать крещение, по мнению автора, побудило «...большую половину пермяков и Зирян, в Великой Перми живших, покинуть привольные свои на западной стороне Уральских гор места и перейти в суровые Северные около реки Оби страны, где они теперь от Кондарей не отличаются, но вместе с оными называются Отыками»⁹³. Эта несколько упрощенная схема позволяла автору еще раз указать на общий западный вектор развития цивилизации за Уралом, или, как отмечал по этому поводу С.А. Токарев, «можно догадываться, что в таком искаженном виде до Георги дошло предположение, высказанное Г. Новицким в «Кратком описании о народе остяцком» о происхождении остяков от выходцев из Перми, материалами экспедиции И.И. Лепехина в этой части, видимо, он не сумел воспользоваться»⁹⁴. Для нас же подход Георги интересен тем, что в отрывке, посвященном народам коми, он показывает себя сторонником идеи существования в прошлом мощного государственного объединения в западном Приуралье, чье население «древние Пермяки и Зириане во всем сообразны Финнам, язык их, и все идолослужение, малым чем отменены от Финского. В самые древние времена славны они были в торговле, которую производили они с Персиянами и подвластными Великому Моголу народами. Сии иностранцы привозили товары свои вверх по Волге и Каме в Чердынь, старинный при Колве находившийся торговый город: Пермяки же развозили как сии, как собственные товары по Печоре и до самого Ледовитого моря; и выменивали у тамошних народов как для Восточных, так и для других обывателей, разную мягкую рухлядь. Остатки древних Северной сей страны городов свидетельствуют и теперь о благополучном старинных жителей состоянии»⁹⁵. Авторская позиция может быть истолкована как свидетельство серьезного влияния, оказанного на исследовательский менталитет Георги руссоистскими и даже предромантическими умонастроениями, позволяющими потомкам по сей день убеждаться в величии ушедших в Лету предков. Как на некое пережиточное явление былого могущества, автор указывает на существование у хантов собственной знати: «...Коих потомки и теперь еще почитаются благородными, и избираются начальниками поколений, на которые народ сей разделяется»⁹⁶. Еще один важный аспект хантыйской

⁹³ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 77–78.

⁹⁴ Токарев С.А. Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.). С. 120.

⁹⁵ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 78.

⁹⁶ Там же. С. 79.

идентичности видится автором в строгом следовании религиозным традициям, особенно прочно сохраняемым северными хантами, живущими на нижней Оби. Несмотря на гонения, ставшие неременным атрибутом миссионерской деятельности начиная с 1712 г., ханты сохранили жертвенные места с установленными в них идолами. Георги пишет: «В 1771 году стояли оба знатнейшие Отякские идола, которым также и Семояди поклонялись, в Западной стороне Обскаго залива, в семидесети верстах ниже Обдорска в лесу, по близости Воксарских жилищ. Один из них представляет мужское, а другой женское подобие»⁹⁷. Будучи одним из первых исследователей проявлений хантыйской религиозности, своим текстом Георги закладывал серьезную традицию изучения обско-угорских дохристианских верований и мифологии⁹⁸.

⁹⁷ Георги И.Г. Описание всех, обитающих в Российском государстве народов... С. 87.

⁹⁸ См., например: Главатская Е.М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург–Салехард, 2005.

СТАНОВЛЕНИЕ ФИННО-УГОРСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (первая половина XIX в.)

Финно-угроведение в эпоху Романтизма

В первые годы XIX в. изменилась идеологическая ситуация в Европе. На смену эпохе Просвещения пришло время романтизма, идеям которого суждено было сыграть важную роль в становлении этнографического финно-угроведения. Вера, духовность и уникальность, провозглашенные романтиками основными ценностными ориентирами, были противопоставлены рациональному и универсальному концепту просветителей¹. В этой связи, находившиеся в рамках гетерогенных империй финно-угорские этнические меньшинства, могли надеяться на сохранение культурной идентичности, рассчитывая только на интегрирующую силу своего языка и традиций². Сложность заключалась еще в том, что в большинстве случаев единых литературных финно-угорских языков пока не существовало, тогда как множественность диалектов, локальных традиций и местных идентичностей отнюдь не способствовала формированию единого национального сознания³. Опыты просветителей по созда-

¹ Романтики не принимали механицизм просветительских построений (трактовавших историческое развитие как причинно-следственную последовательность событий), отторгающих источники мифологического и легендарного характера. Романтиков возмущала ироническая поучительность просветительских текстов, когда столь любимый оппонентами «прогресс» понимался как результат рационального преодоления мрачных областей человеческого неразумия и незнания, тем самым, отказывая истории в праве на органичность, позволяющую видеть мир таким, каков он есть. Кризис просветительского историзма обозначился еще в конце XVIII в., когда в трудах Ж.-Ж. Руссо и И.Г. Гердера прозвучала критика универсального «рацио», продолженная в следующем столетии новой генерацией исследователей. См., например: *White H. Metahistory: Historical Imagination in the Nineteenth-century Europe*. Baltimore–London, 1973. P. 276–280; *Верцман И.Е.* Жан-Жак Руссо и романтизм // Проблемы романтизма. М., 1971. Вып. 2. С. 64–99; *Гердер И.Г.* Предисловие к сборнику «Народные песни» (1774); Предисловие к сборнику «Народные песни» (1779) // Эолова арфа: Антология баллады. М., 1989. С. 548–553.

² *Honko L.* Traditions in the constructions of cultural identity // *National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries*. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1999. Vol. 6. P. 25–27.

³ См., подробнее: *Домокош П.* История удмуртской литературы. Ижевск, 1993; *Он же.* Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-

нию грамматик и переводу источников христианского вероучения на народные языки, заложили лишь первичный пласт современной культуры, что в принципе предполагало дальнейшее развитие образованности, в том числе светской⁴. Но, двигаться далее вряд ли было возможно без актуализации в обществе процессов самопознания и самооценки: Кто мы? Зачем и чем мы отличаемся от наших соседей? Есть ли на свете родственные нам народы? Все эти вопросы, скорее всего, мало волновали идеализированного в текстах предыдущей эпохи пахаря, пастуха и рыбака, но стали жизненно важными проблемами для рожденной Просвещением интеллигенции.

Вместе с тем, эпоха Просвещения, особенно в поздний предромантический период, подготовила благодатную почву для восприятия европейским обществом национальных идей и интегрирующих культурных проектов⁵. Во-первых, заметно увеличилось число грамотных людей, способных с помощью печатной продукции на родном языке формировать свое мировоззрение, ощущая чувство личной причастности к истории страны и населяющего ее народа. Во-вторых, стремительный рост территорий многонациональных империй в XVIII в. повлек за собой развитие бюрократических институтов на местах, служа-

Ола, 1993; Луутонен Й. Возникновение финно-угорских и тюркских литературных языков Поволжья и вопрос о литературном языке в начале XX в. // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX в. Ижевск, 2000. С. 21–42.

⁴ См., например: Харламович К.В. Казанские новокрещенские школы (К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в.) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. 1905. Вып. 21. С. 1–91; Smith A.D. Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations Nationalism. London, 1998.

⁵ При всем концептуальном различии идей Просвещения и Романтизма, необходимо помнить, что их взаимозависимость определялась, в том числе, теми задачами, что выдвигались и решались в конкретных политических и этнографических ситуациях. В целом ряде случаев универсальные схемы просветителей не работали в локальных сообществах ровно до тех пор, пока они не были адаптированы к местным условиям, языкам и обычаям. Но, в таком модернизированном виде они начинали больше влиять на формирование национальной и региональной идентичности, нежели чем на абстрактную цель повышения общего культурного уровня населения. Одновременно, в целом ряде случаев идеологи национального романтизма брались за решение абсолютно просветительских задач, распространяя универсальные знания посредством этнолингвистической и этнополитической мобилизации. См., например: Дмитриев А.С. Романтизм и Просвещение – борьба или взаимодействие? // Вопросы литературы. 1972. №. 10; Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974; Луков Вл. А. Предромантизм. М., 2006. С. 515.

щие которых в силу своих должностных обязанностей должны были разбираться в коллизиях этнического взаимодействия в подконтрольных регионах. Еще одним фактором развития национального самосознания европейских народов было, как отмечал Б. Андерсон: «медленное, географически неравномерное распространение специфических родных языков как инструментов административной централизации, используемых некоторыми занимавшими прочное положение монархами, претендовавшими на абсолютность власти»⁶. Данная тенденция в значительной мере была присуща истории просвещения финно-угорских народов Российской империи, с тем лишь отличием, что в некоторых областях претендующий на доминирование русский импульс сосуществовал со сложившимся ранее историческим билингвизмом, как это было, например, с немецким языком в Прибалтийских губерниях, шведским в Великом княжестве Финляндском и татарским, в ряде мест Закавказья, Урала и Западной Сибири⁷. Региональное просветительство, прежде связанное с миссионерскими организациями и государством, все чаще задействовало потенциал университетских центров, в рамках которых возникают краеведческие и патриотические кружки, руководствовавшиеся уже идеями национального романтизма и нациесторительства.

Национальные запросы и чаяния образованной части общества обрели надежную опору в лице деятелей науки, еще с прежних пор ориентированных на практическое освоение окружающего мира, независимо от того, начинался этот мир за далекими морями и горами, или прямо за городской заставой⁸. Таким образом, в нужный момент про-

⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 63.

⁷ См., например: Западные окраины Российской империи. М., 2006; Каннелер А. Образование наций и национальные движения в российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 395–435; Миллер А. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // *Ab Imperio*. 2003. № 4. С. 393–406.

⁸ Примечательно, что участники экспедиций, организованных в XVIII в. Санкт-Петербургской Академией наук, исследовали как самые отдаленные от центра страны территории, так и земли вблизи столичных городов, население которых было известно науке не многим более, чем алеуты и камчадалы. Многие интеллектуалы предромантического времени именно в кратких переездах от одной почтовой станции к другой формировали свой образ страны, народа и в конечном счете того «иноного», что отличало яркий столичный мир от реалий провинциальной повседневности. Не случайно, литературный прием, использованный в свое время А.Н. Радищевым, путешествовавшим из Петербурга в Москву, стал своеобразным символом открытия автором, как будто давно известных вещей. См.: Токарев С.А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966. С. 131–133.

фессиональная наука поддержала позитивистскими методиками и авторитетными именами, начатое тогда романтиками строительство замка национальной культуры, политики и государственности. Данную ситуацию, можно интерпретировать, опираясь на предложенную чешским историком М. Хрохом периодизацию истории развития национального движения в Европе. Выделяемые в качестве основных критериев: зарождение научного интереса к родному языку, географии, истории, фольклору и другим проявлениям традиционной культуры, социальные факторы, по мнению чешского ученого, свидетельствуют о разворачивании начальной стадии национального движения, так называемой «Фазы А»⁹. Применительно к финнам, венграм и отчасти к эстонцам данная схема работает почти безупречно¹⁰. Национальное движение, начатое интеллектуалами, постепенно привлечет к себе внимание третьего сословия и даже знати, чтобы затем, с помощью институтов власти, пропаганды и образования воздействовать на крестьянские массы. Что же касается финнов-ингерманландцев, води, ижоры, карелов, вепсов, коми, удмуртов, мари, мордвы, хантов и манси, которые в рассматриваемый период еще не успели обзавестись собственной интеллигенцией и тем более буржуазией, следует говорить скорее о подготовительной стадии, когда образ народной культуры конструировался благодаря воздействию внешних сил¹¹. Применительно к истории этнографических исследований можно заметить, что финно-угорские народы России, с одной стороны выступали в качестве объектов научных изыс-

⁹ *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 121–145; *Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge, 1985. P. 183–185; *Лаллукка С.* Формирование национальных движений на окраинах империй. Вводные заметки // *Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX в.* Ижевск, 2000. С. 5–13; *Мыльников А.С.* Типология национальных движений в Европе XIX–XX вв. // *Этнографическое обозрение.* 1992. № 4. С. 132–135.

¹⁰ См.: *Hovi K.* Der finnische und estnische Nationalismus. Ein Vergleich // *Finns and Hungarians between East and West.* Helsinki, 1989. S. 51–56; *Kemiläinen A.* Die Grundfaktoren des europäischen und finnischen Nationalismus im neunzehnten Jahrhundert // *Ibid.* S. 57–74. *Spira G.* Das sich modernisierende Ungarn und die nationalitätenfrage // *Ibid.* S. 21–38.

¹¹ *Зырянский мир. Очерки по традиционной культуре коми.* Сыктывкар, 2004; *Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов.* Ювяскюля, 1995; *Марийцы: историко-этнографические очерки.* Йошкар-Ола, 2005; *Мордва: историко-культурные очерки.* Саранск, 1995; *Очерки истории Югры.* Екатеринбург, 2000; *Удмурты: историко-этнографические очерки.* Ижевск, 1993.

каний ученых представляющих империю, с другой стороны интересовали энтузиастов этнографического финно-угроведения из Венгрии и Финляндии. Хотя, в большинстве случаев, это были одни и те же люди¹². Дело в том, что появившаяся в период наполеоновских войн молодая поросль европейской интеллигенции пыталась расстаться со ставшими уже классическими установками минувшего века, предпочитая искусственным образом и пасторалям реальное знание о собственном народе, его исторических корнях и связях. Однако осуществление масштабных научных и культурных проектов необходимо было согласовывать с властями и заручаться их поддержкой, по крайней мере, на первых порах.

Зародившись в Германии и сложившийся в общеевропейское движение за осознание себя и собственной культуры как самоценности, романтизм поднял авторитет, прежде всего, гуманитарного знания, когда «...все хотели быть поэтами, хотели мыслить как поэты, писать как поэты»¹³. Внутри романтического движения сложились два взаимодополняющих течения, которые в исторической и литературоведческой литературе обычно называют революционным и реставративным¹⁴. Если деятели первого направления были устремлены к идеальному национальному будущему и не избегали политических акций, то представители второго, часто игнорируя современность, искали идеал в романтизированном прошлом народа. Отмеченное расхождение в тактических подходах не мешало романтикам совместно выступать против универсалистских проектов как династических феодальных империй, так и пробивающихся к власти, всегда готовых на компромиссы буржуа¹⁵. Политический и культурный радикализм романтиков создавал им героический ореол, но не всегда способствовал приятию их идей современниками и приводил к конфликтам с властями. В том случае, если власти сами не принимали на службу некоторые идеи романтиков. Сле-

¹² Branch M. The Academy of Sciences in St. Petersburg as a centre for the study of nationalities in the North-East Baltic // National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1999. Vol. 6. P. 127–130; Sokolova Z.P. On the role of the Russian Geographical Society and its Department of Anthropology as well as of the Academy of Sciences of Russia in the development of studies in the peoples kindred to the Finns // Pioneers: The History of Finnish Ethnology. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1992. Vol. 1. P. 9.

¹³ Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 19.

¹⁴ Arendt D. Der «poetische Nigilismus» in der Romantik // Studien zum Verhältnis von Dichtung und Wirklichkeit in der Frühromantik. Studien zur deutschen Literatur. Tübingen, 1972. Bd. 1. S. XIX; Janion M. A romantikusok és a forradalom // Filológiai közlöny. Vol. 20. № 1–2. 1974. Old. 83–91.

¹⁵ См. например: Ziolkowski Th. German Romanticism and its Institutions. Princeton, 1990.

дуя программным заявлениям Ф.В.И. Шеллинга, А.В. Шлегеля и Ф. Шлегеля, романтически настроенные гуманитарии, в поисках лучших образцов для своего творчества все чаще обращались к произведениям народной словесности¹⁶. Кроме того, в этот период многие интеллектуалы и политики вышли из-под обаяния космополитических идей и начали серьезно рассматривать перспективы строительства национальных культур и государств¹⁷. Противоречия, казалось бы, незыблемому авторитету прежней идеологии, традиционалисты выдвинули тезис об органической целостности и самодостаточности каждого отдельного общества. Будучи современниками попытки революционного осуществления просветительского конструкта, философы-традиционалисты весьма успешно обосновали тезис о том, что ослабление в обществе традиционных начал довольно скоро приводит его к деградации и гибели. Напротив, забота о сохранении традиционных ценностей приводит к самораскрытию до времени спящего «народного духа», что в свою очередь укрепляет государственный организм, основанный не на чуждых народу искусственных теориях, а на осознании неразрывной связи государства с интересами простых людей. Благо народа, идея нации и пропаганда простонародной культуры, становятся важнейшими ценностями представителей нового поколения европейской интеллектуальной элиты.

Основная линия интеллектуального сопротивления прежней догматике была направлена на развенчание просветительского культа разума как универсального средства познания окружающего мира. Вера, народная традиция и национальное чувство должны были открыть новые подходы к пониманию общественной природы. Так, полемизируя с установлениями классической эпохи, английский философ-традиционалист Э. Бёрк писал: «Общество – это действительно договор, но договор высшего порядка... Общественный договор заключается не только между ныне живущими, но между нынешним, прошлым и будущим поколениями»¹⁸. Нелучайно, обратившись с патриотическим «Речами к немецкой нации», И.Г. Фихте призвал все сословия и, прежде всего, интеллигенцию воспитать «новую молодежь», готовую служить интересам нации. При этом отношение романтиков к нации приобрело даже мистическое звучание, в плане рассмотрения ее как некоего родственного коллектива, происходящего от общих предков и обладающего «некоторым типом кровного сознания»¹⁹.

¹⁶ См.: Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980.

¹⁷ Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX века. М., 1993. С. 32.

¹⁸ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993. С. 90.

¹⁹ Рассел Б. История западной философии. М., 1993. Т. 1. С. 193; Agnes P. A romantikusok történetiszemléletéről // Filológiai közlöny. 1984. Vol. 30. № 2–3. Old. 179–194.

Романтики стремились не только к созданию новых более совершенных форм в мире искусства, но и к оформлению своих позиций в сфере политики и государственного строительства.

Романтический протест наполеоновской экспансии в Европе выразился не только в вооруженной борьбе, но и в закладывании основ национальных государств, в рамках которых эффективнее всего можно было воплощать в жизнь новую идею. Главным препятствием на этом пути стали полиэтнические империи, сама сущность которых противоречила националистическому импульсу. Попытки германских государств выйти из-под диктата Вены, славянские матицы, итальянские карбонарии, польские восстания и, наконец, венгерская революция стали звеньями одной цепи раскачивающей имперские мегалиты. Имперские власти в свою очередь искали аргументы для самосохранения, применяя силу, в целом придерживаясь консервативной модели, но кое-где допускали либеральные эксперименты²⁰. Например, как это было при сохранении Священно-римской империей конституционных прав венгерского королевства и случилось позже, при создании дуалистической австро-венгерской монархии, с двумя почти равными в правах, численно доминирующими этносами²¹. Или можно вспомнить существование в условиях абсолютизма и теории «официальной народности» национальных регионов с конституционным устройством и особыми политическими правами, как это было в случае с царством Польским и Великим княжеством Финляндским²². Противоречивая общественная жизнь Европы первых десятилетий XIX в. непосредственно коснулась бытия финно-угорских народов, часть из которых в эти годы вступила на путь построения национальной культуры и в перспективе государственности.

²⁰ См.: *Гавров С.Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004; *Миллер А.* Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // *Российская империя в сравнительной перспективе*. М., 2004. С. 263–285; *Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения*. М., 2006; *Яковенко И.Г.* От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса) // *Политические исследования*. 1996. № 6. С. 117–128.

²¹ *Австро-Венгрия: опыт многонационального государства*. М., 1995; *Исламов Т.* Венгерская революция 1848–1849 гг. в контексте европейских революций 1848 г. // *Научные издания московского венгерского колледжа*. 2001. Вып. 1. С. 16–18; *A History of Hungary*. Budapest, 1973. P. 323–369.

²² *Кяйвярайнен И.И.* О конституционалистской политике царизма в Финляндии в первый период автономии // *Вопросы истории Европейского Севера*. Петрозаводск, 1977. С. 108–118; *Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–1995. М., 1998. С. 13–45.

В Финляндии романтические идеи распространялись посредством литературы и общения представителей провинциального общества в университетских кружках и художественных салонах шведской метрополии. Финляндская разночинная молодежь, в основном учившаяся в Упсале, имела возможность лично поучаствовать в «готском движении», поставившем своей целью изучение исторического прошлого страны и провозгласившем Север – единой и своеобразной страной с собственной мифологией, имеющей, по мнению ряда идеологов: «...большее значение, чем греческие»²³. Вместе с тем, нарождавшийся с конца XVIII в. финляндский национализм не позволял до конца удовлетвориться общескандинавской риторикой и свеноманскими призывами. Недавняя аристократическая попытка участников «Аньяльской конфедерации» выйти из многовековой опеки шведской короны, постепенно обросла поддержкой образованной части общества, мечтавшей о построении собственного государства²⁴. В этом контексте, поляризованное финляндское общество остро нуждалось в консолидирующей идее, способной объединить шведско-язычную элиту и собственно финский народ в единую нацию. Местные дворяне и бюргеры, еще так недавно гордившиеся своим шведским или немецким происхождением, в новых условиях были готовы идти на сближение с «мужиками», но им необходимо было некое переходное звено, романтизовавшее их патриотические устремления²⁵. Таким звеном могла стать древняя мифологизированная в калевальских рунах история финского народа и его не менее загадочное происхождение и язык, столь отличный от всей германо-скандинавской Северной Европы²⁶. Установление исторического прошлого финнов, их культурных связей с соседними и родственными народами, стало делом чести для финляндских историков и лингвистов, порученным им обществом. Правда и само общество нужно было еще серьезно подготовить к восприятию данной информации.

События русско-шведской войны (1808–1809 гг.) и образование финляндской автономии, всколыхнули, казалось бы, давно погружен-

²³ Григорьева Л.Г. Эпоха романтизма в шведской литературе // Неизученные страницы европейского романтизма. М., 1975. С. 94–97.

²⁴ Blomstedt Y. The Anjala Covenant – ideals and propaganda // Under Two Crowns. The River Kymi, border river 1743–1811. Helsinki, 1998. P. 33–47.

²⁵ Blomstedt Y. National and international viewpoints of the Finnish upperclass in the 19th century // Nationality and nationalism in Italy and Finland. Helsinki, 1984. P. 19–28.

²⁶ См., например: Smith A.D. Myths and Memories of the Nations. Oxford, 1999.

ную в полудрему финляндскую элиту, вынужденную искать свое место в новых политических условиях²⁷. Имперские власти, заинтересованные в лояльности вновь приобретенного приграничного региона и его отрыве от Швеции, не препятствовали развитию фенноманских идей²⁸. Стремление финляндских интеллектуалов преодолеть зависимость от шведской культурной гегемонии хорошо передают слова поэта А. Поппиуса: «Мы желали бы, по крайней мере, показать Швеции, что мы можем обойтись без ее языка и нравов, и даже без ее Тора и Одина, которых она сумела бы более глубоко посеять в нас, если бы менее презирала нас и наш язык, когда была нашей мачехой»²⁹. Или, как писал его однокашник по университету К.А. Готтлунд: «Разве не странно, что целая страна должна учить чужой язык, чтобы получить доступ к самым необходимым для любого народа знаниям? Кто бы поверил, что во всей Финляндии нет ни одной школы, ни одного лица, ни единого училища, где бы преподавали финский язык или хотя бы занимались им? Что все законы и светские книги у нас издаются только на шведском языке и на нем же ведутся все дела – это настолько дико, что сами шведы диву даются и, будучи не в силах поверить, лишь недоуменно улыбаются, слыша такое»³⁰. Таким образом, борьба за политическое равноправие финского языка виделась романтиками в качестве начальной ступени нациестроительства³¹. В этой связи возникала задача создания финского литературного языка, путем всестороннего научного изучения его диалектов, сравнения с близкими и дальними родствен-

²⁷ См.: *Кийвярайнен И.И.* Международные отношения на Севере Европы в начале XIX в. и присоединение Финляндии к России. Петрозаводск, 1965.

²⁸ Выступая на финляндском сейме в г. Борго император Александр I торжественно заявил, что финский народ отныне займет «место в ряду европейских наций», что с восторгом было воспринято финляндцами как обещание самобытного развития. См.: *Клингс М.* Очерк истории Финляндии. Хельсинки, 1990. С. 53.

²⁹ Цит. по: *Карху Э.Г.* История литературы Финляндии от истоков до конца XIX в. Л., 1979. С. 104.

³⁰ Там же. С. 119.

³¹ В вопросах утверждения финского языка романтически настроенные преподаватели и студенты Абоского университета были едины. Так, преподаватель русского языка и истории Э.К. Эрстрём предложил специальную программу по внедрению родного языка во все сферы жизни. Параллельно должна была разрабатываться и преподаваться национальная история, география, статистика, литература, а каждый выпускник должен был сдавать экзамен по финскому языку. О необходимости учреждения в университете должности преподавателя финского языка студенты 2 марта 1821 г. подали петицию в консисторию. Студенты писали, что финнам, желавшим получить образование, приходилось забывать родной язык. Чиновник, вышедший из крестьянского сословия и все

ными языками. Финский фольклор и устно-поэтическое творчество родственных народов также становились важными элементами воспитания национального самосознания. Примечательно, что, находясь в конфликте с властями и живя в эмиграции, теоретик финского романтического национализма, историк и публицист А.И. Арвидссон, подчеркивал: «Я уже давно пришел к мысли, что Финляндия под властью России в своем развитии постепенно станет самостоятельным государством. Очевидно, это произойдет только через столетия, но это ближе, чем если бы она оставалась под властью Швеции. Узы со шведами были так стары, что все изнутри стало общим... Здесь же все чужое – язык, обычаи, вера, литература, дух правления. Впервые Финляндию учат управлять собой; это уже говорит о полусамостоятельности...»³². Другими словами, молодые фенноманы выбрали эволюционный путь развития национального движения, отказавшись от радикальных выступлений и сотрудничая с имперской администрацией во благо формирующейся нации. Кровавые примеры польских восстаний и венгерской революции продемонстрировали финляндцам перспективность политики «реализма», когда верность императору не препятствовала разработке национальных проектов. Порой сложнее было сломить косность местной аристократии и чиновничества, чем найти понимание в Санкт-Петербурге³³.

В Венгрии идеи национального романтизма опирались, прежде всего, на героические истории периода «обретения родины», средневековой мощи венгерского королевства и трансильванского княжества, и надежду вновь обрести независимость. Кризис в венгерском обществе

детство говоривший по-фински, со временем сознательно забывал его, ибо, согласно господствующему мнению «плохое знание финского языка – есть признак образованности». См.: *Castrén L. Adolf Ivar Arwidsson isänmaallisenä herättäjänä*. Helsinki, 1951. S. 168–169; *Rommi P. Die Stellung der finnischen und der schwedischen Sprache als politische Streitfrage im Finland des neunzehnten Jahrhunderts // Finns and Hungarians between East and West*. Helsinki, 1989. S. 75–83.

³² Цит. по: *Junnila O. Ruotsiin muuttanut Adolf Ivar Arwidsson ja Suomi (1823–1858)*. Helsinki, 1972. S. 99.

³³ Например, когда А.И. Арвидссон напечатал в 1821 г. в издаваемой им газете *Åbo morgonblad*: «Счастлив тот, кто живет в дни освежающей бури... Любовь к родине – самое дорогое для человека, и тот кто любит родину, не имеет права молчать», верноподданные местные сановники немедленно доложили императору о появлении в Великом княжестве опасного подстрекателя. Арвидссон писал по этому случаю: «Все, что я говорил об «освежающей буре», касалось только литературы, а клеветники вырывали это из контекста и перемещали в государственную область, донося Александру I, читали так, словно в этом было, что-то мятежное». Цит. по: *Castrén L. Adolf Ivar Arwidsson isänmaallisenä herättäjänä*. S. 203, 370.

еще более обозначился в результате разочарования многих радикально настроенных интеллектуалов в «йозефинизме» (1780–1790 гг.) и вскоре последовавшем за ним периоде либеральных реформ (1825–1848 гг.)³⁴. Правда, в отличие от финнов, у венгров сохранилась многочисленная и влиятельная аристократия, в языковом и этническом отношении составляющая единое целое с простым народом. Однако большая ее часть придерживалась «провенской ориентации», что стало особенно очевидно во время революции³⁵. Венгерский народ, испытывший на себе турецкое, а затем австрийское правление, упрямо сохранял свой идентитет, консервируя его в различных проявлениях традиционной культуры, разительно отличавшейся от романо-германского и славянского окружения. В то же время некоторыми наиболее дальновидными теоретиками нациестроительства будущая венгерская нация мыслилась как союз венгров и невенгров-христиан (хорватов, сербов, румын, русинов и др.), объединяющим фактором для которых должна была стать государственная территория и венгерский язык³⁶. Вместе с тем, приоритет языка как консолидирующего средства, специально подчеркивался еще просветителями, как писал об этом Д. Бешшеней: «Все нации стали образованными лишь благодаря своему родному языку и ни одна – благодаря чужому. Как бы ты назвал нацию, у которой нет своего языка? Никак»³⁷. Необходимо было только больше узнать о своем языке, да и в принципе, о своем народе, происхождение которого пока было туманно.

³⁴ *Россиянов О.К.* Романтизм в венгерской литературе // Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах центральной и юго-восточной Европы. Романтизм. М., 1983. С. 59–60.

³⁵ Примечательно, что вплоть до 40-х гг. XIX в. венгерское дворянство жестко отстаивало перед империей свое право вести делопроизводство на латинском языке, одновременно отказывая венгерскому языку в легитимности. См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. С. 124.

³⁶ Венгерское революционное правительство видело свою главную задачу в построении национального государства, слишком долго не внимая требованиям немадьярских меньшинств об автономии, чем умело воспользовались имперские власти, активно вовлекая хорватские, румынские и сербские отряды в войну с венгерскими повстанцами. См., подробнее: *Апато Э.* К вопросу истории понятия нации в Венгрии. 1780–1825 // *Nouvelles etudes historiques*. Budapest, 1965. S. 462–463; *Желицки Ч.* Национальный вопрос в венгерской революции 1848–1849 гг. // Научные издания московского венгерского колледжа. 2001. Вып. 1. С. 46–59; *Tóth Z.I.* The Nationality Problem in Hungary in 1843–1849 // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1955. Vol. 4. № 1–3. P. 235–277; *Spira G.* The Nationality issue in the Hungary of 1848–1849. Budapest, 1992.

³⁷ Цит. по: Избранные произведения венгерских мыслителей. Конец XVIII – середина XIX века. М., 1965. С. 41–42.

Культурные и языковые особенности венгров, неоднократно подчеркивавшиеся европейскими путешественниками, не находили научного обоснования по причине не разработанности проблем древней истории, отсутствия достаточного количества достоверных источников и наличия многочисленных версий, уводящих исследователей в необъятные пространства Востока, вплоть до аравийской пустыни, Тибета и Гималайских гор³⁸. Особенной популярностью в венгерской историографии пользовались исторические реминисценции к гуннским и скифским древностям, как основе военно-номадической организации времен «Magna Hungaria»³⁹. Этимологические исследования XVII–XVIII вв., свидетельствовавшие о языковом родстве венгров с финнами, саамами и пермскими и обско-угорскими народами, вызывали в обществе недоумение, которое выразится в послереволюционной венгерской науке в так называемых «тюрко-угорских войнах»⁴⁰. Но, вместе с тем, в Венгрии многие люди науки и литературы находились под впечатлением идей И.Г. Гердера и «Оссиановской концепции», благодаря чему в обществе складывается устойчивое понимание ценности народно-поэтического слова и вера в его древние мифологические истоки⁴¹. Не случайно созданная в 1825 г. Венгерская Академия наук ставила одной из своих первоочередных целей сохранение и развитие венгерского языка, в том числе выяснение его происхождения и связей с другими языками, а также сбор и музеефикация фольклорно-этнографических данных⁴². Ослабление влияния Вены в период либеральных реформ возродило среди венгров свободололюбивые настроения, особенно среди нового поколения венгерской интеллигенции. Будущая «мартовская молодежь» революции (1848–1849 гг.) – люди свободных профессий, служилое и мелкопоместное дворянство – вместе составили корпус романтического сопротивления австрийским и проавстрийским

³⁸ См., например: *Левицкий Т.* «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 1978; *Le Calloc'h B.* Alexandre Csoma de Kőrös et la theorie finno-ougrienne // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1984. Vol. 79. P. 25–46.

³⁹ *Hunfalvy P.* Die ungarische Sprachwissenschaft. Historischer Überblick // *Acta Ethnographica*. 1978. Vol. 27. S. 39–45.

⁴⁰ *Хаўдз П.* Уральские языки и народы. М., 1985. С. 350.

⁴¹ *Balassa I.* Herder, Béch és Magyarország // *Filológiai közlöny*. Vol. 29. № 1–2. 1983. Old. 191–196; *Fried I.* Herder történetfilozófiai nézeteinek nyomában // *Ethnographia*. 1985. Vol. 96. № 4. Old. 553–556; *Sundhaussen H.* Der Einfluss der Herderschen Ideen auf die Nationsbildung bei den Völkern der Habsburger Monarchie. München, 1973.

⁴² *Paládi-Kovács A.* Néprajzi törekvések a reformkori Magyarországon // *Ethnographia*. 1989. Vol. 100. Old. 120.

властям. Одновременно с политической борьбой венгерскими учеными разворачивалась работа по поиску и реконструкции своей древней утраченной истории. Пожалуй, ярче всего пафос этого времени передал один из лидеров освободительного движения, поэт Ш. Петефи в своем стихотворении «Венгерец я»:

*Венгерец я! На свете нет страны,
Что с Венгрией возлюбленной сравнится.
Природой все богатства ей даны,
В ней целый мир, прекрасный мир таится
Все есть у нас: громады целых гор,
Что из-за туч глядят на Каспий дальний,
Степей ковыльных ветровой простор,
Бескрайний, бесконечный, безначальный.
Венгерец я! Но что моя страна!
Лишь жалкий призрак славного былого!
На свет боится выглянуть она:
Покажется – и исчезает снова.
Мы ходим все, пригнувшись до земли,
Мы прячемся, боясь чужого взора,
И нас родные братья обрekli
В одежды униженья и позора⁴³.*

Подъем национального самосознания в России на патриотической волне победы в Отечественной войне 1812 г. выразился, в том числе в новом этапе русской историографии. Публикация в 1818 г. первых восьми томов «Истории государства Российского» М.Н. Карамзина констатировала готовность общества воспринять полновесную, теоретически обоснованную картину исторического бытия народа⁴⁴. Теперь, нация могла восприниматься не только как территориальный или этнический феномен, но и как продукт исторического процесса. А.С. Пушкин писал по этому поводу: «Все, даже светские женщины, бросились

⁴³ Петефи Ш. Стихотворения. Поэмы. М., 1971. С. 170–171.

⁴⁴ Как отмечал М.К. Азадовский: «История Государства Российского» активизировала деятельность ранних историков и собирателей русской старины в различных ее направлениях, в том числе и в области старинного народного быта и народной поэзии. Благодаря труду Н.М. Карамзина, основные исторические проблемы, касающиеся судеб русского народа, вышли из ограниченного круга ученых и писателей и стали достоянием широких кругов общества; наконец, великое значение имела и та мобилизация разнообразных исторических, литературных и тому подобных памятников, которую производил Карамзин и которая закладывала основу для дальнейших изучений». См.: Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 141.

читать историю своего отечества»⁴⁵. Наряду с этим стало ясно, что дальнейшая объективизация и субъективизация истории будет весьма затруднительна без расширения источниковой базы исследований⁴⁶. Археографический поиск, начатый в свое время Г.Ф. Миллером и А.Л. Шлёцером, должен быть дополнен новыми данными археологии, этнографии и фольклора. Одновременно, необходимо было научиться более эффективно использовать собрания академических экспедиций прошлого века, открывших множество народов и племен, живущих в стране, для того, чтобы сопоставить их исторические предания с материалами русских летописей, продолжая дальнейшее «узнавание» собственной страны. Как писал в своих критических статьях П.Л. Лавров, один из теоретиков революционного народничества, унаследовавшего многие идеалы романтизма, «...романтик-историк не изучает, а воскрешает былое, так как из мелочей воссоздается характеристический, живописный образ, который сообщает хаосу событий художественное единство»⁴⁷. Политическое поражение революционно-романтического движения в России в событиях на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., официальное утверждение консервативных ценностей и фактическое запрещение легальной оппозиции направило многих российских интеллектуалов по «реставративному пути» розысканий, углубленных в славное прошлое народа⁴⁸. Поэтому ученый кружок, с его кодиров-

⁴⁵ Цит. по: Кузаков В.К. Отечественная историография истории науки в России X–XVII вв. М., 1991. С. 21. Н.М. Карамзин с успехом продемонстрировал на примере своего монументального исследования действительную силу одного из основополагающих постулатов романтиков, а именно стремления излагать научные вещи художественным языком, соединяя академизм стилия с сюжетной увлекательностью повествования. Во многом благодаря Карамзину историзм становится ведущим направлением общественной мысли России, актуализируя идею народности, национального самосознания и национального характера. Не случайно В.Г. Белинский писал: «Век наш – по преимуществу исторический век. Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии». Цит. по: Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 90.

⁴⁶ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 298.

⁴⁷ Коновалов В.Н. Романтизм в оценке П.Л. Лаврова // Романтический метод и романтические тенденции в русской и зарубежной литературе. Казань, 1975. С. 55.

⁴⁸ Утверждению в российском государстве и обществе консервативных ценностей много способствовала научная и бюрократическая деятельность, так называемых «просвещенных консерваторов», в частности Н.М. Карамзина и

кой знания для избранных и литературно-художественный салон, где при видимой свободе общения сохранялись различные уровни посвященных лиц, на долгое время станут основным местом интеллектуальной жизни страны. В этом отношении примечательно, что при создании в 1845 г. одного из ведущих отечественных центров этнографических исследований – Императорского Русского Географического Общества, первичная неофициальная структура опиралась на инициативу «четырёх кружков» – мореходов, академиков, военных и молодых ученых⁴⁹. Правда затем члены этих кружков размежевались по национальному признаку и по взглядам на дальнейшие пути развития отечественной этнографии.

Идея ученого кружка: Активизация военной политики европейских государств на рубеже XVIII–XIX вв. потребовала сосредоточения внимания властей на хитросплетениях внешних обстоятельств, отчасти в ущерб исследованию внутренних потенций своих стран и народов. С другой стороны, недостаток внимания государственных органов к интеллектуальным процессам, в том числе и научным изысканиям, позволил развиваться в этой области частной инициативе. Европейские университетские конгрегации, еще со времен средневековья бывшие средоточием студенческого вольнодумства, в романтический период стали пристанищем для новой философии и трансляторами нигилистических импульсов, подвергающих сомнению классическое наследие.

Так, народолюбие, литературный творческий поиск и культ свободной личности объединил в 1815 г. молодых преподавателей и студентов Абоского/Туркуского университета в Финляндии. Кружок туркуских романтиков, впитал наследие германских буршеншафтов и скандинавских возмутителей академической стабильности, вместе с тем его участники не отказались от патриотических и просветительских замыслов основателя национальной науки Х.Г. Портана⁵⁰. Одним из

графа С.С. Уварова. См., подробнее: *Зорин А.А.* Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2001; *Соловьев Э.Г.* У истоков российского консерватизма // Политические исследования. 1997. № 3. С. 137–147; *Филатова Ю.А.* Формирование консервативного стиля мышления: Эдмунд Бёрк и Николай Карамзин. Автореферат дисс. на соискание ученой степени к.и.н. М., 2005. С. 18–23.

⁴⁹ *Берг Л.С.* ВГО за сто лет. М.; Л., 1946. С. 248; *Сухова Н.Г.* Еще раз о предьстории Русского Географического Общества // Известия Всесоюзного географического общества. 1990. Т. 122. Вып. 5. С. 43–48; *Токарев С.А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). С. 214.

⁵⁰ Взаимоотношения между финляндскими «просветителями» и «романтиками» были не простыми. Например, когда в 1820 г. Р. фон Беккер начал издавать на финском языке «Туркусский еженедельник», его основной задачей он

главных заветов Портана был призыв к молодежи отправиться на поиски древней истории финнов, перенеся исследовательские процедуры в Россию, где по его мысли следовало искать территорию финской прародины и свидетельства утраченного золотого века предков⁵¹. Литературная и собирательская деятельность участников кружка протекала на фоне изменения политического статуса Финляндии, что в принципе открывало энтузиастам народоведения дорогу в финноязычные области Российской империи. Инициативная молодежь в любом случае должна была попытаться найти понимание у власть предержащих кругов империи и автономии, заручиться поддержкой влиятельных лиц, а может быть и сыграть на их противоречиях.

Большим другом финляндских интеллектуалов был государственный канцлер Российской империи граф Н.П. Румянцев, являвшийся автором основных положений Фридрихсгамского мира, приведшего Финляндию в состав России, и вдохновителем Боргоского сейма 1809 г., утвердившего автономный статус княжества. Выйдя в отставку по завершению наполеоновских войн, не сойдясь во взглядах с новым «аракчеевским» обликом власти, Румянцев, будучи одним из образованнейших и, что немаловажно, богатейших людей страны, решил употребить имеющиеся в его распоряжении средства на отыскание новых документов, памятников и свидетельств отечественной старины. Постепенно вокруг него сложилась группа молодых ученых, ставших сотрудниками его кружка и двигателями исследовательских идей мецената. На личные средства графа Румянцева были организованы многочисленные археографические экспедиции, работавшие в стране и за рубежом, он финансировал поиск и публикацию архивных источников и был сторонником широкого вовлечения в научный оборот этнографических, статистических, археологических и лингвистических данных⁵². Сподвижниками графа стали многие ученые, прославившие

видел просвещение крестьянства. Это спровоцировало конфликт с некоторыми деятелями «туркуских романтиков», считавших, что патриархальную простоту крестьян следовало уберечь от тлетворного влияния буржуазной цивилизации. Романтик Ю. Линдсен на страницах своей газеты критиковал Беккера, издание которого приносило, по его мнению, лишь вред, поскольку развивало у крестьян способность мыслить, знакомило их с новыми идеями, а это портило народ. См.: *Карху Э.Г.* История литературы Финляндии. С. 125–143.

⁵¹ *Setälä E.N.* Dem Andenken H.G. Porthans // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1904. Bd. 4. S. 5–6; *Такала И.Р.* Финно-угорские народы в трудах Х.Г. Портана – предшественника А. Шёгрена // Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993. С. 5–9.

⁵² См. подробнее: *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 45–99.

академическую и университетскую науку, в частности пионеры этнографического финно-угроведения А.И. Шёгрэн и П.И. Кёппен⁵³. Одним из главных румянцевских проектов должно было стать комплексное историко-культурное исследование финно-угорских народов России, жизнью которых он заинтересовался после знакомства с «северными» трудами Г.Ф. Миллера, А.Л. Шлёцера и с переводами работ Х.Г. Портана⁵⁴. Румянцев просил своих финляндских знакомых порекомендовать ему достойного молодого исследователя для осуществления задуманного путешествия, но сразу предупреждал, что кандидат должен удовлетворять самым строгим требованиям, как-то: знание русского и европейских языков, наличие историографической подготовки и готовности пройти испытательный срок служащим при графской библиотеке. Такой энтузиаст нашелся не сразу и, наверное, символично, что им стал деятельный участник движения туркуских романтиков – А.И. Шёгрэн. Пройдет время и осевший в России Шёгрэн начнет собирать вокруг себя новое поколение финно-угроведов. Первым станет бывший преподаватель Ревельской гимназии и его будущий преемник по академическому департаменту – Ф.И. Видеман, затем из Гельсингфорса приедет продолжатель экспедиционных начинаний, приобретшийся на родине к романтической фенномании и «битвам за язык» М.А. Кастрен⁵⁵. Кроме того, Шёгрэн на протяжении всей жизни консультировал российских и финляндских энтузиастов народоведения, составителей грамматик, словарей и разного рода описаний⁵⁶.

Основанный в 1828 г. Императорский Александровский университет в Гельсингфорсе/Хельсинки воспринял не только научно-исследо-

⁵³ *Haltonen S. Peter von Köppen suomalais-ugrilaisten kansojen tutkijana // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1968. Vol. 145. S. 29.*

⁵⁴ По приглашению Н.П. Румянцева в России работал финский историк А.И. Гиппинг, занимавшийся поиском материалов по истории Финляндии в российских архивах, также способствовавший вовлечению А.И. Шёгрена в научные изыскания «румянцевской дружины». См.: *Барышева Е.А.* Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 97–98; *Похлебкин В.В.* Переписка Н.П. Румянцева с финляндскими учеными // Скандинавский сборник. 1962. № 5. С. 321–323.

⁵⁵ *Korhonen M. Uralilaisten kansojen ja kielten tutkijoita // Matka-Arku. Helsinki, 1993. S. 225–226; Ariste P. Ferdinand Johann Wiedemann. Tartu, 1971; Estlander B. Mathias Aleksanteri Castrén. Hänen matkansa ja tutkimuksensa. Helsinki, 1929.*

⁵⁶ См., например: Письма академику Шёгрэну // Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842. Петрозаводск, 1985. С. 237–238; 254–255; 273–274; ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1/–39 Отзыв о «Записках Александры Фукс о чувашах и чермисах Казанской губернии». Казань, 1840.

вательские традиции Або Академии, но стал центром общественной жизни Великого княжества Финляндского. Несмотря на консервативный настрой большинства членов университетской консистории, молодые преподаватели и студенты живо обсуждали насущные проблемы финской нации, существовавшей пока только в проекте. Сначала гёттингенский неогуманизм, затем идеи Фихте и Гегеля заставляют университетских людей по-новому взглянуть на финский народ и перспективы его национальной культуры, а может быть и государственности⁵⁷. М.А. Кастрен также прошел начальную мировоззренческую школу в университетском кружке молодых патриотов восточно-ботнического землячества, где выступали будущие лидеры национального движения доцент кафедры риторики И.Л. Рунеберг и доцент кафедры философии И.В. Снельман, регулярно бывал собиратель национального эпоса Э. Лённрот⁵⁸. На одном из собраний, студенты решили создать особую комиссию по сбору и публикации произведений народной словесности, так было положено начало Финскому Литературному Обществу, и ныне являющемуся крупнейшим издателем филологической и историко-культурологической литературы в Финляндии⁵⁹. Идеи финского романтического национализма начинают в этот период постепенно овладевать обществом, во многом благодаря студентам, которые, выходя в самостоятельную жизнь, становясь приходскими пасторами, школьными учителями, врачами, юристами и профессиональными учеными, несли с собой и транслировали положительный национальный настрой.

Примечательно, что структурирование научных интересов сотрудников отделения этнографии РГО в 1845–1850 гг. пролегло по линии разграничения двух основных отраслей отечественной этнографии, отражая, в том числе национальные чувства оппонентов, а именно: с одной стороны, приоритетом была задача изучения русского народа, и с другой стороны, изучения других народов империи и сопредельных

⁵⁷ См.: *Klinge M. Univerité et Nation – University and Nation // University and Nation. The University and the Making of the Nation in the Northern Europe in the 19th and 20th Centuries. P. 15–18.*

⁵⁸ На собраниях «субботников» живо обсуждались такие вопросы, как: Можно ли сделать Финляндию финской? Имеет ли право одна нация навязывать свою культуру и ценности другой? Как уравнивать финскую культуру с более развитыми культурами? и т.д. В знак своей приверженности народному языку и с верой в его будущее, группа студентов подписала обязательство изучить финский язык и доказать собственные умения перед землячеством. См., например: *Туандер К. Матиас Кастрен – основатель финнологии // Журнал министерства народного просвещения. 1904. Ч. 353. С. 18–19.*

⁵⁹ См.: *Vuorela T. The Finnish Literature Society // Studia Fennica. 1957. Vol. 7. P. 3–15.*

стран⁶⁰. Первоначально возобладала точка зрения представителей «академического кружка» отцов-основателей этнографического отделения: К.М. Бэра, А.И. Шёгрена и П.И. Кёппена, считавших, что, прежде всего, необходимо изучить стоящие на грани исчезновения и ассимиляции народы, чей традиционный образ жизни и язык серьезно трансформируется под влиянием модернизирующейся среды обитания⁶¹. Данная позиция оказалась весьма полезна при обосновании ряда исследовательских проектов, имеющих непосредственное отношение к этнографическому изучению финно-угорских (уральских) народов, опасаться за судьбу которых существовали весьма веские основания. Так, по инициативе академика Бэра, опасавшегося за судьбу малочисленных ливов в Лифляндии и Курляндии, летом 1846 г. была организована экспедиция Шёгрена, на расходы которой отпустили тысячу рублей из правительственной субсидии⁶².

Думается, что ученый кружок в романтический период состоялся в качестве нового типа исследовательского института, в виде свободной ассоциации ученых-гуманитариев, объединенных идеей патриотического служения. Участники кружков пытались до времени дистанцироваться от власти, но при случае не отказываются использовать ее воз-

⁶⁰ См., подробнее: *Сухова Н.Г.* Основание Русского Географического Общества // *Философский век: Россия в Николаевское время: наука, политика, просвещение.* СПб., 1998. Вып. 6. С. 74–82.

⁶¹ Примечательно, что исходя из одной и той же идейной среды, берущей начало от немецкого романтизма, идея этнографического изучения финно-угорских народов России была по разному воспринята учеными и политиками: так, в Финляндии и Венгрии поиски родственных народов стали частью родиноведческого националистического дискурса, тогда как в глазах сторонников «русской партии» РГО, в значительной мере придерживающейся славянофильских настроений, данный исследовательский проект никак не выглядел приоритетным.

⁶² Совет РГО поддержал проект, добавив, что ученым также следует постараться разыскать остатки шведского населения на островах побережья Лифляндии и Эстляндии. В результате удалось зафиксировать значительный объем этнографической и фольклорно-лингвистической информации о ливах, численность которых в действительности оказалось несколько больше, чем предполагалось ранее. Кроме того, сопровождавший Шёгрена художник А. Пецольд выполнил с натуры серию романтических рисунков и акварелей, запечатлевших ливов в окружении их традиционной культуры. В следующем 1847 г. ИРГО была отправлена экспедиция Э. Гофмана на Северный Урал, где были собраны некоторые сведения о хантах, ненцах и коми-ижемцах. См.: *Шёгрэн А.* Об этнографической экспедиции в Лифляндию и Курляндию // *Записки Императорского РГО.* СПб., 1849. Кн. 1–2. С. 311–322; *Гофман Э.* Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой: исследования экспедиции, снаряженной ИРГО в 1847, 1848 и 1850 гг. Т. 1–3. СПб., 1856.

возможности. Эта интеллигентская дружба/вражда с властью чаще всего проявлялась в организационно-популяризаторской работе научных кружков и просветительских обществ. Например, при поиске средств финансирования поездки А.И. Шёгрена были задействованы средства Финляндского Сената, деньги на Сибирскую экспедицию М.А. Кастрена отпустила Императорская Санкт-Петербургская Академия наук. Вместе с тем, периодические и монографические издания румянцевской «ученой дружины», альманахи туркуских романтиков, манифестации «субботного общества» и многие другие акции и периодические издания романтической эпохи, в своем народолюбии нередко заходили за рамки, допущенные официальной цензурой. Примечательно, что участники патриотических кружков, ставя перед собой, казалось бы, сугубо национальные цели в результате предпринятых поисков выходили на иной уже интернациональный уровень⁶³. Финны и венгры, мечтая узнать свое прошлое, откроют для себя и мира затерянные на российских просторах родственные народы, а русские ученые получают ценные языковые и историко-этнографические материалы о своей многонациональной стране.

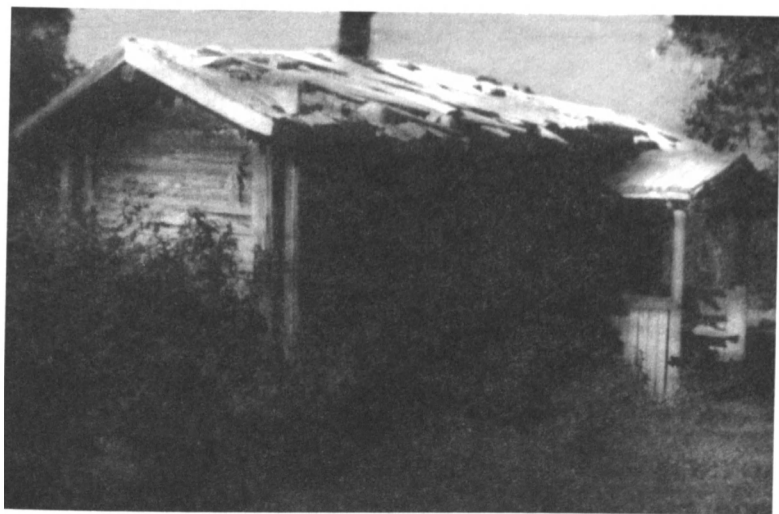
Идея дороги-судьбы: В начале XIX в. начинается новый этап полевой деятельности по изучению территории, народонаселения и природных богатств Российской империи⁶⁴. В эти годы в научно-исследовательский процесс втягиваются не только интеллектуальные и материальные ресурсы Санкт-Петербургской Академии наук, иных государственных ведомств, но и средства частных лиц-меценатов, поддерживающих романтически настроенных энтузиастов, для которых экспедиционная дорога стала, по сути дела, жизнью и судьбой. «Хронотоп» пути-дороги символизирует здесь некое испытание духа и тела ищущего, когда его личное мировосприятие укрепляется и набирается впечатлений, либо ломается под грузом обстоятельств⁶⁵. Рассказ ученого о предпринятом путешествии, отраженный в путевом журнале, личном дневнике, или письме, становится важнейшим носителем научной информации, однако в отличие от полевых текстов предыдущей эпохи, записи исследователя-романтика фиксируют не только эмпирическую составляющую пройденного пути, но и нередко становятся своеобразным погружением в вымышленную реальность истории, легенд и фантазий.

⁶³ Мустелин О. Историография в Финляндии в 1809–1866 гг. // Скандинавский сборник. 1968. № 3. С. 283.

⁶⁴ Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР (1724–1917). Т. 1. М., 1977. С. 200–201.

⁶⁵ См., подробнее: Бахтин М.М. Формы времени хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 392–393.

А.И. Шёгрэн

Дом семьи Шёгрен

4;

111

GESAMMELTE SCHRIFTEN.

Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden.

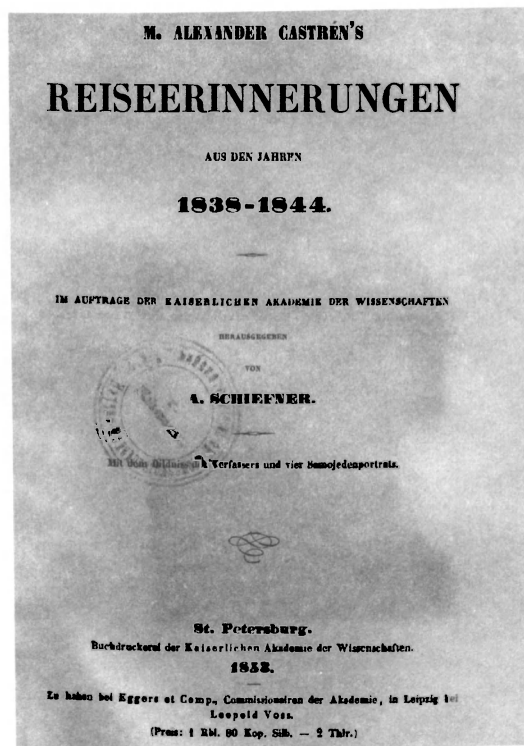
Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften

in St. Petersburg.	in Wien.	in Leipzig.
Eggers et Comp.	Samuel Schmidt.	Leopold Voss.

Preis: 6 Rbl. 80 Kop. = 5 Tlgr. 26 Ngr.

Титульный лист книги
А.И. Шёгрена

М.А. Кастрен

Титульный лист книги
М.А. Кастрена

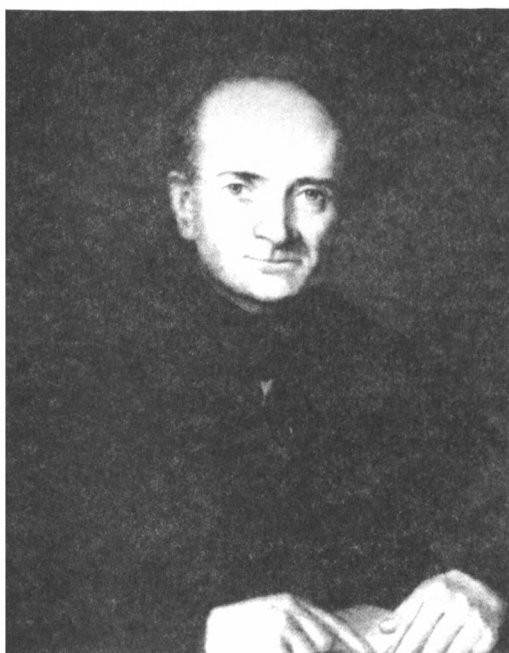
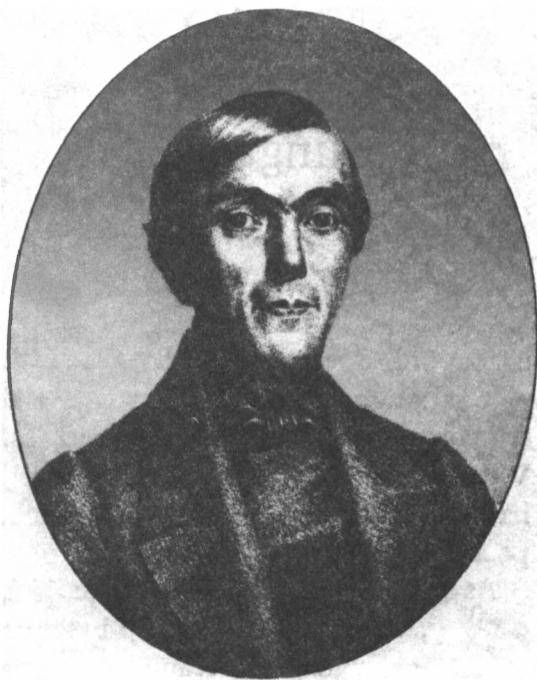
А. Регули

Дом семьи Регули

[illegible]

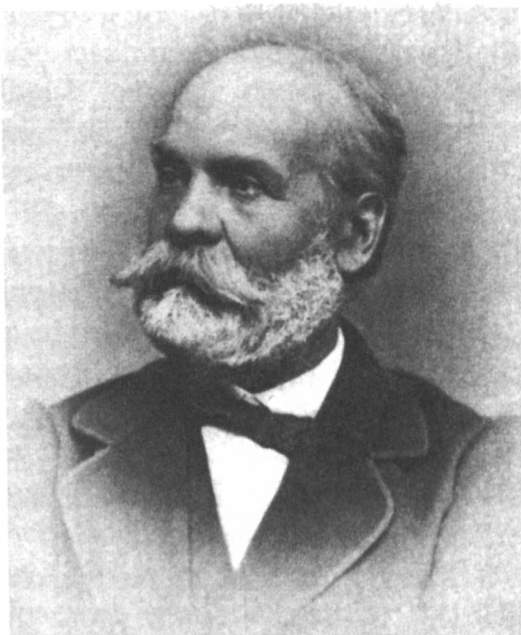
Э. Лённрот

Ф.И. Видеман

К.М. Бэр

П. Хунфалви

Следует отметить, что путь, дорога, путешествие – одни из любимых символов романтической философии и литературы⁶⁶. Причем этот путь открывается только человеку, способному пройти не только по тенистым аллеям ухоженных классических парков, но и по дремучим лесам, по каменистым уступам и пыльным проселкам⁶⁷. Стоит однажды отбросить постылую рутину повседневности, на что решился герой «Путевых записок» Ш. Петефи, «...которому чертовски надоела его почтенная должность, и он отправился путешествовать»⁶⁸, чтобы наполниться свежими мыслями и впечатлениями, а затем поделиться ими с друзьями, как это сделал А.И. Арвидссон в своих «Письмах шведского путешественника из Финляндии». Иногда встреча с новой страной позволяла страннику почувствовать себя: «человеком, представителем человечества», как это случилось с Н.М. Карамзиным, оказавшимся на «земле свободы», на земле Руссо⁶⁹. Но, если литераторов больше влекла внешняя сторона и новизна путешествия, то ученых манило в дорогу исследовательское содержание поездки, представляющееся в общении с людьми, их историями и традициями. Готовность преодолеть не один десяток километров в поисках новой песни, обряда, или фольклорного сюжета, характеризуют большую часть ученых-финно-угроведов первой половины XIX в. Неслучайно, иронический образ «босоногого странника», идущего пешком по руническим тропам, был избран современниками для символизации собирательской деятельности Э. Лённрота⁷⁰. Пожалуй, что данный образ подходит для всей романтической науки.

Движение ученого-путешественника можно рассматривать как символическую попытку «побега на волю» из столичного, салонного, искусственного мира в идеализированный мир патриархальной простоты и народной мудрости⁷¹. Маршрут и система координат, при этом, выбирается сообразно той общей цели, что ведет странника вперед, к сокровенной, им же придуманной волшебной стране. Для романтически настроенных финно-угроведов, это страна Биармия, она же леген-

⁶⁶ Философия Пути, или «творящей жизни», «биения жизни» (В.Г. Вакенродер, А.В. Шлегель) становится «органической формой» романтического произведения (А.В. Шлегель). См.: *Шевякова Э.Н.* Долгое эхо романтических идей // Романтизм. Вечное странствие. М., 2005. С. 345.

⁶⁷ Львов С. Немецкий романтизм и его истолкователи // Вопросы литературы. 1981. № 2. С. 283.

⁶⁸ Петефи Ш. Путевые записки // Избранное. М., 1955. С. 421.

⁶⁹ Иванов М.В. Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника» // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975. Вып. 10. С. 298–299.

⁷⁰ Клингс М. Очерк истории Финляндии. С. 64.

⁷¹ Предстоящая дорога и манила, и пугала путешественника своей неопределенностью. Как писал, например, Э. Лённрот: «Ты и сам, наверное, знаешь,

дарная прародина всех народов «чуждского корня», лежащая где-то на Востоке. В этом отношении, восточная направленность поисков, определенным образом смыкается с христианской литературной традицией, согласно которой сокровенная страна может быть только на Востоке, где Господь насадил рай⁷². Искания «иной страны», таким образом, превращаются в своеобразное паломничество по условно-реальному пространству, в котором верстовые столбы видятся лишь смутными указателями, истинный же путь отмеряется находками и потерями, верой и страхом ее утраты⁷³. Дорога в ту дальнюю сторону, представляется как путь в прошлое, там, где история сливается с мифологией, а эпическое сказание требует исторического обоснования лишь по причине неуверенности ищущего в истинности находки. Быстро здесь пройти невозможно, поскольку необходима не только длительная книжная подготовка, но и умение слушать и слышать встречающиеся на пути подсказки. Протяженность пути, искаженные временем названия мест и селений, запутанные предшественниками карты следования могут увести в чужой обманчивый мир и стать труднопреодолимой преградой. Здесь важно не пропустить верный, нередко скрытый, зашифрованный знак, будь то топоним, гидроним, или встречный странник, знающий нечто

с какой робостью мы отправляемся из дому в дальний путь. И когда в конце концов удастся рассеять беспричинную озабоченность родителей, всегда найдутся еще тетушки, крестные и прочие, которых, наверное, замучила бы совесть, если бы они с миром отпустили меня в дорогу. Одни из них боятся, что я утону, и, призывая к осторожности, рассказывают допотопные истории о всевозможных утопленниках. Другие припоминают сон, увиденный незадолго до этого, и непременно связывают его со мною. То меня якобы грабят, то я иду к верной гибели, то брошен на съедение волкам и медведям. А под конец приводятся десятки примеров о ком-то, отправившемся на восток, или о другом, уехавшем на запад, и еще о многих и многих, которые разъехались разные концы света и которых к безмерной горести и печали родственников уже никогда после этого не видели в родных краях». Цит. по: Путник, или воспоминания о пешем путешествии по Хаме, Саво и Карелии // Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. Петрозаводск, 1985. С. 15.

⁷² Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Статьи по типологии и семиотике культуры. Таллинн, 1992. С. 412; Образ «Востока» в его разных историко-географических интерпретациях был в целом свойственен романтической литературе (Дж.Н.Г. Байрон, Э.Т.А. Гофман и др.), становясь то страной желанной свободы и мудрости, то прямым противопоставлением искусственному механистическому миру «Запада».

⁷³ Трубецкой Е.И. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 108.

важное об искомой стране⁷⁴. Переходы от опасности, болезней и одиночества к другим разочарованиям избранного пути должны восприниматься как испытание, жертва, которую готов принести идущий, чтобы приблизиться к раскрытию тайны, не позволяющей ему остановиться. Или, передавая эту мысль словами М. Дуглас: «Выходя из формальной структуры и оказываясь в пограничном состоянии, человек оказывается под воздействием сил, которые могут убить, либо наоборот придать новое содержание»⁷⁵. Так, переходя от источника к источнику, от вехи к вехе, ученый нередко оказывается на перекрестках, каждый из которых предоставляет ему свободу выбора дальнейшего пути, и где рациональное решение далеко не всегда приводит к давно ожидаемому чуду обретения. Хорошо если путнику встретятся достойные проводники, будь то люди или книги, способные удержать его от соблазна сбиться на торную и короткую дорогу, в худшем случае еще и снабженную колеей, убивающей все творческое начало предпринятого путешествия. Пространство мечты, при всей его топографической неопределенности, может открыться в самый неожиданный момент и совсем необязательно в ходе самого странствия. И, как это ни странно, в большинстве случаев искомой загадочной страной оказывается свой дом/родина, к образам которых постоянно возвращается в своих мыслях ищущий, не смотря на кажущуюся оппозиционность этих понятий самой логике движения. Грааль, философский камень и потерянные колена становятся для путешественника необходимыми стимулами для бесконечного и вечного пути к самому себе, когда момент возвращения совмещается с моментом ухода.

Дороги, которыми прошли в первые десятилетия XIX в. пионеры полевых финно-угорских исследований – А.И. Шёгрэн, М.А. Кастрен и А. Регули, были для них не просто экспедиционными маршрутами, но и средством обретения собственной сущности⁷⁶. Слова народной песни «Смертный страдай, таков твой удел», по признанию самого Кастрена, стали лейтмотивом его путешествия в Сибирь и, он «...с невозмутимым спокойствием выдерживал все пытки совершенно не поэтического почтового тракта»⁷⁷. Лишения долгого пути были тем более преодолимы, если учесть высокую степень одухотворенности путеше-

⁷⁴ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. СПб., 2003.

⁷⁵ Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000. С. 146.

⁷⁶ Zagrebin A. The road as a life and work: the Udmurts in the travel notes of A.J. Sjögren and M.A. Castrén // Research and Identity. Non-Russian Peoples in the Russian Empire 1800–1855. Kouvola, 2006. P. 49–50.

⁷⁷ Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 23.

ствующим, скрывавшуюся за видимым педантизмом Шёгрена, иронией Кастрена и «самоедством» Регули. Стремление к совершенству влекло их к большому открытию, главной целью которого был поиск древней земли финской (угорской) прародины, золотого века свободных предков и жаждущих свободы потомков.

Идея прародины: Традиция «героизации» отечественной истории, зародившись в европейской историографии в период становления национальных государств, имела важное значение для романтически настроенных финно-угроведов, являясь ключевым пунктом их исследовательской активности в том отношении, что была обозначена не только проблема выявления этногенетического родства финно-язычных народов, но и поставлен вопрос об их общей прародине⁷⁸. С точки зрения формирования национальной истории было крайне важно обнаружить свидетельства социальной жизни предков, желательного опирающийся на документальный материал, подкрепленный этнографией, фольклором и топонимикой⁷⁹. Финские и венгерские ученые, таким образом, были изначально нацелены и, по сути дела, обречены сконцентрировать свое внимание на реконструкции начального этапа истории своих народов, частью которого были поиски финно-угорской прародины.

Скандинавская историография подсказала финнам отправной пункт возможных исследований – содержание рунических сказаний, в частности, скандинавских саг IX–XII вв.⁸⁰ В сообщении норвежского вассала англосаксонского короля Уэссекса Альфреда Великого, Оттера (Othere, Ottar) из Халоголанда, датируемого примерно 880 г.н.э., рассказывается о плавании за моржовыми бивнями и шкурами в сказочно богатую страну Биармию (Bjarmaland)⁸¹. Двигаясь вдоль морского побережья около 15 дней, драккар Оттера предположительно обогнул северное побережье Норвегии и Кольский полуостров, войдя в акваторию Белого моря, достиг устья некой большой реки (Vinu), ведущей вглубь страны, предположительно Северной Двины или Печоры. Далее Оттером сообщается, что прежде он не встречал сколько-нибудь заселенной земли с той поры, как покинул свой дом. На всем пути земля по правому борту была пустынна,

⁷⁸ Гужа Я. Прародина финно-угров и разделение финно-угорской этнической общности // Основы финно-угорского языкознания. М., 1974. Т. 1. С. 28–41.

⁷⁹ См., подробнее: Social construction of the Past: Representation of Power. London, 1997.

⁸⁰ Исландские саги. М., 1956; Исландские саги. Исландский эпос. М., 1973; Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарии. М., 1979; Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 года). М., 1993.

⁸¹ Гужа Я. Краткий очерк истории сравнительного финно-угорского языкознания // Основы финно-угорского языкознания. Т. 1. М., 1974. С. 56.

если не считать рыбаков, птицеловов и охотников — все это были финны; а по левому борту всегда было открытое море. Бьярмы заселили свою землю очень основательно; и они не решились высадиться там. Бьярмы рассказывали ему много историй о своей земле и других окрестных землях, но он не знал, насколько они правдивы, поскольку сам этих земель не видел. Финны и бьярмы, как ему показалось, говорили на одном языке⁸².

На берегу этой судоходной реки находилось большое поселение с постоянной факторией скандинавских торговцев, скупавших у биармийцев *bjarmer* пушнину. Экспансия викингов на Восток в IX–X вв., опиравшаяся на резиденцию в Старой Ладогге, предполагала еще и внутреннюю конкуренцию между выходцами из Швеции, Норвегии и Дании, когда каждый из конунгов старался распространить свою власть «на север в Бьярмаланд, чтобы добыть меха»⁸³. В сагах есть сведения об образе жизни местного населения, живущего в бревенчатых постройках, занимавшегося земледелием, животноводством, охотой и рыболовством, поклоняющегося общему для них божеству Йомала (*Jomala*), идол которого с золотой чашей для приношений, изготовленный из ценных пород дерева и украшенный драгоценными камнями, стоял на кургане господствующем над торговым поселением. Биармия нередко становилась объектом грабительских набегов викингов. Так, в саге «Земной круг» говорится о походе дружины конунга Харальда Серого Плаща на север *Vjarmaland*, а в «Саге о Боси» рассказывается о месячном речном переходе викингов вверх по *Vinu*, вплоть до начала глухих таежных лесов, разрушении капища и похищении сокровищ *Jomala*. На основании скандинавских саг учеными в разное время были высказаны различные версии о возможном местонахождении Биармии, располагаемой на северо-востоке Европы, на широком пространстве от Кольского полуострова до Приуралья⁸⁴. Были высказаны и другие мнения, локализовавшие территорию легендарной страны на побережье Рижского залива, либо отождествлявшую ее, не много, ни мало, с Волжской Булгарией⁸⁵.

⁸² См., подробнее: *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 56; *Головнев А.В.* Бьярмия: Неоконченная сага о Крайней земле // Уральский исторический вестник. 2002. № 8. С. 5–35.

⁸³ *Головнев А.В.* Деятельностная схема северного кочевника // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 35–36.

⁸⁴ *Кузнецов С.К.* К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. 1905. Кн. 65–66; *Соболевский А.* Древняя Пермь, к вопросу о Биармии // Известия ОАИЭ. 1929. Т. 34. Вып. 3–4; *Tallgren A.M.* *Biarmia* // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1931. Vol. 6. S. 100–120.

⁸⁵ *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 197.

Первые попытки выявить местонахождение легендарной страны и отождествить ее население с каким-либо конкретным народом финно-угорского происхождения были предприняты финскими учеными. Древние жители Биармии, по мнению Х.Г. Портана, были сильными и свободными племенами общего происхождения, определяемого им как *finsk*, к которым он относил финнов, саамов, эстонцев, карелов, ижору и водь⁸⁶. Страна Биармия, также отождествлялась им с Пермью, с указанием, что это скандинавское и славянское наименование одного и того же региона. Так, в ходе своего движения по территории Пермской губернии в 1843 г. М.А. Кастрен писал: «По причине неровности страны некоторые ученые производили имя Пермь, Пермия, Биармия от финского слова *waagamaa* (гористая страна). Но гораздо естественнее в филологическом отношении производство этого слова от *Perämaa* – название, которое, должно полагать, дано этой стране заволочанами, потому что она находилась за их областью. Пермское племя простиралось прежде от северного Заволочья, от Двины к югу до Камы»⁸⁷. В целом придерживаясь, предложенной Кастреном этимологии *Vjarmaland*/Биармия, происходящей от прибалтийско-финского *perämaa* – «задняя земля, окраина, земля за рубежом», Д.В. Бубрих отождествлял ее первоначальную территорию со смешанным в этническом отношении новгородским Заволочьем и Подвиньем, предполагая постепенное распространением этого названия на земли пермских племен, вычегодских коми «пермь вычегодская» и верхнекамских коми-пермяков «пермь великая»⁸⁸.

В этом контексте представляют интерес сведения о Биармии, содержащиеся в сочинении «История северных народов» европейского историографа первой половины XVI в. епископа О. Магнуса, разделившего

⁸⁶ В этнополитическом ключе эта проблема звучала в Финляндии в период национального романтизма, когда «биармийская теория» стала частью интеллектуального сопротивления историографическому «скандинавизму». Время Биармии рассматривалось в качестве «Золотого века Финскости», а описанные в калевальских рунах войны между народами «*Kaleva*» и «*Pohja*» интерпретировались как конфликты между финнами (карелами) и биармийцами. См.: *Sihvo H. Karelia: a source of Finnish National History // National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1999. Vol. 6. P. 187.*

⁸⁷ *Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // Nordische Reise und Forschungen. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 27.*

⁸⁸ *Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 30; Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 166.*

эту страну на «ближнюю» и «дальнюю». Первая покрыта высокими горами и вечными снегами. Они не тают даже летом из-за недостатка солнечного света. Ближняя Биармия не приспособлена для жизни человека. Дальнюю Биармию населяют племена, занимающиеся охотой, рыболовством и оленеводством. Население обеих Биармий поклоняется идолам и верит в черную магию⁸⁹. В отечественной историографии близкая точка зрения принадлежит М.В. Ломоносову, писавшему об идентичности двух понятий – страны Биармии из скандинавских саг и русской летописной *Перми*: «Пермия, кою Биармией называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины реки и был чудской народ сильный, купечествовал дорогами звериными кожами с датчанами и другими нормандцами...»⁹⁰. Оригинальная мысль в этой связи была высказана венгерским лингвистом П. Хайду, предположившим, что название *пермь* встречается чаще всего в тех местах, где находились крупные центры меховой торговли. В русских средневековых текстах название *пермь*, *пермяк*, *пермитин*, *пермичи* и *пермяне* первоначально могло служить обозначением населения занятого пушным промыслом. Сходным образом скандинавы так же могли воспользоваться этим древним обозначением, назвав страну торговцев пушниной «*Vjarma land*» – пишет он. О том, что слово *пермь* имело более широкое понимание, П. Хайду ссылается на финского этнолога К. Вилкуна, писавшего о широких торговых связях народов северо-восточной Европы в IX–XIII вв. и отмечавшего, что до сих пор в восточных диалектах финского языка существует слово *permi* – карельский бродячий торговец⁹¹. В сообщениях арабских путешественников X–XII вв. Ахмеда Ибн-Фадлана и Абу Хамида ал-Гарнати есть информация о некой северной стране *вису*, чрезвычайно богатой пушниной ценных пород и ведущей обширную торговлю с соседями⁹². По вопросу о месторасположении этой страны между учеными также нет единства мнений, отождествляющих ее либо с русской летописной *весью*, либо с пермскими племенами.

Определенная локализация Перми содержится в русских письменных памятниках эпохи средневековья. Наиболее ранние сведения о *перми*, по мнению В.Н. Татищева содержатся в «Степенной книге» X в.,

⁸⁹ Цит. по: Савельева Э.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983. С. 45–46.

⁹⁰ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 195–196.

⁹¹ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 53; Vilkkuna K. Studien über alte finnische Gemeinschaftsformen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1966. Bd. 36. S. 1–180.

⁹² Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 132–135; Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в восточную и Центральную Европу (1131–1153). М., 1971. С. 31–32.

а также в «Повести временных лет», где *пермь* помещена между *чудью заволочской* и *печерой*, в договорных грамотах Великого Новгорода XIII–XIV вв. *пермь* названа в числе новгородских волостей. В «Житии святого Стефана, епископа Пермского», выделены гидронимические маркеры искомой территории в конце XIV – начале XV вв., это рр. Вымь, Вычегда, Вятка и Кама⁹³. Данные сведения позволяют, с большой долей вероятности, соотнести этноним *пермь* с предками современных пермских народов – коми, коми-пермяков и удмуртов⁹⁴. Примечательно, что уже в начале XIX в. любителями местной старины предпринимались попытки найти документальное и материальное подтверждение легендарных историй о древней «чуди» и «чудских городках» в районе Перми и Чердыни, в целом актуализируя «чудскую» проблематику в российской этнографии⁹⁵. Тем не менее, несмотря на кажущееся обилие разнохарактерных источников и гипотез, вопрос об отождествлении понятий Биармия и Пермь еще далек от своего разрешения, являясь частью более широкой научной дискуссии о прародине финно-угорских (уральских) народов⁹⁶.

Несколько иной ракурс проблемы был представлен венгерским пионером полевой финно-угристики А. Регули, который, с жалкими грошами в кармане, зимой 1844–1845 гг. прошел в невероятно трудных условиях по обеим сторонам северного Урала. В надежде найти свидетельства местонахождения прародины венгров, мифической Великой Венгрии/Magna Hungaria, он поднялся к одной из наиболее почитаемой обскими уграми горной святыне, идолу Болвано-Ыж, у подножия которого берет начало маленькая, но бурная речка Егра (коми *Ёгра*). Там романтически настроенный Регули ощутил себя в центре «финно-угорского мироздания», на перевале, по которому на протяжении столетий двигались древние финны и угры⁹⁷. Отмеченный на этнографической

⁹³ Савельева Э.А. Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. С. 300–305; Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI вв. М., 1974. С. 203.

⁹⁴ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 323–324.

⁹⁵ Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821; Лащук Л.П. Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. 1969. № 10. С. 208–216; Миненко Н.А. Предания о чуди и народная концепция присоединения Сибири // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 46–59.

⁹⁶ Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. С. 105–198.

⁹⁷ Stipa G.J. Finnisch-ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1990. Vol. 206. S. 305.

карте Регули гидроним Егра (*Jegra*) заслуживает особенного внимания, так как он традиционно являлся коми, а затем и русским (*Югра*) обозначением обско-угорских народов и их земли. Возможно, Регули и не нашел в его понимании конкретной территории прародины венгров, зато ему открылся древний маршрут пушной торговли, сопоставимый с величайшими купеческими дорогами мировой истории. Этот узкий горный проход через Урал, образованный становящейся по весне судоходной рекой, связывал два родственных коллектива: финнов, прежде всего коми-зырян и обских угров, хантов и манси. Таким образом, думается, что Регули обнаружил естественный и, в то же время символический финно-угорский мост. Открытие Регули стало отправной точкой для развернувшейся дискуссии о справедливости прямого соотношения названий Югра и Угры как племенного названия венгров, о возможности которого заявил в 1930 г. венгерский исследователь М. Жираи. Трудности историко-географического обоснования данной гипотезы мотивировали дальнейшие поиски более устойчивых этимологий отечественными лингвистами, в частности В.И. Лыткиным и Б.А. Серебренниковым⁹⁸. Анализ русских летописных источников XI–XV вв. позволяет сделать вывод о процветающей здесь меновой торговле, но и выдвинуть предположение об исторической подвижности понятия *Югра* в плане ее постепенной миграции с европейской на азиатскую часть Урала⁹⁹. Данное обстоятельство могло быть связано с вытеснением колонистами – коми-зырянами и русскими – предков современных хантов и манси в бассейн р. Обь, который уже с XV в. уверенно соотносится с Югрой.

Определенная радикализация проблемы финно-угорской (уральской) прародины произошла в науке после возвращения М.А. Кастрена из Сибирской экспедиции 1844–1849 гг., когда им была выдвинута гипотеза Урало-Алтайского языкового родства. Причиной тому, очевидно, послужили его языковые записи, выявившие многочисленные лексические заимствования тюркского происхождения в местных (самодийских) говорах. Сделанные Кастреном полевые наблюдения позволили ему обосновать уральское происхождение ряда малочисленных енисейских народов: коттов, маторцев и койбалов и др., прежде считавшихся тюрками. Таким образом, возникла возможность для выдвижения идеи о непрерывности древнеуральского населения от Алтая до Скандинавии. Приводя в пользу своего мнения данные топонимии, языка и археологии, Кастрен считал, что территория изначального расселения «финского племени» могла располагаться в бассейне верхнего

⁹⁸ Хайду П. Уральские языки и народы. С. 33–35.

⁹⁹ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 324–326.

течения Иртыша, у истоков Енисея в Саянах. Дискуссионность многих положений данной гипотезы была хорошо понятна и самому Кастрену, готовому обсуждать и спорить, но преждевременная смерть не позволила ему найти дополнительные аргументы. За Кастрена это попытались сделать последователи, популяризовавшие «алтайскую гипотезу», придавая ей определенную историческую динамику, подкрепляя археологическими материалами и фольклорными образами¹⁰⁰. Но в науку, свободной от претензий на знание «истины в последней инстанции», рано или поздно приходит новое поколение, представляющее свой взгляд на старую проблему, от чего научный авторитет патриархов ничуть не страдает. Эпоха позитивизма в финно-угроведении, начавшаяся во второй половине XIX в. была отмечена иными, нежели чем у Кастрена, взглядами на проблему прародин, при этом его точка зрения рассматривалась не просто как историографическое наследие, а как равная, находящая своих сторонников научная позиция¹⁰¹. Кроме того, романтические поиски финно-угорской прародин и «чудских древностей» серьезно продвинули обсуждение самого предмета исследования и его методического обоснования.

Идея этнографии: На первый взгляд понимание предмета в этнографии/этнологии романтического периода довольно много унаследовало из концептуальных идей предыдущего периода, в частности некий комплекс дисциплины, находящейся где-то на периферии компаративных лингвистических штудий¹⁰². Но, при более детальном рассмотрении проблемы, становится очевидным, что, нередко скрываясь за ширмой ранее легитимировавшихся наук, этнические исследования приобретают в первой половине XIX в. все более прочные основания. Данная научная парадигма также относится к истории этнографии финно-угорских народов, когда первичные фольклорные и лингвистические интересы пионеров полевых исследований, оказывались немыслимыми без понимания образа жизни, материальной и духовной культуры народа. Осознание важности этнографического факта и артефакта в установлении этнического родства и разрешении проблемы

¹⁰⁰ *Aspelin J.R.* Muinaisjäännöksiä Suomen suvun asumus-aloilta. I–V. Helsinki, 1877–1884; *Topelius Z.* Finland framställt i teckningar. Helsingfors, 1845–1852.

¹⁰¹ См., подробнее: *Napolskikh V.V.* Uralic original home: history of studies. A preliminary review. Izhevsk, 1995.

¹⁰² По этому поводу один из теоретиков европейского романтизма Ф. Шлегель писал: «Решающий момент, который все объяснит – это внутренняя структура языков, или сравнительная грамматика, которая нам даст новые разгадки происхождения языков...». Цит. по: *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 304.

финно-угорской (уральской) прародины, стимулировало поиски новых методологических подходов, что нашло отражение в научном творчестве многих ученых рассматриваемой эпохи.

В России первые десятилетия XIX в. стали временем не просто патриотического подъема, но и попыткой создания нового образа империи, стремящейся выработать адекватную времени идеологию, учитывающую настроения интеллигенции¹⁰³. В плане реализации научной политики эта линия нашла свое отражение в деятельности графа С.С. Уварова, долгое время бывшего министром народного просвещения и президентом Санкт-Петербургской Академии наук¹⁰⁴. Уваров, наряду с выдвижением знаменитой идеологической триады «православие – самодержавие – народность», существенно улучшил материальное положение Академии наук и обновил кадровый состав, пригласив на службу ряд прогрессивно мыслящих и активно публикующихся европейских ученых¹⁰⁵. Среди них был эстляндский уроженец, сделавший науч-

¹⁰³ Влияние интеллигенции на формирование общественного мнения страны особенно усиливается в первой половине XIX в. в связи с распространением в России периодической литературы. В частности, сам термин «этнография» в широкой печати впервые начал использоваться в «Сибирском вестнике» (1824 г.), в «Московском телеграфе» (1825 г.) и в «Северном архиве» (1826 г.). См.: *Токарев С.А.* История русской этнографии (Доктябрьский период). М., 1966. С. 185. Что касается сферы этнографического финно-угроведения, то редкий из полевых исследователей не был активным сотрудником-корреспондентом какой-либо газеты или журнала. Например, А.И. Шёгрен воспитанный на манифестациях туркуских романтиков, звучавших со страниц журнала «*Mnemosyne*», в ходе экспедиции по России, регулярно информировал соотечественников и всех заинтересованных читателей о своих поисках финских древностей и родственных народов при помощи туркуской газеты «*Åbo Tidningar*» и столичных «*Journal de St. Pétersbourg*» и «*St. Petersburgische Zeitung*». О сибирских путешествиях М.А. Кастрена финнам было известно благодаря публикациям в газете «*Saima*», издаваемой его другом, теоретиком финского национального движения И.В. Снельманом. В случае с А. Регули, читающая венгерская публика узнала о полевых исследованиях своего соотечественника в Финляндии и Лапландии из сообщения, опубликованного в журнале Ф. Толди. Кроме того, в 1842 г. именно статья академика К.М. Бэра в «*St. Petersburgische Zeitung*», о научных планах Регули, написанная в сопоставлении с экспедиционной работой другого венгра, искавшего прародину своего народа – А. Чома де Кереша, в значительной мере обратила на молодого исследователя внимание российского академического и аристократического сообщества.

¹⁰⁴ См., например: *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.

¹⁰⁵ См.: *Хартанович М.Ф.* Ученое сословие в России. Императорская Академия наук второй четверти XIX века. СПб., 1999.

ную карьеру в германских исследовательских институтах, последователь И.Ф. Блюменбаха антрополог и физиолог К.Э. фон Бэр (в России – Карл Максимович Бэр), которому суждено было внести существенный вклад в развитие теории и практики этнографии в России¹⁰⁶. Будучи убежденным представителем точки зрения, согласно которой неминуемо надвигающаяся волна социальной и технологической модернизации захлестывает все большие пространства ойкумены, стирая уникальные и единично встречающиеся произведения культуры, академик Бэр, возглавивший в 1845 г. отделение этнографии РГО, выступал с настоятельными призывами к современникам изучать уходящую натуру¹⁰⁷.

Примечателен в этом отношении основной тезис программного выступления Бэра на одном из первых заседаний отделения 06.03.1846 г., когда он отметил, что «Вследствие распространения просвещения народы исчезают, и остаются одни имена их», и именно в Российской империи сбор материалов по народной культуре приобретает особую важность, так как «Все, что удастся еще сохранить будет иметь большую цену, и поэтому все, что сделает этнография, сохранится на долгое время»¹⁰⁸. По мнению Бэра, первостепенное внимание должно было уделяться малочисленным народам империи, стоящим на грани исчезновения, аккультурации и ассимиляции, в связи с изменениями среды обитания и традиционного природопользования. По-видимому, на этнографические взгляды Бэра серьезное влияние оказали идеи И.Г. Гердера и А. фон Гумбольдта, в частности, представление об историческом процессе, как о части всеобщего естественно-географического процесса и о зависимости тех или иных исторических явлений от конкретных экологических условий рассматриваемого региона¹⁰⁹. Нерусские народы Прибалтики, Урала и, особенно Сибири, таким образом, находились в фокусе его организационных усилий. Очевидно, что и финно-угры интересовали Бэра в качестве одного из исторических примеров народов, чья этничность находилась под угрозой. Так, по его мысли, длительное время взаимодействуя с более крупными и динамично развивающимися народами, западные-финны (ливы, кревинги, водь и ижора), а также их обско-угорские и дальние самодийские родственники постепенно утрачивали черты традиционной культуры в

¹⁰⁶ *Райков Б.Е.* Карл Бэр – его жизнь и труды. М.; Л., 1961; Карл Бэр и Петербургская Академия Наук. Л., 1975.

¹⁰⁷ См., подробнее: Переписка Карла Бэра по проблемам этнографии. Л., 1970.

¹⁰⁸ *Бэр К.М.* Об этнографическом исследовании // Записки РГО. 1846. Кн. 1. С. 93.

¹⁰⁹ *Степанов Н.Н.* РГО и этнография // Советская этнография. 1946. № 4. С. 187.

условиях изменяющейся социальной и природной среды обитания¹¹⁰. Сотрудничая с финно-угроведами старшего поколения А.И. Шёгреном и П.И. Кёппеном, Бэр одновременно поддерживал более молодых энтузиастов науки – своего земляка Ф.И. Видемана, венгра А. Регули и финна М.А. Кастрена, пытаясь использовать их полевые наработки в своих теоретических размышлениях и планах¹¹¹.

Еще одним важным моментом в формировании легитимного образа этнографии стало дальнейшее развитие «вещеведческого» направления. Коллекции артефактов, собранных в ходе академических экспедиций XVIII в., преимущественно в Сибири, были дополнены исследователями в рассматриваемый период, несмотря на явный приоритет устно-поэтических и топонимических материалов. Экспозиционная перспектива и научная интерпретативность предметов быта изучаемых народов подчеркивалась в те годы академиком Бэром, специально структурировавшим в этом отношении полевых исследователей¹¹². Значительный вклад в музеефикацию предметов материальной культуры провел А.И. Шёгрэн, занимавший пост директора Этнографического музея Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (ныне МАЭ им. Петра Великого РАН) и добившийся выделения специальных

¹¹⁰ См., например: *Tammiksaar E. The contribution of K.E. von Baer to the investigation of small nations in the Russian Empire in the 19th century // Research and Identity. Non-Russian Peoples in the Russian Empire 1800–1855. Kouvola, 2006. P. 43–44.*

¹¹¹ Одной из приоритетных задач российской этнографии К.Э. фон Бэр считал создание нового сводного исследования о народах империи, поскольку сведения, собранные академиками XVIII в. и обобщенные в монографии И.Г. Георги, уже во многом устарели и требовали ревизии, поэтому было решено в самое непродолжительное время составить как можно более полное описание различных народов, населяющих Россию. Для этого было необходимо критически разобрать ранее собранные материалы и добавить к ним новые, для получения которых следовало направить экспедиции в те местности, где ощущался наибольший недостаток в этнографических сведениях. Однако решить эту задачу в задуманном масштабе не удалось по причине прихода к руководству отделением этнографии «русской партии» во главе с Н.И. Надеждиным, выступившим в 1847 г. с программным докладом о приоритете изучения русского народа и славянских народов, подчеркивавшим, что «...главным объектом внимания должен быть человек русский, главным исследованием – этнография русская». См.: *Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки РГО. 1848. Кн. 2. С. 67; Найт Н. Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855. // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 166–174.*

¹¹² См.: *Бэр К. Собрания этнографических предметов // Географическая известия. 1848. Вып. 2. С. 35–43.*

средств для приобретения образцов материального быта исследуемых народов в ходе Сибирской экспедиции М.А. Кастрена¹¹³. Сам же Кастрен, приобретая образцы одежды и предметов быта сибирских народов, по-видимому, осознавал их ценность не только как раритетов и экзотических иллюстраций своему путешествию, но и задумывался об идентифицирующей способности артефактов, их влиянии на этнический идентитет, а также рассматривал их в качестве возможного средства для проведения этнографических реконструкций¹¹⁴. Собираательские интересы А. Регули проявились уже в ходе первых поездок по Финляндии, когда он приобрел несколько образцов крестьянской одежды и бытовых предметов, экспонировавшихся в 1847 г. в помещении Венгерской Академии наук, после его возвращения на родину, вкупе с обско-угорскими вещами и другими приобретениями, сделанными на Урале и в Западной Сибири¹¹⁵. Время научной систематизации предметного мира финно-угров придет вместе с новой эпохой, когда типологический метод позволит применить эволюционную концепцию к сфере материального и развить этнографическое музееведение.

Специфика романтического метода, опирающегося на творческий субъективизм автора-исследователя, была реализована в области этнографического финно-угроведения путем умножения прежних достижений новыми методиками, по-прежнему не исключающими критического анализа источникового материала¹¹⁶. Вопросы методики полевых исследований в наибольшей степени проявились в инструктивных документах ученых, отправляющихся в экспедиции. В качестве примера рассмотрим инструкции, к составлению которых имели отношение три знаковых фигуры в истории финно-угорских исследований первой половины XIX в., академики А.И. Шёгрэн и П.И. Кёппен, а так же нахо-

¹¹³ Терюков А.И. А.И. Шёгрэн как директор Этнографического музея // Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993. С. 13.

¹¹⁴ См., подробнее: *Lehtinen I. A la mémoire de Mathias Alexandre Castrén* // *Studia Orientalia*. 2003. Vol. 97. P. 141–153.

¹¹⁵ *Kodolányi (jr.) J. Finnish Ethnography in Hungary* // *Friends and Relatives. Finnish-Hungarian Cultural Relations*. Budapest, 1985. P. 99.

¹¹⁶ Романтическое отношение к истории, безусловно, предполагало использование в исследовании таких критериев как индивидуальность в интерпретации фактов и особенность рассматриваемых событий, что противоречило установкам зарождающегося в эти же годы позитивизма. Вместе с тем, романтики были солидарны с позитивистами в понимании того, что именно идеи правят миром, не отказывая в методическом отношении статистическим и вполне материальным (вещеведческим) аналитическим практикам. См. подробнее о позитивизме: *Маркова Л.А. Наука. История и историография XIX–XX вв. М., 1987. С. 18–28.*

дившийся в то время в сибирской экспедиции Кастрен¹¹⁷. Сравнительный подход в региональном (ареальном) измерении являлся ключевым пунктом полевой работы. Это продекларировало принципиальный отказ от огромных по протяженности и продолжительности маршрутных экспедиций классического периода в пользу более сконцентрированного во времени и пространстве исследования, заранее определенной территории. При этом «...выбор главных точек его временного пребывания должно преимущественно зависеть от известий, которые г. Кастрен получит на месте от сведущих лиц, и особенно от самих инородцев, ...равно и от других местных обстоятельств»¹¹⁸. Второй пункт предполагал подтверждение, либо опровержение ранее сделанных открытий и выдвинутых гипотез, получивших резонанс в научной печати. В данном случае Академию наук остро волновал вопрос о достоверности сведений, собранных немецким ориенталистом Ю. Клапротом в его получившем широкий научный резонанс труде «*Asia Polyglotta*», а также материалов русских чиновников и миссионеров¹¹⁹. Дополнительной мотивацией этнографических поисков являлось постепенное исчезновение некоторых народов Сибири, еще не изученных с помощью научного метода, в результате миграций и ассимиляции. Определенный пессимизм звучит в шёгреновской сентенции о том, что «...едва ли теперь можно ожидать богатой жатвы древностей», но это не умаляет поставленной высокой цели: «...продолжительное его пребывание в одной и той же стране и постоянное обращение с ее первобытными обитателями... много будет способствовать ему к исполнению вообще желаний Академии и в особенности относительно Древностей и Истории, и вместе с тем эти самые обстоятельства представят ему возможность наилучшим образом достигнуть этнографической цели»¹²⁰.

Инструкция поясняет, что понимается в качестве методического подхода: «Академия желает, чтоб он избрал главным предметом своей деятельности изучение языков и значительнейших наречий всех народов, кочующих на помянутых выше пространствах... Где есть народные песни, там г. Кастрену поручается заняться их записыванием и собиранием: потому что оне составляют, так сказать, единственную,

¹¹⁷ Общая инструкция г. Кастрену по поводу поручения ему Академиею исследования Северной и Средней Азии в этнографическом и лингвистическом отношениях, составленная Академиком г. Шёгренем; Дополнительная инструкция г. Кастрену, составленная Академиком Кеппеном // Журнал министерства народного просвещения, 1845. Ч. 47. Отд. 2. С. 101–113; 114–128.

¹¹⁸ Общая инструкция г. Кастрену по поводу поручения ему Академиею исследования Северной и Средней Азии... С. 104.

¹¹⁹ *Klaproth J. Asia Polyglotta*. Paris, 1823.

¹²⁰ Общая инструкция г. Кастрену... С. 112–113.

хотя и не письменную Литературу необразованных народов, и кроме того в историческом отношении имеют большую цену. По тем же причинам особенно важны поговорки; далее – названия, которые употребляют эти народы для себя и для своих соседей, по мере географических своих познаний, в сравнении с Русскими. ...По возможности соберет надежные сведения о местных названиях стран и находящихся в них всякого рода поселений... Сюда же принадлежат и общие известия о климате и зависящих от оного условиях растительности... В отношении историческом г. Кастрен должен обращать внимание на встречаемые еще между самими народами предания о их происхождении и древности. Предания эти могут иметь содержание общее, или относиться к некоторым местностям и к существующим поныне памятникам, как то: надписям, развалинам древних укреплений или селений, курганам и проч.»¹²¹. Указание снимать копии с древних надписей и петроглифов, изучение антропологических особенностей, быта, одежды, обрядов и обычаев, степени образования и мнений в отношении веры, в частности мифологических изысканий, дополняют общую канву инструкции.

Важным дополнением к наставлениям академика Шёгрена стали пожелания П.И. Кёппена, который определил их область как «политическую антропологию». Обращая внимание путешественника на нормативные документы, регулирующие деятельность туземного управления как важный источник по этнодемографии Восточной Сибири, он просит Кастрена зафиксировать, к какому образу жизни склоняются народы изучаемого региона, выделяя, если можно так выразиться, хозяйственно-культурный тип каждого этноса. При этом академик допускает возможность эволюции традиционного уклада, когда пишет, что «...весьма легко может быть, что какой-нибудь народ с низшей ступени образования поднялся уже на высшую»¹²². Собираение и последующее изучение топонимического материала, особенно гидронимов, по мысли автора инструкции, должно внести ясность в вопросы происхождения и миграций народов края. Уделяя много времени занятиям этнографической картографией и этностатистикой, Кёппен был весьма заинтересован в уточнении основных кочевий и численности местных племен. Рассматривая в рамках выделенного региона проблемы аккультурации и межэтнических контактов, он серьезно продвинулся в методологии, о чем свидетельствует ряд его публикаций, сделанных в области финно-угорских исследований¹²³. Так, работая в свое

¹²¹ Общая инструкция г. Кастрену... С. 110–111.

¹²² Дополнительная инструкция г. Кастрену, составленная Академиком Кёппеном. С. 115.

¹²³ См.: Мезин П. Финно-угорский мир на карте П.И. Кёппена и в его научных исследованиях: этапы, проблемы и методы аккультурации // Финно-угроведение. 1999. № 2–3. С. 53–54.

время над этнографической картой Санкт-Петербургской губернии и пояснительной запиской к ней, академик Кёппен предложил совместить предельно выверенное этнографическое и статистическое описание с четкой картографической фиксацией выявленного культурного материала, что, по сути дела, можно рассматривать как идею создания в будущем локальных, региональных и сводных историко-этнографических атласов. Возглавляя отделение статистики Императорского РГО, Кёппен собрал богатый источниковый материал, в том числе по финно-угорским народам Поволжья, Прибалтики, Ингерманландии и Финляндии, подготовив первую этнографическую карту европейской части России, дополненную статистическими таблицами с разделением этнических групп по губерниям¹²⁴. Таким образом, в первой половине XIX в. методологическое обоснование этнических исследований в России приобрело явную тенденцию к совмещению романтической мотивации с прагматическими задачами полевого изучения народной культуры, что найдет дальнейшее продолжение в определении собственного предмета этнографии/этнологии.

Идея героя-одиночки: Трудность совмещения дерзновенной максималистской мечты с реалиями общественного бытия стала главной проблемой романтического сознания и личной драмой многих европейских интеллектуалов первой половины XIX в. Стремившиеся стряхнуть с себя бремя земных цепей, утвердить свободу творческой личности, которая станет в ранней романтической идеологии мерой всех вещей и источником изменений, героические индивидуальности, прокладывающие собственный путь, вынуждены были с горечью обнаружить, что в жизни невозможно до конца пренебречь законами государства и моралью общества. Словом, идеал и действительность, мечта и реальность – это вечная оппозиция приобретает у романтиков особую остроту именно в силу того, что они с самого начала «вознеслись слишком высоко», возомнив себядемиургами, утратив «чувство середины»¹²⁵. Тем тяжелее им было убеждаться во власти необходимости, когда власть и деньги диктовали свои условия, превознося конформизм

¹²⁴ Кёппен П.И. Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1852; Красникова О.А. Об истории создания «Этнографической карты Европейской России» // Из истории Санкт-Петербургской губернии: Новое в гуманитарных исследованиях. СПб., 1997; Цейтлин Р.М. Кёппен Петр Иванович // Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979.

¹²⁵ «Романтическое двоемирие», понимаемое в качестве разрыва между идеалом и действительностью, неоднократно подчеркивалось исследователями, отмечавшими, что романтический идеал – это нечто совершенное и прекрасное, при этом таинственное и непостижимое, тогда как действительность представлялась явлением преходящим, нередко утратившим изначальные духовные ценности.

и законопослушную посредственность. В противовес, составляющая основу романтического движения образованная разночинная молодежь, не замыкалась на философических умствованиях, пытаясь придать своим исканиям общественное звучание, воспитывая в себе качества будущих лидеров революционного типа, не зависимо от того касалась ли их деятельность политической борьбы или научной работы.

Политические изменения, произошедшие в Европе в период наполеоновских войн, позволили романтикам преодолеть свой индивидуализм, хорошо показанный в литературе в примере «байронического героя», подключившись к устойчивой общности, получив мощный стимул в чувстве патриотизма, сопричастности к жизни народа и его истории¹²⁶. Это общее движение можно охарактеризовать как возвращение с высот идеальных мечтаний и умозрительных построений на землю, в объективный мир¹²⁷. При этом возвращение к почвенным ценностям рассматривалось романтиками как этическая необходимость, как нравственный долг. Обращение к «народной идее», к народному творчеству, к традициям живой старины, к утраченной прежде истории и, в конечном счете, к нацистроительству было присуще романтическому сознанию финно-угроведов.

Как представляется, дух времени и творческая индивидуальность ученых-пионеров нашли свое отображение в использованной романтиками литературной форме путевого дневника, как нельзя лучше передающего высокую степень эмоциональной окрашенности совершаемых изысканий и наблюдений. Близкую дневникам специфику имеют личные письма исследователей, которые, кроме того, что они автобиографичны по своей

Постулируя теоретические позиции романтического историзма, Ф. Шлегель писал: «...универсум нельзя ни объяснить, ни постичь, но лишь открыть и созерцать». Цит. по: *Шлегель Ф. Идеи // Литературные манифесты западноевропейских романтиков*. М., 1980. С. 61; См., также: *Карельский А.В. Повесть романтической души // Немецкая романтическая повесть*. М., 1977. С. 7–9.

¹²⁶ Одиночество часто воспринималось романтиками как неизбежная плата за противопоставление себя мнению большинства. Так и ученые, оставаясь один на один с бесконечностью пройденных расстояний и вечностью, проглядывающей из под открытых памятников и свидетельств прошлого, порой погружались в меланхолию. Но все та же вечность и бесконечность творимой ими истории призывала их к жизни и борьбе, доказывая, что и один человек воин. Поэтому, возникавшие время от времени в текстах А.И. Шёгрена, М.А. Кастрена и А. Регули пессимистические нотки, довольно быстро сменялись удвоенной уверенностью в правильности сделанного выбора и благородстве избранной цели. См., например: *Зыкова Е.П. Романтическое странствие как проклятие: путь в никуда // Романтизм: вечное странствие*. М., 2005. С. 51.

¹²⁷ *Wooding C. Politics in English romantic poetry*. Cambridge, 1970. P. 126.

природе, часто диалогичны по форме изложения¹²⁸. Как следствие, повествовательные моменты в личной корреспонденции этнографов часто сопровождаются не менее информативными для историографов полемическими отступлениями. Так, А.И. Шёгрэн, М.А. Кастрен и А. Регули выступают в своих текстах не отстраненными зрителями, фиксирующими те или иные яркие и запоминающиеся аспекты народной жизни, они восхищаются, ужасаются и, нередко, скорбят об увиденном. Вместе с тем, они, каждый по-своему, воспринимают разворачивающуюся вокруг них реальность, сложно преломляя ее через призму своих изначальных установок, поэтому сухая информативная составляющая их полевых записей, часто уравнивается лирическим стилем изложения, с помощью которого повествователь передает свое личное отношение ко всему привлекающему его внимание¹²⁹. Путевой дневник в этом случае становится наиболее удобной формой закрепления собственного опыта, наскоро перенесенного на бумагу, в надежде по возвращению домой реализовать его в большом, серьезном научном произведении. Однако, далеко не всем посчастливилось лично обработать свои полевые дневники. Из наших героев, наверное, лишь Шёгрэн имел возможность вновь и вновь обращаться к накопленным в пути богатствам, щедро делясь ими с другими, прекрасно осознавая, что при жизни ему не освоить и десятой доли собранного. Кастрен умер, даже не приступив по большому счету к обобщению своих материалов, и знакомство читателей с его дневниками стало заслугой академика А. Шифнера, под редакцией которого путевые записки и отчеты финского путешественника были опубликованы Санкт-Петербургской Академией наук. Не менее сложной оказалась судьба научного наследия Регули, когда болезнь не позволила ему лично заняться расшифровкой полевых записей, он доверил эту работу новым поколениям венгерских финно-угроведов. Вместе с тем, необходимо отметить, что дневниковый текст, обретающий в результате строгой редакторской обработки форму научного сочинения, в большинстве случаев не утрачивает личностного начала, легендируя в веках авторские взгляды и мнения¹³⁰.

С точки зрения истории науки, исследовательская и общественная деятельность, и даже некоторые аспекты личной жизни пионеров этнографического финно-угроведения, как нельзя лучше подходили для формирования образа героического первопроходца¹³¹. Даже скрываясь за внешней строгостью стиля и лаконизмом передачи внутренних переживаний,

¹²⁸ *Djupedal K.* Personal letters as a research source // *Ethnologia Scandinavica*. 1989. Vol. 19. P. 51.

¹²⁹ *Гречаная Е.П.* Путевой дневник как форма самосознания // *Романтизм: вечное странствие*. М., 2005. С. 310–311.

¹³⁰ См.: *Spenser P.* Automythologies and the reconstruction of ageing // *Anthropology and autobiography*. London, 1992. P. 50–63.

А.И. Шёгрен своими текстами, опубликованными в финляндских, российских и немецких журналах, смог заинтересовать многих современников поисками «чуждских древностей» и народной поэзии финнов. Ему же принадлежит заслуга введения в финно-угорскую историографию фигуры неустрашимого путешественника, и в лютый мороз, и в зной идущего к свету народной истории. Литературные таланты М.А. Кастрена, отразившиеся на страницах его путевого дневника и в письмах друзьям, где-то с юмором и иронией, а местами с подлинным трагизмом, передали потомкам сложную гамму чувств человека твердо знающего свою цель, но далеко не всегда уверенного в собственных силах преодолеть трудности встреченные на пути¹³². Сто раз на дню умирая и воскресая, оставив надежду когда-либо обрести покой и «нормальную» жизнь, за короткий срок, отпущенный герою, необходимо было сделать то, чтобы было задумано и, по сути дела, предreshено¹³³. Подобно А. Регули, в одиночку пройти тысячи верст, часто не веря в реальность завтрашнего дня, и может быть заплатить тяжелую дань разочарованию в подлинности собственных находок. Шумный успех, овации и общественное признание, столь желаемые поначалу, оборачивались, душевной пустотой и неудовлетворенностью, когда покинутые дикие тундры казались роднее восторженных аудиторий. Но только так мог родиться биографический миф о великом первопроходце, без которого невозможно было бы дальнейшее развитие науки.

¹³¹ Неслучайно редактор журнала «Современник» П.А. Плетнев, вдохновленный рассказами профессора русского языка Гельсингфорского университета Я.К. Грота о героической собирательской деятельности Э. Лённрота, советовал своему другу: «На твоём месте понемногу я умудрился бы составить и напечатать совершенно в небывалом роде характеристику Лённрота, да такую, чтоб она изумила европейцев...». Цит. по: *Конкка У.* Дело всей жизни // Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. Петрозаводск, 1985. С. 5; См., также: Письма Э. Лённрота к Я.К. Гроту // Сто лет полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950. С. 198–212.

¹³² М.А. Кастрен писал из экспедиции академику Шёгрену: «Сегодня врач произнес надо мной смертный приговор. Легочная чахотка – вот болезнь, которая съела мозг костей и продолжает уничтожать его с огромной жадностью. И вот я стал разбитым человеком на весне моей жизни. Отныне могила будет той целью, куда направляются мои шаги. Я не стану скрывать, что я предпочел бы окончить свои дни в кругу моих друзей и родственников, если бы силы позволили добраться до родины. Но в конце-концов, мне мало важно, где будут гнить мои кости, зато я никогда не унесу в могилу упрека, что я взял у Академии субсидию, сознавая свою неспособность окончить работу». Цит. по: *Богораз В.Г.* Кастрен – человек и ученый // Памяти М.А. Кастрена: К 70-летию со дня смерти. Очерки по истории знаний – II. Л., 1927. С. 3–4.

¹³³ *Ранк О.* Миф о рождении героя. М., 1997. С. 167–168.

А.И. Шёгрэн: в поисках финно-угорского Севера

Национальное пробуждение финнов как культурный проект, затронувший многие финно-угорские народы России, безусловно, имел глубокие внутренние причины и коллизии, связанные с борьбой интересов и политических пристрастий его основных исполнителей. Вместе с тем, для легитимации национальных идей необходимо было их обоснование строгими результатами научных исследований. Экспедиции, дискуссии, диссертации и книги профессиональных ученых, в этом случае становились частью общего процесса обретения нацией самой себя. Но прежде всего, люди науки должны были разделять те идеалы, что будоражили общество, иначе говоря, чтобы находить, нужно было верить в возможность находки. Романтизм в качестве философии и творческого метода как нельзя вовремя пришел в среду финляндской интеллигенции, еще до конца не верившей в открывшиеся перед страной перспективы после Боргоского сейма 1809 г., когда сам император заговорил с ними о нации¹.

Создание национальной истории оказалось нелегким и, что немало важно, довольно длительным процессом. Для начала требовалось окончательно распрощаться с наследием «мифологической историографии», возводящей происхождение народа непосредственно к библейским праотцам и великим героям классической древности, а также, что порой было сложнее, отбросить нигилистическое отношение к ценностям простонародной культуры. Далее необходимо было приступить к созданию национальной мифологии и культурных символов, базирующихся на реальных доказательствах существования собственной истории среди ныне живущих и исчезнувших народов. На этом пути не стоило бояться применения инновационных методов исследования и привлечения данных, ранее считавшихся недостойными, а поскольку письменные источники были часто запутаны и фрагментарны, лучше всего было использовать источники комплексно, отдавая приоритет устным произведениям народа. Затем следовало продемонстрировать себе и всему миру уникальные произведения народной культуры, ставящие их в один ряд с выдающимися произведениями человеческого гения. Популяризация национальных ценностей с помощью печати, их трансляция через систему образования могли привести к широкому распространению нового мировоззрения в массах. Однако реализация этой, описанной в нескольких предложениях программы зависела, прежде всего, от самоотверженного труда людей, знающих, что, скорее всего, им не увидеть всего задуманного, но безотносительно личной славы и успе-

¹ *Kemiläinen A. Nationalism in Nineteenth Century Finland // Miscellanea. Studia Historica. 1989. Vol. 33. P. 105.*

ха, готовых идти по сложному пути конфронтации, временных уступок и поражений к главной цели – формированию у своего народа национального идентитета и поддерживающей его национальной культуры.

Судьба энтузиастов национальной идеи в Финляндии складывалась по-разному, но имела и сходные черты, например: А.И. Арвидссон был вынужден эмигрировать, К.А. Готтлунд и И.В. Снельман также подолгу жили вдали от родины, М.А. Кастрен большую часть отпущенного ему земного времени провел в экспедициях, но удивительно, что территориальная удаленность не была для них непреодолимым препятствием в избранном деле². В этом отношении редкий пример служения родине представляет жизнь и научная работа А.И. Шёгрена, первым выведшим финские исследования в «российское поле», собрав огромный документальный, лингвистический и устно-исторический материал, легший в основу современного финно-угроведения. Понимая, насколько еще была слаба национальная наука и как она нуждалась в интеллектуальной и материальной поддержке, он стал ее представителем в Санкт-Петербургской Академии наук³. Приняв официальную должность на государственной службе, Шёгрэн оказался в сложном положении человека, обязанного отражать имперскую линию, что отринуло от него некоторых прежних друзей и знакомых, но личные обиды не изменили патриотической направленности его помыслов и трудов. Служение интересам родины можно было осуществлять, сотрудничая с властями, убеждая их в своей лояльности, делая их своими союзниками, добиваясь понимания, или, по крайней мере, не препятствования исследовательским инициативам.

Андерс Иоганн (финск. Антти Юха, русск. Андрей Михайлович) Шёгрэн (1794–1855) родился в д. Ситиккала прихода Иитти/Итис, расположенного неподалеку от г. Ловииса/Ловиза в юго-восточной части Финляндии. Будучи единственным сыном бедного сапожника, он с малых лет был привычен к тяжелому труду, а порой, и к голоду. К удивлению отца, предполагавшего передать сыну семейное дело, юный Шёгрэн стал завзятым книгочеем, заучившим наизусть весь катехизис⁴. Видя такое прилежание, местный пастор взялся обучить его

² Об историко-культурном контексте эмиграции и жизни вдали от родины в романтический период см.: *Сапрыкина Е.Ю.* Отступить, чтобы приблизиться // Романтизм: вечное странствие. М., 2005. С. 239–242.

³ См.: Ежегодные Российско-Финляндские гуманитарные чтения «Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. К 200-летию со дня рождения». СПб., 1993; *Haltsonen S.* Die Selbstbiographie von A.J. Sjögren // *Studia Fennica*. 1961. Vol. 9.

⁴ *Шёгрэн А.М.* // Русский биографический словарь. СПб., 1911. Т. 15. С. 29–30; *Anttila L. A.J. Sjögren – aikalaisemme menneisyydestä.* Kouvola, 1995; *Branch M. A.J. Sjögren – iittiläinen perinteentutkija.* London, 1989.

шведскому языку, что было неременным условием для продолжения образования. Поступив в городскую школу, Шёгрэн довольно скоро стал одним из лучших учеников, но приобрел памятное увечье от традиционных игр школяров, почти лишившись зрения на правый глаз.

Успехи в учебе, скрашивая нищету, позволили юному Шёгрэну поступить в гимназию г. Порвоо/Борго, где он смог освоить немецкий и французский языки, а также к удивлению товарищей заняться изучением русского, поскольку понял, что с изменением политического статуса Финляндии, это знание может стать залогом будущей карьеры. Став в 1813 г. студентом-гуманитарием Туркуского университета, он окунулся в мир науки и романтических грез, как и многие его однокашники по «выборгскому землячеству», среди которых были будущие классики финской литературы, собиратели фольклора и популяризаторы национальной идеи – А.И. Арвидссон, К.А. Готтлунд и А. Поппиус⁵. Поэтому неслучайной кажется дневниковая запись Шёгрэна 1814 г.: «Мы дали друг другу клятву и скрепили ее рукопожатием, что, следуя заветам Гердера, будем всеми силами разыскивать и собирать духовные памятники предков, касается ли это народной поэзии, сказок и всего, что может принести пользу при изучении нашего прошлого»⁶. «Финская мифология» К. Ганандера, «Адрастея» И.Г. Гердера придали его исследовательской мысли фольклорно-этнографическую направленность, и уже в 1816–1817 гг., он осуществил свои первые выходы в «поле», собирая образцы народной словесности в финских приходах Ингерманландии⁷. Поездка в Санкт-Петербургскую губернию подсказывала, что и в других областях империи можно ожидать открытия родственных финнам культур. Одним словом, идея теперь уже большого путешествия, в поисках народов «чуждого корня» вскоре полностью овладела помыслами молодого ученого. Еще более в своем выборе Шёгрэн укрепился под влиянием переписки с выдающимся датским лингвистом Р.К. Раском, который на пути в Россию, Персию и Индию, останавливался на некоторое время в Турку/Або, чтобы собрать финс-

⁵ Так, в своей магистерской диссертации «Исторический очерк о характере средневекового романтизма» А.И. Арвидссон критиковал просветителей, обвиняя их в метафизичности мышления, в утилитарном подходе к искусству, в непонимании народных истоков культуры, доказывал, что самобытная культура простого народа вполне сопоставима с античной культурой, на которую ориентировались ученые XVIII века. См.: *Arwidsson A.I. Tutkimuksia ja kirjoitelmia*. Helsinki, 1909. S. 1–26.

⁶ Цит. по: *Haltsonen S. A.J. Sjögren ja kansatietous // Kalevala seuran vuosikirja*. 1956. Vol. 36. S. 207–208.

⁷ *Branch M. A.J. Sjögren studies of the North // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1973. Vol. 152. P. 36–38.

кие языковые материалы⁸. Теперь было необходимо, следуя наставлениям Х.Г. Портана, выйти на российские просторы, на Север, для поиска древней прародины финнов.

Весной 1820 г., после стажировки в Упсале и защиты ученой степени, А.И. Шёгрэн прибыл в столицу империи, поступив воспитателем в дом недавно назначенного лютеранского епископа Ингерманландии З. Сюгнеуса⁹. Должность вполне позволяла ему заниматься совершенствованием языковой и историографической подготовки, но бедность, казалось, не оставляла никаких шансов для самостоятельной полевой работы. С помощью земляка, историка А.И. Гиппинга, работавшего в Санкт-Петербурге по приглашению графа Н.П. Румянцева, а также в результате длительной переписки графа с членами консистории Туркуского университета, меценату стало известно о планах Шёгрена, столь удачно совпадающих с его собственными¹⁰. Но прежде, было необходимо пройти своеобразный экзамен на соответствие румянцевской «ученой дружине» и в 1821 г. Шёгрэн пишет свою первую научную работу «О финском языке и литературе», которая стала, по сути дела, отправной точкой его путешествия и одновременно программным заявлением ученого. Молодой Шёгрэн пишет: «Только тогда, когда русские и финны будут совместно работать на благо их общего отечества, можно надеяться на то, что их исторические исследования будут отличаться большей проницательностью и широтой кругозора. Только тогда можно будет изучить живущие в России финские племе-

⁸ В 1818–1819 гг. Р.К. Раск подразделил все известные ему языки «финской семьи» на три группы: Финскую (языки финнов, эстонцев, саамов, марийцев и мордвы); Югорскую (венгерский, мансийский, хантыйский языки) и Биармийскую (коми, коми-пермяцкий, удмуртский языки). Кроме того, отказавшись от прежней практики сопоставления и созвучия отдельных слов, Раск сформулировал ряд грамматических, фонетических и морфологических признаков отделяющих финно-угорские языки от тюркских и индоевропейских, что выводило сравнительную финно-угорскую лингвистику на новый методологический уровень. См., подробнее: *Stipa G.J. Finnisch-Ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1990. Vol. 206. S. 242–243; Кузьменко Ю.К. Лингвистическая концепция Расмуса Раска // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. Л., 1984. С. 25.*

⁹ *Флинк Т. По волнам нашей памяти: о становлении национального самосознания ингерманландских финнов в XIX и начале XX века // Studia Slavica Finlandensia. 2002. Tom. 19. С. 48–49.*

¹⁰ *Терюков А.И. Петербург и финская наука // Санкт-Петербург – Хельсинки. Хельсинки – Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2004. С. 24; Haltsonen S. Antti Juhana Hippingin tutkielma kirjallisuudesta v. 1820 // Suomen kirkkohistoriallinen vuosikirja. 1955–1957. Vol. 47. S. 150–163.*

на, сравнить их с точки зрения языка и обычаев с собственно финнами и выяснить их отношения как между собой, так и с русскими»¹¹. Не стоит удивляться той декларации взаимной приязни между представителями центра и окраины, что царит в тексте статьи. В первые годы автономии в среде финляндской интеллигенции, особенно финского происхождения, были сильны пророссийские и монархические настроения. Так, первый финляндский архиепископ Я. Тенгстрём в письме графу Румянцеву отмечал: «Я с полным основанием надеюсь, что история Финляндии, пока еще столь мало изученная, получит новые богатые сведения, благодаря мемуарам и произведения русских авторов, которых до сих пор у нас не было достаточно, и что будущие исследователи финской истории будут всегда бесконечно признательны Вашему превосходительству за предоставленные им в таком изобилии источники для новых исследований древностей своей родины»¹².

В 1822 г. став библиотекарем графа, А.И. Шёгрэн продолжал усердно заниматься русским языком, изучением древнерусских летописей, чтением работ В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина. Но самое главное, он приступил к поискам материальной поддержки для своей главной цели – специальной экспедиции к финно-язычным народам империи¹³. Приобретенные знакомства позволили ему обратиться к самому статс-секретарю по делам Великого княжества Финляндского и бывшему ученику Портана барону Р.Х. Ребиндеру, при содействии которого «Высочайше пожаловано доктору Шёгрёну на исследование Финских народов в разных Губерниях Империи, ежегодно по 3000 рублей ассигн., на два года» из средств Финляндского Сената¹⁴. Кроме того, Шёгрэн рассчитывал на открытое предписание министерства внутренних дел российской империи об оказании ему всестороннего содействия чинами местной администрации в тех губерниях, которые он предполагал посе-

¹¹ *Sjögren A.J. Ueber die finnische Sprache und ihre Literatur // Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Bd. 1. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St.-Petersburg, 1861. S. 7–8.*

¹² Цит. по: *Похлебкин В.В. Переписка Н.П. Румянцева с финляндскими учеными // Скандинавский сборник. 1962. № 5. С. 322–323.*

¹³ Наряду с русским и финно-угорскими языками, А.И. Шёгрэн в эти годы демонстрирует определенные ориенталистские интересы. В частности, он переводит на немецкий язык «Путешествие в Туркмению и Хиву» Н.Н. Муравьева и «Путешествие в Коканд» Назарова. Незадолго до отправления в экспедицию в немецкоязычном «Санкт-Петербургском журнале», Шёгрэн опубликовал рецензию на работу «Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit» известного востоковеда К.М. фон Фрэна. См.: Академик А.М. Шёгрэн // Журнал министерства народного просвещения. 1855. № 86. Отд. 5. С. 2–3.

¹⁴ Академик А.М. Шёгрэн. С. 3.

тить согласно предварительному плану путешествия. Кроме того, он возлагал надежды на многочисленные частные рекомендации влиятельным провинциалам от его петербургских знакомых и покровителей.

В экспедиции: 13 июня 1824 г. А.И. Шёгрэн начал свое путешествие с посещения Новгорода, где преимущественно работал с рукописями, хранящимися в книгохранилище Софийского собора. Как оказалось, в Новгородских архивах сохранилось немало документов отражающих ход миграционных процессов, имевших место в районе русско-шведской границы в период Смутного времени и после Столбовского мира 1617 г., когда большие группы православных карел, ижоры и води переселились на земли Новгородского и Тверского уездов, чтобы избежать лютеранизации. Затем путь его лежал в Карелию – древнюю страну рунической мудрости. Затем, он собирал материал по обе стороны административной границы России и Финляндии, на западе Олонецкой, на северо-востоке Выборгской и востоке Куопиоской губерний. Далее, через северо-западную Финляндию, Шёгрэн приехал в финскую Лапландию, обследовав ее от норвежской границы до Варангерфьорда на Белом море. Весной 1825 г., сделав своей промежуточной базой Петрозаводск, он изучал олонецкий диалект карельского языка и совершил ознакомительную поездку по хранилищам рукописей местных православных и раскольниковых монастырей¹⁵. Первоначально намереваясь добраться через северную Карелию до Каяни и Лаппмаркена, Шёгрэн, ввиду затянувшейся распутицы, вынужден был изменить свой маршрут, направившись водным путем по порожистым северным рекам в г. Кемь, откуда, пользуясь летним затишьем, прибыл в Соловецкий монастырь, посвятив время изучению монастырского архива. Осень и зиму он провел в странствиях по русской Лапландии, двигаясь вдоль западного и южного беломорского побережья вплоть до Архангельска и Мезени. Лишения дорожной жизни сказались на здоровье, и весной 1826 г. Шёгрэн вынужден был остановиться в Архангельске, где в течение лета приводил в порядок свои собрания. Казалось бы, на этом можно поставить точку, но он понимал, что поездки

¹⁵ На Валааме у А.И. Шёгрэна произошла знаменательная встреча с направленным в местный монастырь известным ученым-синологом и алтаистом о. Иакинфом (в миру Н.Я. Бичуриным), который с 1807 по 1822 гг. возглавлял православную миссию в Пекине. Не исключено, что его рассказы о Тибете и Монголии повлияли на решимость молодого ученого продолжить свое экспедиционное движение далее на Восток. См.: *Бернштам А.М.* Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. С. V–VI.

последних лет лишь только начальный этап пути в поисках финского Севера. По-видимому, близкое понимание сложилось и у кураторов Шёгрена, среди которых был академик Ф. Круг, по предложению которого финансирование экспедиции было продлено еще на два года. Осенью 1826 г. через Каргополь, захватывая восточную и южную части Олонецкой губернии и, самое главное, с новыми надеждами Шёгрэн отправился в Санкт-Петербург.

Анализируя достижения А.И. Шёгрена, сделанные в первый двух-летний период экспедиции, необходимо, прежде всего, отметить приобретенный им опыт полевой работы. Его увлечение народной поэзией получило теперь прекрасную возможность дополниться личными наблюдениями за патриархальным бытом карельской глубинки¹⁶. В ходе такой работы Шёгрэн сделал одно из самых важнейших своих открытий, отыскав для себя и для науки вепсов, связываемых им с потомками летописной «веси», оказавшейся волей истории на межозерной периферии Ладоги–Онеги–Белозера¹⁷. Шёгрэн писал: «...я открыл особое племя, доселе вовсе не известное ученым, и тем более заслуживающее внимания, что оно и поныне у соседственных россиян именуется чудью»¹⁸. Еще ранее будучи в Новгороде, он случайно услышал на улице карельскую речь. Проходившие мимо тверские карелы, его первые информанты, оказались потомками эмигрантов покинувших родные места после Ливонской войны и Смутного времени, и расселившихся на Валдае в пределах бывшего Тверского уезда. Так Шёгреном была открыта этническая группа ныне известная как «Тверские карелы»¹⁹. Если говорить о его работах в самой Карелии, то, по мнению ряда финских фольклористов, Шёгрэн был первым исследователем, открывшим здесь народную поэзию «калевальской метрики»²⁰. Ссылный русский поэт-декабрист Ф.Н. Глинка, вдохновленный рассказами Шёгрена, обратился к карело-финской тематике и написал свою «Петроза-

¹⁶ См., подробнее: *Киселева Т.В.* Карелы Олонецкой губернии в рукописном наследии А.М. Шёгрена // *Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиции и закон в жизни карел.* Петрозаводск, 2005. С.110–115.

¹⁷ *Branch M., Sajavaara P.* The identification of the Vepsians in the work of A.J. Sjögren // *Studia Fennica.* 1969. Vol. 14. P. 32–40.

¹⁸ Цит. по: *Пашков А.М.* Изучение вепсов в первой половине XIX в. // *Вепсы: история, культура и межэтнические контакты.* Петрозаводск, 1999. С. 73.

¹⁹ *Branch M. A.J. Sjögren.* Studies of the North. P. 71; См., подробнее: *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956; *Haltonen S.* Suomalaiset tutkijat Tverin karjalaisten mailla // *Virittäjä.* 1942. S. 175–185.

²⁰ *Haltonen S. Antti Juhana Sjögren* Itä-Karjalaa tutkimassa // *Suomalainen Suomi.* 1942. S. 383–388.

водскую руну» и ряд других «этнографичных» произведений²¹. Первый этап экспедиции был важен и в методическом отношении, поскольку в эти годы Шёгрэн научился совмещать в одной поездке полевую этнографию с исторической этнографией архивных изысканий, фиксируя все собранные в исследованном регионе сведения в одном черновом тексте²². Учился он и общению с местными любителями истории и собирателями фольклора, нередко опираясь в работе на помощь приходских священников, говорящих с паствой на ее родном языке, а также на служилую интеллигенцию в лице врачей, школьных учителей и чиновников, находящуюся в постоянном контакте с простым народом²³. Собрания образцов саамской лексики, сделанные в разных локальных группах этноса, а также переводы священных текстов, сделанные шведскими, финскими и русскими миссионерами, позволили ему выделить основные ареалы распространения саамской культуры и написать довольно крупную научную работу о саамах²⁴.

В столице А.И. Шёгрэн был принят в число корреспондентов Санкт-Петербургской Академии наук и, ободренный признанием своих начинаний, вновь отправился теперь уже к финноязычным народам, живущим во внутренних областях империи. В 1827 г. он исследовал северные уезды Новгородской губернии и довольно подробно изучил коми край, находившийся тогда в пределах Вологодской губернии. Дорога следующего года вела его далее на восток к марийцам, удмуртам и коми-пермякам Вятской, Казанской и Пермской губерний. Живя, как будто в двух измерениях – в этнографическом и лингвистическом настоящем, и одновременно в источниковедческом прошлом – он провёл еще два года. Поздней зимой 1829 г. Шёгрэн выехал из Перми в обратный путь, неспешно следуя уже известными ему маршрутами

²¹ Карху Э.Г. Финляндская литература и Россия 1800–1850. Таллинн, 1962. С. 99.

²² Так, например, по результатам работы в русской Карелии в 1824–1826 гг. А.И. Шёгрэн подготовил черновую рукопись, озаглавленную «Исторический взгляд на древних обитателей Олонецкой губернии», в которой, пожалуй, впервые попытался «примерить» полученный им экспедиционный материал, на известные ему ранее сведения о древней земле Биармии, извлеченные из «Оро-зия» англосаксонского короля Альфреда Великого. Шёгрэн, в частности, пишет здесь о карелах, еми и суми как аборигенах края и сложностях взаимоотношений последних с новгородцами, шведами, датчанами, квенами и мурманами. См.: ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2. Л. 187–187 об.

²³ Паишков А.М. А.И. Шёгрэн и северорусские краеведы // Императорская Санкт-Петербургская Академия наук и Финляндия. СПб., 1991. С. 18–19.

²⁴ *Sjögren A.J. Bemerkungen über die zum Grossfürstenthum Finnland gehörigen Lappmarken // Russische Miscellen zur genauern Kenntniss Russlands und seiner Bewohner. St. Petersburg, 1830. Bd. 3. S. 1–67.*

через Уржум–Ветлугу–Галич–Вологду–Тихвин и Шлиссельбург, в Санкт-Петербург с отчетом, ставшему за это время графом, Р.Х. Ребиндеру. Всего, по его подсчетам, протяженность пути составила 18432 версты, ценность же интеллектуальных приобретений экспедиции Шёгрена трудно измерить в количественных категориях, поскольку освоение его собраний идет и поныне.

Второй этап экспедиции оказался не менее сложным в плане преодоления дорожных и житейских трудностей. В частности, по дороге в Котельнич Шёгрэн сломал ключицу, а на подъезде к Ижевскому заводу подвергся нападению разбойников, принявших его за чиновника везущего жалование, и похитивших чемодан с ранее сделанными записями и собраниями²⁵. Пунктами его археографических поисков «чудских древностей» стали архивы и библиотеки Вятки, Казани и Перми. В частности, он писал: «Особенно богата была Вятка на так называемые Писцовые книги как источник для изучения древней истории, географии и особенно статистики»²⁶. Следуя ранее полученному опыту работы у саамов и коми, Шёгрэн уделял пристальное внимание сбору печатных и рукописных вариантов переводов церковной литературы и словарей на языки местных народов, сделанных миссионерами. Тем более, что в 1803 г. был издан Синодальный указ о публикации некоторых переводов источников христианского вероучения на «инородческие языки», с этой целью в Вятке начал работу Библейский комитет, курировавший переводческую работу²⁷. Вятский епископ Кирилл содействовал ему в налаживании контактов со священниками удмуртских, марийских и коми-пермяцких приходов, которые стали ключевыми информантами Шёгрена на этом отрезке пути. В Казани, пользуясь расположением ректора и преподавателей университета, путешественник провел первичную систематизацию своих материалов, специально выделив «бесермянский вопрос», до сих пор, являющийся объектом научных споров²⁸. Более двух месяцев находясь в Перми и окрестных городах, он истово искал свидетельства древностей чудской Перми

²⁵ *Sjögren A.J. Bericht über die wissenschaftliche Reise zur untersuchung der finnischen völkerschaften in Russland // Joh. Andreas Sjögren«s Gesammelte Schriften. Bd. 1. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St.-Petersburg, 1861. S. 82–83.*

²⁶ *Ibid. S. 81.*

²⁷ *Луннов П.Н. О первых вятских источниках христианского вероучения // Православный собеседник. 1905. июль–август. С. 603–604.*

²⁸ *Загребин А.Е. А.И. Шёгрэн – первый финский исследователь удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 5. С. 79; ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 4. Л. 304. Выписки о бесермянах, сделанные из разных источников А.И. Шёгреном, озаглавленные «Om Bessermener».*

Великой в архивных, археологических проявлениях и данных ономастики, не заметив как истекли экспедиционные годы.

Отчет в Академию он представил в виде более чем 300-страничной рукописи на немецком языке об истории, языке и образе жизни народа коми. Положительные отзывы на его труд академиков – историка Ф. Круга и ориенталиста К.М. фон Фрэна, открыли перед Шёгреном двери Академии наук и, вскоре он был избран на должность адъюнкта, а уже в марте 1831 г. стал экстраординарным академиком. Вершиной его академической карьеры стало избрание в 1834 г. на должность ординарного академика, с одновременным заведыванием иностранным отделом академической библиотеки и руководством этнографическим кабинетом (музеем) Академии²⁹. Найдя очень много, Шёгрэн и потерял немало. Так, его попытка вернуться в 1832 г. на родину, путем участия в конкурсе на должность профессора истории Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе, оказалась безуспешной. За прошедшие годы дома его несколько подзабыли, да и настроения финляндского общества менялись в сторону все большего дистанцирования от имперских властей, невольным представителем которых оказался статский советник А.И. Шёгрэн. Совершив 1835–1838 гг. поездку на Северный Кавказ, первоначально с лечебными целями, Шёгрэн увлекся изучением осетинского языка и горских древностей³⁰. Успехи, сделанные в этом направлении позволили ему стать во главе академического департамента филологии и этнографии финских и кавказских племен, персонифицируя столь необычное объединение. Тем не менее, главная дорога уверенно вела Шёгрэна на Север, и весомым продолжением его полевых финно-угорских исследований стали экспедиционные поездки в Прибалтику. По поручению Императорского РГО в 1846 г. и, затем 1852 г., он находился в поисках ливов в Лифляндии и Курляндии, ранее зафиксированных в научной печати лишь в одной из публикаций А.Л. Шлёцера³¹. Академик Шёгрэн считается после-

²⁹ ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 88. Донесение академика Шёгрэна об этнографическом музее, представленное им 4 февраля 1848 г.; *Терюков А.И.* Первый директор этнографического музея Академии наук академик А.И. Шёгрэн // *Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра*. СПб., 2003. Вып. 1. С. 185–190.

³⁰ *Камболов Б.А.* А.И. Шёгрэн – кавказовед // Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993. С. 22–23; *Уаризати В.С.* А.И. Шёгрэн – исследователь культуры осетин // Там же. С. 23–24.

³¹ *Shlözer A.L.* Gesammelte Nachrichten von den Ueberresten der Liven in Livland und Kurland // *M.J.J. Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland II*. Riga-Leipzig, 1770. S. 343–380. См.: *Blumberga R.* Lībieši un vēstulēs: Somijas zinātnieku ekspedīcijas pie lībiešiem. Rīga, 2006.

дним ученым, зафиксировавшим ассимилировавшихся ливов в Лифляндии, впрочем, как и открытых им кревинов (кревингов) – немногочисленных потомков води, плененной Орденом в середине XV в. и расселенной среди латышей вблизи г. Бауска³².

Резюмируя, можно сказать, что, находясь в экспедиции, А.И. Шёгрэн прошел сложную трансформацию от восторженного юноши до умудренного во многих вопросах ученого, не утратившего, тем не менее, изначально выбранного пути. Но, самое главное, полевая работа в сочетании с источниковедческими изысканиями Шёгрена, позволили его современникам получить более реалистическую картину расселения финно-угорских народов. Наиболее подробные сведения ему удалось собрать об этнических общностях Ингерманландии, выделив не только водь и ижору, но и финнов – зуремейсет и савакот. В труднодоступных лесах и на сельгах Межозерья им были найдены разрозненные группы финноязычных жителей края, именовавшиеся русскими соседями – чудью, или чухарями, но идентифицировавшее себя как вепсов³³. Существование вепсов стало для Шёгрена еще одним доказательством существования в древности и средневековье многочисленного финского этнического объединения Емь, распространявшего свое влияние на обширный регион от Невы и Ладоги, вплоть до Двины и Печоры. Миграции емских групп, происходящие под влиянием военных столкновений с соседями, были, по его мнению, одним из основных факторов складывания современного финноязычного населения Европейского Севера. Наряду с «Емской теорией», в ходе экспедиции выявился неподдельный интерес Шёгрена к проблеме средневекового населения Заволочья, еще одной обширной исторической области, лежащей к северу от Волго-Окского междуречья, как правило ассоцииро-

³² ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 81. Л. 1. Донесение, представленное в историко-филологическое отделение Академии наук акад. Шёгреном от 27 февраля 1846 г., о разрешении ему поездки в Лифляндию и Курляндию для исследования народа Лива; ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 132. Отчет А.М. Шёгрена о результатах его путешествия в Лифляндию, совершенного им для изучения остатков народа Лива – 43 с.; ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 144. Исследование языка народа Лива – 71 с.; ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 145. Материалы по научной поездке академика Шёгрена с целью этнографического и лингвистического исследования от 20 февраля 1847 г. -10 с.; *Циммерманис С.* Развитие этнографических исследований, начатых А.И. Шёгреном, в Латвии // Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. СПб., 1993. С. 20–21; *Vääri E.* Andreas Johan Sjögren as a student of the Livonian language // *Fennougristica*. 1996. Vol. 19. P. 165; *Wiedemann F.J.* Über die Nationalität und die Sprache der jetzt ausgestorbenen Kreewinen in Kurland. St. Petersburg, 1871.

³³ См., подробнее: *Пименов В.В.* Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

вавшейся с бассейном Северной Двины и Ваги. Этническая принадлежность «заволочан», долгое время бывшая весьма неопределенной, постепенно стала для него более ясной. Анализ местной топонимики и гидронимии территории нынешнего Русского Севера, привели его к мысли о том, что «заволочане» являлись предками карел, которые в результате славянской миграции и походов русских князей уходили дальше на северо-запад, обживая Карельский перешеек и берега Невы (ижора). В этой связи, более понятной становилась ситуация с расселением саамов, различные группы которых Шёгрэн посетил во время путешествия. Материалы средневековых письменных источников и данные ономастики указывали на то, что саамы могли жить прежде гораздо южнее, чем ныне (например, в пределах современной Вологодчины). Теперь получалось, что под давлением финских племен (Еми) и карелов, саамы вынуждены были все дальше отодвигаться на север, вплоть до нынешних мест своего обитания на севере Финляндии, Швеции и Норвегии. Немало времени проводя среди коми, Шёгрэн задумывался не только над тем, в чем сходство и различие между коми и финнами, но и какова степень дифференциации между собственно пермскими народами. Побывав у разных групп коми, коми-пермяков и удмуртов, он локализовал места их нынешнего расселения. Сопоставляя различные письменные источники, касавшиеся истории пермян, с данными ономастики Шёгрэн предположил, что их прежние владения простирались далеко на запад в сторону Подвинья, где имели место этнические контакты между пермьянами и отдельными группами Еми (Gam). Кроме того, он полагал, что разделение коми и коми-пермяков произошло в сравнительно недавний исторический период. Более короткое время ему удалось уделить знакомству с волжскими финнами, представленных в его полевых наблюдениях марийцами преимущественно Яранского уезда и отдельных местностей Заказанья. Другим достижением экспедиции Шёгрена стала отработка методов исследования, продуктивность которых реализовалась впоследствии в виде опубликованных в академический период научных трудов.

О методе и школе: Научное мировоззрение А.И. Шёгрена складывалось в переломную для метода эпоху, во многом сохранившую верность прежним достижениям критического подхода и компаративного анализа материала. С другой стороны, идеи новой эпохи потребовали оживления или, лучше сказать, одушевления реконструируемой истории, наполнения ее не только фактами и цифрами, но и живыми головами народа, звучащими сквозь века в песнях, легендах и сказаниях. Историографами уже неоднократно отмечалась междисциплинарность научных работ Шёгрена, удачно совмещавших общую историко-филологическую ориентацию и склонность к археографическим изыскани-

ям, со стремлением значительно расширить круг источников за счет собраний народной поэзии, привлечения данных ономастики и этнографии³⁴. В конечном счете, думается, что принципиальная новизна шёгреновского подхода выразилась в его способности показать этническую историю финно-угорского Севера в качестве самостоятельного объекта исследования, достойного специального рассмотрения.

Как уже отмечалось ранее, организация А.И. Шёгренем полевой собирательской работы опиралась на использование административного ресурса, унаследованного им из практики академических экспедиций прошлого столетия, также на личные неформальные контакты с любителями народной старины. Нередко, еще до прибытия в лежащий на его пути губернский город, Шёгрен направлял властям уведомление о своем приезде и представлял рекомендательные письма из столицы. В свою очередь, губернские власти вручали ему направление в уездные города, а уездные начальники отдавали команду ниже по инстанции³⁵. Пользуясь официально заверенными полномочиями, Шёгрен просил представителей местной администрации представить ему максимально полный свод статистичес-

³⁴ Бубрих Д.В. Финноугорское языкознание в СССР // Финноугорский сборник. Л., 1928. С. 87.

³⁵ Так, например, направляясь зимой 1827–1828 гг. в Малмыжский уезд Вятской губернии, А.И. Шёгрен предусмотрительно запасся рекомендательным письмом к городничему от вице-губернатора, текст которого позволю себе привести: «Милостивый Государь мой Леопольд Крестьянович!

При отъезде отсюда в некоторые города и уезды Вятской губернии Г-на профессора Абовского университета Доктора философии Андрея Михайловича Шёгрена, который по Высочайшему Государя Императора повелению, путешествует по разным Губерниям, в том числе и Вятской, для ученых изысканий, за приятный долг себе поставляю рекомендовать его Вам, Милостивый государь мой, как человека коротко мне знакомого, известного с отличной стороны по своим знаниям и нравственности, и заслуживающего расположения каждого. Я в особенное расположение себе приму если вы в кратковременную бытность Г-на Шёгрена в Малмыже не откажете ему в квартире, как заезжему и совершенно не имеющему ни кого знакомых.

С искренним почтением и преданностью имеющему честь быть Вашим Милостиваго Государя моего Покорный Слуга

Андрей Рыхлевский
31 декабря 1827. Вятка».

См.: ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 3 (1–35). Л. 7–7 об.

В Открытом Предписании «волостным сельским и деревенским начальникам Глазовского уезда, указывалось: «Господин доктор философии Шёгрен о коем извещены Волостные начальства из предписаний моих от 27-го числа прошедшего августа, что отправляется по надобности своей для собрания статистических сведений в губернский город Вятку располагая быть проезд свой и в некоторых

ких сведений о посещаемом им крае³⁶. В результате рапортов городничих, приказчиков заводских кантор, служащих земских судов, уездных исправников и старост волостных правлений, которые поступали к Шёгрёну на протяжении нескольких лет, по окончании экспедиции в его руках сосредоточился значительный массив информации о российской провинции этнодемографического, этноконфессионального, земельно-кадастрового и промышленного содержания. Совмещая статистические данные с выписками из исторических источников, сведениями ключевых информантов, записями местных топонимов, списками наиболее часто встречающихся фамилий и образцами речи, исследователь буквально на ходу создавал краткие описания посещенных им уездов, подмечая и фиксируя все, что могло касаться финно-угорской проблематики. Созданные Шёгрёном на основе эклектичных полевых записей печатные работы, пожалуй, лучше всего демонстрируют его методологические поиски и установки.

Первой научной работой А.И. Шёгрёна, изданной по возвращению из экспедиции, была развернутая статья, посвященная изучению саамов области Кемь (приходы Kuusamo, Kemijärvi, Sodankylä, Uutsjoki).

местах здешнего уезда, для сего самого дела; Извещая чрез сие Волостных, сельских и деревенских начальства я предписываю, потребованию господина доктора философии Шёгрёна как почает настоящих его изследовании, равно и в даче лошадей оказывать всякое Законное Пособие в точности и скорости

Сентября 29-го числа 1827 г.
Земский исправник майор Голиков».

См.: ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 4 (36–71). Л. 240–240 об.

³⁶ Приобретя уже определенный навык в сборе и систематизации разнородного статистического материала, А.И. Шёгрён просил своих корреспондентов присылать необходимые ему сведения в табличной форме. Приведем примерную форму одной из таких таблиц, зафиксировавших «Описание волостных правлений Глазовского уезда»: Гординского, Базезинского, Поломского, Омутнинского, Юберевского, Боягского, Лумпунского, Валамазского, Лобанского, Ухтымского, Елганско-Астраханского, Святицкого, Уканского, Еловского, Красноглинского. ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 4. Л. 263–293.

Какое правление и где состоит	Сел	Селений	Поселня разных наименований					Скота	Птицы	Мельниц	Заводов	Сельских магазинов запасных
			Русских	Вотяков	Бесермян	Татар	Старообрядцев					

Земли во владении у поселня	Казенной земли	Какой имеет грунт и что растет из продуктов	Леса	Реки	Озера	Пространство волости	Трактот и дорог	Питейные дома	Ярмарки и торги	Промыслы поселня	Особенно достопамятные места

Опубликованная первоначально на шведском языке, эта работа преследовала цель проинформировать финляндских ученых о поисках и находках молодого коллеги в ближайшем к финнам культурном пограничье³⁷. Публикация статьи на немецком языке была направлена уже на более широкие круги заинтересованных читателей, создавая необходимый Шёгрёну общественный резонанс о его полевых изысканиях в малоизученном крае. Как отмечает ведущий биограф Шёгрёна профессор М. Брэнч, заключительный параграф статьи, очевидно, не принадлежит перу автора, так как написан совсем в иной (похвальной) манере³⁸. Данный стилистический прием отчасти подтверждает предположение о том, что работа о саамах являлась для Шёгрёна своего рода вариантом научного «промоушена», продвигающего и завоевывающего внимание. Успех такой акции выразился в скором издании текста статьи в авторитетном берлинском журнале Г. Бергхауза, благодаря чему имя путешественника Шёгрёна стало известно европейским ученым, ожидающим новых сведений от многообещающего автора.

Ранний академический период в жизни А.И. Шёгрёна был отмечен публикацией ряда важных в теоретико-методологическом отношении работ. Первая из них «О грамматическом строе зырянского языка и его связи с финским» была зачитана 4 февраля 1830 г. в качестве инаугурационной речи, при вступлении в должность адъюнкта Санкт-Петербургской Академии наук³⁹. Показывая общность происхождения коми и финского языков, автор, тем не менее, указывает на их самобытность и полную самостоятельность. Так, по его мнению, коми язык, беря свое начало от древнего «чудского», или финского языка, с течением времени утратил многие первоначальные признаки, в разной степени представленные в четырех основных наречиях (диалектах): усть-сысольском, верхне-вычегодском, яренском и удорском. Выбор Шёгрёна был предопределен более серьезной на тот момент проработкой лингвистической тематики, нежели вопросов этногенетической направленности. Но, с другой стороны автор серьезно удивил академиков новизной и фундаментальностью подхода, усложнив известную идею финно-угорского языкового родства конкретным предложением о создании сравнительной «чудской» грамматики⁴⁰. Опираясь на передовой опыт индоевро-

³⁷ *Sjögren A.J. Anteckningar om församlingarne i Kemi-Lappmark. Helsingfors, 1828.*

³⁸ *Branch M. A.J. Sjögren. Studies of the North. P. 186–187.*

³⁹ *Ibid. P. 189.*

⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 191. Предварительная рукопись труда «О всеобщем языке чуди». Сходство тюрко-татарских языков с финским, лопарским, карельским и эстонским, в отношении к венгерскому языку и заметка относительно соответствия этих языков индо-германскому.

пейской сравнительной лингвистики, в частности, идеи Р.К. Раска и братьев Гримм, он надеялся лично осуществить данную работу. Возможно, что эти мысли были усилены поступившими в распоряжение Шёгрена богатыми лингвистическими собраниями академика П.С. Палласа, подготовившего еще в прошлом XVIII в. всеобщий сравнительный словарь языков народов мира⁴¹. Однако историк в Шёгрене оказался сильнее чем лингвист, принудив его сосредоточиться на анализе исторических источников, используя языковые материалы как вспомогательные средства при реконструкциях древней истории финских племен.

Вторая публичная лекция Шёгрена в Академии наук была озаглавлена «О древних местах жительства Еми. Очерк истории одного из чудских народов в России» (1831 г.) и посвящалась реконструкции этнической истории летописного племени Емь⁴². Основой для принятого анализа стал исторический очерк, принадлежащий перу покойного академика А.Х. Лерберга, по мнению которого Емь была непосредственно связана с финским племенем Хямя/Нämä⁴³. Отталкиваясь от этой гипотезы, Шёгрэн предполагает, что древнерусские этнонимы Емь, Ямь соответствуют встречающимся в различных средневековых источниках понятиям – Хямя, Гам и Гамская земля. Не удовлетворившись имевшимися в его распоряжении бумагами Лерберга и собственными полевыми материалами, Шёгрэн совершил специальную поездку в Выборгские архивы, надеясь получить дополнительную информацию из финляндских источников⁴⁴. Сделав центральным пунктом своей методологии, анализ летописных данных и архивных материалов, Шёгрэн предложил собственную интерпретацию истории военных действий древнерусских князей против Еми. Если его предшественник предполагал, что военная экспедиция славян в 1042 г. была направлена против Еми, живущей на территории современной Финляндии, то Шёгрэн пришел к выводу, что в XI в. Емь расселялась на землях в районе Белозерья и, возможно, далее на юг в сторону Заволочья. Автор также задается вопросом о происхождении современного

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 2. Лингвистические материалы, собранные академиком П.С. Палласом.

⁴² *Sjögren A.J. Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte der tschudischen Völker in Russland // Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Bd. 1. St.-Petersburg, 1861. S. 461–513.*

⁴³ *Лерберг А.Х.* Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819.

⁴⁴ ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д.49. Донесение А.М. Шёгрена в историко-филологическое отделение Академии наук от 9 марта 1831 г. о разрешении ему поездки в Выборг; для исследования рукописей местного архива, в связи с его работой по исследованию народа Ями.; Д. 50. Донесение о результатах поездки в Выборг.

финно-язычного населения исследуемого региона – вепсов, или как их тогда именовали, чудь. Шёгрэн был уверен, что вепсы не кто иные, как потомки Еми, расселившейся в южной части Заволочья и известные по летописным источникам в качестве Веси, Вилтси и Вису, а вепсский язык представляет собой старую форму финского диалекта Хямя/Нäтä. Предпринятая в этой связи попытка этимологизации этнонима Хямя привела Шёгрена к неожиданному результату, наиболее удачная с фонетической точки зрения форма обнаруживалась в самоназвании саамов – *same*, *sabme*. Такая постановка проблемы показалась ему тогда слишком смелой, и он склонился к другой более сложной этимологии, от эстонского *häte* – *сырой, влажный*, но и в наши дни первая версия находит своих продолжателей⁴⁵. Другим новшеством, продемонстрированным Шёгреном в этой работе, стала попытка подкрепления письменных источников собранными им в экспедиции устно-историческими и топонимическими материалами. Это особенно было заметно в тех моментах, когда исследование касалось реконструкции истории Еми в первой половине XII в., когда русские князья совершали многочисленные походы против чуди⁴⁶. Полемизируя с Н.М. Карамзиным, который понимал под этими военными экспедициями, походы против эстонцев и с мнением академика Лерберга, указывавшего на Финляндию, Шёгрэн упорно доказывал, что все эти завоевательные и фискальные предприятия, происходили на территории Заволочья.

⁴⁵ См.: Валонен Н. Ранние лопарско-финские контакты. Из этнической истории финских племен // Финно-угорский сборник. Л., 1982. С. 59–96.

⁴⁶ А.И. Шёгрэн установил, что в 1032 г. в правление великого князя киевского Ярослава Владимировича новгородский воевода Улеб (Олоф) ходил войной на Емь. В 1078 г. сын великого князя Святослава устроил поход на Емь в Заволочье, но потерпел поражение. Военные столкновения с переменным успехом между Емью и новгородцами имели место в 1123, 1142 и 1143 гг. Итог этих конфликтов, по мнению Шёгрена, был таков: «XIII столетие решило совершенный перевес новгородцев над народами сумь и емь. В 1227 г. и в последующие годы, новгородцы, предводимые Ярославом, своим князем, и Владиславом, посадником ладожским, искусным военачальником, истребили все полчища беспокойных своих соседей так, что емь и сумь в течение целых двенадцати лет не смели поднять вновь свои силы, но соединившись со шведами и мурманами, народом, жившим тогда на берегу Белого моря близь Колы, решили взять реванш. 1240 г. был предвозвестником бедствий войны на долгое время. Они устремили свое внимание на Ладугу, дабы завладеть оною. Александр Ярославич, князь новгородский, с небольшим числом воинов наносит поражение союзникам, так что долгое время после этого емь и сумь не упоминаются в истории. В 1256 г. возник новый союз – сумь и емь навсегда исчезли на горизонте политического существования». См.: ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2. Л. 190–192 об.

Текст третьей академической лекции «Как и когда обрусели Заволочье и Заволочская Чудь» (1832 г.) был закономерным продолжением «чудской проблематики», ставшей в эти годы профилирующей для Шёгрена и о которой будет подробнее им сказано в историко-филологическим и статистическим очерке «Зыряне: ...». Предполагая наличие тесной этнической и лингвистической связи «заволочан» с карелами и Емью, он еще раз обозначал свою гипотезу о существовании древнепермского населения к западу от Северной Двины вплоть до Онеги, то есть на территории современного Русского Севера⁴⁷. Продолжая полемику с Н.М. Карамзиным относительно времени христианизации края и славянской миграции, Шёгрэн считал, что языковая и культурная ассимиляция Заволочья начинается никак не в XI в., а много позже. Походы русских князей на Заволочье, стали наиболее интенсивными в первой половине XII в., когда они перерастают из частных предприятий в поисках военной добычи в целенаправленное продвижение, связанное с крестьянской эмиграцией. Опираясь на исторические сведения, преимущественно извлеченные из скандинавских источников, и данные ономастики, он указывал на необходимость расширения спектра привлекаемых к сравнению материалов по истории финноязычных народов России. В этой связи, уместно будет сказать, что, изучая столь мало освоенную письменными источниками область как Заволочье, Шёгрэн в полной мере оценил познавательные возможности географических названий, селений, рек и тех фамилий, что преобладали у местных жителей. В частности, он обратил внимание, что довольно часто встречающиеся в северном крае названия рек и других водоемов с окончаниями на: -йонга, йенга, -енга, -онга, прямо соотносящиеся с гидронимами на: -йук, йуга, -йега, -ега, -ога, -га, произошли непосредственно от финских и саамских названий, образованных при помощи слова «река»: -joki, -jogi, -jokka, -juk, -juch⁴⁸. Таким образом, весь пласт топонимики исследованного региона, содержащий топоформант: -га, -нга, можно было, по его мнению, связывать с древним финно-язычным населением Заволочья.

Очерк «О финском населении Санкт-Петербургской губернии и происхождении названия Ингерманландия» (1833 г.) – является первым

⁴⁷ *Sjögren A.J.* Wann und wie wurden Sawolotschje und die Sawolokschen Tschuden russisch // Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Bd. 1. St.-Petersburg, 1861. S. 515–540; *Мамвеев А.К.* Есть ли древнепермская топонимика в Заволочье? // Советское финно-угроведение. 1965. № 3. С. 207; *Он же.* Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // Советское финно-угроведение. 1968. № 1. С. 27–37.

⁴⁸ *Туркин А.И.* Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX – начала XX вв. // Топонимика. М., 1964. С. 26–27.

научным описанием финно-язычного населения Санкт-Петербургской губернии⁴⁹. Шёгрэн довольно подробно рассматривает этапы освоения края, связанные с миграциями и адаптацией здесь новых этнических групп, а также анализирует различные версии происхождения слова Ингерманландия, Инкеринмаа, Ингрия⁵⁰. В этой работе Шёгрэн широко использует ставший сильной стороной его исследований метод совмещения финских, скандинавских и русских источников, иллюстрирующих историю отдельно взятого региона. В структурном отношении работа состоит из двух частей, что отражено в ее названии, но в плане внутритекстового анализа можно выделить четыре взаимосвязанные части, согласно выделяемым им группам финноязычного населения края. Первым из исследователей, Шёгрэн выделяет диалектные и этнографические различия между местными финнами-эврэмейсет и финнами-савакот, анализируя различные версии их прихода из Финляндии⁵¹. В частности, анализируя свадебную обрядность обеих групп, он фиксировал мельчайшие детали, вплоть до особенностей свадебных костюмов. Причем, он сравнивал свадебные практики Ингерманландии и Финляндии, демонстрируя при этом применимость сравнительного метода не только в области лингвистики, но и в сфере этнографии. Затем Шёгрэн рассматривает этническую историю води и ижоры, безошибочно указывая на первых, как на древнейших обитателей Ингерманландии. Однако сделанное им предположение (на основе типологического анализа водской свадебной песни) о финском (емском) происхождении води и ее близком родстве с вепсами, лишь позже испытавшей влияние со стороны эстонцев и саамов, было довольно спорным⁵². Что касалось ижоры (Inkerikot), в чем карельском проис-

⁴⁹ *Sjögren A.J. Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des namens Ingermanland* // Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Bd. 1. St.-Petersburg, 1861. S. 541–605; Широкий круг русских читателей узнал о финноязычном населении столичной губернии благодаря издателю Д. Языкову, опубликовавшему в своем журнале сокращенный вариант работы А.И. Шёгрена. См.: О финнах Санкт-Петербургской губернии // Русский исторический вестник. 1840. Т. 4. С. 300–325.

⁵⁰ См., например: Inkerin bibliografia. Helsinki, 1981; Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. Pieksämäki, 1991.

⁵¹ См., подробнее: *Суни Л.В. Ингерманландские финны: исторический очерк* // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998.

⁵² Примечательно, что текст данной свадебной песни был записан А.И. Шёгреном от певицы-вожанки Анны Ивановой, у которой впоследствии побывали А. Регули и Э. Лённрот, записавший с ее слов 30 свадебных песен (т.е. 2300 стихов). См.: *Киуру Э. О некоторых особенностях ижорского эпоса* // Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск, 1990. С. 17–18.

хождении он не сомневался, Шёгрэн рассматривает происхождение этнонима в рамках дискуссии о происхождении названия края и реки Ижора (Inkere). В целом, он согласился с мнением В.Н. Татищева о связи названия Ингрия (Ingerinmaa) с именем дочери варяжского конунга Олафа – Ингергерд, ставшей в 1019 г. женой великого князя киевского Ярослава Мудрого и принесшей этот край мужу, в виде приданого, не отказывая, впрочем, и другой версии русского историка, предполагавшего связь слова Ингрия от имени князя Игоря (Ингоря), сына Рюрика⁵³. Закрепление края в начале XVII в. за Швецией и превращение его в ординарную провинцию королевства, привело к появлению германизированного официального названия – Ингерманландия.

Статьи «Что означает встречающееся в русских летописях в 1024 г. слово «луда»?» и «О производстве металла древними финнами и другими чудскими народами»⁵⁴ сами свидетельствуют о той исследовательской манере, что предполагает поступательное, а местами дробное приближение к крупной малоизученной теме. Такой темой для него была проблема ранней этнической истории и древнего родства «чудских народов». Путем изучения современных финно-угорских этносов в качестве локальных вариантов древнефинских общностей, он, выстраивая свою работу, обычно исходил из степени обеспеченности источниковым материалом. Преимуществом Шёгрена, при реализации этого подхода, было то, что в большинстве случаев, он имел возможность сравнивать привлекаемые письменные и нарративные источники с личными полевыми наблюдениями и впечатлениями. Хорошо известно, что при жизни А.И. Шёгрэн смог обработать и опубликовать меньшую часть своих полевых собраний, что неоднократно отмечалось филологами. Его главный лингвистический труд – ливская грамматика, а также ливско-немецкий и немецко-ливский словари, были изданы уже под редакцией Ф.И. Видемана⁵⁵.

Достижения индоевропеистики, собирательский импульс И.Г. Гердера и братьев Гримм, классификационные опыты ученых-путешественни-

⁵³ *Sjögren A.J. Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des namens Ingermanland. S. 571–572; Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 110, 117.*

⁵⁴ *Sjögren A.J. Was bedeutet das in der russischen Chroniken unter dem Jahr 1024 vorkommende Wort Луда? // Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Bd. 1. St.-Petersburg, 1861. S. 607–624; Zur Metallkunde der alterer tscudischen Völker // Ibid. S. 625–630.*

⁵⁵ *Вяари Э. Ливы и ливский язык // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 145–166; Kannisto A. Das Publikationsprogramm der Finnisch-Ugrische Gesellschaft // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1933. Vol. 46. S. 15.*

ков XVIII в., изначально заряженные патриотической историографией Х.Г. Портана и личным романтическим настроем, по всей видимости, соединились в творческом восприятии Шёгреном финно-угорской исследовательской перспективы и реализовались в трудах продолжателей его дела⁵⁶. Влияние идей А.И. Шёгрена коснулось многих национально ориентированных ученых, работавших в 1840–1860 гг. в Финляндии – М.А. Кастрена, Э. Лённрота, Д.Е.Д. Европеуса, в России – Ф.И. Видемана, в Германии Х.К. фон Габеленца и Ф.Х. Мюллера⁵⁷.

«Зыряне: ...» А.И. Шёгрена – первая монография по финно-угорской этнографии в России: Иногда воля случая или, что еще необычнее, давление необходимости становится причиной создания произведений, от которых сам автор совсем не вправе ожидать каких-либо творческих прорывов и тем более декларации сделанных им открытий. Именно в этом ключе развивалась предыстория первой в России полноценной монографии по этнографии финно-угорских народов. Остановившись на некоторое время в Казани весной 1828 г. А.И. Шёгреном, кроме имевшихся у него планов по обследованию местных архивных хранилищ и университетской библиотеки, должен был подготовить предварительный отчет о проделанных им исследованиях для финляндских властей. Первоначальный текст «Зыряне: ...», состоявший из нескольких страниц путевых заметок, постепенно разросся до трехсотстраничной рукописи, важность которой заключалась в возможности ее представления в качестве заявки на соискание статуса члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук. Судьба автора сложилась вполне удачно, поскольку просматривавший присланный текст академик Ф. Круг дал вполне благожелательный отзыв, по сути дела открывший Шёгреному двери Академии, а финляндская администрация решила продолжить финансирование дальнейшего путешествия, но судьба самой рукописи оказалась много сложнее. Вернувшись в 1829 г. из экспедиции и постепенно утвердившись в Академии наук, Шёгреном начал публиковать текст отдельными частями в различных периодических изданиях, по разным причинам не имея возможности выпустить полноценную монографию. Краткая аннотация этой работы была опубликована в 1831 г. на русском языке⁵⁸. Лишь после смерти автора, ста-

⁵⁶ Лаллукка С. Наследие академика Шёгрена и некоторые задачи изучения финно-угорских народов // Финно-угроведение. 1995. № 1. С. 59–60.

⁵⁷ Branch M. The Academy of Science in St. Petersburg as a centre of Finno-Ugrian studies, 1725–1860 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1995. Vol. 86. P. 76–78.

⁵⁸ Шёгреном А.И. Исторический, статистический и филологический опыт о зырянах // Чтения Императорской Академии наук. СПб., 1831. Т. 1. С. 76–78.

раниями академика А. Шифнера в 1861 г. «Зыряне: ...» увидели свет на немецком языке в собрании основных работ Шёгрена⁵⁹. Данная публикация получила широкую известность в ученых кругах, неоднократно вызывая научные споры по поводу сделанных автором наблюдений и выдвинутых гипотез⁶⁰. Сама структура работы свидетельствует о композиционно-содержательной многоплановости исследования, охватывающего не только историю и культуру народа коми, но и самую широкую ретроспективу этнической истории Европейского Севера⁶¹.

Монография состоит из семи глав, различных по объему и по характеру представленных сведений, что, впрочем, отражено уже в самом названии. Первые четыре главы посвящены описанию условий жизни и хозяйственного уклада населения Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии, где Шёгрэн зафиксировал места компактного проживания коми-зырян. В частности, первая глава «Lage und physische Beschaffenheit/Расположение и физические условия» (S. 235–241) вкратце очерчивает регион исследования с точки зрения его географического расположения и природной среды. Глава вторая «Klima/Климат» (S. 241–251) описывает климатические особенности края с учетом их влияния на здоровье населения и на развитие земледелия, опираясь на многолетние наблюдения, сделанные местными краеведами: военным медиком Поповым и преподавателем вологодской семинарии А.Ф. Фортунатовым, с которыми он познакомился в экспедиции. Глава третья «Industrie und Gewerbe/Промышленность и ремесла» (S. 251–260) посвящена основным хозяйственным занятиям коми-зырян – земледелию, охоте, лесозаготовкам и лесосплаву. Понятие промышленности включало в себя солеварение, заготовку и обработку корабельного леса, железоделательное производство с учетом его роли в

⁵⁹ *Sjögren A.J. Die Syrjanen, ein historisch-statistisch-philologische Versuch* // Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Bd. 1. St.-Petersburg, 1861. S. 233–459.

⁶⁰ См., например: *Веске М.П.* Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890. С. 10–12; *Смирнов И.Н.* Пермские. Историко-этнографический очерк // Известия ОАИЭ. Т. 9. Вып. 2. Казань, 1891. С. 40–45; *Зеленин Д.К.* Принимали ли финны участие в образовании древнерусской народности? // Сб. ЛОИКФУН. Вып. 1. Л., 1929; *Попов А.И.* Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики в СССР // Вопросы финно-угорского языкознания: грамматика и лексикология. М.; Л., 1964; *Матвеев А.К.* Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // Советское финно-угроведение. 1968. № 1. С. 27–37; *Туркин А.И.* Этногенез народа коми по данным топонимики и лексики. Таллинн, 1985. С. 14.

⁶¹ *Конаков Н.Д., Шабаев Ю.П.* История этнографического изучения коми // Зырянский мир. Очерки по традиционной культуре коми. Сыктывкар, 2004. С. 8–9.

колонизации края. В этой же связи автор касается развития местных ремесел и торговли. Глава четвертая «Eintheilung und Bevölkerung/Деление и население» (S. 260–281) состоит из двух частей: первая является историко-статистическим описанием уездного г. Яренска и его окрестностей; вторая часть, аналогичная первой по структуре, посвящена г. Усть-Сысольску и его уезду. Рассматривая месторасположение городов, их планировку, застройку, численность жителей, их занятия, Шёгрэн представляет их историю с помощью анализа выявленного архивного материала, предвещающего следующую более пространную часть работы.

Глава пятая «Geschichte und Alterthümer/История и древности» (S. 281–433) является попыткой отображения истории финно-угорских народов на исследуемой территории. Не ограничиваясь историей народа коми, автор последовательно выстраивает собственную концепцию исторической динамики в региональном разрезе, включая миграционные и ассимиляционные процессы, по его мнению, имевшие место на землях от Ладожского озера на западе и до Урала на востоке. Глава является сердцевинной всей монографии, представляя собой синтез эмпирического материала, нарратива и письменных источников, собранных Шёгреном в ходе его четырехлетних странствий по Европейскому Северу⁶². Высказанные здесь идеи получают затем развитие в публикациях академического периода его жизни. Примечательно, что пятая глава имеет собственную структуру, демонстрируя особый статус среди прочих, она значительно расширяет содержательную часть исследования, привлекая новизной интерпретации источникового материала.

Глава шестая «Gegenwärtige Bewohner/Современные жители» (S. 433–446) в целом продолжает начатую тему и начинается с цитирования высказываний о коми-зырянах немецкого ученого Ю. Клапрота⁶³. Опровергая одно положение Клапрота за другим, Шёгрэн выступает оппонентом данного этнолингвистического исследования, прежде считавшегося образцовым. Взглядом заинтересованного наблюдателя, он описывает современный ему быт коми-зырян, касаясь не только трудовых будней, но и народных игр и развлечений. Этнографические сюжеты представлены им в записях коми свадебного и погребального обрядов. Приводя примеры местной устно-поэтической традиции, Шёгрэн приводит записи двух народных песен и одиннадцати загадок, тексты которых снабжены немецким переводом. Особенностью главы являются

⁶² *Sjögren A.J. Bericht über wissenschaftliche Reise zur untersuchung der finnischen völkerschaften in Russland // Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Bd. 1. St.-Petersburg, 1861. S. 71–84.*

⁶³ *Klaproth J. Asia Polyglotta. Paris, 1823.*

ся авторские поиски финно-угорских культурных параллелей, прежде всего, между коми и финнами, в частности, в сфере народной поэзии.

Глава седьмая «Sprache/Язык» (S. 446–459) впоследствии найдет продолжение в лингвистических работах самого Шёгрена и его преемника в Академии наук Ф.И. Видемана⁶⁴. Фиксируя факт несомненного родства коми и финского языков, Шёгрэн задается вопросом, на каких историко-лингвистических основаниях оно базируется. В данном случае его заочными оппонентами становятся немецкие филологи И.К. Аделунг и И.С. Фатер, которые не обнаружили фактов такого родства, опираясь лишь на лексический состав финского и коми-зырянского языков⁶⁵. По мнению Шёгрена, если бы они обратили внимание не на слова, которые столь подвержены динамике, как, например, в финском языке под германским влиянием, а в зырянском, под влиянием русских заимствований, а на грамматическую структуру, то их выводы могли бы быть иными.

Переходя далее к структуре коми-зырянского языка, Шёгрэн показывает ареалы распространения его диалектов, зафиксированные им в районах Усть-Сысльска, Яренска, на верхней Вычегде и на Удоре. Лишь удорский диалект, по его мнению, серьезно отличается от остальных, что является результатом языковых контактов зырян и ненцев. Повышенное внимание к удорскому диалекту было отчасти обусловлено шёгреновской критикой «Зырянской грамматики» А. Флорова⁶⁶. Шёгрэн пишет, что данная работа построена преимущественно на удорских материалах, которые не могут быть достаточно репрезентативны в отношении всего коми языка. Кроме того, грамматика Флорова содержит множество неточностей, возникших под влиянием попытки автора приблизить структуру зырянского языка к русскому, например, указывая лишь шесть падежей в отличие от обнаруженных Шёгренем тринадцати. Обилие же падежных форм, по его убеждению, есть одна из важнейших отличительных черт финских языков. Анализируя фонетические особенности зырянской речи, он отмечает ее сходство с финской в практике перенесения ударения на первый слог и выпадения конечной гласной.

Композиционным центром монографии А.И. Шёгрена «Зыряне: ...», является ее пятая глава, которая, хотя это и может показаться странным, напрямую не касается истории народа коми, актуализируя проблему реконструкции этнической истории «чуди». Легенды о «чудаках», «чудском народце» и «чудских кладах» стали неотъемлемой час-

⁶⁴ Шёгрэн А.И. О грамматических свойствах зырянского языка в отношении к финскому // Чтения Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1831. С. 79–84.

⁶⁵ Adelung J.C., Vater J.S. Mithridates oder allgemeine Sprachkunde. Berlin, 1809. S. 739–740.

⁶⁶ Флоров А. Зырянская грамматика. СПб., 1813.

тью устно-поэтической традиции Русского Севера и прилегающих к нему земель⁶⁷. Научная проблематика, связанная с чудью, неоднократно звучала в историографии и прежде, но заслуга Шёгрена состоит в том, что он первым предпринял попытку поставить ее на прочную эмпирическую основу, инициировав многие последующие шаги исследователей. Ключевым моментом «шёгреновского подхода» к предмету исследования становится анализ собранных им разнохарактерных сведений, имеющих отношение к «чудским древностям» в целом и территории Заволочья, в частности. В связи с этим, первая часть главы (S. 281–325) является вводным, детализированным описанием источников: изученных им летописей, собранных легенд и исторических преданий, данных из писцовых книг, ономастики и этнографии, сравнительное изучение которых помогает автору пролить свет на древнее население края, известного по русским источникам как «Заволочская чудь». Почти сразу Шёгрэн формулирует свою основную мысль о том, что под этим, скорее всего, собирательным названием в разное время и при разных обстоятельствах скрывались саамы, карелы, емь (по его мнению, предки финнов-хямэ), пермские народы и даже, возможно, ненцы. Однако приоритет оставался за карелами. Доказательная база выстраивается исследователем с помощью исторического анализа известной легенды о стране Пермии/Биармии, зафиксированной в том числе в описании плавания норвежца Оттера из Халоголанда, с привлечением этнографического и топонимического материала. Подробно разбирая отрывочные сообщения скандинавских саг и лежащих в их основе мифов, он предполагает, что места расселения древних коми могли простирались до беломорского побережья. Западных соседей, которых, Шёгрэн идентифицирует как «заволочан», карелов, саамов и емь. Данное предположение вызвало длительную дискуссию, имеющую продолжение и в наши дни⁶⁸. Свое слово о «чуди заволочской»

⁶⁷ См., например: *Макаров Н.А.* Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993; *Чагин Г.Н.* История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX вв. Пермь, 1999. С. 109–115; Материалы конференции о чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. Пермь, 1974; *Огорокова Н.А.* «Помяни чудского дедушку, чудскую бабушку...» // Очерки истории Урала. Вып. 3. Екатеринбург, 1997. С. 46–53.

⁶⁸ *Пименов В.В.* Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. С. 117–170; *Матвеев А.К.* Есть ли древнепермская топонимика в Заволочье? // Советское финно-угроведение. 1965. № 3. С. 207–211; *Серебренников Б.А.* Всякое ли внешнее сопоставление допустимо? // Советское финно-угроведение. 1968. № 1. С. 39–46; *Рябинин Е.А.* К этнической истории Русского Севера (чудь заволочская и славяне) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 13–42.

сказали и более молодые коллеги Шёгрена, М.А. Кастрен и Д.Е.Д. Европеус. Причем, Кастрен одним из первых выдвинул идею о вепсском происхождении, по крайней мере, большей части населения Заволочья в дославянскую эпоху, указывая на его связь с летописной Весью. Хотя, он не отрицал и возможного проникновения в регион карельских групп, на что указывал в последствии Д.В. Бубрих⁶⁹. Финский фольклорист и историк Европеус также первоначально склонялся к отождествлению чуди заволочской с вепсами, но затем предложил оригинальное видение проблемы, включив территорию Подвинья в зону распространения древних угров⁷⁰.

Не менее важным вопросом, чем этническая идентификация чуди заволочской, является вопрос о территориальной локализации Заволочья. Обращаясь к этой проблеме, Шёгрэн связывает происхождение слова «Заволочье» с этнонимом «Саво», аргументируя тем, что данная форма восходит ко времени новгородской экспансии, в том числе и в область современного Саволакса в восточной Финляндии. Ощущая славянское давление, некоторые местные карельские группы начинают миграцию на северо-восток, в сторону междуречья Мезени и Пинеги, тогда как другие ищут новые земли на северо-западе, западе и юго-западе региона, принося с собой данный этноним⁷¹. Шёгрэн подчеркивает то, что для понимания того, как произошел распад и возможная ассимиляция финского населения в Заволочье, необходимо, прежде

⁶⁹ *Castrén M.A. Bemerkungen über Sawolocheskaja Tschud // M.A. Castrén's kleinere Schriften. Nordische Reisen und Forschungen. St.-Petersburg, 1862. S. 86–106; Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.*

⁷⁰ *Европеус Д.П. К вопросу о народах, обитавших в Средней и Северной России // Журнал министерства народного просвещения, 1868. Ч. 139. С. 59; Он же. Об угорском народе, обитавшем в Средней и Северной России // Труды второго археологического съезда. Т. 1. Отд. 4. СПб., 1876. С. 81–103.*

⁷¹ По мнению В.О. Ключевского, понятие Заволочье охватывало значительные территории, находившиеся «за волоком» – водоразделом, отделяющим бассейн Волги от Онеги и Северной Двины. Отсюда, соответственно, возникает понятие «чудь заволочская», обозначающее население края. См.: *Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения. М., 1988. Т. 2. С. 54.* По мнению советского историка А.Н. Насонова территория Заволочья занимала земли по Северной Двине и, возможно, по р. Ваге. См.: *Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 100–105.* В исследовании Ю.С. Васильева понятие «Заволочье» рассматривается в пространственно-временном контексте. Так, согласно его выводам, в XI–XIII вв. данная территория совпадала с новгородской волостью в бассейне р. Ваги, затем в XIII–XIV вв. границы области вбирают в себя всю Двинскую землю и в XIV–XV вв. понятия Заволочье и Двина (Нижнее Подвинье) становятся практически тождественными. Присоединение Великого Новгорода и

всего, установить, когда эта область попала под русское доминирование. Исходя из чего, вторая часть главы имеет специальный подзаголовок «Как и когда Заволочье и Чудь Заволочьская стали русскими?» (S. 325–390). Приступая к этому аспекту, Шёгрэн излагает те сведения о «Чуди», которые ему удалось собрать в ходе его поездок по Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниям. Это позволяет ему, кроме прочего, описать размещение групп финно-язычного населения до прихода сюда русских и представить собственное видение истории славянской колонизации края. Очерчивая освоенные финскими народами ареалы Заволочья, на востоке он локализует предков коми-зырян и пермяков, занимавших обширную территорию вплоть до Беломорья и Подвинья, их соседями были карелы и емь, которые занимали земли к югу от территории межозерья, где он обнаружил вепсов. Саамы жили к западу от них, хотя и черезполосно с другими финскими группами, занимая земли от Ладоги и Онеги, и по восточному побережью Белого моря. Данная этническая картина расселения была нарушена продвижением славянского населения из Новгорода, разделившим финское население Заволочья, а именно отделив карелов и емь от коми-зырян и пермяков. В результате расширявшейся экспансии, емь мигрировала на запад, а карелы на север и северо-запад региона. Саамы также откочевали на запад и север, за исключением той группы, что ушла на север Беломорья и, затем на Кольский полуостров. Финское население межозерья (Ладожское, Онежское и Белое озера) в целом сохранило традиционные места обитания и в современности представляют собой вепсов. Впоследствии Шёгрэн выскажет дополнительное мнение о том, что вепсы представляют собой потомков древнейшего населения края и что их язык содержит множество архаичных форм. В заключении автор пишет, что общее движение населения и связанные с ними процессы «обрусения» в Заволочье, завершаются к концу XV в., когда за Москвой закрепляется все северо-восточные земли вплоть до Урала.

Третья часть исторической главы (S. 390–404) посвящена анализу понятий *Bjarmaland*, *Holmgård* и *Jomola*, содержащихся в скандинавских сагах. Тот факт, что Оттер Халоголанд назвал Двину ее карельским именем *Wjena*, Шёгрэн приводит в подтверждение своей теории о том, что южный берег Белого моря был населен финно-язычными предками современных саамов, карелов и пермских народов. Собственно территория легендарной страны, по его мнению, географически трудно оп-

всех его земель к Москве приводит к дальнейшему расширению географии понятия за счет присоединения к нему Прионежья и волостей по р. Печора. См.: Васильев Ю.С. Об историко-географическом понятии «Заволочье» // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 103–109.

ределима и, скорее всего, отождествлена норвежским мореплавателем с бассейном Двины, подобно тому, как Х. Колумб открыв Америку, назвал ее Индией. Рассматривая понятие культа *Jomola*, он приводит множество своих топонимических находок, где, согласно местным преданиям, осуществляла моления чужд. Отсутствие документальных свидетельств, фиксирующих связь культового места *Jomola* и древнего торгового поселения *Holmgård*, не смущает его, поскольку в сагах им не было обнаружено детального описания города, в них говорится лишь о его соседстве со статуей божества. Кроме того, сама статуя, судя по источникам, была деревянной, что не оставляет больших надежд обнаружить ее материальные остатки, хотя в некоторых местах исследованного региона можно еще обнаружить небольшие наскальные изображения и другие зримые свидетельства былого культа. Что касается локализации *Holmgård*'а, то, как считает Шёгрэн, его следует искать в тех местах, которые могли посещаться викингами, передвижение которых было привязано к водным коммуникациям. А это, в свою очередь, удачно совпадает с месторасположением современных Холмогор на р. Двина. Этимологизируя слово *Holmgerd*, он выводит его от коми-зырянского «*kolemgor*» (*kol'äm gort*), то есть «пустынный, брошенный двор», что может быть объяснено постепенным забвением жертвенного места *Jomola*.

В четвертой части главы (S. 404–428) Шёгрэн вновь возвращается к истории городов Яренска и Усть-Сысольска и их округа, уделяя особое внимание фиксации сведениям о коми и другому финноязычному населению, применяя свою излюбленную методологию, сочетающую исторические, статистические и филологические источники. Основной целью данной части работы является попытка обнаружения в крае следов древнего финского населения иного, нежели коми-зыряне и коми-пермяки, происхождения. На эту мысль его натолкнула топонимика в окрестностях Яренска и идентифицированная им как содержащая явные карело-финские элементы. Кроме того, здесь же им была услышана легенда о некоем народе «*Gam*/Гам», населявшем прежде эти места. Исходя из этого, он предположил, что этот народ мог иметь отношение к древней еми и, следовательно, являлся родственником современных финнов-хямэ. По его мнению, пролить больший свет на этническую историю региона можно занявшись детальным, как бы мы сейчас сказали, микро-историческим исследованием каждого отдельного прихода, что тем более интересно, если учитывать, что в этих местах начинал свою миссионерскую деятельность св. Стефан Пермский. Причем, автор высказывает мысль о том, что св. Стефан мог и не быть создателем зырянской азбуки, а лишь усвоить ее от местных жителей. В заключительной части пятой главы (S. 428–433), Шёгрэн суммирует

основные положения представленной им картины этнической истории финно-язычного населения Европейского Севера в прошлом и настоящем, специально выделяя аспекты, связанные с происхождением коми-зырян и коми-пермяков. На основании лингвистических данных он предполагает, что в зырянах, при желании, можно увидеть восточную группу Еми, подвергшуюся значительному влиянию со стороны русских и ненцев, тогда как коми-пермяцкий язык сохранил больше древне-финских черт, что приближает его к финскому больше, нежели язык зырян.

Подводя некоторые итоги вышесказанному хотелось бы отметить, что в большинстве поднятых А.И. Шёгреном научных проблем, он выступил не просто как ученый-новатор. Не смотря на всю внешнюю законопослушность и присущую ему обязательность, Шёгреном не боялся делать смелые умозаключения и выдвигать гипотезы, не всегда согласующиеся с мнением крупных научных авторитетов, что сближает его научное мировоззрение с романтическим нонконформизмом более молодых современников. Идеи, выдвинутые Шёгреном, по сей день дискутируются учеными, находя или не находя документального и материального подтверждения, что еще раз подчеркивает перспективность дальнейшего изучения рукописного наследия первого профессионального исследователя, вышедшего в финно-угорское поле России и приведшего туда своих последователей.

⁷² Загребин А.Е. А.И. Шёгреном: в поисках финно-угорского Севера // Вестник Поморского университета. 2006. № 6. С. 100–101.

М.А. Кастрен: дорога длиною в жизнь

1830–1840-е гг. стали временем чрезвычайно важным в истории европейской этнографии и этнографии народов России в особенности, поскольку накопленные в предыдущую эпоху полевые материалы и документальные свидетельства об экзотических народах были уравнивлены исследованиями, выполненными в духе патриотического родоисследования. Недавние ревнители универсальных моделей, допустили в свой круг искренних адептов национальной идеи в надежде совместными усилиями способствовать этническим исследованиям. Возникновение на этой волне инициативного единения этнографических и антропологических обществ, действующих параллельно прежним университетам и Академиям, по всей видимости, может расцениваться в качестве нового этапа структурирования науки о народах и культурах¹.

Одновременно с развитием организационных форм в этнографии происходила сложная интеллектуальная борьба двух научных начал, двух подходов к пониманию предмета этнографии, нашедшая свое выражение в проблеме определения этнического родства и в принципах классификации. Последователи немецкого антрополога И.Ф. Блюменбаха, предложившего теорию разделения человеческих рас, опирающуюся на анализ эмпирического материала, преимущественно морфологического, кроме краниометрии, активно использовали идеи географического детерминизма в истории человеческих сообществ и экологической вариативности культур. С другой стороны, национально ориентированные ученые, в большинстве своем оставившие надуманную героизацию прошлого, должны были предложить обществу нечто иное². Избранное ими, идущее еще от И.Г. Гердера фольклорно-этнографическое понимание культуры, должно было реализоваться в поиске и популяризации среди читающей публики памятников устного народного творчества. В данном случае прекрасной иллюстрацией может считаться пример с публикацией, переводами и интерпретациями эпоса «Калевала», ставшего символом культурной идентичности для форми-

¹ В 1839 г. было основано Парижское общество этнологии, в 1842 г. Американское этнологическое общество, а в 1843 г. Этнологическое общество в Англии. См.: *Токарев С.А.* История зарубежной этнологии. М., 1978. С. 24–25.

² Как писал М.А. Кастрен, обращаясь к согражданам: «Нам придется раз и навсегда отказаться от родства с эллинами, с десятью коленами Израилевыми и другими привилегированными нациями. Пока не известно, составит ли финский народ себе достойное имя в истории, но с уверенностью можно сказать одно, суд потомков будет зависеть не от деяний предков, но от качества наших поступков». Цит. по: *Castrén M.A.* Kleinere Schriften // *Nordische Reise und Forschungen*. St.-Petersburg, 1862. Bd. 5. S. 122.

рующей финской нации³. В свою очередь народный язык, обретя узаконенные формы, должен был натурализоваться в администрации, художественной литературе и научной в среде. Один человек, или группа энтузиастов могли взять на себя смелость сказать подобно М.А. Кастрену: «Я же со своей стороны совсем не забочусь о благородных предках и больше люблю таких, у кого в отцах состояли мельники, каменщики, вязальщики. Такова моя вера и я горжусь, что с каждым днем открываю все больше совпадений между финским и сибирскими языками»⁴. Здесь конечно же не обходилось без эпатажа почтенных современников, но только так можно было заставить их встряхнуться от дремы, поставив дело строительства нации во главу угла общественной жизни.

Этнографическое финно-угроведение приобретает в эти годы не только сугубо научное и прикладное значение, но и политическое измерение⁵. Дело в том, что Кастрен, его друзья и коллеги заложили не только первые камни в основание финской нации, они сформулировали саму идею финно-угорского (уральского) родства, когда разделенные огромными расстояниями, языковыми и бытовыми особенностями народы, наделены общим происхождением и древней историей⁶. В этом случае текст научного сообщения и школьного учебника оказался не менее значимым, чем мифологические представления о едином прошлом.

³ См., подробнее: *Kaukonen V.* Das Kalevala – ein homerisches Epos // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen.* 1985. Bd. 5. S. 11–24; *Lakó G.* Das Kalevala als Quelle ung.-finn. Kulturbeziehungen // *Virittäjä.* 1971. Vol. 2. S. 197–198. *Wilson W.A.* Folklore and Nationalism in Modern Finland. Bloomington–London, 1976.

⁴ *Castrén M.A.* Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // *Nordische Reise und Forschungen.* St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 144.

⁵ *Fewster D.* Visions of Past Glory – Nationalism and the Constructions of Early Finnish History. Helsinki, 2006. P. 99–100.

⁶ М.А. Кастрен писал по этому поводу: «До последних времен на все финское племя не обращали почти никакого внимания. Не зная древних судеб онога, разбросанные ветви его почитали бесполезными побегами родового древа человечества, которые историк преспокойно обрубал, предавая забвению и гибели. Если в последнее время воззрения на это племя начали изменяться, то этим мы по преимуществу обязаны Петербургской Академии наук. Ученые экспедиции посылаемые ею для обработки этнографии, статистики и естественной истории России, обнаружили мало по малу связь, существующую между живущими в России народами финского происхождения. И так как оказалось, что ветви финского племени с древнейших времен сосредоточились возле Уральских гор, то и начали обозначать все племя названием Уральского и придавать ему немалое значение во всемирной истории». Цит. по: *Castrén M.A.* Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 74.

Матиас Александр (финск. Матиас Александери, русск. Александр Христианович) Кастрен (1813–1852) родился в приходе Тервола на р. Кемь, в шестидесяти километрах от полярного круга, в самой северной – Улеборгской губернии Великого княжества Финляндского. Отец его был пастором, а мать посвящала себя хозяйству и заботам о многочисленном семействе. В 1821 г. семья перебралась еще дальше на север, в неофициальную столицу финской Лапландии г. Рованиemi, где для старших детей смогли нанять домашнего учителя. Но, юный Матиас Александр не показывал заметного прилежания к учебе, ровно до тех пор, пока продолжалась эта краткая идиллия. В 1825 г., когда умер отец, семья Кастренов оказалась в крайне тяжелом положении, вынужденная жить на скудную пенсию, изредка пользуясь помощью родственников. В двенадцать лет Кастрен ушел из дома в Улеборг/Оулу, чтобы поступить в гимназию и тем облегчить матери прокормление младших детей. Живя частными уроками, советами и поддержкой дяди-пастора, он в 1830 г. с пятью рублями в кармане и в домотканой одежде отправился в свое первое большое путешествие в столицу княжества, г. Гельсингфорс/Хельсинки⁷. Двумя годами ранее, после большого пожара, университет был переведен из прежней «шведской» столицы края г. Або/Турку на юг, поближе к Санкт-Петербургу.

Первоначально молодой Кастрен, подобно многим сверстникам из разночинного сословия, намеревался продолжить семейную традицию и стать пастором, где-нибудь в тихом уголке, но университетская атмосфера борьбы старого уклада с вольнолюбивыми веяниями нарастающей фенномании предрешила его выбор⁸. Увлечение философией Г.В.Ф. Гегеля, по его собственному признанию, стало самым ценным приобретением студенческих лет. Младогегелианские настроения привели его в университетский кружок, больше известный как «Субботное общество/Laulantaiseura», основанный преподавателем философии И.В. Снельманом и поэтом-романтиком И.Л. Рунебергом. Наиболее тесные отношения сложились у М.А. Кастрена со Снельманом, многие идеи которого он разделял⁹. Не раз радикализм «финнизиру-

⁷ *Setälä E.N.* Zum andenken Matthias Aleksander Castrén // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1901. Bd. 1. S. 1–5.

⁸ См., например: *Liikanen I.* Fennomania ja kansa. Joukkojärjestäytymisen läpimurto ja Suomalaisen puolueen synty. Helsinki, 1995.

⁹ И.В. Снельман считал, что лишь просвещенные нации способны предложить такую философию, которая может стать полноправным звеном в цепи общечеловеческого развития, поэтому было необходимо создание в Финляндии национальной культуры и науки. Финский народ погибнет, если не найдет в себе силы подняться до положения нации, не сформирует в себе национальный дух. Национальная программа Снельмана звучала так: Финляндия должна

ющего» студенчества испытывал терпение правящей в княжестве шведоязычной аристократии и вызывал опасения встревоженных очередной французской революцией и польским восстанием имперских властей. После антиправительственного инцидента и временного отстранения от учебы большой группы студентов, в том числе и Кастрена, единственным легальным выходом идей народолюбия стала культурная и просветительская деятельность студенческих землячеств. В научном и методологическом отношении серьезное влияние на него оказала активно развивавшаяся в эти годы сравнительная индоевропеистика, в частности труды Р.К. Раска, Ф. Боппа, К.Ф. Беккера и В. фон Гумбольдта¹⁰. Под влиянием чтения лингвистической литературы и впечатлением от «калевальской» собирательской деятельности друзей, основным занятием Кастрена в университете становится научное изучение языков, прежде всего финского и саамского, затем пришел интерес к восточным (тюркским) языкам, в плане их сравнения с языками финно-угорского происхождения¹¹. Немалую пользу оказали его первоначальные занятия древними языками, необходимыми для возможного соискания пасторского сана. Так университетский дух, захватив молодого провинциала, без гроша в кармане, но с большими амбициями, привел его к осознанию главного дела всей жизни¹².

В экспедициях: Летом 1838 г., готовясь к защите докторской диссертации, М.А. Кастрен совершил свою первую экспедицию к саамам, на первый взгляд больше напоминавшую ознакомительную экскурсию, описанную автором в свойственном его ранним сочинениям поэтическом стиле: «Беспрерывный вид заоблачных скал и шумящих водопадов производил одурманивающее действие. Человек на долгое время пере-

стать финской, а не шведской, в стране должен господствовать единый язык и единый дух национального самосознания. См., подробнее: *Karkama P.* The individual and national identity in J.V. Snellman's Young-Hegelian theory // *National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries.* Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1999. Vol. 6. P. 141–152.

¹⁰ См., подробнее: *Kecskeméti I.* M.A. Castrénin kirjasto // *Bibliophilos.* 1964. Vol. 23. S. 9–14; *Ravila P.* M.A. Castrén – Philologist // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1952. Vol. 56. P. 12.

¹¹ *Haavio M.* M.A. Castrén and Finnish Folk-Lore // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1952. Vol. 56. P. 19–21.

¹² М.А. Кастрен писал: «С пятнадцатилетнего возраста я принял решение отдать труд моей жизни изучению языка, религии, обычаев, образа жизни и всех других этнографических условий финского племени и других родственных племен». Цит. по: *Castrén M.A.* Reiseerinnerungen aus den Jahren 1833–1844 // *Nordische Reise und Forschungen.* St.-Petersburg, 1853. Bd. 1. S. 3.

стает воспринимать дикую игру природы. Душа теряет гибкость, не охватывая уже всех проявлений грозной стихии. Но когда природа возвращается к покою, и бурные стихии в мирном союзе отражают ее красоту, тогда и в человеке пробуждаются радостные чувства. И, замечательно, что самая прекрасная природа превращается в безжизненное тело, если из нее исчезает след человека, в то время как какой-нибудь верстовой столб, сломанное весло, остатки костра, малейший пустяк указывающий на властелина природы, сразу же разливает жизнь и благополучие даже в самой мрачной пустыне»¹³. В окружении друзей, он посетил знакомую ему с детства финскую Лапландию, где пробыл около двух месяцев, пробираясь сквозь топкие и мшистые пространства за своими первыми полевыми материалами. По возвращении в Гельсингфорс, он защитил диссертацию сравнительно-лингвистического содержания, построенную на финских, эстонских и саамских языковых материалах и получил преподавательское место в университете¹⁴. Осенью того же года состоялось знакомство Кастрена с приехавшим на родину академиком А.И. Шёгреном, подыскивавшим кандидатов для участия в предполагаемой экспедиции в Сибирь¹⁵. Участвовавшие в конкурсе молодые финляндские ученые М.А. Кастрен и Г. Валлин, надеялись реализовать с его помощью свои научные планы.

Но решение вопроса затягивалось, и увлеченный идеей перевода рун «Калевалы» на шведский язык, летом 1839 г. Кастрен, получивший небольшую стипендию от Финского Литературного Общества, совместно с собирателем эпоса Э. Лённротом, отправился в поездку по «калевальским местам» русской и финляндской Карелии. Интересен сам факт, подвигнувший его к путешествию – желание углубленного и приближенного к действительности изучения рунической поэзии. Очевидно, что кредо Кастрена, как ученого, состояло в понимании того, что нельзя быть сведущим в предмете исследования, не наблюдая его в жизненном практическом измерении. С другой стороны, несколько странное для феннофила стремление сделать перевод рун на шведский язык было объяснимо тем, что еще очень не многие представители интеллигенции могли в те годы читать по-фински. Таким образом, данный перевод можно истолковать как попытку приобщения/возвращения

¹³ *Castrén M.A. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1833–1844 // Nordische Reise und Forschungen. St.-Petersburg, 1853. Bd. 1. S. 33.*

¹⁴ *Castrén M.A. Dissertatio academica de affinitate Declinationum in Lingua Fennica, Esthonica et Lapponica. Helsingforsiae, 1839.*

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–2. Предложение академика Шёгрена об отправлении финского ученого Кастрена для исследования Сибири в этнографическом отношении; Очерк жизни и трудов Кастрена // Вестник Императорского РГО. 1853. Ч. 3. С. 103.

щения образованного сословия, утратившему «запах родной земли», к народному слову. Патриархальные устои хранителей карело-финской древности живо описаны Кастреном в путевых заметках, начинающихся со следующего: «Как только я вступил в область Карелии, для меня открылся совсем новый мир. Уже внешняя сторона жизни карелов, как она выражается в их нравах и быте, переносит исследователя в былое, но, прежде всего, старина проявляется во внутренней жизни народа, в его чувствах и мыслях»¹⁶. Окунувшись в этнографическую реальность, он смог лично пообщаться с рунопевцами и успешно завершить свой поэтический перевод песен народной мудрости, вскоре опубликованный Финским Литературным Обществом¹⁷. Сделанный Кастреном перевод, в силу его простоты, приближенности к оригиналу, стал не только залогом популярности эпоса среди читающей публики Финляндии, но и был положен в основу первых его переводов на иностранные языки.

В 1841 г., по предложению Э. Лённрота, они отправились в длительное путешествие по северной Лапландии и Архангельской губернии, намереваясь посетить самые глухие поселения саамов-шаманистов. Двигаясь по р. Кеми и о. Инари, путешественники к зиме вышли в норвежскую часть Лапландии, затем обследовали местности близь Колы, Кандалакши и Кеми. Весной они переправились в Соловецкий монастырь, а оттуда в Архангельскую губернию. Несмотря на трудности и лишения пути, Кастрен находился, по-видимому, в приподнятом состоянии духа: «Куда ни глянь, всюду, в каждой точке этого бескрайнего снежного моря, улавливается чуть заметное движение, какое-то едва уловимое колыхание, и так восхитительно это все, что при виде этого зрелища, душа так и тает. Обратив взор на горные вершины, ты узиришь их в венце пламенеющего сияния; оно возникает как будто из самой горы, точно пламя вырывающееся из кратера вулкана. Это сияние разливается по всему небу, вспыхивает и исчезает, чтобы спустя некоторое время появиться вновь. Одним словом, красоту природы можно увидеть в Лапландии, ровно так же как и в Италии, стоит только раскрыть душу впечатлениям, оставив все заранее составленные представления»¹⁸. Эти прозаические тексты, выполненные в духе близком стихотворениям Гёте «Kennst du das Land wo die Citronen blühn?» и «Wandersland», подчеркивают литературные способности Кастрена, в буквальном смысле совмещающего науку и поэзию. Перемещающимся на лодке по бурным северным рекам, а по суше – на саамском кересе, ученым неоднократно доводилось испытывать разного рода трудности

¹⁶ *Castrén M.A. Reiseerinnerung aus den Jahre 1833–1844. S. 77.*

¹⁷ *Kalevala. Öfversättning. 1–2 Delen. Helsingfors, 1841.*

¹⁸ *Castrén M.A. Reiseerinnerung aus den Jahre 1833–1844. S. 155.*

и, порой, попадать в трагикомические ситуации, когда целые саамские деревни прятались при их приближении, принимая их за сборщиков податей, или когда Кастрену пришлось бороться не на жизнь, а на смерть с взбесившимся оленем¹⁹. В дороге же он получил долгожданное письмо из Санкт-Петербурга от А.И. Шёгрена о том, что вопрос о его исследовательской поездке в Сибирь получил положительное решение Академии наук²⁰.

Предполагая, что главным объектом его сибирской командировки станут народы тундры, Кастрен решил не ехать со своим спутником в Олонецкую губернию, используя время, оставшееся до новой экспедиции для изучения ненцев, кочующих зимой на северо-востоке Архангельской губернии. Не желая бездействовать до наступления холодов, летом 1842 г. он отправился по Белому морю к саамам терского берега. Неожиданно налетевший шторм оторвал его баркас от корабля и вынес Кастрена на безлюдный берег, где он в бреду пролежал три дня в холодной рыбацкой хижине, пока его не нашла таможенная стража. Он описал свое состояние так: «Я опять впал в лихорадочный бред. Мне казалось, что я окружен разбойниками и, пытаясь скрыться от них, я метался по своему темному убежищу. Считая избу недостаточно надежным местом, я бросился к лесу. Узкая тропа привела меня к маленькому ручью, окаймленному березами и кустами бузины. Это вернуло мне сознание, и я прилег у журчащего ручья, прислушиваясь к пению птиц и вдыхая запах цветов. Моя голова была так тяжела, что я не мог оторвать ее от земли, при каждой попытке меня охватывало головокружение и сознание терялось, но чем дальше, тем легче мне становилось»²¹. Описанное

¹⁹ *Castrén M.A. Reiseerinnerung aus den Jahre 1833–1844. S. 102, 157.*

²⁰ В начале 1842 г. получив долгожданное письмо от А.И. Шёгрена, Кастрен писал в ответ: «С живейшею благодарностью признаю я свою обязанность вам, приготовившем мне случай путешествием в Сибирь осуществить любимую мысль мою. Что касается предложенного мне пособия в 6.000 рублей ассигнациями, то оно, кажется, если не щедро, то по крайней мере, достаточно для пропитания, а на большее я и не претендую». Цит. по: Очерк жизни и трудов Кастрена. Некролог // Вестник Императорского РГО. 1853. Ч. 3. С. 100; Об участии А.И. Шёгрена в организации экспедиции Кастрена писал профессору Гельсингфорского университета Я.К. Гроту редактор журнала «Современник» П.А. Плетнев: «Забыл тебе сказать в прошлый раз, что конференция Академии наук по ходатайству финна-академика (все забываю его фамилию) определила выдать Кастрену на два года, помнится, по 2 тыс. рублей ассигнациями, чтобы он мог продолжить свои филологические исследования на севере». Цит. по: *Терюков А.И. А.М. Шёгрэн и М.А. Кастрен // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. Историко-культурный контекст и личность. СПб., 1998. С. 11.*

²¹ *Castrén M.A. Reiseerinnerung aus den Jahre 1833–1844. S. 174.*

в такой романтической манере потрясение оставит неизгладимый след в его жизни, развившейся тяжелой болезнью, но как писал сам Кастрен: «...кто в увлечениях молодости не готов жертвовать жизнью за идею!»²². В Архангельске, выздоравливающий Кастрен нанял себе слугу-ненца, чтобы тот учил его «самоедскому наречию», надеясь вскоре опробовать приобретенные навыки в тундре. Тогда же, он получил столь необходимую для предстоящего путешествия денежную субсидию в 1000 рублей от Финляндского Сената. Столь существенная сумма еще раз подчеркивает заинтересованность властей автономии в научных исследованиях, направленных на идентификацию финнов в историческом времени, языковом окружении и географическом пространстве.

Ранней зимой 1842 г., едва оправившись от приступов горячки и слегка попрактиковавшись в ненецком языке с помощью слуги-ненца, Кастрен выехал из Мезени в Канинскую тундру, направляясь к кочевьям в устье Печоры. Как он сам писал: «Ни на какие удобства рассчитывать не приходилось; предстояла жизнь с ночевками в пустынной тундре, то в убогих самоедских чумах, то в тесных избах русских колонистов, в которых снег пробивается сквозь дырявые стены, а пламя свечи задувается ветром, где один только волчий тулуп может защитить от стужи. Но ученый путешественник должен всюду чувствовать себя как дома, и внешние препятствия не должны помешать ему исследовать ту область, в которой он может найти что-либо полезное для его цели»²³. Работая с информантами ненцами и коми-ижемцами в чумах и на постоянных дворах, он писал со своей летней стоянки в д. Колва: «Меня мучила жара и сырость. Мне не давали покоя комары, насекомые и целая куча крикливых детей. Хотя я привык работать во всяких условиях, но здесь мне трудно было собраться с мыслями, и я часто уходил в погреб, устроенный под моей избой. Здесь под землей я писал свою зырянскую грамматику, но и здесь моим занятиям мешали крысы и мыши. Самоедским языком, который был в Колве главным предметом моих занятий, я вынужден был заниматься на верхнем этаже, так как мой учитель питал ужас к моей преисподней и неохотно спускался в ее лоно»²⁴. Можно отметить, что Кастрен весьма успешно конструирует своими записками героический образ ученого-романтика, преданного своей идее настолько, что готов пройти самые различные круги испытаний и спустится на самые нижние уровни ради достижения поставленной цели.

Осенью 1843 г. по снежному пути он вновь тронулся в путь, направляясь к отрогам заполярного Урала и далее к низовьям Оби и

²² *Castrén M.A. Reiseerinnerung aus den Jahre 1833–1844. S. 177.*

²³ *Ibid. S. 202–203.*

²⁴ *Ibid. S. 254.*

Обдорску, который показался ему тогда вершиной цивилизации. «Эта деревня была для меня Лондоном, Парижем и Берлином одновременно и, хотя здесь невозможно было найти ни одной книги кроме Сибирского Регламента, хотя здесь не издавалось никакой другой газеты, кроме той, что в сумерках сочиняют женщины; здесь нет ни собрания древностей, ни естественных наук; но положительно все здесь могло бы свободно послужить украшением любого музея»²⁵. Из этого, как и предыдущих отрывков, складывается некоторое представление о Кастрене как о человеке, чье душевное самочувствие нуждалось в постоянной подпитке из двух источников. С одной стороны, это должен был быть мир естественной освобожденной природы, дикая красота которой сочеталась с простотой нравов ее обитателей. С другой стороны, он был привязан к жизни большого города, общественная среда которого позволяла раскрыться его индивидуальности и добиваться признания современников. В Обдорске Кастрен окончательно слег, долго не веря в свою способность преодолеть такое расстояние в самых тяжелых климатических и бытовых условиях. Местный врач посоветовал ему поскорее вернуться на родину и серьезнейшим образом заняться лечением, но времени не было, впереди была главная поездка – цель всей жизни, экспедиция в Сибирь. За краткий период пребывания в Гельсингфорсе, он успел ощутить первые звуки славы – его коми-зырянская грамматика получила 2-ю Демидовскую премию Санкт-Петербургской Академии наук²⁶. Успешно прошла защита диссертации на степень доктора философии²⁷. Кроме того, Кастрен обнаружил еще один источник для расширения своего финно-угорского кругозора, открыв способ, которым в последствии будут пользоваться многие исследователи. А именно, среди русских солдат расквартированных в столице Великого княжества, он нашел одного марийца, занимаясь с которым составил свою грамматику марийского языка, приобретенную и изданную университетом²⁸.

Ранней весной 1845 г. М.А. Кастрен в сопровождении кандидата философии И.Р. Бергстади выехал в свою последнюю экспедицию, продолжительностью без малого четыре года. Путь его лежал через Новгород, Тверь, Нижний Новгород, Казань и Пермь в Тобольск, проходя по землям, населенным родственными финнам народами Поволжья, Урала и Сибири. Само настроение его первых дневниковых записей выдает то тревожное ожидание, что сопровождало Кастрена с

²⁵ *Castrén M.A. Reiseerinnerung aus den Jahre 1833–1844. S. 279.*

²⁶ *Castrén M.A. Elementa grammatices Syrjaenae. Helsingforsiae, 1844.*

²⁷ *Castrén M.A. De nominum declinatione in lingua Syrjaena. Specimen academicum. Helsingforsiae, 1844.*

²⁸ *Castrén M.A. Elementa grammatices tschremissae. Kuopio, 1844.*

момента выезда из Гельсингфорса: «Я ехал по необозримым равнинам, они были словно тундры без леса, пустынно и однообразны; порой, сквозь растаявший снег проглядывали темно-коричневые глыбы земли совершенно как в болотистой тундре. Дорога была безлюдна, непогода стерла все признаки жизни, метели замели снежной пеленой деревни и дома»²⁹. Первое знакомство Кастрена с историей и культурой восточно-финских народов состоялось в результате вынужденной по ухудшению здоровья остановки в Казани, где, собирая материалы по ранней истории края в архивах и университетской библиотеке, он постепенно познакомился с местным ученым сообществом. Как писал сам путешественник: «Здесь, наконец, я остановился на несколько недель, но до сих пор еще не посвящен в таинства города. Дело в том, что у русских теперь страстная неделя, все говеют и молятся и, следовательно, недоступны взорам оглашенных. Точно также и я веду уединенную затворническую жизнь, но не столько размышляю о своих грехах, сколько о древнейших жителях Казанской губернии. Известно, что казанская земля, или средняя часть волжской речной области, была поприщем множества разных народов, из которых иные уже исчезли с лица земли, другие еще существуют, но большей частью, кажется, уже перестали играть роль во всемирной истории»³⁰. Следует отметить, что учрежденный в Казани в 1804 г. университет, привлек в город не только студентов и преподавателей, но и, во многом, сформировал культурное общество, признанным лидером которого в 1830–1840-х гг. было семейство Фуке³¹. Профессор медицины К.Ф. Фукс, прожил в Казани более сорока лет, проявив себя в самых разных сферах жизни, от популяризации культурного садоводства до занятий историческим краеведением и этнографией, его жена А.А. Фукс (Апехтина), была не просто местной уроженкой и горячим патриотом края, но и известной в городе писательницей, хозяйкой литературного салона, где собиралась казанская интеллигенция и бывали заезжие знаменитости³². В част-

²⁹ *Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // Nordische Reise und Forschungen. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 6.*

³⁰ Цит. по: *Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 11.*

³¹ *Baschmakoff N. «Казань – город мысли и науки». Казанские материалы XIX – начала XX веков в Славянской библиотеке Хельсинкского университета // Studia Slavica Finlandensia. 2000. Tom. 17. С. 326.*

³² Позволим себе привести описание одного из таких вечеров на квартире у Фуков, ранней зимой 1844 г. Фельетон (автор г-н. Второв) был опубликован в «Казанских губернских ведомостях», которые начали издаваться с 1 января 1838 г. В них содержались интересные сообщения о событиях местной жизни, исторические материалы и редакторские колонки о городской жизни, публичных лекциях, книжных, театральных и музыкальных новостях: «*Посетителей*

ности, супруги Фукс были авторами написанных в романтическом духе этнографических очерков о культуре народов казанского края – мордвы, чувашей, марийцев и удмуртов³³. Находясь в Казани и отдавая дань приятному общению, Кастрен большую часть времени посвятил завершению ранее начатой работы над грамматикой марийского языка, поскольку, кроме текстов на марийском языке, преимущественно переводов богослужебной литературы, ему удалось найти в городе достойно-

на вечер 1 декабря собралось несравненно больше, чем на предыдущие. Сам начальник губернии С.П. Шипов и супруга его явились на эту литературную беседу и приняли в ней самое живое, непритворное участие.

Чтение началось в назначенное время. Некто (Второв) прочитал отрывок из своих путевых записок, заключающий в себе описание Ревеля; о достоинстве этой статьи мы не приносим приговора. Следовавшее за тем чтение доставило всем истинное удовольствие. Это – прочитанное И.М. Симоновым несколько отрывков из путешествия его по Англии и Франции, отрывков, исполненных высшего интереса по разным встречам И.М. со многими замечательными лицами, и анекдотом, рассказанным красноречиво и увлекательно. После того, хозяйка дома, А.А. Фукс читала о пребывании А.С. Пушкина в Казани; эта статья любопытна по нескольким подробностям о незабвенном поэте; она может отнестись к числу материалов для его биографии. В дополнение к тому были прочитаны одним из посетителей несколько собственноручных писем Пушкина к А.А., свидетельствующих о его дружбе к нашей даровитой писательнице и уважении к ее талантам. Весьма близкое отношение к статье А.А. имело стихотворение на смерть Пушкина, соч. князя А.А. Долгорукаго, прочитанное самим автором вместе с некоторыми другими мелкими стихотворениями его же сочинения. За стихами опять следовала проза. К.О. Александров читал свою статью «Несколько слов о Гейне» и главу из его книги о романтической школе в Германии. Единодушное одобрение слушателей служит лучшим свидетельством достоинств этого сочинения, замечательного как по прекрасному изложению, так и по тому, что в нем едва ли не в первый раз на русском языке была представлена довольно полная характеристика этого одного из остроумнейших писателей нашего времени.

Чтение закончил по обыкновению почтенный хозяин дома К.Ф. Фукс, – любопытною статьею о татарских женщинах, обнаруживающею зоркую наблюдательность автора. В особенности интересны были письма, в которых татарки изъяснялись в любви к Карлу Федоровичу. Было уже довольно поздно, когда кончилось это чтение, и весьма многия статьи, приготовленные к настоящему вечеру, остались не прочитанными». Цит. по: Казань в ея прошлом и настоящем. Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города. СПб., 1890. С. 295.

³³ Фукс К.Ф. Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 году // Журнал министерства внутренних дел. 1839. Ч. 33; Фукс А.А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840; Она же. Поездка к вотякам Казанской губернии // Северная пчела. 1844. № 160. В письмах академику Шёгрену и своему другу Ф.И. Раббе, Кастрен писал, что изму-

го информанта – дьячка, марийского происхождения, который согласился поработать с ним³⁴.

Прожив в Казани около месяца Кастрен двинулся далее на Восток, в сторону Перми, Екатеринбурга и Тобольска. Проезжая по сибирскому тракту, он не переставал внимательно наблюдать за жизнью местных народов, одновременно обращаясь своим внутренним взором от путевых реалий к временам Биармии/Перми Великой. В Тобольске Кастрен должен был принять решение о выборе конкретного места для начала полевых исследований³⁵. Избранная Кастреном формальная метода предполагала разделение всего полевого исследования на три части: северную, или ненецкую; среднюю, или хантыйскую; южную, или тюрко-монгольскую. Вместе с тем, он четко осознавал, что многочисленные этнические миграции, происходившие на протяжении истории на пространствах от Алтайских гор до Северного Урала, привели к многочисленным лингвистическим и хозяйственно-культурным взаи-

ченный кашлем и катаром, он нашел долгожданное отдохновение в весенней Казани. В частности, профессор Фукс предложил ему совершить поездку в его загородное имение, расположенное в марийской сельской округе. Кроме того, Кастрен пишет о встречах с казанскими учеными, среди которых он особенно выделял преподавателей восточных дисциплин, нередко лично происходивших из тюркской среды и совершивших немало исследовательских поездок по странам Востока. См.: *Михайлова С.М., Коршунова О.Н.* Востоковедение и финно-угроведение в Казанском университете (XIX век) // *Studia Slavica Finlandensia*. 2005. Tom. 22. С. 138.

³⁴ *Сааринен С.* Финские финно-угроведы в Казани // *Studia Slavica Finlandensia*. 2005. Tom. 22. С. 153.

³⁵ В аллегорической форме «большого морского путешествия», М.А. Кастрен рисует картину выбора своего экспедиционного пути, пытаясь образным путем передать борьбу разума и чувств, возникшую перед главным делом его жизни: «От направления, принятого в самом начале, часто зависит успех всего дела. Но заблаговременное точное определение пути невозможно, потому что в лингвистическом и этнографическом отношениях Сибирь не много лучше океана, покрытого туманом; на что-то надобно, однако ж, решиться и решиться обдуманно, прежде чем пуститься странствовать, по этому обманчивому океану. Академия наук облегчила, конечно, эту заботу тем, что обозначила гавани, в которые мне следовало завернуть в продолжении моего странствования, но составление необходимых для этого морских карт она предоставила моему собственному благоусмотрению. В данной инструкции сказано касательно этого предмета, что маршруты мои должны определяться по преимуществу на месте указаниями людей сведущих. А так как до сих пор я не получил еще никаких указаний этого рода, то и о направлении предстоящего мне путешествия могу говорить только в самых общих четах». Цит. по: *Кастрен М.А.* Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 28–29.

мовлияниям. Таким образом, изучая одну, казалось бы, абсолютно изолированную группу, необходимо было искать ее возможные этнические связи или хотя бы намеки на них. План летних исследований 1845 г. предполагал изучение хантов в бассейне Иртыша и Оби, причем ключевым пунктом сбора информации должно было стать большое торговое село Самарово (ныне г. Ханты-Мансийск), где по сведениям Кастрена собирались представители различных хантыйских родов, говорящих на разных диалектах. Путь из Тобольска в Самарово, Кастрен и его спутник Бергстади решили преодолеть речным путем, чтобы иметь возможность общаться на остановках с манси и хантами. Впрочем, пребывание в Самарово не затянулось надолго, так как путешественники решили посетить ежегодную ярмарку на Верхней Оби в селении Силярское, чтобы иметь возможность увидеть как можно больше аборигенов края. Далее с более или менее продолжительными остановками в хантыйских деревнях, Кастрен намеревался добраться к осени до Сургута.

Неожиданно большой разлив рек едва не сорвал планы путешественников, около месяца скитавшихся по притокам Оби от одной полузатопленной хантыйской деревни к другой. Добравшись в августе до Сургута, Кастрен вынужден был сделать здесь месячную остановку по причине обострившейся болезни. Тем не менее, стараясь не потерять драгоценного времени, он обследовал все прилегающие к городу хантыйские селения и, как только состояние здоровья несколько поправилось, Кастрен решился на новое большое путешествие по реке. На большой обской лодке, он и Бергстади отправились в Нарым, до которого водой было не менее 800 верст³⁶. Делая остановки вблизи хантыйских летних стоянок, ученые старались зафиксировать лексические особенности местной речи, изучить образ жизни и материальную культуру жителей великой реки. Постепенно в сознании Кастрена складывалась общая картина расселения, языковых и хозяйственно-бытовых различий народа ханты, чьи локальные и диалектные группы распространились по огромной территории от Приполярного Урала до юго-восточной

³⁶ В свойственной ему трагикомической манере, М.А. Кастрен описал ту лодочную каюту, что приютила путешественников на время пути по Оби: «Это жилище мрака было и нашей столовой, и спальней, и кабинетом. Ящик заменял стол, в стульях не было необходимости, поскольку обедали по-римски; самовар был нашим камином. По всему этому нельзя было сказать, что каюта была слишком роскошна, но смотритель магазинов в Сургуте, человек весьма ученый и хороший христианин, уверял, что Диоген, который, по его мнению, был одним из величайших философов в мире и во всяком случае был большим христианином, нежели Платон, не имел такого превосходного жилища». Цит. по: *Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 104.*

Сибири. Наконец, в самом конце сентября путники причалили к Нарымской пристани, акватория которой уже начала покрываться льдом. Находясь в Нарымском крае, он по заданию Санкт-Петербургской Академии наук занимался проверкой данных о населении этой округи, что в свое время были собраны и опубликованы Ю. Клапротом, часто убеждаясь в спорности многих умозаключений немецкого ученого³⁷. Зимний путь нового 1846 г. вел Кастрена из Нарыма на юг в Томск и далее в Чулымский край и Красноярск. Оставив обские берега, дорога повела финского путешественника к Енисею, который как новая путеводная нить должен был вывести Кастрена на север в Туруханский край и в Дудинку, где он мог приступить ко второй «самоедской» части своей экспедиции.

Наступивший летний полевой сезон 1847 г., Кастрен вновь встретил в Енисейске, и никакой ревматизм, кашель и учатившиеся кровопускания не могли более удержать его от поездки, теперь уже на юг в Минусинск, к подножию Саян и далее на Алтай, туда, где по его все более укреплявшемуся мнению, следовало бы искать прародину финских народов³⁸. Поездки 1847 г. уведут его к китайской границе, к койбалам и сойотам. Заканчивалась «самоедская» часть экспедиции, теперь начиналось время тюрко-монгольских штудий. Между тем здоровье Кастрена слабело и наступившая зима 1848 г. привела его в Иркутск, где при надлежащем уходе и питании, он воспрял духом и вновь начал строить планы. Перейдя по льду Байкал и осмотрев величественные развалины буддийских храмов, он прибыл в Кяхту, его не остав-

³⁷ М.А. Кастрен, в частности, обратил внимание на то, что коренное население Томской губернии бывшее, по мнению Ю. Клапрота, хантами, таковым не является, имея много больше общего в языке с самодийцами. Сам Кастрен называл их просто остяко-самоедами, что вовсе не предполагало их происхождения путем слияния местных групп хантов и самодийцев. Так, финским ученым были открыты для науки селькупы в качестве самостоятельного аборигенного этноса Сибири.

³⁸ М.А. Кастрен словно дразнил финляндских адресатов своих писем мнимыми и явными прелестями далекого путешествия. В послании Ф.И. Раббе, Кастрен пишет: «Теперь скачу во весь опор в Минусинск, в живописные долины, к громадным горам и шумящим рекам, к тем местам, где собирались бесчисленные народы, которые вырезали свои письмена на крутых скалах, насыпали курганы высокие как башни. Как буду жалеть я тебя и других бедных людей, сидящих в холодном Гельсингфорсе, тогда как я буду лежать под сенью кедровых дерев, или купаться в волнах прохладного Абакана. Гарцуя на татарском скакуне по бескрайним степям, я представляю себе, как ты тащишься по улицам Гельсингфорса на старых клячах, печально понуривших головы, не забывая, однако, что я ношусь по первобытной земле наших предков». Цит. по: *Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 295.*

ляло желание вновь оказаться в Китае. Почти мистическое притяжение поднебесной империи, испытываемое учеными европейцами еще со времен средневековья, в случае Кастрена было помножено на фанатическую веру в собственную способность вскрыть печати древности. Раскапывая курганы, общаясь с китайцами и бурятами, он добрался к лету до Читы уже с совершенно расстроенным здоровьем, так, что по его собственному признанию, его единственной целью было живым возвратиться в Финляндию. Обратный путь стал для Кастрена, по сути дела, балансированием между жизнью и смертью, но герой должен был увидеть родину и родные лица, ради которых и было предприняты все усилия и перенесены все тяготы.

Встреча с Финляндией, состоявшаяся зимой 1849 г., не могла не обрадовать измученного долгими странствиями исследователя, когда общение с друзьями, равно как и возобновление преподавательской деятельности, казалось бы, открывали перед ним новые перспективы патристического служения и популяризации сделанных в экспедиции открытий³⁹. Однако косность и инертность мышления старой профессуры, не готовой принять радикальных, как им представлялось, суждений молодого человека, порой выводила Кастрена из душевного равновесия и заставляла подумывать о возвращении в «тундры», где было больше возможностей проявить самостоятельность в суждениях и решениях⁴⁰.

³⁹ По возвращению на родину, оставаясь доцентом Александровского университета в Гельсингфорсе, М.А. Кастрен был «определен на службу Академии наук в качестве путешественника-этнографа по северной экспедиции со всеми правами и преимуществами адъюнктов оной, со времени отправки в экспедицию до предоставления окончательного отчета». Цит. по: *Богораз В.Г.* Кастрен – человек и ученый // Очерки по истории знаний. Л., 1927. Вып. 2. С. 5.

⁴⁰ Чувство некоторой маргинальности его научных занятий не покидало М.А. Кастрена даже в экспедиции, например, в письме И.В. Снельману, он писал: «Относительно будущего я еще не составил себе никакого определенного плана. Если я не буду иметь возможности заработать себе кусок хлеба в Финляндии, что весьма вероятно, то я бы не прочь предпринять новое путешествие в Сибирь...». Цит. по: *Кастрен М.А.* Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 110; Порой Кастрен позволял себе весьма нелицеприятные высказывания в адрес своих университетских коллег, пребывавших в традициях кабинетной учености и текстуальной схоластики, называя их не иначе как «расой обскурантов, ленивых и хвастливых, которую гнев божий ниспослал нам в наказание», а также «толстопузыми иезуитами, которые лоснятся от жира, интригуют во мраке и клеветают по углам». См. *Богораз В.Г.* Кастрен – человек и ученый. С. 10. Думается, что пример жизни и научной работы Кастрена, стал тем образцом, которому необходимо было следовать энтузиастам этнографического финно-угроведения, когда статус ученого не считался действительным хотя бы без одного, а желательно нескольких полевых исследований.

Возвращение Кастрена на родину не разочаровало так долго ждавших его единомышленников, смелость его научных текстов публичных выступлений, безусловно, укрепляла фенноманскую идею строительства нации. Но даже из почитателей далеко не все были готовы поверить в столь горячо отстаиваемый исследователем тезис о родстве финнов с самодийцами и тем более с монголами.

Урал–Алтай, расы и народы: Исследовательский радикализм М.А. Кастрена воплотился, прежде всего, в генеральной идее всего его научного творчества, а именно, в попытке доказать существование древнего этногенетического родства финно-угорских (уральских) и тюрко-монгольских (алтайских) народов⁴¹. Отталкиваясь от предположений Р.К. Раска, В. Шотта и Ф.И. Видемана, считавших такое родство весьма вероятным, Кастрен поставил своей целью обнаружение практических свидетельств существования этнографических и лингвистических связей этих двух ветвей, отходящих, по его мнению, от единого ствола и корня⁴². Отдаваемый Кастреном приоритет экспедиционному изучению обско-угорских и самодийских народов был обусловлен, прежде всего, надеждой нахождения в лице сибирских народов недостающего переходного звена между финнами, тюрками и монголами⁴³. Таким образом, стремление доказать непрерывность древнеуральского

⁴¹ М.А. Кастрен пишет: «Представление о финнах как об изолированной группе народов совершенно не согласуется с той точкой зрения, что представляет сравнительное языкознание по вопросу о родстве народов. Исследователь не должен успокоиться ранее, чем найдет связующее звено, соединяющее финское племя с какой-нибудь важной остальной частью остального мира, а в том, что подобное связующее звено существует и даже в более очевидной степени, чем посмела бы предполагать самая смелая гипотеза, в этом я вполне убежден». Цит. по: *Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 75.*

⁴² См.: *Schott W. Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836; Wiedemann F.J. Über die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mitteleuropas. Reval, 1838; Räsänen M. Über die ural-altaische Sprachwissenschaft. Helsinki, 1965; Кукбаев Дж.Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972. С. 25–27.*

⁴³ Летом 1845 г. Кастрен сообщает в письме Ф.И. Раббе о своем видении «урало-алтайской проблемы» следующее: «Между прочим, благодаря нескольким малочисленным самоедским племенам, которые оставались до сих пор неизвестными и на которых я неожиданно наткнулся на Верхней Оби, алтайское происхождение финнов приобрело математическую достоверность. Вследствие этого открытия теперь можно проследить почти непрерывающуюся цепь самоедской семьи народов от Архангельска и Мезени вплоть до Прибайкальской страны. Но что-же тут общего с финляндскими делами – спрашиваешь ты меня. На этот вопрос я думаю в скором времени послать ответ в

населения на пространствах Северо-восточной Евразии становится научным кредо М.А. Кастрена как ученого.

Неоднократно звучащий в путевых дневниках и письмах Кастрена мотив «урало-алтайского родства» значительно усиливается в период его нахождения в Казани, где в местном университете складывается группа ученых с выраженными ориенталистскими интересами, столь близкими его собственным⁴⁴. Чем дальше углублялся Кастрен в свои сибирские палестины, тем острее он чувствовал слабость и недостаточность знаний об избранном им предмете. Знание одного языка и одного народа, каким бы глубинным и путеводным оно не казалось сначала, на деле оказывалось лишь тонкой гранью, отделяющей ученого от других более серьезных и значимых открытий. Работая как лингвист и свято веря в

Санкт-Петербургскую Академию наук, но не могу удержаться, чтобы не выболтать тебе следующего: язык новооткрытых самоедов обнаруживает встречающимися в нем изменениями букв и другими особенностями такое близкое родство между финским и самоедским, что если последний нельзя считать членом финского корня, то во всяком случае нельзя не признать языком, находящемся в ближайшем родстве с финским. Из этого следует, что оба народа должны иметь общую точку исхода, а этой точкой может быть только Алтай – это доказывается еще и некоторыми другими фактами. В продолжении лета я несколько ознакомился с татарским языком и открыл, что финский и татарский языки не только в грамматическом отношении, но и множеством слов обнаруживают такие важные сходства, что близкое родство их не может подлежать никакому сомнению. А татары, как известно, принадлежат также к числу древнейших алтайских народов, равно как монголы, которых в последнее время начали считать отраслью тюркского племени, имеющей и по языку родство с турками, или татарами. Следовательно и этот путь приводит нас к Алтаю как к первоначальному отечеству финнов. К этому присоединяется еще то, что остяки, составляющие несомненную часть финского племени, распространены почти до помянутого хребта. Наконец, нельзя не заметить, что многие названия мест в алтайских странах – финского происхождения». Цит. по: *Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849)*. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 63–64; Нельзя сказать, что путеводная идея не воздействовала на личное восприятие М.А. Кастреном изучаемых объектов и на соответствующие умозаключения. Например, этимологизируя происхождение названия р. Минуса, он использует часто встречающийся в фольклоре финно-угорских народов мотив противоборства двух богатырей за обладание спорным участком земли. В данном случае, он ссылается на легенду о двух братьях из народа Чудь, каждый из которых, отстаивая свое право на землепользование, восклицал: *min usa, min usa!* созвучное с финским: *minun osa* – «моя часть». См.: *Агеева Р.А.* Топонимика в трудах М.А. Кастрена // *История топонимики в СССР*. М., 1967. С. 32.

⁴⁴ См.: *Луутонен Й.* Деятельность финских тюркологов связанная с Казанью, и ее культурно-исторический контекст // *Studia Slavica Finlandensia*. 2005. Tom. 22. С. 161–164; М.А. Кастрен пишет об этногенетических гипотезах казан-

познавательные возможности сравнительного метода, Кастрен все чаще осознавал, что область его исследовательских интересов оказывается много шире, чем этимологии и суффиксы⁴⁵. Внимание его занимали люди с их словами, вещами и выражениями лиц, в которых, как в ретроспективном зеркале, старался он разглядеть свидетельства давно минувших эпох, а порой и предречь будущее. Иначе говоря, когда-то в юности «Калевала» открыла Кастрену дорогу на Север, который направил его на Юг, позволивший ему узнать многие народы, вновь открытые и ранее считавшиеся исчезнувшими. В пути, не переставая быть лингвистом, Кастрен стал этнографом, фольклористом и даже археологом, ведя долгие внутренние диалоги с авторами публикаций, содержание которых он тестировал на собственном полевом опыте⁴⁶. Думается, что

ских востоковедов следующее: «Дело в том, что по достаточным данным здесь дошли до предположения сродства между финским и турецко-татарским языками. В противоположность Клапроту и другим естествоиспытателям и филологам прежнего времени, новейшие писатели, и между ними по преимуществу казанский ученый Эрдманн, старались доказать, что и монголы по происхождению своему турки, следовательно, родственное финнам племя. К тому же результату приходим и через самоедское племя, которое с одной стороны, находится в родстве с финским, с другой стороны, с монгольским семейством народов... Этой цели можно достигнуть разными путями, например, отыскать через посредство самоедов родство между финским и монгольским племенем и чрез сравнительное изучение языков монгольского, финского и турецко-татарского. Для полнейшего изучения нашего отношения к Востоку весьма важно было бы также сравнить языки финский, тунгусский и манджурский». Цит. по: *Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849)*. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 20–21.

⁴⁵ В письме И.В. Снельману Кастрен описывает становление своего научного мировоззрения, превращая его, по сути дела, в программу перспективных исследований для многих поколений финно-угроведов: «Сначала я имел намерение посвятить себя исключительно монгольскому языку в надежде посредством его не только отыскать происхождение и родственные связи финнов, но может быть, и опровергнуть Блюменбахову теорию рас; обдумав, однако ж, хорошенько, убедился, что при настоящем положении языкоисследования дойду, таким образом, разве только до рюдбекианизма. Такое расширение исследований невозможно до тех пор, пока промежуточные языки не будут подробно исследованы в грамматическом и лексикальном отношении. А мы до сих пор не знаем еще даже ни характера, ни законов коренного финского языка; как же тут сравнивать этот X с монгольским Z-ом? Между тем именно на нас, то, финнах, и лежит обязанность подвергнуть исследованию все языки, находящиеся в более или менее близком родстве с финским, и можно быть уверенным, что на этом поприще труды наши непременно увенчаются успехом». Цит. по: *Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849)*. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 112.

⁴⁶ В пользу исследовательского полиморфизма М.А. Кастрена, говорит тот факт, что в 1849 г., по возвращению из экспедиции, выступая с лекцией «О

в методическом отношении экспедиционная работа Кастрена может считаться одним из первых прообразов современных этнологических исследований комплексного характера, другое дело, что в наши дни проекты такого масштаба выполняются крупными научными коллективами, состоящими из узких специалистов.

В наиболее полном и структурированном виде понятие предмета этнологии, применительно к урало-алтайским народам, было сформулировано в «Этнологических лекциях...» М.А. Кастрена, отмечавшего, что: «Есть еще одна отрасль знания, которую столько же по собственной своей склонности, сколько и по существу считаю себя обязанным сделать предметом своего курса, это – этнография. Это новое имя для старого предмета. Под ней следует понимать науку о религии, социальной организации, нравах и обычаях, образе жизни, жилищах, одним словом наука обо всем, что имеет своим содержанием внешнюю и внутреннюю жизнь народа. Этнографию можно было бы рассматривать как часть истории культуры, но не все народы имеют историю в высшем смысле этого слова. История таких народов и есть этнография»⁴⁷. Интересна и другая его мысль, отчасти противоречащая идеям академика Бэра: «Мы должны постепенно привыкнуть к мысли, что мы потомки презренных монголов, но можем апеллировать к будущему с вопросом: есть ли определенное различие между кавказской и монгольской расами? По моему мнению, – никакого. Что бы ни говорили естествоиспытатели о различном образовании черепа у кавказской и монгольской рас, остается достойный внимания факт, что европейский финн имеет кавказский тип, а азиатский – монгольский, что турок в Европе похож на европейца, а в Азии на азиата. Если угодно придавать значение этому физиологическому расовому различию, то половина

древнем местожительстве финского народа» перед студентами Гельсингфорского университета, он ограничился лишь констатацией, что: «...большинство финских, тюркских и самоедских народов образует одну замкнутую группу. Родство между финнами и тюрками языковеды признали уже давно...». Считая урало-алтайскую общность доказанной лингвистическим путем, Кастрен сосредоточился, прежде всего, на развитии аргументации хозяйственно-культурного, устно-поэтического, топонимического и этнопсихологического характера. По его мнению, совокупность разнородных источников указывает на местонахождение общей прародины уральских и алтайских народов на территории Западного Алтая, в верховьях рек Обь, Иртыш и Енисей. *Castrén M.A. Ueber die Ursite des finnischen Volkes // Nordische Reise und Forschungen. St.-Petersburg, 1862. Bd. 5. S. 7–8.*

⁴⁷ *Castrén M.A. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedische Märchen und tatarischen Heldensagen // Nordische Reisen und Forschungen. St.-Petersburg, 1857. Bd. 4. S. 7–8.*

финского и турецкого племен должна быть причислена к кавказской расе, а другая к монгольской, что нелепо»⁴⁸. Исходя из высказанных позиций, становится ясно, что Кастрен, с одной стороны отвергая расовый подход к проблеме этноса, приемлет идею стадильности в истории развития этнической культуры, специально отмечая, что: «Различие отдельных языков зависит не от различия рас, а от различия ступеней культуры, на которых стоят отдельные народы»⁴⁹. Как уже отмечалось, смелость суждений Кастрена об урало-алтайском родстве и расах, порой, пугала даже его друзей фенноманов, вынужденных искать аргументы для противостояния попыткам прошведско ориентированных соотечественников продлить политическую и культурную гегемонию, с другой стороны пытавшихся убедить имперские власти не распространять унифицирующие нормы на сферу языка и систему образования автономии⁵⁰. В этом случае, самоеды и монголы никак не вязались с образом этноса претендующего на культурное самоопределение.

Истоки кастреновской философии истории и его понимание природы этнического кроются, по-видимому, в хорошо усвоенных уроках Гегеля, также выделявшего народы «исторические» и «неисторические». Думается, что ничего странного и тем более оскорбительного в такой постановке вопроса не было, скорее, здесь было другое, а именно, ощущение перспективы, открывавшейся перед уральскими и алтайскими народами в далеком или недалеком времени выйти на арену большой европейской науки и политики со всеми их плюсами и минусами. Историзм научного мышления Кастрена, как видно из многих его текстов, часто балансировал между теоретическим оптимизмом ученого и пессимизмом непредвзятого наблюдателя. При этом, хотелось бы специально подчеркнуть выявленную им особенность истории народов, чья история недостаточно была обеспечена письменными источниками. И, поскольку их история, по Кастрену, есть этнография, следовательно, при дальнейших научных реконструкциях прошлого, важнейшее развитие должна получить этнографическая наука. Этнографичность истории финно-угорских народов уже тогда не ставилась под сомнение в ученых кругах, но, учитывая тот научный авторитет и романтический ореол, что приобрел вскоре финский ученый, будущее финно-угорской этнографии было обеспечено. Преемственность кон-

⁴⁸ *Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // Nordische Reisen und Forschungen. St.-Petersburg, 1856. Bd. 3. S. 161.*

⁴⁹ *Castrén M.A. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedische Märchen und tatarischen Heldensagen. S. 17.*

⁵⁰ *Лунтinen П. Отношения между финнами и русскими во времена Великого княжества Финляндского // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприимчивости. XVII–XX вв. М., 2006. С. 65.*

цептуальных идей и методических приемов первопроходцев этнографического финно-угроведения и урало-алтайстики была подкреплена тем, что М.А. Кастрен, начав университетское преподавание тех знаний, что были накоплены им, его предшественниками и современниками⁵¹. Весной 1851 г. он был назначен профессором вновь учрежденной кафедры финского языка и литературы в Александровском Императорском университете в Гельсингфорсе.

Примечательно, что в своей инаугурационной профессорской речи М.А. Кастрен дал обзор исследованных им в экспедиции уральских и алтайских народов, тогда как первую лекцию посвятил «Калевале», начиная теперь уже со своими студентами путь за финскими древностями⁵². Думается, что в этом решении для Кастрена было заключено осознание того, что, найдя былую родину всего финского рода, он вернулся домой. Примирившись с самим собой и в чем-то обуздав собственную гордыню, герой-свободолюбец, очарованный странник и иронический бытописатель нашел, наконец, то, что искал столько лет – уверенность в правоте своих научных открытий, общественное признание, любовь и даже семью. Жаль, только счастье его было недолговечно.

Финно-угорские народы России в путевых записках М.А. Кастрена: Народоведческое финно-угорское наследие М.А. Кастрена столь многообразно и разнопланово рассыпано по различным текстам и контекстам его путевых записок, что уместно было бы, наверное, сосредоточиться лишь на некоторых аспектах, представляющихся наиболее значимыми и значащими.

Миновав 2000 верст, отделявших Гельсингфорс от Казани, М.А. Кастрен сделал в этом городе на Средней Волге свою первую длительную остановку, оказавшуюся весьма продуктивной в научном плане, ибо наступившая весенняя распутица и обострившаяся болезнь, по его собственному признанию, способствовали размышлениям о судьбах былых и ныне здравствующих народов. Действительно, пребыванию Кастрена в Казани финно-угроведение обязано появлению оригинальной и во многих чертах обоснованной концепции исторического развития волжско-финских и пермских этносов.

Рассматривая территорию Казанской губернии в качестве исходной точки своих ретроспективных рассуждений, Кастрен осознает, что со-

⁵¹ Не случайно, Л.Я. Штернберг назвал М.А. Кастрена «...первым в мире профессором этнографии, первым провозгласившим этнографию полноправной университетской наукой». Цит. по: *Штернберг Л.Я.* Кастрен – алтаист и этнограф // Памяти М.А. Кастрена: К 70-летию со дня смерти. Очерки по истории знаний – II. Л., 1927. Вып. 2. С. 56.

⁵² *Rapola M.* M.A. Castrén as a university teacher // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1952. Vol. 56. P. 15.

временная ему этносоциальная и демографическая структура края является результатом длительных и сложных процессов, затронувших, в большей или меньшей степени, все народы Восточной России. Выделяя на основе данных официальной статистики три численно доминирующие в губернии этнические группы – русских, финских народов и татар, он переводит язык цифр на язык исторической динамики: *«После многократных, но в древнейшие времена малоизвестных народных передвижений, происходивших в пределах казанской части волжской речной области, и в настоящее время существуют еще здесь три племени, которые господствовали в этих местах одно после другого, а именно: финское, татарское и славянское»*⁵³. Исходя из логики автора, именно народам финского происхождения принадлежит первенство в освоении Среднего Поволжья, но как с этим согласуются величественные развалины булгарских времен, которые ему довелось наблюдать вблизи Казани. Ответ будет сокрыт в загадке этнической принадлежности чувашей, причем, приводя различные версии их этногенеза, в том числе авторитетное мнение академика К.М. фон Фрэнца, считавшего чувашей потомками булгар, Кастрен предполагает, что *«чувашши – татарская ветвь черемисов»*⁵⁴. Столь необычное на первый взгляд умозаключение поддается толкованию, опираясь на гипотезу «урало-алтайского родства, подкрепляемую Кастреном ссылками на известную общность в образе жизни, сходствах в обрядах и языке, чересполосном расселении. Также, он ссылается на Нестора, в летописи которого не упоминается такой этноним как «чуваш», зато фигурируют черемисы понимаемые, по предположению финского ученого, в качестве собирательного названия финских народов казанского края⁵⁵. Обращаясь уже непосредственно к истории марийского народа, Кастрен отмечал его немалую роль в средневековой русской истории, в частности в период борьбы за присоединение Казанского ханства к Москве, когда мари заявили о себе как поборники свободы. Характеризуя этнические особенности мордвы, *«...составляющей самую южную ветвь приволжских финских племен»*⁵⁶, Кастрен отмечает, прежде всего, дисперсность расселения этого народа в условиях существующего административно-территориального деления империи, усиленного еще изначальной дуальностью этноса, подразделенного на мокшан и эрзян. Немаловажным

⁵³ Цит. по: *Кастрен М.А.* Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 12.

⁵⁴ Там же. С. 13.

⁵⁵ *Димитриев В.Д.* О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII вв. // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1964. Вып. 27. С. 118–132.

⁵⁶ Цит. по: *Кастрен М.А.* Путешествие в Сибирь (1845–1849). С. 14.

моментом для исследователя являлся вопрос о степени проникновения тюркского/татарского компонента в этнические культуры поволжских финнов. Совокупность разного рода сведений позволила Кастрену резюмировать, что «...все три народа, принадлежащие к волжскому племени: и чуваша, и черемисы, и мордва, – более или менее отатарились и именно этим-то и отличаются от всех других ветвей, принадлежащих к финскому племени»⁵⁷.

В сознании М.А. Кастрена общность финских народов Восточной России представляется в виде этнографической и территориальной непрерывности, когда уже в Казанской губернии происходит встреча поволжских и пермских финнов: «К финскому приволжскому населению примыкает на севере пермское племя, самую южную ветвь которого составляют вотяки. Северные соплеменники их суть пермяки и зыряне – две ветви, которые можно принять за одну, потому что и по языку, и по нравам их нельзя отделить друг от друга»⁵⁸. Континуум подчеркивается автором специальной оговоркой о том, что вотяки (удмурты) представляют собой своеобразное связующее звено, перекидывающее этнографический мост от Волги до Камы, и далее в земли коми. Причем, по его наблюдениям, «северные вотяки сходны с теми последними, южные же ближе к черемисам»⁵⁹. Понятие этнокультурного континуума в истории волжских и пермских финнов подталкивает автора к мысли о возможном в прежние времена могуществе и уровне общественного развития, соответствующем периоду государствообразования. Примерами такого рода объединений он видит средневековые торговые державы Пермь Великую/Биармию и Волжскую Булгарию, причем: «к первой принадлежали исключительно финские народы, как пермского, так и карельского племени. Последняя совмещала в себе, кроме болгар, которых происхождение еще не определено, все приволжские финские племена»⁶⁰. При всем романтическом порыве и желании увидеть величественные дела предков, Кастрен остается верен своим мировоззренческим установкам, почерпнутым из работ Гегеля, учившего, что народу для того, чтобы достигнуть высот гражданственности, необходимо пройти сложный и многоэтапный путь культурной эволюции и воспитания личности⁶¹. Как раз в этом пункте финский иссле-

⁵⁷ Цит. по: Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). С. 14.

⁵⁸ Там же. С. 14.

⁵⁹ Там же. С. 14; См. также: Белых С.К. Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках // Финно-угроведение. 1995. № 2. С. 3–17.

⁶⁰ Цит. по: Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). С. 14.

⁶¹ См., например: Väyrynen K. Der Prozess der Bildung und Erziehung im finnischen Hegelianismus. Helsinki, 1992. S. 113–119.

дователь находит подтверждение своим мыслям: «Если с одной стороны, и нельзя допустить, что ни одна из обеих упомянутых держав не составляла замкнутого в самом себе государства с общими для всех законами и учреждениями, но была раздроблена на мелкие племена, из которых каждое имело главою своего собственного племенного князя, то, с другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что именно эти народы положили основание цивилизации Восточной России»⁶². Понятие цивилизации для него неотделимо от занятий производящими видами хозяйства, из которых земледелие и торговля становятся для него маркерами того, что «...финские племена были в России самыми прилежными земледельцами – это известное дело. Что же касается до торговли Бьярмаланди и Булгарии, то о значении ее единогласно свидетельствуют историки разных стран. В высшей степени вероятно, что торговый путь от Белого к Каспийскому морю, пролегал по владениям пермяков, болгар и хазар и что этот путь пролегал к северу до Норвегии, к югу до Индии»⁶³. Вся существующая с древности и по сей день система расселения финно-угорских народов свидетельствует для Кастрена об их привязанности к крупным водным артериям как носительницам цивилизационного начала – торговли и земледелия.

Трудно не согласиться с логикой ученого, учитывая, что во многих областях России еще в недавнее время именно водные пути являлись основными векторами распространения социокультурных инноваций. Кастрен пишет: «...Волга с незапамятных времен была средоточием для чувашей, черемисов и мордвы; пермское племя занимало речную область Камы и Двины; угорское, состоящее из вогулов и остяков, сосредотачивалось у Оби; карелы жили прежде по Двине и Белому морю; весь – по Онеге и Белому озеру и т.д.»⁶⁴. Теперь возникает закономерный вопрос, что будет выделено автором в качестве негатива, темной стороны, эквивалента отсталости и безвестного прозябания на задворках истории, то есть того локуса, из которого необходимо скорее выходить на свет, идя по пути прогресса. Такой оппозиционной сущностью Кастрен наделяет лес как обиталище и кочевание как образ жизни, соответственно, «лесной житель чужд и всегда останется чуждым цивилизации»⁶⁵. Идеализация современного бытия родственных финнам народов, как раз ушедших «в лес», скорее всего, была для него средством укрепления его личной романтической веры в будущее,

⁶² Цит. по: Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). С. 15.

⁶³ Там же. С. 15.

⁶⁴ Там же. С. 15.

⁶⁵ Там же. С. 15.

когда лес и кочевание будут оставлены в пользу открытой и самодостаточной жизни на своей земле.

Лирическое настроение, несмотря на физические страдания, не покидало М.А. Кастрена и после отъезда из Казани. Он пишет: *«Ехали мы через обширные равнины по лугам, полям порой поднимались на маленькие, песчаные безлесные холмики; опять спускались на равнину; потом опять шли холмы и так по целым дням. Пока весенняя зелень еще не украсила эти земли, они несказанно скучны для путешественника. Своим серым цветом они удручают и приводят его в невыносимо тяжелое состояние. Иногда случалось, что вид татарина, скачущего на быстром как молния коне, через широкую степь, разгонял мою тупую дремоту и мне тогда хотелось, чтобы поле стало еще шире. Другой раз, увидав с высокого холма на одно мгновение множество татарских деревень с их острыми уходящими в облака минаретами, с которых незвучный металл возвещает, что Бог велик, а живой голос созывает детей Аллаха на благоговейную молитву, я ощутил в себе желание срезать все эти холмы, заслоняющие мне вид на другие деревни. Мне было приятно проезжать по татарским деревням. Мне было приятно смотреть на дородных татар, кутавшихся в халаты, на застенчивых татарок, закрывавших свои красивые лица белыми платками; все это по своей новизне казалось заманчивым и не успело приглядеться, так как вскоре мы покинули этот край татар»*⁶⁶. Пересекая реальное и символическое пространство, отделяющее его от главной цели путешествия, Кастрен явно тяготится своим творческим простым и вынужденным бездействием безучастного наблюдателя, что порождает в его душе демиургическое желание преобразовать окружающий ландшафт, скрывающий от него людей. И пусть эти стоящие в стороне мужчины и женщины не привлекают сейчас автора с исследовательской точки зрения, их образы, тем не менее, воплощают в себе обустроенный семейный быт, которого никогда прежде не было у него и неизвестно будет ли вообще.

Покинув пределы экзотического восточного царства казанских татар, он попадает совсем в иные земли, воспринятые им так: *«Проезжая среди вотяков, я не переставал всем своим духовным существованием находиться в Финляндии. Сама природа вызывала родные мне представления. Тут, как в самой Финляндии, видел я реки, озера, леса, топи, мхи, высоты и долины. А потом ведь оба края населяет в сущности один и тот же народ»*⁶⁷. Уверен, что Кастрен уже много раз

⁶⁶ *Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // Nordische Reise und Forschungen. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 25.*

⁶⁷ *Ibid. S. 26.*

прежде видел подобные же ландшафты, но тогда его видение не порождало тех милых его сердцу видений, что он ощутил в Вятской губернии. Один народ, одна культура и, в конце концов, одна земля становятся краеугольными камнями в авторском конструкте личного романтического идеала. Финляндия, которую он знал и любил с детства, оказывается много шире, чем представляется многим. Финны не одни в этом необъятном мире, их много, они разнолики и, по большому счету, разноразличны, но все же составляют один народ. Народ в его понимании, это не этнос в строго научном понимании, или нация – в политическом, скорее это мистическая общность людей, связанных чувством родства и единства происхождения, пусть и осознанного пока единицами.

Неслучайно Кастрен пишет: *«Я не стану говорить здесь о филологическом сходстве между финнами и вотяками и еще менее о физиономическом и краниологическом, а только об одном антропологическом, общечеловеческом. Это сходство обнаруживается в целом в тихой, благонравной и трудолюбивой жизни, так не похожей на все то, что мне пришлось наблюдать и испытать в большей части других губерний. Так, не встречал в деревнях их ни воров, ни бездельников, ни любопытствующих зевак, ни шумных пьяниц; напротив, казалось, что каждый был занят только своим делом и работой. На станциях все делалось без всякого шума и крика. Нигде меня не обманывали, потому что, кроме прогонов, я платил за все по своему усмотрению и никогда не слышал ни малейшего ропота. Без всякого предварительного торга все мои желания и поручения исполнялись с величайшей готовностью, и ничтожнейшее вознаграждение принималось с чувством непритворной благодарности. Одним словом, вотяки также кротки и простодушны и бесхитростны, как и наши финские мужики. Впрочем, может быть мне и представилось бы все в ином свете, если бы благодатный гений весны со своим благоухающим воздухом, с порхающими мотыльками и великолепным солнечным светом не встретил меня в этом году именно в Вятской губернии»*⁶⁸. Момент идеализации в этом отрывке столь силен и насыщен, что сам автор начинает отчасти сомневаться в истинности нарисованной им поэтической картины. Но, пастораль добродетельной народной жизни, так глубоко проникающая в его душу, не оставит его и впоследствии, накрепко сближая мироощущение Кастрена с воззрениями теоретиков европейского романтизма.

Взаимоотношения человека и природы являются другой тематической линией его чувственных рассуждений, когда, порой, смена ветра и

⁶⁸ *Castren M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // Nordische Reise und Forschungen. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 26–27.*

температурного режима влияет на восприятие окружающей действительности: «Два дня я наслаждался благодетельными дарами весны под вятским небом. На третий день я въехал в Пермскую губернию, и здесь меня встретили вдруг серое небо, холодные ветры, обширные снежные поля и мрачные нагорья... Пермское племя простиралось прежде от северного Заволочья, от Двины к югу до Камы. Теперь настоящее пермское население оттеснено русскими далеко на Север, далеко за те места, которыми я проезжал»⁶⁹. Судя по тексту, пересечение им столь малозначимой для обыденного сознания административной границы двух российских губерний, переживается Кастреном как перемещение в менее комфортную среду, где отсутствие родственных душ, братьев по крови, угнетает его ничуть не меньше, чем все внешние раздражители.

Путевые записки М.А. Кастрена отражают столь присущую ему способность к сравнительному восприятию происходящего, что хорошо заметно в отрывке, описывающем его встречу с Уралом: «В трех местах я пересекал Урал: у Обдорска, под Верхотурьем и у Екатеринбурга. У Обдорска старый великан высился, спрятав свое голое чело в облака; у Верхотурья я видел разбросанный его венец; у Екатеринбурга я едва улавливал костяшки его пальцев. У Обдорска скакали олени; у Верхотурья носились лоси, у Екатеринбурга пасся скот. У Обдорска были все тундры, у Верхотурья – леса, у Екатеринбурга, большей частью, обработанные поля. У Обдорска жили остяки и самоеды, у Верхотурья – вогулы, у Екатеринбурга – башкеры. У Обдорска жили в палатках, у Верхотурья – в хижинах, у Екатеринбурга – в высоких домах»⁷⁰. Аллегорическое сравнение Уральского хребта со сказочным персонажем, по-видимому, указывает на древность и значимость этого места для путешественника, трижды пересекающего его. Три разных локуса, в которых оказывается Кастрен, представляют читателю три образа Урала, построенных на внутренних противопоставлениях – диких и одомашненных животных как иллюстрации мира живой природы, хозяйственных зон, в той или иной степени затронутых вмешательством человека и, наконец, самих людей, устраивающих свою жизнь согласно избранному закону. Помимо усиливающего впечатление от текста постоянного ритмического перебора «три-три-три», здесь можно заметить поступательно разmatывающуюся цепочку, подчиняющую культурный ландшафт четкой авторской схеме культурной эволюции. А также, древнюю уральскую мифологию: великаны уходят, их время прошло – люди остаются, их время наступило.

⁶⁹ *Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // Nordische Reise und Forschungen. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 27–28.*

⁷⁰ *Ibid. S. 29–30.*

А. Регули – пионер венгерского финно-угроведения

История венгерского финно-угроведения во многом связана с разработкой проблемы прародины венгров, которая акцентировала внимание исследователей на времени, предшествующем основанию венгерского государства на Дунае. Уже на протяжении многих лет ведется дискуссия о местонахождении колыбели венгерского народа и об этапах его движения на Запад¹. Имевшие место в научной среде еще со времен Ренессанса и эпохи Просвещения первичные компаративные опыты, касавшиеся определения родства венгерского языка, явно указывали на восточное

¹ В 1236 г. венгерский монах-доминиканец брат Юлиан вернулся в Венгрию с сенсационным известием о том, что, следуя с группой миссионеров по Волге, он встретился с местной женщиной-венгеркой, которая была замужем за болгаринном. Она сообщила Юлиану о своих соотечественниках, которые кочевали к востоку от Волги. См., подробнее: *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. 3. С. 71–112. Данное сообщение стало объектом научной критики лишь после обнаружения отчета самого Юлиана, записанного его собратом по ордену Рихардом, обнаруженного в 1695 г. в Ватикане венгерским иезуитом М. Челешом. См., подробнее: *Vásáry I.* A jezuíta Cseles Márton és a Julianus-jelentés. Középkori kútfőink kritikus kérdései. Budapest, 1974. «Венгры брата Юлиана» чаще всего воспринимаются учеными в качестве группы, отколовшейся от основной массы венгерского народа, в ходе его миграции в Карпато-Дунайский регион, которая осталась на территории Великой Болгарии и затем слившаяся с тюркоязычными болгарами. Другой источник, датируемый рубежом XII–XIII вв., известный как «Деяния» Венгерского Анонима, как будто в зеркальном отражении, сообщает о прибытии в Пешт в X в. некоторых болгарских вождей. Перечисляя их имена, источник сообщает, что болгары поселились среди мадьяр. См.: *Эрдели И.* Волжские болгары и венгры // *Finno-Ugrica*. 1998. № 1. С. 13–14. Наличие древних тюркизмов (булгаризмов) в венгерском языке и наводило на мысль о тесных этнических контактах между предками современных венгров, чувашей и башкир на территории Поволжья и Приуралья. Популярности Поволжско-Приуральских исследований в области венгерской предыстории добавляло наличие в регионе многочисленных топонимов на «мищер», «маджар», «можар», что семантически близко венгерскому самоназванию – мадьяры. См., например: Венгерские ученые о чувашском языке. Чебоксары, 1979. Реальность таких контактов подкреплялась наличием двух венгерских племенных названий «Еней» и «Дьярмат» в составе башкирской этнонимии. См.: *Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г.* Башкиро-мадьярская проблема // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Вып.1. С. 336–343; *Nemet Gy.* Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren // *Acta Linguistica Hungarica*. 1966. Vol. 16. S. 1–21; *Mándokiy Kongur I.* The question of identifying the Hungarian tribal name Jenő with the Bashkir ethnonim Yänäy // *Acta Orientalia Academiae*

направление возможных поисков². Теперь же требовалось в полевых условиях проверить истинность теоретических построений и найти древнюю историю венгров скрытую в песнях, обрядах и лицах ныне живущих народов. Целая плеяда венгерских ученых-путешественников посвятила себя этим поискам. Но только лишь А. Регули, сам искренне поверивший в финно-угорскую идею, смог указать венграм путь в далекое прошлое, без которого не было бы настоящего и будущего.

Антал (немецк. Антон) Регули (1819–1858) родился в местечке Зирч комитата Веспрем, что на северо-западе Венгрии, неподалеку от живописных берегов о. Балатон. Благодаря стараниям отца, помещика средней руки, Регули получил хорошее образование, сначала в гимназии г. Секешвар, затем в академии г. Дьёр и в 1836 г. поступил на юридический факультет Пештского университета³. Как правило, прослушав на родине курс наук, венгерские студенты, желающие усовершенствовать свое образование и имеющие на то средства, отправлялись на год или на два в какой-либо из европейских университетов, преимущественно, в Германию. Для начинающего юриста важность

scientiarum Hungaricae. 1988. Vol. 42. P. 43–48. Оппозиционная точка зрения на проблему венгерской прародины опиралась на источниковедческий анализ высказывания византийского императора Константина VII Багрянородного о том, что венгров называли прежде «сафарт-асфалым», что, до некоторой степени, соотносится с названием тюрок-савиров, кочевавших на юге Западной Сибири. Савирское, или сабирское влияние отмечается также в мифологии родственных венграм по языку обско-угорских народов. См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. М., 1989; *Барта А.* На каком языке говорили венгры в X веке? // Материалы VI Конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т. 2. С. 29–30; *Вереш П.* Древневенгерская эпоха // *Acta Ethnographica Hungarica*. 1996. Vol. 41. С. 11–14; *Том Т.А.* Древнейшие периоды происхождения протovenгров // Вопросы антропологии. М., 1976. Вып. 30. В любом случае, венгерским ученым, занимающимся вопросами венгерского этногенеза еще со времени компаративных лингвистических исследований Я. Шайновича и Ш. Дьярмати, было ясно, что грамматические и лексические сопоставления, как и этимологические опыты, должны постепенно расширяться за счет привлечения полевых материалов, данных археографии, этнографии, фольклористики, а позднее и археологии.

² *Zaics G.* The Etimologist Sajnovics // *Acta Linguistica Academiae scientiarum Hungaricae*. 1970. Vol. 20. P. 323–327; *Hűfner L.* Sámuel Gyarmathi (1751–1830) und seine Bemühungen um die grammatische Komponente der Finnougristik // *Nyelvtudományi közlemények*. 1975. Vol. 77. S. 57–65; *Stipa G.J.* Finnisch-Ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1990. Vol. 206. S. 28–32; 208–216.

³ *Korhonen M.* Uraliläisten kansojen ja kielten tutkijopita // *Matka-Arku*. Helsinki, 1993. S. 230.

такой стажировки была тем более обоснована, если учесть растущую популярность германской «исторической школы права», провозгласившую право ничем иным как порождением «народного духа». Для будущего юриста-государствоведа было также необходимо знание философии истории набравшего популярность Г.В.Ф. Гегеля, в своих работах постулировавшего ценности построения национальной государственности⁴. Да и сама возможность побывать в свободолобивой атмосфере немецких буршеншафтов, призывавших к борьбе с косностью и рутинной общественной жизни в ветшающих феодальных империях и княжествах, не могла не привлекать молодого венгра.

Будучи еще студентом, А. Регули увлеченно путешествовал по землям Северной Венгрии, Австрии, Моравии и Галиции, где крестьянское население еще не оторвалось от традиционных ценностей, сохраняя особенности фольклора и материальной культуры. Маршрут его постдипломной поездки пролегал через Вену, Прагу, Саксонию, Пруссию, о. Рюген, Росток, Гамбург и Киль. В 1839 г., проведя некоторое время в северогерманских городах, он купил билет на пароход, отплывавший в скандинавские страны. Сейчас трудно сказать насколько он тогда был осведомлен в вопросах финно-угорского родства. Биографам Регули твердо известно одно – коренной перелом в его мировоззрении и жизненных планах произошел за месяц пребывания в шведской столице. Посещая королевскую библиотеку, молодой путешественник познакомился с эмигрировавшим в Швецию финским историком, в прошлом одним из лидеров «туркуских романтиков», А.И. Арвидссоном⁵. По этому поводу сам Регули писал: «Когда в Стокгольме я имел возможность часто общаться с финнами и по ходу изучать их язык, что показалось мне более притягательным, нежели дальнейшее бесцельное путешествие»⁶. Опальный доцент Гельсингфорского университета и его друзья, будущие основатели финского национального движения, открыли венгерскому путешественнику пока еще очень туманные, но уже приобретающие некоторые контуры, страницы древней истории финно-угорских народов. Арвидссон, со свойственным ему поэтическим восприятием людей, писал о том впечатлении, которое произвел на него Регули: «Одухотворенный молодой человек, столь наполненный жизнью, ...подобный свежему бризу»⁷.

⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. С. 368.

⁵ См. подробнее: *Junnila O. Ruotsiin muuttanut Adolf Iwar Arwidsson ja Suomi (1823–1858)*. Helsinki, 1972.

⁶ Цит. по: *Karjalainen K.F. Dem andenken Anthon Regulys* // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1909. Bd. 8. S. 2.

⁷ *Tervonen V. 19th – Century Pioneers of Cultural Relations* // *Friends and Relatives. Finnish-Hungarian Cultural Relations*. Budapest, 1985. P. 39.

Рождение ученого: Правоведение было решительно оставлено в прошлом, теперь А. Регули интересуют лишь родственные венграм народы, прежде всего финны, незадолго до этого обогатившие мировую литературу публикацией национального эпоса «Калевала»⁸. Регули начинает учить финский язык, одновременно пытаясь переводить калевальские руны на венгерский язык, чтобы продемонстрировать соотечественникам, как мало они знают о своих возможных северных родственниках⁹. Он специально выбирает те отрывки, где звучит героика финского слова, с помощью которого надеется переломить устоявшееся со времени компаративистских публикаций Я. Шайновича и Ш. Дьярмати, скептическое отношение знатных и образованных слоев Венгрии к идее финно-венгерского родства¹⁰. Для венгерской аристократии и буржуазии, оказывавших материальную помощь развитию национальных научных исследований, более предпочтительными виделись поиски родства древних венгров с воинственными гуннами, тюрками или кавказцами, чем с мирными и не имеющими даже собственного дворянства финнами, тем более с полудикими охотниками и оленеводами, затерянными, где-то в сибирских тундрах.

Безусловно, общение с финляндскими единомышленниками и чтение специальной литературы серьезнейшим образом повлияло на Регули, но все же его хунгарологические интересы сложились, по-видимому, несколько ранее, благодаря знакомству в Пеште с профессором венгерского языка и литературы И. Хорватом¹¹. Будучи частым гостем его дома, Регули не мог не быть свидетелем жарких споров, что велись патриотической интеллигенцией, в том числе, по вопросу венгерской прародины. Мало того, профессор Хорват был автором ряда историкоромантических сочинений, наибольшую известность из которых приобрела книга о пришедших из Нубии и Абиссинии скифских племенах, как исторических предшественников венгерской нации. Столь неуместное хунгарофильство становилось порой предметом острот его оппонентов, поговаривавших, что И. Хорват способен найти венгров на

⁸ Lakó G. Das Kalevala als Quelle ung.-finn. Kulturbeziehungen // Virittájä. 1971. Vol. 2. S. 197–198.

⁹ Régi Kalevala (Reguly Antal fordítása). Kecskemét, 1985; Weöres G. A. Regulyn Kalevalan käännös // Virittájä. 1970. Vol. 1. S. 85.

¹⁰ Sajnovics János Demonstratio az 1770-es nagyszombati kiadás magyar fordítása. Bibliotheca Reguliana 2. Budapest, 1994; Gyarmathi Sámuel Affinitas az 1799-ben Göttingában latinul megjelent mű magyar fordítása. Bibliotheca Reguliana 3. Budapest, 1994; Szűz E. Gyarmathi és Reguly és az Affinitas és az affinitas // Nyelvtudományi közlemények. 2000. Vol. 97. S. 273–280.

¹¹ Hunfalvy P. Die ungarische Sprachwissenschaft // Acta Ethnographica Academiae scientiarum Hungaricae. 1978. Tom. 27. S. 45.

любом отрезке мировой истории, вплоть до Эдемского Сада, дворца Семирамиды и среди героев Троянской войны¹². Пройдет некоторое время и, по началу разделявший максималистские устремления своего наставника, Регули поймет, что для народа чувствующего свою значимость на свете, совсем не обязательно искать прославленных в истории предков. Для настоящего ученого, коим он собирался стать, главное старание должно заключаться в установлении истины, какой бы резонанс она не получила у жадной до сенсаций публики.

В 1841 г. в своем докладе, адресованном руководству Венгерской Академии наук, со свойственной ему горячностью, А. Регули напишет: «Из обсуждения этого вопроса выяснилось бы, действительно ли мы стоим здесь одинокими на всем земном шаре и без родственников как единственный пережиток исчезнувшего племени, или у нас еще есть неизвестные родственники. По крайней мере одно установлено твердо: если мы не найдем родственников здесь, то не найдем их нигде в другом месте. Я утверждаю это не без размышлений, я исследовал все гипотезы, в которых, правда, нет недостатка, если эта работа была полезна, то конечно в том отношении, что я сам еще с большим доверием обратился к финнам. То родство, которое существует между среднеазиатскими языками (тюркским, монгольским, маньчжурским) и к которым причисляется финский и венгерский, хотя и обосновано, но неудовлетворительно, потому что это только родство класса, а вслед затем снова встает вопрос: к какому же из этих народов относятся венгры? Но я учитывал и это утверждение, а для того, чтобы, по крайней мере, отвести от себя упрек в односторонности, я занялся тюркской грамматикой, сравнил также монгольский и постарался получить об этих народах также хорошие и надежные этнографические и исторические объяснения. Но это родство не доказывает ничего другого, кроме того, что мы азиатский народ, в чем никто не сомневается. Более тесные и близкие узы связывают нас с финнами. О родстве между народами Кавказа и венграми не может быть и речи, так как, по исследованиям столь многих ученых, и новейшим – Шёгрена, который хорошо изучил и знал венгерский язык, не обнаруживается ни малейшего следа родства. И как долго мы намерены еще идти этой столь неясной тропой, строить столь призрачное родство! Мы бросаем наши взгляды повсюду и только там, где предлагается надежная основа, мы не хотим начинать! Как долго уже мы ищем свое происхождение! И как недалеко мы продвинулись! Единственная причина – наша национальная гордость. Со временем, если знание этих финских народов продвинет-

¹² Voigt V. A brief account of more than two hundred years of teaching Folklore and Ethnography (including Cultural Anthropology) at Hungarian universities // Acta Ethnographica Hungarica. 2004. Vol. 49. № 3–4. P. 186.

ся вперед и мы яснее увидим собственные условия, тогда, может быть, не будет причины краснеть, что же мы можем теперь, если мы забыли наши собственные деяния. О древней истории, героических делах финнов мы сейчас не знаем еще ничего, но мыслимо ли, что народ, который когда-то населял всю русскую землю от Ледовитого океана до Черного моря, что очень многочисленный народ совершал не более крупные и славные дела, чем теперь лапландцы и остяки? Храбрость – это не качество отдельных народов, каждый народ на земле – храбрый, если время принуждает его к воодушевлению и жажде деяний: в таких временах мы не можем отказать и финнам»¹³. Так, Регули в своем новом выборе встал на нелегкий и не всегда благодарный путь борьбы с устоявшимся мнением, примером своей жизни и трудов доказывая приоритет научного знания перед мифологизированным сознанием общества. Но прежде чем доказывать что-либо другим, необходимо было самому убедиться в предмете исследования.

Приехав в 1839 г. в Гельсингфорс, Регули становится самым прилежным слушателем курса финского языка, причем одним из его наставников был недавно окончивший университет М.А. Кастрен¹⁴. Однако лексикологические и грамматические штудии без живой практики его мало привлекают и он идет в народ. За полтора года пребывания в Великом княжестве Финляндском, Регули совершил поездку в Лапландию, побывал у западных финнов и карелов, настолько усовершенствовав свой финский язык, что превзошел некоторых своих преподавателей, удостоившись избрания в члены Финского Литературного Общества¹⁵. Постепенно расширялись и его исследовательские планы, включавшие теперь не только выяснение особенностей венгерско-финского родства, но и стремление совершить экспедицию в Россию, где на Урале и в Сибири живут предполагаемые языковые родственники венгров и где, возможно, отыщется прародина венгров. В письме на родину осенью 1840 г. Регули пишет: «Вполне возможно, что следующую зиму я проведу в Лапландии: это будет практической частью моего обучения. Я надеюсь 20 октября отплыть через Ботнический залив в Умео, далее к шведским, норвежским и финским саамам в Коле, далее в Архангельскую и Олонецкую губернию и ладожский регион, и затем возвращение в Гельсингфорс. Это позволит мне изучить русское влияние на финский язык, – он продолжает затем, –

¹³ Цит. по: *Папаи Й.* Божество слова. Памяти Антала Регули. Сургут, 1993. С. 11–12.

¹⁴ *Tervonen V.* 19th – Century Pioneers of Cultural Relations. P. 58.

¹⁵ *Korhonen M.* Early Finno-Ugric Linguistics // *Friends and Relatives. Finnish-Hungarian Cultural Relations.* Budapest, 1985. P. 39.

Но если дать развернутое изложение моих планов, то могу сказать, что в апреле я намереваюсь направиться в Санкт-Петербург, город, откуда мой путь должен направиться к восточным финнам. Я хотел бы также провести некоторое время здесь для знакомства с русскими учеными и получить от них рекомендации и источники, необходимые для моих дальнейших поисков. Хорошо было бы, если бы мне удалось некоторое время провести в Москве для продолжения моих русских исследований. Затем, летом я намереваюсь отправиться в Нижний Новгород, где на ярмарке собираются люди со всей России и даже Центральной Азии. Приобретенный таким образом, за несколько месяцев путешествия, опыт подготовит меня к дальнейшей поездке на юг России. Следующей зимой я рассчитываю заняться изучением турецкого в Турции – в дальнейшем, если буду в состоянии, совершу поездку к венграм-чанго в Молдавии и секлерам в Трансильвании. Конечно, то множество языковых данных более предпочтительно исследовать с помощью сравнительной филологии. Сейчас мое изучение финского будет способствовать изучению саамского и, затем эти два языка помогут мне изучить турецкий, на сегодня нет ни одного сомнения в родстве языков тюркского и финского происхождения»¹⁶.

Тем не менее, именно в Финляндии сложилось исследовательское мировоззрение А. Регули как финно-угроведа¹⁷. Следуя устоявшемуся мнению, сложившемуся под влиянием работ Р.К. Раска, В. фон Гумбольдта и Ф. Боппа, он надеялся с помощью методов сравнительной лингвистики подступить к сложнейшим вопросам венгерской предыстории. Регули отмечал, что в настоящее время его все более притягивает языкознание, которое уже и до этого придавало иной вид древней истории, поскольку нет другого средства для ее освещения. Еще более выпукло методологические воззрения Регули отображены в тексте его программного доклада Венгерской Академии наук, от 2 мая 1842 г.: «Первая часть должна включить в себя полевые исследования, тщательно обдуманые и проведенные, если мы хотим увидеть проблему изученной от начала и до конца, и если мы не желаем поработать напрасно. Цель является, преимущественно, лингвистической, я должен опираться на лингвистический метод. Поскольку народы, говорящие на родственных языках, должны также быть и этнически близки, этот метод является единственно надежным и безошибочным в деле установления родства долгое время разделенных народов, надеясь со

¹⁶ Цит. по: *Kodolányi (jr) J. Antal Reguly // Popular beliefs and folklore tradition in Siberia. Budapest, 1968. P. 18.*

¹⁷ См., подробнее: *Korompay B. Kuinka Antal Reguly löysi elämänuransa // Virittäjä. 1969. Vol. 4. S. 371–381.*

временем построить базис для исторического анализа, который задает рамки второму уровню наших задач, содержащих проблемы взаимоотношений этих народов. Когда лингвистическая часть проблемы достаточно прояснится и определится, мы можем уже обратиться к этнографическим и историческим аспектам, тем самым, обеспечив всестороннее рассмотрение вопроса. В этой связи, я сделаю своей обязанностью в течение всего моего путешествия фиксировать все, что будет связано с обликом, деятельностью, характером, образом жизни, одеждой, обычаями, суевериями, мифологией и материальной культурой интересующих народов»¹⁸. Таким образом, используя лингвистическую методологию, Регули предполагал приблизиться к разрешению трех животрепещущих вопросов историко-этнографического свойства: о родстве венгерской и обско-угорской культур, о природе мифологических воззрений обско-угорских народов и о соотношении финно-угорского и тюркского компонентов в этногенезе венгерского народа. Кроме того, кажется, что он воспринял также идеи М.А. Кастрена о родстве уральских и алтайских языков. По крайней мере, Регули было известно от финляндских коллег о том, что в России были уже накоплены богатые полевые материалы о финно-угорских народах, собранные в основном экспедициями императорской Академии наук в XVIII в., с которыми можно было ознакомиться в Санкт-Петербурге. Понимание того, что он встал на путь ученого, не позволяло Регули упускать малейшую возможность для личного знакомства с жизнью как можно большего количества родственных племен. Так, летом 1841 г., по дороге в столицу Российской империи он с исследовательскими целями останавливался на некоторое время в ингерманландских селениях, благодаря чему Регули стал одним из первых собирателей водского фольклора, опередив здесь многих маститых исследователей устного народного творчества¹⁹.

В Санкт-Петербурге А. Регули обратился за помощью к своему земляку, сделавшему хорошую карьеру в России, статскому советнику Балугьянскому, семья которого становится надежной опорой молодого энтузиаста науки, уже тогда не отличавшегося крепким здоровьем. Войдя в ученые круги российской столицы, занимаясь в библиотеке Академии наук, он познакомился с ведущими финно-угроведами страны – академиками А.И. Шёгреном, П.И. Кёппеном и своим будущим

¹⁸ *Kodolányi (jr) J. Antal Reguly // Popular beliefs and folklore tradition in Siberia. P. 19.*

¹⁹ *Haltsonen S. Reguli Antal vót gyűjtése 1841-ből // Nyelvtudományi közlemények. 1958. Vol. 60. Old. 269–274; Korompay B. Reguly finnországi leveleiből // Finn nyomokon: folklór, néprajz, irodalom. Budapest, 1985. Vol. 1. Old. 112–125.*

наставником и покровителем К.М. Бэр. По-видимому, географические, этнографические и антропологические взгляды академика Бэра сыграли важную роль в формировании научного мировоззрения Регули, который буквально сверял каждый свой экспедиционный шаг с мнением авторитетного адресата его писем. Активность в поле Регули способствовала организационным усилиям самого Бэра, возглавившего вскоре этнографическое отделение Русского Географического Общества и сориентировавшего своих соратников на изучение жизни и быта неславянских народов империи²⁰.

Получив для ознакомления академические сибирские языковые и этнографические материалы, Регули задумывался о возможности непосредственной поездки к этим родственным народам для нахождения ответов на назревшие у него вопросы. В частности, он писал: «Если было бы возможно, я бы сейчас прямо поехал на Урал для изучения языка вогулов, а затем и остяков. Об этих народах мы знаем очень мало, но то, что нам известно, кажется чрезвычайно важным... вогулы представляют наибольший интерес. От своих соседей зырян они получили название Ёгра, которое живо напоминает древнее название Угор или Югор; по крайней мере русский, у которого нет звука ц, мог выговаривать его только так. По этому народу Ёгра и стали когда-то называть Югрой всю территорию, на которой они проживали. Но нужно учесть, что русские и венгров называют Югры, однако (ближнее) восточным народам наше название известно как Маджар! Но могло ли это современное (в зырянском произношении) Ёгра и древнее Югры быть одним названием? Как и Манси, самоназвание Вогул, корень названия Мадьяр! – это было бы несомненно достойно исследования. В историческом отношении, прежде всего, необходима география расселения этого народа. Итак, необходимо было бы исследовать название родов и мест, чтобы затем, в зависимости от их происхождения из того или иного языка, определить прежнее распространение и местожительство народов. Я намеревался бы затем объездить юго-западные части Сибири и Урала, пока не смог бы на месте разобраться более точно в этом деле...»²¹. Однако столь масштабное мероприятие требовало от организатора серьезных денежных средств, рассчитывать только на помощь родителей было бы нелепо, и зимой 1842 г. он начал активные поиски возможных спонсоров поездки.

Лихорадочно работая над составлением научного обоснования своего проекта, адресованного Венгерской Академии наук, Регули забыл

²⁰ См., например: *Оглезнева Т.А.* Русское Географическое Общество и изучение народов Северо-востока Азии (1845–1917). М., 1989.

²¹ Цит. по: *Папану Й.* Божество слова. С. 12–13.

про день и ночь, понимая, что этот текст является, по сути дела, его заявкой на право считаться ученым. Одновременно академик Бэр пытался убедить А.И. Шёгрена разделить сумму в 3000 рублей, отпущенную Санкт-Петербургской Академией наук на финансирование экспедиции в Сибирь, между двумя молодыми учеными М.А. Кастреном и А. Регули. Но, Шёгрэн отклонил это предложение, сославшись на больший научный опыт доцента Кастрена и на недостаточную компетентность венгерского соискателя²². Будучи формально прав, академик Шёгрэн не учел фанатического стремления Регули к новизне открытия, чем серьезно поколебал его веру в себя и уязвил обостренное самолюбие. Нервный срыв и апатия продолжались у Регули вплоть до получения известий о благожелательном отзыве руководства Венгерской Академии наук на представленный им проект экспедиции, кроме того, академик Бэр привлек внимание придворных кругов к личности молодого венгерского исследователя. Русский меценат князь А. Демидов, высказал заинтересованность в организации научной экспедиции к угорским народам Урала и Западной Сибири, как части большого научного проекта по изучению всех неславянских народов империи. Постепенно, Шёгрэн смягчил свое отношение к А. Регули, предложив ему составить конкретные соображения по научной поездке к манси и хантам. Окончательно денежный вопрос разрешился, когда президент Венгерской Академии наук граф И. Сечени известил Регули о выделении ему специальной стипендии в тысячу форинтов и о возможной в дальнейшем поддержке со стороны короны. Регули пишет: «Это письмо вдохнуло в меня новую жизнь. Все существо мое находилось в смятении и, я с трудом мог привести в порядок мои мысли. Отныне, магическим прикосновением Академии, я был поставлен перед выбором: быть русским путешественником, либо же венгерским путешественником»²³. И не дожидаясь прибытия обещанных денег, истомившийся в ожидании, итак затянувшимся до октября 1843 г., он отправился в путь. Если бы он задержался в Санкт-Петербурге еще немного, то получил бы не только стипендию, но и приятную новость о том, что он избран членом-корреспондентом Венгерской Академии наук.

В экспедиции: Первую остановку Регули сделал в Москве, где встретился с известным русским историком М.П. Погодиным и издателем одного из первых в России областных этнографических журналов «Сибирского вестника» Г.И. Спасским, которые рассказали ему немало

²² Branch M. A.J. Sjögren studies of the North // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1973. Vol. 152. P. 261.

²³ Цит. по: Kodolányi (jr) J. Antal Reguly // Popular beliefs and folklore tradition in Siberia. P. 21.

интересного о «чудских древностях» и посоветовали непременно побывать сначала в Казани, традиционном центре притяжения финноязычных народов Поволжья и Приуралья²⁴. Открытый здесь в 1804 г. университет, привлек в Казань не только студентов и преподавателей, но и во многом сформировал научное сообщество, имевшее широкие востоковедческие интересы, включавшие этнографию финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Регули, проведший в столице русского Востока две недели, общался преимущественно с семейством казанских интеллектуалов – К.Ф. Фуксом, его супругой А.А. Фукс, а также с ученым-монголоведом О.М. Ковалевским, оказавшим на него большое влияние²⁵. Дело в том, что профессор Ковалевский, будущий ректор Казанского университета, имел личный опыт научного путешествия по Сибири, работая среди забайкальских бурят, эвенков и некоторое время исполняя должность секретаря русской духовной миссии в Пекине, и был автором ряда этнографических работ. Следует также отметить исследования профессора кафедры политической экономии и статистики И.Я. Горлова, который в ходе поездки по селениям Казанского учебного округа в 1839 г. собрал обширный материал, изложенный им в статье «Движение народонаселения в Казанской губернии»²⁶. Кроме того, сам Регули, посетив по дороге в Казань чувашские и марийские деревни, планировал на обратном пути из Сибири задержаться в этом городе с исследовательскими целями подольше, о чем свидетельствует его письмо академику Бэру:

«Я нашел в Казани весьма много полезного и вполне довольный оставляю этот замечательный город. В лингвистическом отношении я нашел здесь четыре лексикографических труда: три для черемисского языка и один для чувашского, из которых, надеюсь, по возвращении в Казань мне легко будет составить весьма удовлетворительные словари для обоих языков. В этнографическом отношении я также встретил много любопытного, и что касается до моего плана собрать финские названия местностей и лиц, то черемисская и чувашская часть может быть удовлетворительно выполнена. Начальник губернии обещал мне всевозможное пособие и я нахожу, что труд этот не будет слишком тяжел. Между духовенством многие способные люди остаются в бездействии, однако не по недостатку в доброй воле; люди эти готовы трудиться, но им не достает только руководительного гения. Будь

²⁴ Токарев С.А. История русской этнографии (Дюктябрьский период). М., 1966. С. 171–172.

²⁵ Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России. Казань, 1991. С. 213.

²⁶ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Этнография в Казанском университете. Казань, 2002. С. 8–9.

здесь кто-либо, кто бы дал частным стремлениям надлежащее полезное направление и сосредоточил разъединенные силы к одной цели, то в короткое время здесь можно бы было достигнуть значительных успехов. Если дозволят мне средства, по возвращении с Урала, пробыть здесь несколько месяцев, я мог бы многое сделать для черемисского и чувашского языков. И если бы с таким же усердием трудились и в прочих семинариях, где преподаются финские языки, как например в Пермской – пермяцкий, в Вятской – вотяцкий, какое бы изумительное развитие в короткое время мог получить финнизм!»²⁷.

Дальнейшая дорога вела его на восток, через Малмыж, Сюмси и Дебесы в Пермь. Проезжая по удмуртским землям, А. Регули пытался собирать образцы речи, что позволило ему выделить два основных диалекта – глазовский (северный) и сарапульский (южный). Также, он познакомился со священником дебесской церкви о. Степаном (Шубиным), который подготовил собственную грамматику удмуртского языка и обещал снабдить путешественника лексикологическими материалами при возвращении последнего из Сибири²⁸. В Перми Регули провел неделю, пользуясь гостеприимством самого губернатора, который распорядился подготовить для него список местных топонимов, с указанием их языковой принадлежности. Управляющий Соликамскими соляными копиями подарил исследователю коми-пермяцкий словарь из 4000 слов и сообщил немало интересного из древней истории края. Кроме того, управляющий пермскими имениями Строгановых и любитель местной старины, Ф.А. Волегов, встретившись с Регули в с. Новое Усолье Соликамского уезда, подарил ему рукопись своего труда «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских»²⁹. Перевалив ранней зимой 1843 г. через Уральский хре-

²⁷ Цит. по: Агафонов Н. Казань и Казанцы. Казань, 1907. Т. 2. С. 108–109.

²⁸ Szij E. Reguly Antal votják földön // Permistica et Uralica. Ünnepi könyv Csúcs Sándor tiszteletére. Fenno-Ugrica Pázmániensia. Vol. 1. Piliscaba, 2003. Old. 240–241.

²⁹ Данный «Свод...», по словам самого автора, был составлен им в 1835 г. во время проезда по Вятскому и Казанскому трактам, в буквальном смысле, «при перемене лошадей на станциях». Сравнивая 229 коми-пермяцких, 199 коми-зырянских, 141 удмуртское и 143 чувашских слова, Ф.А. Волегов пришел к выводу о языковом родстве трех первых народов, что же касалось чувашского языка, он писал: «Чуваш едва ли можно считать одноплеменными с пермяками, зырянами и вотяками по той причине, что из 200 ни одно почти слово их не сходится с языком сих последних». Цит. по: Алексеев А.А. Ф.А. Волегов и его «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1835 года // Вопросы истории и грамматики чувашского языка. Труды НИИ при СМ Чувашкой АССР. Вып. 74. Чебоксары, 1977. С. 135–136.

бет, Регули направился в Верхотурье, надеясь найти в городском архиве сведения по истории манси, но, не имея навыка работы с разрозненным документальным материалом, безуспешно. Это обстоятельство, очевидно, заставило его практически отказаться от попыток изучения русских архивов, сосредоточившись на непосредственной работе с информантами, а также, помня наставления академика Кёппена продолжать накапливать сведения к этнографической карте Урала.

Первые опыты работы с информантами из народа манси, или «ханты-мансийский этап» экспедиции, Регули предпринял, остановившись в имении семьи Всеволожских в с. Всеволодо-Благодатное, где два старика-вогула – Юркин и Бактияр стали его первыми информантами. В письме академику Бэру он пишет: «В вогульском языке, я достиг определенного прогресса, начинаю в нем ориентироваться и даже болтать на нем. С венгерским языком у него такое сходство, что финское происхождение венгерского теперь выше всяких сомнений...»³⁰. Из имения Регули в сопровождении Бактияра нередко совершает экскурсии в мансийские деревни, расположенные по р. Лозьве, записывая фольклорные произведения и делая этнографические наблюдения. Ранней весной 1844 г. путешественник отправляется в Ирбит, где на знаменитой ярмарке надеется встретить новых информантов, а затем выехать через Тобольск в земли, населенные хантами. В Тобольске состоялась дружеская встреча Регули с его недавним преподавателем финского языка и до некоторой степени научным конкурентом М.А. Кастреном, откуда каждый последовал далее своим нелегким путем. Регули начал работать среди хантов и манси живущих по берегам рр. Конда и Пелым, где не всегда местные жители встречали его с распростертыми объятиями, поскольку распространился слух о том, что «...прибыл человек, которому дана неограниченная власть; он отрезает любому человеку голову, заливает ее гипсом и берет в ящике с собой, его сопровождают восемь одетых в железо и потому неуязвимых мужчин»³¹. Пришлось потрудиться и раздать немало подарков, чтобы успокоить людей и придать утраченную уверенность проводнику Бактияру, было устроено жертвоприношение лошади Пол Торому (богу Пелыма).

Чувствуя недостаточную прочность своей теоретической подготовки, Регули в дороге занимался самообразованием, читая популярную тогда книгу немецкого лингвиста К.Ф. Беккера «Организм языка», пытавшегося построить универсальную грамматическую систему, пригодную для всех языков. Но вскоре оставляет этот труд как лишенный исторической составляющей, которую Регули считает краеугольным

³⁰ Папану Й. Божество слова. Памяти Антала Регули. Сургут, 1993. С. 17–18.

³¹ Там же. С. 20.

камнем не только языка, но и всей народной культуры. Переключившись на историко-географические работы Санкт-Петербургских академиков Ф. Круга и А.Х. Лерберга, он сопоставляет их данные с собственными полевыми наблюдениями³². В частности, с помощью анализа фольклорных текстов и данных топонимики, он хочет убедиться являются ли современные ему манси и ханты аборигенами исследуемого им края, либо же они когда-то переселились в эти места. Размышляя и действуя как настоящий этнограф, он стремится попасть в отдаленные и не затронутые ассимиляционными процессами поселения обских угров, несмотря на возникшие уже в Пелыме серьезные материальные трудности. Под впечатлением от увиденного, Регули пишет: «Народ знает здесь только охоту и рыболовство, одевается в звериные шкуры, лошадь заменяет здесь олень и собака, народ приносит жертвы богам своих предков и во всех своих качествах является полным, а не половинчатым сыном природы: в счастливой беззаботности, не подозревая о той борьбе, в которой цивилизация пожрала южных братьев и когда-нибудь безжалостно переплавит и их»³³. Думается, что в этих словах яснее всего выразилось мировоззрение венгерского путешественника, достигшего, наконец, искомой романтической пасторали, но с грустью и тревогой осознающего, что недолго час до встречи последних людей-природы с унифицирующим влиянием современности.

В середине лета 1844 г., на пути к Полярному Уралу, А. Регули вышел к кочевьям богатого оленевода-манси Тёбинга. Будучи уроженцем этих мест, гостеприимный Тёбинг около недели показывал путешественнику свои владения, называя каждую скалу, ущелье или ручей мансийскими именами. Здесь же Регули вплотную познакомился с образом жизни и способом ведения кочевого оленеводческого хозяйства в районе Северного Приуралья, о чем пишет друзьям на родину: «Переезжая от одного кочевника к другому и переходя все горные ручьи, текущие в Сыгву, я пересек, наконец, тот тридцатимильный участок между селениями Сыгвы и Сыни вдоль границы вогулов и остяков. Этим новым районом, которого я достиг на Сыне, окончилось мое вогульское путешествие. А именно, тем самым я оставил позади себя страну в 378 кв. миль, расположенную между 58–66 градусами северной широты, 76–85 градусами восточной долготы и кормящую только 6342 жителя. Я проехал ее в течение девяти месяцев от южного конечного пункта – устья Тавды – до северного конечного пункта –

³² *Lehrberg A.Ch. Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands / Hrsg. von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaft durch Ph. Krug. St.-Petersburg, 1816.*

³³ *Панау Й. Божество слова. С. 23.*

устья Сыгвы, по всей длине и ширине в двух направлениях: на юге с Иртыша, через Конду, Пелым, Лозьву до Урала; на севере с Сыгвы до устья Малой Сосьвы. На этом я перешел к новому уроку – изучению остяцкого языка и народной жизни»³⁴. Около месяца проведя среди хантов-рыбаков на реках Тапас, Сосьва и Сыгва, Регули поворачивает назад, на северо-запад, двигаясь по летним кочевьям оленеводов хантов и манси в предгорьях северного Урала. В октябре 1844 г. он достиг Обдорска, в окрестностях которого собирает образцы охотничьего фольклора хантов, но как только замерзает лед на Оби, Регули устремляется в тундру, надеясь достигнуть области полярного Урала. Почти не встречая на своем пути людей, он преодолевает горный хребет и, следуя по перевалу Лахорта-Пасс, направляется на зимовку в Березово. Находясь в этом безлюдном крае, Регули фиксирует топографический материал для своей будущей карты, зная, что где-то здесь находился древний торговый маршрут, по которому переходили Уральский хребет коми-зыряне. Пожалуй, самый продуктивный период его работы с носителями традиции наступил в Березове, где от стариков-сказителей им были записаны хантыйские мифы и легенды.

Вдохновленный героикой народной песни, Регули пишет друзьям: «...мы видим народ высоких широт Севера, который по нашему воззрению, уже благодаря своему образу жизни, должен иметь совершенно иное направление духа, тогда как он с большим воодушевлением рассказывает о военных подвигах своих предков, как он воспекает то печальную, то счастливую судьбу своих героев, которые частично в качестве богов борются с внешними врагами – зырянами и самоедами – частично в качестве князей – со своими братьями и соседями. Этот народ, стоящий под многочисленными князьями, которые управляли своими землями из деревянных крепостей и окруженных валами местечек, участвует в судьбе своих властелинов; как их успешные, так и неудачные дела составляют предмет то возвышенных, то утешительных песен, которые наследовались от отцов сыновьями и пелись в годовщины героических дел и опасностей. Явления, которые мы здесь находим, именно с антропологической точки зрения так новы и неожиданны – потому что здесь мы видим рыболовецкий народ, вдохновленный небесными чертами геройства и боевой славы; но интересно также и с этнографической точки зрения, так как мы открываем у племени финской семьи народов такое направление духа, которое не только не является особенностью других финнов, но и по своей природе является прямо противоположным. А именно, в то время как поэзия финнов, в своей обособленности от мира, развивается сравнительно вне круга

³⁴ Папану Й. Божество слова. С. 23–24.

общественной жизни, является только выражением внутренней и индивидуальной жизни человека и потому имеет своим предметом только движение души и сердца, борьбы против вредных сил природы и влияния злых духов; остяцкая же поэзия занимается не только внутренней жизнью индивидуума, а воспекает и судьбу общественных групп, городов и стран и, тем самым, она всегда исходит из воззрения жизни, действует вовне, изображает ее многообразную борьбу, бури и перемены. Здесь человек не стремится, как там, к таинственной безмерности, посредством волшебства и искусства к духовному превосходству над миром и природой: а он стремится, возбужденный волшебными видениями своего воображения, которое разыгрывает перед ним возвышенные деяния и счастливые опасные дела, посредством смелых решений и силы оружия к мировой власти над народами и странами. После того, как я узнал высокую ценность остяцкой поэзии, я решился пополнить все остатки, живущие еще в памяти отдельных стариков...»³⁵. Приведенный отрывок свидетельствует о глубоком понимании Регули сущностных черт фольклорной культуры финно-угорских народов, фиксирующей в своих текстах не только образно-символическое воплощение истории, но и звучащую во многих произведениях тему перехода от «магии пения, к магии порядка»³⁶. Героика хантыйских песен значительно большая, нежели чем у манси, устойчивость к процессам русификации, позволила исследователю сначала исподволь, затем все настойчивей проводить венгерско-хантыйские культурные параллели, о чем свидетельствуют его прилежные занятия хантыйским языком и более ста авторских листов «остяцких текстов», составивших «золотой фонд» обско-угорской этнографии и фольклористики.

Примечательно, что пока Регули был в экспедиции, интерес к его личности и деятельности стремительно возрастал как на родине, так и в Санкт-Петербургской Академии наук, где даже сформировалось две противоборствующие партии, первая из которых поддерживала энтузиазм молодого ученого, другая отказывалась признать его ученым и скептически отзывалась о его собраниях. Весной 1845 г. ситуация осложнилась тем, что почти были исчерпаны материальные средства, на исходе были его физические силы, но духовно он был готов продолжать свою работу. Куратор Регули, К.М. Бэр, чувствуя, что в Академии наук начинают сгущаться тучи, настоятельно советовал ему спешно возвратиться в Казань для суммирования полевых материалов и затем отправиться в Германию к известному ученому-компаративисту Х.К. фон Габеленцу, под руководством которого можно было подготовить к печати ханты-

³⁵ Цит. по: *Папану Й.* Божество слова. С. 26.

³⁶ *Лурье С.В.* От магии пения к магии порядка // Человек. 1991. № 5. С. 24.

мансийские тексты, не опасаясь упреков в некомпетентности. Учитывая данные обстоятельства, Регули выехал в один из начальных пунктов своей экспедиции – с. Богословское. Затем, посетив уже почти совсем обрусевших манси на р. Чусовой, он осмотрел наскальные писаницы на р. Тагил, скопировав часть петроглифов³⁷. Свернув на уже хорошо известный ему почтовый тракт, Регули через Пермь поехал в Казань, по пути заглянув к знакомому дебесскому священнику, который передал ему обещанные удмуртские грамматические материалы.

31 марта 1845 г. венгерский путешественник прибыл в Казань, которая стала центром нового этапа его исследовательской деятельности, связанной с изучением чувашского, марийского и мордовского народов. Прежние знакомства открыли ему двери в кабинет казанских губернатора и епископа, которые направили его к настоятелю Раифского мужского монастыря, который прежде служил епархиальным миссионером и профессором местной духовной семинарии, лучше других был осведомлен в интересующих Регули вопросах. Утомленный развившейся в экспедиции нервной лихорадкой, исследователь нашел в монастыре на редкость удачное место для своих научных занятий: тишина и покой сочетались с близостью марийских деревень и советами ученого настоятеля святой обители. Но обострившаяся болезнь не отпускала его до начала июля, когда он смог выехать в Нижний Новгород, посещая по пути чувашские и мордовские поселения. 17 июля 1845 г., получив соответствующее распоряжение от Венгерской Академии наук, Регули начинает «мордовский этап» своей полевой собирательской деятельности, работая среди эрзян Нижегородской губернии. Но середина лета как обычно была временем сенокоса и других тяжелых крестьянских забот, и люди не всегда любезно встречали любопытствующего иностранца. Тем не менее, ему удалось найти сведущего проводника-эрзянина, вместе с которым они отправились к мордве-мокше, жившей в северной части Пензенской и Тамбовской губерний, где также нанял проводника-мокшанина. Это обстоятельство дает нам представление о методологических установках исследователя, стремившегося уже в экспедиционных условиях провести сравнительный анализ мордовских языковых и фольклорно-этнографических материалов.

В это время в Венгрии друзья исследователя, знавшие об угнетавших его материальных трудностях, создали «Общество Регули» и начали сбор денежных средств по подписке на будущую «книгу Регули», которая действительно будет издана как иллюстрация истории его ста-

³⁷ Szűz E. Reguly Antal és a Tagil-menti sziklarajzok // Nyelvtudományi közlemények. 2003. Vol. 100. Old. 289–300.

новления как ученого³⁸. Известия о популярности А. Регули на родине и значимости выполняемой им работы, придали истощенному недугом телу новые силы и поздней осенью 1845 г. Регули приступает к «чувашскому этапу» своей экспедиции. Зиму он провел в Казани, где, общаясь с чувашскими учащимися духовной семинарии, составил достаточно полное представление о языке и духовной культуре народа. В письме академику Фрэнгу, он пишет: «Мое изучение чувашского близится к концу. Большую часть работы, именно, очерк языка по частям речи я уже окончил, остается только заключение и орфографическая правка всего. Как только покончу с этим, в конце месяца (января 1846 г. – А.З.), сделаю небольшую поездку к чувашам частично для того, чтобы проверить свою работу у самого народа, частично для того, чтобы сориентироваться в диалекте Анатри (южном) и, если возможно, расширить мой труд новым материалом. После возвращения хочу попробовать и с татарским, на который смотрю с большими ожиданиями, так как он может внести большой вклад, особенно в объяснение чувашского и черемисского языков»³⁹. В марте 1846 г. Регули работает в чувашских селениях Цивильского уезда, особенно активно собирая образцы речи, затем через Раифский монастырь едет к горным марийцам Козмодемьянского уезда и чувашам, живущим по р. Сура.

Так, в постоянных разъездах по селам и деревням Среднего Поволжья прошло лето и пришло время возвращаться в Санкт-Петербург, а точнее в ставший почти для него родным, петергофский дом Балугьянских. Регули планировал уже осенью выехать в Венгрию, но физическая слабость и поступившее от Русского Географического Общества просьба на месте обработать уральский топографический материал, для последующего перенесения его на карту, еще на год отложили его отъезд.

Наследие А. Регули как мифологема венгерского финно-угроведения: Наследие Регули понимается в качестве некоего гипотетического слияния мифологизированной в национальной истории личности Регули и тех исследовательских материалов, что он оставил после себя. Наследие Регули как социокультурное явление, безусловно, плоть от плоти романтической эпохи становления европейских наций. И речь здесь идет не только о поисках прародины и венгерских родственников, но и о его стремлении жить не по установленным правилам, а идти только своим путем в надежде поднять современное ему обще-

³⁸ Reguly-Album. Mit historischem und belletristischen Inhalte von Jaszay, Jokai, Josika, Lugossy, Petofi, Rischel, Szigligeti, Emerich Vahot und Vencel. Als Einleitung Regulys Reisen von Franz Toldy. Ausgabe der Reguly-Gesellschaft. Pest, 1850.

³⁹ Цит. по: *Панау Й.* Божество слова. С. 30.

ство к высотам народной поэзии. Столкновение двух противопоставленных позиций, мира исследовательского вдохновения и власти суровой необходимости, способно было нанести тяжкую травму человеку, не способному укрыться щитом иронии или ученого педантизма.

Начав свой путь, подобно другим ученым-романтикам как герой-одиночка, Регули потянул за собой, пусть даже после своей смерти, новых энтузиастов, которых привлекала исследовательская традиция из которой постепенно вырастала венгерская финно-угристика. История странного А. Регули, ушедшего из реального мира человеческих страстей и борений, пусть даже революционных и национально-освободительных, в неведомый дальний мир, как нельзя лучше подходила для формирования устойчивого интереса к новому научному направлению. Почти детская наивность и жизненная неискушенность его натуры отчасти послужила залогом привлекательности его образа в глазах прагматичных последователей. Неподверженная позитивистскому скепсису романтическая душа, отрешенная от прозаической повседневности и обязательности, была открыта, прежде всего, таким же искренним людям, что встретились ему на дороге пилигрима. Впрочем, итог многолетних и многотрудных странствий Регули оказался во многом парадоксален – искомая им волшебная страна предков явилась лишь средством обретения истинной любви к родине, милые сердцу просторы которой так по новому открываются путнику, вернувшемуся из дальних стран. Подобно своему далекому предшественнику брату Юлиану, принесшему еще в начале XIII в. венграм добрую весть из степей Заволжья, Регули вновь возвратил надежду обретения народом своих исторических корней. Между тем, интригу «регулианы» поддерживало еще то, что духовное и материальное наследство первопроходца было надежно скрыто от постороннего взгляда в зашифрованных формулах его текстов. Получалось, что юношей уйдя из родного дома, он вернулся на родину истощенным поисками и открытиями стариком, не готовым до конца поделиться найденным богатством. Но, это было не совсем так, ибо по законам жанра, он оставил знаки-вешки, которые должны были помочь потомкам найти сокровища таинственной земли. Первой и, пожалуй, самой значимой подсказкой, должна была стать составленная им карта. Многие выдающиеся венгерские финно-угроведы второй половины XIX – первой половины XX вв., использовали полевые записи Регули, его маршруты, гипотезы и загадки в качестве отправной точки собственных исследований. Неслучайно профессор М. Жираи в статье, посвященной памяти Регули, отмечал: «Главным образом благодаря оставленным им рукописям школа сравнительной лингвистики смогла развиваться в этой стране, и великая проблема происхождения венгерского языка была разрешена с помощью венгерских

усилий»⁴⁰. Необходимо также отметить, что история финно-угорской этнографии в Венгрии неразрывно связана с именем Регули, чей пример полевого исследования и собирания предметов материальной культуры, стимулировал дальнейшие поездки к родственным народам уже профессиональных венгерских этнографов К. Папай и Я. Янко.

Первым значимым в научно-практическом отношении результатом экспедиции А. Регули стала этнографическая карта северного Урала, построенная на сообщениях местных жителей и личных наблюдениях исследователя. Показывая около 500 населенных пунктов, он отмечает также зимние и летние кочевья, с указанием имен хозяев стад. Границы отдельных народов в основном совпадают здесь с языковыми ареалами и зонами хозяйственной деятельности. Топонимы и гидронимы приводятся им в местной языковой транскрипции, также нанесены названия ущелий и горных перевалов через Урал⁴¹. В немецкоязычной «Санкт-Петербургской газете» о карте Регули писали: «...для тех, которые знают прежние белые, а ныне заполненные пятна на картах Уральских гор, больше не стоит под вопросом то, что своей картой и объяснениями к ней Регули стал для этнографии и географии России открывателем обширной terra incognita⁴². Эта карта послужила надежным проводником большой «Североуральской экспедиции» Императорского Русского Географического Общества (1847–1848 гг. и 1850 г.), этнографическую инструкцию для которой написал академик Бэр, среди других источников опираясь на полевые наблюдения Регули⁴³. Руководитель этой экспедиции Э. Гофман писал: «Карта Регули принесла нам большую пользу, так как содержала большое количество названий гор и рек, без знания которых, мы никогда бы не смогли объяснить нашим проводникам, куда они должны нас доставить»⁴⁴. Закончив с картографией, Регули простился со своими российскими друзьями и выехал в Германию, где рассчитывал поправить свое пошатнувшееся здоровье на грёфенбергских водолечебницах.

Осенью 1847 г. Регули приезжает на родину, навещая давно не виденных родителей и знакомых. Однако мысли его уже в Берлине, где он рассчитывает обработать и подготовить к изданию свои полевые материалы. Начатая им расшифровка мансийских записей была пре-

⁴⁰ Zsirai M. Reguly Antal emlékezete // Magyar Nyelv. 1939. Vol. 35. Old. 1.

⁴¹ Ethnographisch-geographische Karte des nördlichen Uralgebietes, entworfen auf eine Reise in den Jahren 1844 und 1845 von Antal Reguly. St.-Petersburg, 1846.

⁴² Цит. по: Папай Й. Божество слова. С. 32.

⁴³ Токарев С.А. История русской этнографии (Дюктябрьский период). М., 1966. С. 220.

⁴⁴ Hoffmann E. Der Nördliche Ural und das Küstengebirge Pae-Choi. St.-Petersburg, 1856. S. 4.

рвана новым приступом невроза и начавшимися осложнениями в виду неправильного лечения. Между тем, предреволюционное венгерское общество ждало от него результатов, прежде всего ответа на вопрос о венгерской прародине и возможных народах-родственников, но прикованный к постели он не поспевал за бурно развивавшимися событиями. Поражение венгерских повстанцев в 1849 г. и начавшийся период имперской реакции, на время притупил внимание к его персоне, но уже в 1850 г. для него создается специальная должность при университетской библиотеке, в надежде, что это поможет Регули завершить его исследование. Но Регули молчит. В своих редких академических лекциях, он старается обойтись без ожидаемой от него конкретики и уходит от прямого ответа на давно мучающий его вопрос «Нашел ли он родственников?». Он начинает сомневаться и, что самое печальное, забывать увиденные им в поле яркие свидетельства финно-угорского родства, жалуясь друзьям, что, по-видимому «неспособен поднять собственного богатства»⁴⁵. И, тогда патриотически настроенные венгерские ученые решают помочь больному товарищу, определяя ученого-лингвиста и этнографа П. Хунфалви в преемники Регули. Совместно они разбирают полевые записи десятилетней давности, готовя их к публикации. По свидетельству Хунфалви: «Это занятие возбудило его, и им овладело сильное желание работать. Он начал неустанно приводить в порядок свои лексические и грамматические записи; его воспоминания ожили и казалось, что он пришел в себя физически и духовно. Но свежая бодрость держалась только до мая 1858 г. Тут его посещения прекратились, и он утешал меня тем, что в летние каникулы он остановится в Будайских горах и отдохнет, а осенью мы возобновим работу с новыми силами. В июле я поехал в деревню и там меня настигла печальная весть, что Регули умер 23 августа»⁴⁶. Экспедиционные материалы Регули поступают на хранение в Венгерскую Академию наук, становясь источником научного вдохновения последователей.

Когда А. Регули начинал свою исследовательскую деятельность, перед ним со всей очевидностью встали две задачи: с помощью экспедиционных материалов получить достоверные свидетельства единства происхождения финно-угорских народов, или как он сам формулировал, «...дать окончательный ответ на вопрос, существует ли родство между финскими языками и венгерским, и в какой степени?»⁴⁷, а также использовать собранные данные для выяснения вопроса о пра-

⁴⁵ Цит. по: *Karjalainen K.F. Dem andenken Anthon Regulys // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1909. Bd. 8. S. 5.*

⁴⁶ Цит. по: *Панай Й. Божество слова. С. 35–36.*

⁴⁷ *Karjalainen K.F. Dem andenken Anthon Regulys. S. 4.*

родине венгров. И, хотя ему не было позволено судьбой стать ученым, нашедшим окончательный ответ на эти глобальные вопросы, своими трудами он направил в нужное русло поиски нового поколения венгерских финно-угроведов, которые начинали свой путь в науку, как правило, с расшифровки полевых текстов Регули. Отсутствие у него базового историко-филологического образования, безусловно, сказывалось на методике его полевой работы, создавая массу трудностей при последующей расшифровке собранных материалов, что имело место и при обработке его чрезвычайно ценных записей народной поэзии⁴⁸. Регули фиксировал тексты песен и сказаний со слуха, записывая их непрерывными строками, часто не отделяя предложения знаками препинания. Стараясь поспеть за информантами, он часто не вдавался в содержание, надеясь потом заняться корректурой и толкованием текстов. Используемая им языковая транскрипция, очевидно, изобретенная самим исследователем, использует обозначение звуков как немецкими, так и венгерскими буквами. Лишь кропотливый труд его последователей, комментаторов и интерпретаторов, позволил сделать достоянием научной общественности полевые собрания венгерского ученого.

Как уже отмечалось, первый опыт полевой работы Регули предпринял находясь у воды в 1841 г., на пути в Санкт-Петербург. Один из последних результатов расшифровки его текстов был также связан с водой. В конце 1950-х финский этнограф и историограф С. Халтсонен получил от венгерских коллег водские рукописные материалы Регули, записанные в деревнях прихода Катила (русс. Котлы). Основным его информантом была местная сказительница Анна Иванова, или как ее именует Регули – *Аннушка Ивановна из д. Рудья*, работавшая впоследствии с такими известными фольклористами как Э. Лённрот и А. Альквист, и чьи песни вошли в один из томов монументального проекта «Старые руны финского народа»⁴⁹. Записи образцов народной поэзии чередуются у Регули с краткими справками историко-статистического характера, например, перечислением зафиксированных им водских (или как он пишет «чудских») деревень Ямбургского уезда с указанием имен их владельцев – генералов Альбрехта и Притвица, графов Сиверса и Завадовского, что говорит о понимании исследователем взаимосвязи, существующей между поэтическим текстом и его историческим подтекстом.

Население водских деревень прихода, по подсчетам Регули, составляло примерно 1500 человек. Хотя, эта цифра не совсем согласуется с

⁴⁸ *Korompay B. Reguly és hagyatéka // Nyelvtudományi közlemények. 1971. Vol. 73. Old. 387–407.*

⁴⁹ *Suomen kansan vanhoissa runoissa. Helsinki, 1928.*

данными академика П.И. Кёппена, собиравшего статистические данные о води и других финно-язычных народах края, для своей этнографической карты Санкт-Петербургской губернии⁵⁰. Этому расхождению, наверное, не стоит придавать принципиального значения, так как объектом исследовательского интереса венгерского путешественника была не статистика, а фольклор и этнография. Часть из 72 водских свадебных и погребально-поминальных песен Регули снабжает немецким подстрочным переводом, понимая их с помощью ранее усвоенного финского языка и снабжая некоторые песни нотной записью. Рифмованные свадебные тексты предвещаются им кратким этнографическим описанием обрядов сватовства, одаривания родственников жениха и невесты, мытья невесты в бане и её символического оплакивания. Далее автор подробно описывает свадебный наряд невесты, с указанием названий основных деталей на водском языке, а также описывает обряд замены девичьей шапочки «*rääsie*» на конусовидный головной убор замужней женщины, с указанием последующих трансформаций женского костюма вожанки⁵¹.

Преждевременный уход из жизни А. Регули породил некоторую двойственность ожиданий венгерского научного сообщества относительно поиска родственных народов, с одной стороны, разочарованного в несбывшихся до конца надеждах, с другой – сохранившего интерес к загадкам его объемистых полевых собраний. Ситуацию до некоторой степени разрешили публикации мансийских текстов Регули, подготовленные П. Хунфалви. В 1859 г. вышли в свет «Вогульские сказания о творении», с образцами мансийской грамматики и лексики, а затем в 1864 г. появился обобщающий труд «Земля и народ вогулов», который, помимо собранных Регули текстов, включал в себя все доступные тогда Хунфалви историко-этнографические и географические сведения о манси⁵². Особенно важной частью этой работы является заключительная глава, озаглавленная «Сравнение вогулов и мадьяров», представляющая собой попытку историко-лингвистического обоснования родства венгров с обско-угорскими народами. Преодолевая трудности с расшифровкой северо-хантыйских текстов Регули, вызванные нехваткой качественных лексико-грамматических публикаций, Хунфалви, тем

⁵⁰ *Köppen P. Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements. Sankt-Petersburg., 1849.*

⁵¹ *Reguly A. Vajjalaismuistiinpanot 1841. (Aufzeichnungen über die Woten). Die Hochzeit der Watländer / Julk. S. Haltsonen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1958. Vol. 60. S. 31–32.*

⁵² *Anton Regulys Nachlass. Im Auftrage der Ungarische Akademie der Wissenschaft herausgegeben von Paul Hunfalvy. I. B. Das Land und Volk der Wogulen. Pest, 1864; Reguly A., Hunfalvy P. A vogul föld és nép. Pest, 1864.*

не менее, подготовил учебно-методические материалы по этому диалекту, еще более укрепившее его мнение относительно родства. Данная позиция становится предпосылкой для последующего выделения угорских языков в особую подгруппу, не сливая их более воедино с языками финского происхождения. Хунфалви, используя опыт, полученный в ходе работы с материалами Регули и ведя большую научную переписку прежде всего с финскими и немецкими учеными-компаративистами, показал, что венгерский язык по всем своим признакам находится в ближайшем родстве с языками хантов и манси⁵³. Другим его успехом стало привлечение к работе над расшифровкой и систематизацией «регулианы» талантливое немецкое исследование Й. Буденца, который, переехав в Венгрию, начал кропотливо заниматься изучением чувашских, марийских (горных и луговых) и мордовских (эрзя и мокша) записей Регули, причем марийская грамматика, марийский и мордовский словари Буденца на долгие годы станут образцовыми работами по финно-угристике⁵⁴. Примечательно, что Буденц, работая с полевыми записями предшественника, претерпел такую же трансформацию взглядов, подобно Хунфалви, первоначально считавшего, что венгерский язык и культура в целом может находить реальные параллели в алтайском (тюркском) этнолингвистическом сообществе. Доводы венгерских финно-угроведов оказались убедительнее замечательных по этнографической содержательности публикаций сторонников «тюркской линии», подкрепленных такими авторитетами как «хромой дервиш» – А. Вамбери, исходивший в начале 1860-х гг. огромные пространства Персии и Средней Азии, и чьи толкования Корана собирались послушать самые ортодоксальные ревнители веры⁵⁵.

С 1873 по 1881 гг. Й. Буденц вел работу над «Сравнительным венгерско-угорским словарем», внесшим большой вклад в победу «угорской партии», над сторонниками устаревшей тюркской теории происхождения венгров⁵⁶. Увлечение Буденца обско-угорским наследием Регули нашло выражение еще в том, что сам он, являясь в большей мере кабинетным ученым и университетским преподавателем, направил своего лучшего ученика Б. Мункачи по пути полевого исследова-

⁵³ Pál Hunfalvy ja suomalaiset. Kirjeitä vuosilta. 1853–1891 / Toim. Viljo Tervonen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1987. Vol. 197.

⁵⁴ Bereczki G. Budenz József mint a Volga-vidéki finnugor és török nyelvek kutatója // Nyelvtudományi közlemények. 1987–1988. Vol. 89. Old. 205–210.

⁵⁵ Медведев П.П. Нечаянное знакомство с А. Вамбери // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. 1878. Вып. 2. С. 63–66.

⁵⁶ Korhonen M. Budenz József tudományos eredményei a mai nyelvészet szemszögéből // Nyelvtudományi közlemények. 1987–1988. Vol. 89. Old. 121–122.

теля⁵⁷. Мункачи, приобретший хороший экспедиционный опыт, работая в 1885–1886 гг. среди удмуртов, отправился в 1888 г. вместе с этнографом К. Папай к манси. Пройдя по деревням, охотничьим заимкам и кочевьям, где когда-то побывал Регули, Б. Мункачи своими фольклорными собраниями и этнографическими наблюдениями смог подобрать ключи к пониманию, ранее не доступных южно-мансийских записей основателя венгерского финно-угроведения. Осенью 1889 г. Б. Мункачи по итогам своей экспедиции сделал в высоком стиле доклад руководству Венгерской Академии Наук, отрывок из которого позволю себе привести:

«Особое волнение охватывает мою душу, высокоуважаемая Академия, сейчас, когда я перед Вами выступаю, чтобы дать отчет о результатах моей исследовательской поездки, которую я совершил по Вашему заданию в страну наших языковых родственников, вогулов.

Это было не просто научное предприятие, но одновременно и акт благодарности незабвенному первопроходцу нашего языкознания, который пожертвовал своей молодой жизнью для выяснения проблемы происхождения нашего языка и народа. Прошло как раз сорок лет с тех пор, как Антон Регули вернулся на родину из поездки по Уралу и Поволжью. Нemerкнущие сокровища, которые он привез с собой, должны открыть новую эру в нашем языкознании. Как многим другим героям, боровшимся за высокие идеалы человечества, ему не суждено было пережить триумф своих идей, и как измученный пилигрим, упал он на середине пути, прежде чем успел довести до цели результаты своих колоссальных стремлений, или, по крайней мере, закрепить их. После его трагической кончины наследие его перешло к Венгерской Академии наук, филологический отдел которой видит одной из своих задач научную реализацию этого наследия. Особый интерес направлен на вогульский и остяцкий языковой материал, так как за прошедшее время стало окончательно ясно, что именно эти языки находятся в особо тесной связи с венгерским.

Но, взгляните-ка, словно рок, преследовавший Регули на протяжении всей жизни, хочет исполнить свою злую волю и при сооружении памятника Регули, так как обнаружился обескураживающий факт – вогульский и остяцкий материал, драгоценнейшая часть коллекции Регули, ввиду продолжительного отсутствия расшифровки, перевода и комментирования казалась недоступной для научного изучения. Лишь относительно небольшая часть, «Северо-вогульский язык, зафиксированный в бассейне рек Сосьвы и Сызвы», был расшифрован и опубликован Паулем Хунфалви. Но 2/3 вогульских материалов, а также весь остяцкий массив текстов оставался недоступной тайной для исследователей, чья разгадка, осо-

⁵⁷ Honti L. Budenz József ob-ugristikai tevékenysége // Nyelvtudományi közlemények. 1987–1988. Vol. 89. Old. 191–201.

бенно, что, касалось южно-вогульских собраний, казалась закрытой на вечные времена, поскольку их язык, уже во времена путешествия Регули, находился на последней стадии вымирания.

И все-таки, даже из единично переведенных названий, спорадически всплывавших понятных мест, можно было судить, насколько интересен этот загадочный материал. Кажется, что он подобен финской Калевале, где выраженные в эпических песнях высокие дела богов и героев, составляют немалый объем текстов; далее следуют записи о медвежьем культе; заговоры, одним словом, древняя религиозная жизнь вогульского и остяцкого народов, богатейший источник не только для исследования народной психологии (особенно мифологии), этнографии, археологии и, в определенных рамках, истории. С момента их записи прошло время, равное почти человеческому возрасту; за это время венгерское языкознание развернуло мощную деятельность по разным направлениям и расширило свои знания по южно-вогульскому и остяцким языкам, при помощи работ П. Хунфалви, Аלקвиста, Шифнера, Кастрена, но языковое наследие Регули и сейчас является интересной и важной проблемой. Решить по возможности эту проблему, то есть на месте, лично предпринятыми исследованиями попытаться дать толкование собраниям Регули и углубить их новыми материалами – именно, это являлось идеей, руководившей мной в данном предприятии. И благодаря удачной предусмотрительности, могу с радостью доложить, что проблемы, касавшейся вогульского материала, больше не существует. Обосновано было опасение, что языка, на котором Регули делал свои записи на юге и, на котором говорили оба его информанта – Юркин и Пактияр, больше не существует. Но, к счастью, я прибыл вовремя, застав, буквально в последний час, тот вогульский диалект, что является родственным тому, на котором работал Регули. На нем говорят еще некоторые семьи. Посредством одного талантливого информанта, знавшего оба диалекта, удалось пролить свет на записанное иероглифами вогульское наследие Регули, расшифровав те темные места, которых было не меньше, чем в любом древневенгерском языковом материале. Следуя дальше по областям, ранее пройденным нашим великим предшественником, появлялись новые, или похожие, ценнейшие жемчужины, подобные наследию Регули, позволяющие глубже осветить жизнь и прошлое вогульского народа⁵⁸.

Расшифровкой хантыйского цикла «регулианы» успешно занимался венгерский фольклорист Й. Папай, лично работавший в конце XIX в.

⁵⁸ Munkácsi B. Bericht über meine linguistische Studienreise im Lande der Wogulen // Acta Ethnographica Academiae scientiarum Hungaricae. 1978. Tom. 27. S. 151–153.

среди хантов и разделивший собрания хантыйской народной поэзии Регули на два основных цикла, это героические песни и так называемые медвежьи песни, связанные с культом священного животного⁵⁹. Показанная им специфика эпических произведений, записанных Регули в районе Березова, позволяет говорить о них как об источнике исключительной важности для реконструкции мифологических представлений и социальной структуры древних хантов⁶⁰. Герои, боги, идолы и люди составляют единый организм, объединенный общей историей. Хантыйские племена живут под руководством своих князей, обитающих в мощных деревянных крепостях. Молодежь забавляется спортивными состязаниями, стреляя из луков по движущимся мишеням и «пиная ногами мяч из ремней величиной с человеческую голову»⁶¹. Экзогамные отношения существующие между родами нередко становятся причиной кровопролитных сражений, когда князья, отправляясь за невестами, готовятся к сватовству как к военному походу, проводя военные советы, созывая ополчение через слуг-оруженосцев и определяя с помощью жребия необходимое количество воинов и время начала похода. Как и в других финно-угорских мифологических системах, время героев проходит с наступлением эпохи обычных людей, но герои не исчезают бесследно, превращаясь в духов, поселяясь в священных рощах, на горных вершинах у истоках рек, становясь объектами поклонения потомков. Каждое племя чтит своего духа, идолу которого приносятся жертвы, но культ некоторых из них становится общим для всех хантов, вне зависимости от их племенной принадлежности. Архаическая лексика, используемая в записанных Регули хантыйских эпических сказаниях, подтверждает тот факт, что им был зафиксирован древнейший слой народного мировоззрения и образа жизни, обских угров.

Об этнографических интересах и планах А. Регули мы знаем благодаря воспоминаниям его друга и ученого-литературоведа Ф. Толди, отмечавшего, что свой этнографический опыт Регули планировал реализовать в издании двухтомного исследования, где первый том был бы посвящен общему обзору финских племен, а второй – пристальному изучению угорских финнов и особенно венгерской нации⁶². Отдельно

⁵⁹ *Reguly A., Pápay J. Osztják népköltési gyűjtemény. Budapest–Leipzig, 1905; Csepregi M. General information about the Ostjaks: the history of research of the ostjak language and culture // Acta Ethnographica Hungarica. 1997. Vol. 42. № 3–4. P. 277.*

⁶⁰ *Reguly A., Pápay J. Osztják hőseinek I–III. / M. Zsirai, D. Fokos-Fuks. Budapest, 1944–1965.*

⁶¹ Цит. по: *Панаи Й. Божество слова. С. 50.*

⁶² *Jankó J. Die ethnographische Abtheilung des ungarischen Nationalmuseums // Acta Ethnographica Academiae scientiarum Hungaricae. 1978. Tom. 27. S. 223–224.*

следует сказать о том, что по возвращении на родину, Регули передал собранные им в экспедиции артефакты на хранение в Венгерскую Академию наук, его небольшая коллекция из 92 предметов стала, по сути дела, отправной точкой для комплектования музейных фондов, представляющих материальную культуру родственных народов. Историю презентации этой первой финно-угорской выставки Ф. Толди описал, так: «Общее собрание Академии в ноябре 1847 г. собралось, чтобы со всем вниманием заслушать развернутый отчет секретариата о путешествии и его основных результатах. По этому случаю также была развернута выставка этнографических вещей, которые тщательно собирал Регули. Собрание этих различных предметов представляло собой: одежду меховую, преимущественно саамскую, самоедскую, вогульскую, остяцкую и мордовскую; верхнюю и нательную мужскую и женскую одежду, сделанную из льна, шерстяной и крапивной ткани; головные уборы, передники, обувь и широкий ассортимент ювелирных изделий. Многие из этих предметов, в частности женские рубашки, были украшены вышивкой, выполненной с величайшей заботой и умением; комбинация цветов и знаков часто обнаруживала хороший вкус. Некоторые образцы лопарской и вогульской меховой одежды носились самим Регули. Во-вторых: куклы-марионетки, то есть мужские и женские фигурки самоедского и черемисского изготовления. В-третьих: вогульские, черемисские, остяцкие и русские санки, коньки, луки и сети. В-четвертых: оружие, включавшее репрезентативную коллекцию стрел и тому подобного снаряжения. В-пятых: подлинная вогульская лютя (sangur) и подлинный остяцкий идол⁶³. Кроме того, Регули предпринял несколько этнографических поездок в Альфёльд и в прикарпатский регион Венгрии, где занимался сбором полевого материала среди местного венгерского населения, занятого как скотоводством, так и земледелием⁶⁴. Можно сказать, что Регули стал первооткрывателем не только мира далеких родственных народов, но и одним из первых ученых, обратившим внимание на культуру локальных сообществ Венгрии, а именно составляющих ее регионов⁶⁵. Сравнительный подход к материалу, усвоенный им из своих прежних странствий, закладывал базу для дальнейших родоноведческих исследований в стране, народ которой постепенно осознавал свою идентичность как в большом мире европейских наций, так и среди обретенных финно-угорских родственников.

⁶³ Цит. по: *Kodolányi (jr) J. Antal Reguly // Popular beliefs and folklore tradition in Siberia. P. 23–24.*

⁶⁴ *Selmeczi Kovács A. Reguly Antal hazai néprajzi kutatásai // Ethnographia. 1974. Vol. 85. № 4. Old. 611–618.*

⁶⁵ *Paládi-Kovács A. Magyar tájak néprajzi felfedezői. Budapest, 1985.*

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Осознанная в самом начале петровского времени потребность в реальном знании географии страны чрезвычайно расширила возможности для субъективных внутренних размышлений ученых, путешествующих по социокультурным пространствам России, населенным людьми, чей облик и образ жизни далеко не всегда соответствовал устоявшемуся стереотипу. Историко-филологические исследования, активизировавшиеся в России в период становления европейских наций, еще раз показали, что во многих местностях, порой совсем мало удаленных от столичных городов, люди если и говорят по-русски и ходят в православные храмы, то бытующие традиции и антропологический тип выдают их сравнительно недавнее обращение¹. Пристальное «вглядывание» ученых-этнографов в реалии российской жизни позволило внести новые штрихи в репрезентацию России как европейской державы, значительная часть территории которой находится в Азии, а немалая часть населения имеет «восточное» происхождение². Именно этим обстоятельством был продиктован мой интерес к двум оппозиционным и в то же время взаимопроникающим эпохам – Просвещению и Романтизму, когда был заложен идейный базис научных и культурных проектов нациестроительства. Вжившись в местную почву, просветительство и национальный романтизм стали неотъемлемой частью общественной жизни, находя самые разные формы проявления – от высоких образцов живописи, музыки и литературы до каждодневных занятий школьного учителя с учениками, а приходского священника – со своей паствой, желающей услышать слово на родном языке. Часто исследователи, будучи просветителями по профессии и романтиками – по духу, с успехом соединяли в себе два мировоззрения и воспринимали свое служение народу как миссию, находящуюся «между разумом и чувством». И если попытаться рассмотреть в этом ключе научные опыты энтузиастов отечественного народоведения, в том числе этнографического финно-угроведения, то скорее всего, можно увидеть новые грани, казалось бы, известных проблем и выйти на новые перспективы научного поиска.

На основе личного мнения, еще более укрепившегося в период работы над темой, хотелось бы отметить, что история этнографическо-

¹ См., например: *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2004.

² См., подробнее: *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 111–139.

го изучения финно-угорских народов России прошла к настоящему моменту немалый путь, на котором были времена блестящих открытий и научного подвижничества, но имелись и случаи безликого тиражирования давно уже очевидных фактов или что хуже – научного «самоедства» и беспринципной погони за конъюнктурой³. Тем не менее, у автора сложилось стойкое убеждение в том, что ушедшие поколения ученых, их мысли и труды не должны остаться в забвении, несмотря на то, кажутся ли они нам важными и актуальными, или не вписывающимися в контекст сегодняшнего дня, поскольку современная этнография финно-угорских народов в равной степени опирается на данные эмпирического характера и историографические материалы.

³ См.: Сануков К. Финно-угорские народы России: проблемы историографии // *Finno-Ugrica*. 1998. № 1. С. 38–66.

SUMMARY

FINNO-UGRIC ETHNOGRAPHIC RESEARCH WORKS IN RUSSIA (XVIII – first half of the XIX century)

Finno-Ugric peoples of Russia including the Finns, the Lapps, the Vods, the Izhors, the Karelians, the Veps, the Maris, the Mordvinians, the Udmurts, the Komi, the Komi-Permyaks, the Khanty and Mansi are a part of ancient autochthonous population of Eurasia. During many centuries peoples speaking Finno-Ugric languages are separated from each other by vast territories, varieties of agricultural activity, mode of life and religion nevertheless they keep distinct identification of themselves not only as having peculiar ethnic features but as being representatives of larger community. How could it happen that people living in Western Siberia, the Urals, Volga region and European North of Russia feel not only mental unity but also know about their foreign relatives – the Finns, the Estonians and the Hungarians? One should think that the answer for this question can be found not only in history itself but in the sphere of scientific history and education as well. The matter is that having appeared as a research school of philological nature Finno-Ugric study quickly acquired polyfunctional, ethnographic (in full comprehension of this term) essence. No matter who – linguist, historian or literary critic – studied Finno-Ugric problems, the main thing is that the results of scientific pursuit reflecting in newspapers, journals and school textbooks formed the feeling of Finno-Ugric relationship.

Suggested in this research division into periods of the history of Finno-Ugric ethnographic study in Russia of XVIII – first half of the XIX century means the distinguishing of two stages changing each other.

The first stage which chronometrically includes the whole XVIII century was directly connected with the development of the idea of European Enlightenment. This idea also included peoples study as a part of general program of rational cognition of environment. Academic expeditions which worked at that time in the Russian Empire studied great layer of ethno-cultural information understanding of which was opened by remarkable minds of the epoch. Research impulse realized in history-geographic and ethnographic works of Ph.J. von Strahlenberg (1676–1747), G.F. Müller (1705–1783), J.G. Georgy (1729–1802) and it was popularized among Finno-Ugric people making them plenipotentiary subjects of enlightened oikumen. Intellectual break happened in the era of Enlightenment resulted not only in Europe central history model destruction but in cumulating separate knowledge within the limits of national research institutions as well. Program statements of enlighteners, their

philosophy and practical work in spite of global aim inevitably brought the time of national history. The movement towards the heights of the mind started by enlighteners meant that the sense of involvement into whole history would be spread among different peoples and this fact inevitably resulted in confirmation of equality of culture. It is clear that the multinational development of fact understanding that spectral universal models do not always bring the desired result became also very significant feature of the epoch as well as the formation of scientific interest to ethnic diversity of environment. In short, resourcefulness and adaptability of enlightened ideology to local conditions allowed it to conquer vast space astride the Urals. Anyway during all stages of ethnographic Finno-Ugric study history we find great invariable idea that the deed started by the enlighteners must be continued and finished by those who are being enlightened.

The sources of Finno-Ugric ethnographic researches which originate from the Age of Enlightenment echoed greatly in the works of scientists romantics whose works were analyzed during the second stage of our period division. When at the very outset of XIX century the process of forming European nations was activated Finnish and Hungarian scientists thought it their honor to restore the history of their nations turning it to the study of material and moral evidence of the past. The search of Finno-Ugric (Uralic) great-native land and relative nations brought A.J. Sjögren (1794–1855), M.A. Castrén (1813–1852) and A. Reguly (1819–1858) to Russia which was reopened in romantic period of scientific history. Being pupils of European scientific institutions as well as their predecessors they introduced not only basic research traditions into Russian science but they founded domestic Finno-Ugric study too. Tradition of domestic history «heroinism» which originated in European history during the period of nation states formation was of great importance for romantic research workers of Finno-Ugric study. Key point of their research activity was the problem related to the revealing of ethno genetic relations between Finno-Ugric peoples, their contacts with other peoples of the continent. From the point of national history formation it was very important to find out the certification of social and political life of ancestors which would be desirably based on documentary material supported by ethnography, folklore and toponymy. So from the very beginning Finnish and Hungarian scientists were aimed at their nation history reconstruction the part of which involved searching for Finno-Ugric great native land and relative peoples in Russia.

Reflection and several preliminary experiments on the situation how to combine safely in one context rather heterogeneous historical and ethnographic material gave birth to the account method which can briefly be shown in the following: epoch – idea – hero. An original source of this research work was formed from taken idea which involved history-graphic trend of the work which could be realized within the limits of Finno-Ugric ethnographic discourse.

Great number of biographic sources demanded the study of published books as well as manuscripts. I hope that scientific researches, archives recordings, encyclopaedias, reference books, memoirs used in this work set up peculiar ethnographic and biographic context which allowed creating more or less realistic images of the past epoch, exited ideas of this epoch and characters born together with these ideas.

Great attention of ethno scientists to the realities of Russia life allowed bringing new sounds into representation of Russia as a European power great part of territory of which is situated in Asia and large enough part of population is of eastern origin. This very circumstance formed my interest toward two oppositional but at the same time intertwining epochs – Enlightenment and Romanticism when ideological base of scientific and cultural projects of national building were laid. On getting used to local ground, Enlightenment and national Romanticism became integral part of social life finding different forms and manifestations such as art, music, literature images as well as everyday classes of school teacher and vicar's speech to the flock that is willing to hear a word in native language. It often happened that being enlighteners by profession and romantics in soul they successfully combined two ideologies and took their service to the people as a mission between «soul and sense». If we try to consider scientific experiments made by enthusiasts of ethnographic Finno-Ugric study in this sphere, we will be able to find new frontiers of well known problems and turn to new perspectives of scientific search.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Архивные источники:

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (ПФА РАН):

Фонд 94 (материалы А.И. Шёгрена);

Фонд 21 (материалы Г.Ф. Миллера);

Разряд 1 (материалы И.Г. Георги).

Опубликованные источники:

Абульгази-Бахадур-хан Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова, с послесловием и примечаниями Н.Ф. Катанова // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. 1905. Т. 21. Вып. 5, 6.

Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовья, рудные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской империи и проч., из достопамятных известий собранный коллежским ассессором и города Вереи воеводой Федором Полуниным, с поправлениями и пополнениями для пользы общества в печать изданный трудами и с предисловием Г.Ф. Миллера. М., 1773.

Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1996.

Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771.

Дополнительная инструкция г. Кастрену, составленная Академиком Кеппеном // Журнал министерства народного просвещения. 1845. Ч. 47. Отд. 2.

Древняя Российская история от начала российского народа до кончины князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым статским Советником, Профессором Химии и Членом Санктпетербургской Императорской и Королевской Шведской Академий наук. СПб., 1766.

Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 г. СПб., 1770.

Записки путешествия академика И.П. Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6, 7.

Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М.; Л., 1985. Ч. 1.

Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999.

Кеппен П.И. Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1852.

Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. СПб., 1884.

Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором В.Н. Татищевым. СПб., 1793.

Миллер Г.Ф. О первых российских путешествиях и посольствах в Китай // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих, при Императорской Академии наук. СПб., 1755. Т. 2.

Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих, при Императорской Академии наук. СПб., 1756. (июль) С. 33–64, (август) С. 119–145.

Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском, зырянском, и приобщенным переводом господней молитвы «Отче наш» на черемисском и чувашском языках. СПб., 1791.

Миллер Г.Ф. История о калмыках и деяниях их, взятая из Витзенова описания Северо-Восточной Татарии // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ч. 90.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.

Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. 1715 г. Новосибирск, 1941.

Общая инструкция г. Кастрену по поводу поручения ему Академиею исследования Северной и Средней Азии в этнографическом и лингвистическом отношениях, составленная Академиком г. Шёгреном // Журнал министерства народного просвещения, 1845. Ч. 47. Отд. 2.

Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1–3. СПб., 1776–1778.

Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Творение, за несколько лет перед сим на немецком языке Иоганна Готлиба Георги, в переводе на русский язык весьма во многом исправленное и в новое сочиненное в четырех частях, со 100 гравированными изображениями народов и 8 виньетами. Изданием книгопродавца Ивана Глазунова. СПб., 1799.

Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена; сочинено Герардом Фридериком Миллером, Историографом и Профессором Университета Академии Наук и Социетета Аглинского Членом. Книга первая. СПб., 1750.

Опыт Казанской истории древних и средних времен, сочинен Петром Рычковым. СПб., 1767.

Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописные татарския книги Сочинения Абулгази Баядур-хана и дополненная великим числом примечаний, достоверных и любопытных о прямом нынешнем состоянии Северныя Азии с потребными географическими ландкартами / Пер. с французского В. Тредьяковского. СПб., 1768.

О финнах Санкт-Петербургской губернии. 1840. Т. 4.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии.

Рычков П.И. История Оренбургской губернии. Уфа, 2001.

Сибирская история с самого открытия Сибири русским оружием, сочиненная на немецком языке членом Санкт-Петербургской Академии наук и древностей и истории, также членом Императорской Академии наук Иоганном Ебергардом Фишером. СПб., 1773.

Шёгрэн А.И. О грамматических свойствах финского языка // Чтения Императорской Академии наук.

Шёгрэн А.И. Исторический, статистический и географический очерк финских племен // Чтения Императорской Академии наук.

Шёгрэн А. Об этнографической экспедиции в Финляндию. Записки ИРГО. СПб., 1849. Кн. 1–2.

Abulgasi Bahadur Chan. Histoire du Tatarstan, d'après un manuscrit tatar et enrichi d'un grand nombre de détails curieuses sur le véritable état présent de la province. géographiques. Leyde, 1726.

Anton Regulys Nachlass. Im Auftrage der Kaiserlichen Wissenschaft herausgegeben von Paul H. Wogulen. Pest. 1864.

Asiatischen Nachbahren und Vasallen, nebst der allerneuesten Nachricht von diesen Völkern, die Begebenheiten des Czarewizen, und was sich sonst merckwürdiges in Russland zugetragen, nebst verschiedenen andern bisher unbekandten Nachrichten in einem bis 1720 gehenden Journal vorgestellt werden, mit einer accuraten Landcarte und Kupfferstischen versehen. Franckfurt, 1721.

E. Ysbrand Ides. Dreyjährige reise nach China von Moscau durch gross Ustiga, Siriana, Permia, Sibirien etc. Frankfurt, 1707.

Ethnographisch-geographische Karte des nördlichen Uralgebietes, entworfen auf eine Reise in den Jahren 1844 und 1845 von Antal Reguly. St.-Petersburg, 1846.

Jean Bernhard Müller Les moeurs et usages des ostiackes. Et la maniere dont ils furent convertis en 1712, á la Religion Chrétienne du rit Grec. Avec plusieurs Remarques curieuses sur le Royaume de Sibirie, & le Détroit de Weygatz ou de Nassau.

Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Bd. 1. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St.-Petersburg, 1861.

Johann Bernhard Müllers, Königl. Schwedischen Dragonner Capitain, Leben und Gewohnheiten des Ostiaken, eines Volcks, das bis unter dem Polo Arctico wohnt, wie selbiges aus dem Heydenthum, in diesen Zeiten zur Christl. Griechischen Religion gebracht, Mit etlichen curieusen Anmerkungen vom Königreich Sibirien und seinem Fretto Nassovio oder Weigats, In der Gefangenschafft deselbst geschreiben. Berlin, 1720.

Ides I. Reisebeschreibung zu Lande nach China in d. Jahren 1693–1695 // Mentzel Ch. Chinesische Chronologia. Berlin, 1696., Recueil des Voyages en Tartarie, par van der Aa. Leyde, 1729.

Falk J.P. Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reiches (Publ. Par J.G. Georgi). St.-Petersburg, 1785–1786.

Fischer J.E. Vocabularium Sibiricum (1747) // Opuscula Fenno-Ugrica Göttingensia III. Hrsg. von J. Gylya. Göttingen, 1987.

Georgi J.G. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich 1–2. St.-Petersburg, 1775.

Georgi J.G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religionen, Gebrauche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. I–IV. St.-Petersburg, 1776–1780.

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Erste Theil. Göttingen, 1751.

Köppen P. Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements. Sankt-Petersburg, 1849.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien (1720–1727). Hrsg. von E. Winter und N.A. Figurovsij. Berlin, 1962–1967. Theil 1–4.

Nordische Reise und Forschungen. St.-Petersburg, 1853–1862. Bd. 1–6.

Pál Hunfalvy ja suomalaiset. Kirjeitä vuosilta. 1853–1891 / Toim. Viljo Tervonen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1987. Vol. 197.

Reguly-Album. Mit historischen und belletristischen Inhalte von Jaszay, Jokai, Josika, Lugossy, Petofi, Rischel, Szigligeti, Emerich Vahot und Vencel. Als Einleitung Regulys Reisen von Franz Toldy. Ausgabe der Reguly-Gesellschaft. Pest, 1850.

Reguly A. Valtjalaismuistiinpanot 1841. (Aufzeichnungen über die Woten). Die Hochzeit der Watländer Julk. S. Haltsonen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1958. Vol. 60.

Reguly A., Hunfalvy P. A vogul föld és nép. Pest, 1864.

Reguly A., Pápay J. Osztják népköltési gyűtemény. Budapest–Leipzig, 1905.

Reguly A., Pápay J. Osztják hőségei I–III. / M. Zsirai, D. Fokos-Fuks. Budapest, 1944–1965.

Sjögren A.J. Anteckningar om församlingarne i Kemi-Lappmark. Helsingfors, 1828.

Sjögren A.J. Bemerkungen über die zum Grossfürstenthum Finnland gehörigen Lappmarken // Russische Miscellen zur genauern Kenntniss Russlands und seiner Bewohner. St.-Petersburg, 1830. Bd. 3.

Strahlenberg P.J.T., von. Russia, Siberia and Great Tartary [1738]. N.Y., 1970.

Strahlenberg Ph.J. Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia // Studia Uralo-Altaica. Vol. 8. Szeged, 1975.

Wahrhafte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien, Weckhergestalt dieselbe nach dem A. 1709 bey Pultava in der Ukraine mit denen Russen gehaltenen unglücklichen Treffen, in ihrer Gefangenschaft, zum Theil von Gott kräftig zur Busse erwecket worden, und was sich von einigen von ihnen angerichteten Schule, zu Tobolsky von Anfange bis zu Ende, wie auch ihrer Zurückkunft nach erfolgten Friedens-Schluss begeben hat, mitgetheilt von Curt Friedrich von Wreech, gewesenem Capitaine unter dem Königl. Schwedischen Albedylischen Dragonner-Regiment. Sorau, 1725.

Литература:

Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995.

Агафонов Н. Казань и Казанцы. Казань, 1907. Т. 2.

Агеева Р.А. Топонимика в трудах М.А. Кастрена // История топонимии в СССР. М., 1967.

Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1.

Академик А.М. Шёгрэн // Журнал министерства народного просвещения. 1855. № 86.

Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра I. Новосибирск, 1996.

Александровская О.А. Становление географической науки в России в XVIII в. М., 1989.

Алексеев А.А. Ф.А. Волегов и его «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1835 года // Вопросы истории и грамматики чувашского языка. Труды НИИ при СМ Чувашской АССР. Вып. 74. Чебоксары, 1977.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников писателей XIII–XVII вв. Иркутск, 1941.

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XIV вв. М., 1973.

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII в.). М., 1979.

- Алпатов М.А.* Неутомимый труженик. О научной деятельности академика Г.-Ф. Миллера // Вестник Академии наук СССР. 1982. № 3.
- Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая половина XIX в.). М., 1985.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939.
- Андреев А.И.* Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1.
- Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. М.; Л., 1965.
- Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. 3.
- Арато Э.* К вопросу истории понятия нации в Венгрии. 1780–1825 // Nouvelles etudes historiques. Budapest, 1965.
- Атаманов М.Г.* По следам удмуртских воршудов. Ижевск, 2001.
- Байер Ф.З.* О начатке и древних пребывалищах скифов // Краткое описание комментариев Академии наук на 1726 г. СПб., 1728. Ч. 1.
- Байер Ф.З.* О местоположении Скифии, каково было в лета Герадоты // Краткое описание комментариев Академии наук на 1726 г. СПб., 1728. Ч. 1.
- Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
- Барт Р.* Нулевая степень письма // Семиотика. М., 1983.
- Барта А.* На каком языке говорили венгры в X веке? // Материалы VI Конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т. 2.
- Барышева Е.А.* Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // Этнографическое обозрение. 1994. № 3.
- Бассин М.* Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.
- Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.
- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Бахтин М.М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. М., 2000.
- Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6.
- Белковец Л.П.* О месте И.Г. Гмелина в истории русской науки // История Сибири. Томск, 1971. Вып. 3.
- Белковец Л.П.* Сведения И.Г. Гмелина о земледельческом освоении Сибири // История Сибири. Томск, 1975. Вып. 18.
- Белковец Л.П.* Сведения И.Г. Гмелина о народах Сибири // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск, 1980.
- Белковец Л.П.* К вопросу об оценке историографических взглядов Г.Ф. Миллера // История СССР. 1985. № 4.
- Белковец Л.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1988.
- Белковец Л.П.* Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. М., 1990.

Белых С.К. Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках // Финно-угроведение. 1995. № 2.

Берг Л.С. ВГО за сто лет. М.; Л., 1946.

Берендтс Э. Императорский Александровский университет в Финляндии: Очерк его организации и значение в общественной жизни Финляндии. СПб., 1902.

Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973.

Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.

Беснятых Ю.Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998.

Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950.

Богданова И.А. Просвещение как начальный этап формирования национальных культур // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Богораз В.Г. Кастрен – человек и ученый // Памяти М.А. Кастрена: К 70-летию со дня смерти. Очерки по истории знаний – II. Л., 1927.

Бубрих Д.В. Финноугорское языкознание в СССР // Финноугорский сборник. Л., 1928.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Этнография в Казанском университете. Казань, 2002.

Бэр К.М. Об этнографическом исследовании // Записки РГО. 1846. Кн. 1.

Бэр К. Собрания этнографических предметов // Географические известия. 1848. Вып. 2.

Валк С.Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7.

Валонен Н. Ранние лопарско-финские контакты. Из этнической истории финских племен // Финно-угорский сборник. Л., 1982.

Васильев Ю.С. Об историко-географическом понятии «Заволочье» // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.

Вдовин И.С. История изучения палеоазиатских языков. М.; Л., 1954.

Венгерские ученые о чувашском языке. Чебоксары, 1979.

Вереш П. Древневенгерская эпоха // Acta Ethnographica Hungarica. 1996. Vol. 41.

Верцман И.Е. Жан-Жак Руссо и романтизм // Проблемы романтизма. М., 1971. Вып. 2.

Верцман И.Е. Жан-Жак Руссо. М., 1976.

Веске М.П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890.

Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX века. М., 1993.

Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.

Вишленкова Е.А. Визуальный язык описания «русскости» в XVIII – первой половине XIX в. // Ab Imperio. 2005. № 3.

- Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.
- Владыкин В.Е., Загребин А.Е.* Шведско-финский компонент в исследовательском пространстве пермских народов // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997.
- Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны: история дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986.
- Вовина О.П.* Деятельность Вольного экономического общества в области этнографии во второй половине XVIII–XIX в. // Этнография. Антропология. Смежные дисциплины: соотношение предмета и методов. М., 1989.
- Вовина О.П.* Научные общества в истории отечественной этнографии второй половины XVIII – начала XIX вв. Чебоксары, 1993.
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
- Вяри Э.* Ливы и ливский язык // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
- Гавров С.Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004.
- Гаринов Т.М., Кузеев Р.Г.* Башкиро-мадьярская проблема // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Вып.1.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия духа // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3.
- Гердер И.Г.* Избранные произведения. М.; Л., 1959.
- Гердер И.Г.* Идея к философии истории человечества. М., 1977.
- Гердер И.Г.* Предисловие к сборнику «Народные песни» (1774) // Эолова арфа: Антология баллады. М., 1989.
- Герье В.* Лейбниц и его век: Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. Т. 2.
- Главатская Е.М.* Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург–Салехард, 2005.
- Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук в XVIII в. М.; Л., 1946.
- Годжи Дж.* Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004.
- Голицын Н.В.* Портфели Г.Ф. Миллера. М., 1899.
- Головнев А.В.* Бьярмия: Неоконченная сага о Крайней земле // Уральский исторический вестник. 2002. № 8.
- Головнев А.В.* Деятельностная схема северного кочевника // Уральский исторический вестник. 2005. № 12.
- Гольденберг Л.А.* С.У. Ремезов. М., 1965.
- Горизонтов Л.Е.* Внутренняя Россия и ее символические воплощения // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
- Гофман П.* О переписке Г.Ф. Миллера и А.Ф. Бюшинга // Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978.

Гофман Э. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой: исследования экспедиции, снаряженной ИРГО в 1847, 1848 и 1850 гг. СПб., 1856. Т. 1–3.

Греков В.И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960.

Гречаная Е.П. Путевой дневник как форма самосознания // Романтизм: вечное странствие. М., 2005.

Григорьева Л.Г. Эпоха романтизма в шведской литературе // Неизученные страницы европейского романтизма. М., 1975.

Грот Я.К. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // Журнал министерства народного просвещения. 1853. Февраль.

Гулыга А.В. Исторические взгляды немецких просветителей // Новая и новейшая история. 1963. № 3.

Гулыга А.В. Гердер. М., 1975.

Гусарова Т.Г. Общество и языковая ситуация в Венгрии в эпоху становления династии Габсбургов (XVI–XVII вв.) // Научные издания Московского венгерского колледжа. М., 2002. II/2.

Гуя Я. Краткий очерк истории сравнительного финно-угорского языкознания // Основы финно-угорского языкознания. М., 1974. Т. 1.

Гуя Я. Прародина финно-угров и разделение финно-угорской этнической общности // Основы финно-угорского языкознания. М., 1974. Т. 1.

Гуя Я. Древнейшие сведения о финно-угорских народах и первые шаги в их изучении // Советское финно-угроведение. 1987. № 2.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 года). М., 1993.

Димитриев В.Д. О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII вв. // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1964. Вып. 27.

Дмитриев А.С. Романтизм и Просвещение – борьба или взаимодействие? // Вопросы литературы. 1972. №. 10.

Домокош П. История удмуртской литературы. Ижевск, 1993.

Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола, 1993.

Домокош П. О Шамуеле Дьярмати // Арт (Лад). 2005. № 4.

Домокош П. История и роль международных конгрессов финно-угроведов // Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Orationes plenariae. Pars 1. Yoshkar-Ola, 2005.

Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000.

Дюше М. Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения // Век Просвещения. Москва–Париж, 1970.

Желицки Ч. Национальный вопрос в венгерской революции 1848–1849 гг. // Научные издания московского венгерского колледжа. 2001. Вып. 1.

Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

Завитухина М.П. Коллекция Г.Ф. Миллера из Сибири – одно из древнейших археологических собраний в России // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1978. Вып. 43.

- Загребин А.Е.* А.И. Шёгрен – первый финский исследователь удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 5.
- Загребин А.Е.* Проблемы этнографии удмуртов в исследованиях финских ученых XIX – первой половины XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. Ижевск, 1997.
- Загребин А.Е.* Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск, 1999.
- Загребин А.Е.* Полевая этнография: история – теория – практика. Ижевск, 2003.
- Загребин А.Е.* Казань как центр финно-угорской этнографии // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki, 2005. Tom. 22.
- Загребин А.Е.* «Описание трех языческих народов в Казанской губернии» Г.Ф. Миллера – первый опыт этнографического анализа региона // Тезисы докладов X Международного конгресса финно-угроведов. Часть 3. Йошкар-Ола, 2005.
- Загребин А.Е.* Интеллектуальные основы финно-угорских этнографических исследований в России (к постановке проблемы) // Тезисы докладов VI Конгресса этнологов и антропологов России. СПб., 2005.
- Загребин А.Е.* Автор и авторитет(ы) в «Описании трех языческих народов в Казанской губернии...» Г.Ф. Миллера // Семиозис и культура. Сыктывкар, 2005. Вып. 1.
- Загребин А.Е.* Интеллектуальные основы финно-угорских исследований в эпоху Просвещения // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 7.
- Загребин А.Е.* Г.Ф. Миллер и его «Описание трех языческих народов в Казанской губернии» // *Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien*. Hamburg, 2005. Bd. 3.
- Загребин А.Е.* К проблеме этнической идентификации финно-угорских народов в трудах ученых XVIII в. // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 2006.
- Загребин А.Е.* Классификация как новый способ конструирования науки (наблюдение из истории финно-угроведения) // Семиозис и культура. Сыктывкар, 2006. Вып. 2.
- Загребин А.Е.* Ф.И. Страленберг: первые шаги финно-угорской историографии // Марийский археографический вестник. 2006. № 16.
- Загребин А.Е.* А.И. Шёгрен: в поисках финно-угорского Севера // Вестник Поморского университета. 2006. № 6.
- Загребин А.Е.* Ф.И. Страленберг и В.Н. Татищев у истоков этнографического изучения финно-угорских (уральских) народов // Уральский исторический вестник. 2006. № 13.
- Западные окраины Российской империи. М., 2006.
- Западов А.В.* М.В. Ломоносов и журналистика его времени // Из истории русской журналистики. М., 1959.
- Зеленин Д.К.* Принимали ли финны участие в образовании древнерусской народности? // Сб. Ленинградского общества изучения культуры финно-угорских народов. Л., 1929. Вып. 1.
- Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968.

Зиннер Э.П. Путешествие длиною в три столетия. Иркутск, 1973.

Зорин А.А. Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2001.

Зубков К.И. Церковь и государство в поле культурной диффузии: предпосылки петровской модернизации // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11.

Зуев А.И. «В русскую службу шел волею» (шведские военнопленные периода Северной войны на русской службе в Восточной России) // Историческое, культурное и природное наследие. Улан-Удэ, 1997. Вып. 2.

Зыкова Е.П. Романтическое странствие как проклятие: путь в никуда // Романтизм: вечное странствие. М., 2005.

Зырянский мир. Очерки по традиционной культуре коми. Сыктывкар, 2004.

Избрант Идес и Абрам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай. (1692–1695). М., 1967.

Европеус Д.П. К вопросу о народах, обитавших в Средней и Северной России // Журнал министерства народного просвещения, 1868. Ч. 139.

Европеус Д.П. Об угорском народе, обитавшем в Средней и Северной России // Труды второго археологического съезда. Т. 1. Отд. 4. СПб., 1876.

Емельянов Н.Ф. Население Северного Приобья в феодальную эпоху: состав, занятия, повинности. Томск, 1980.

Емельянов Ю.Н. Историческая проблематика периодических изданий Академии наук // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1978.

Иванов М.В. Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника» // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975. Вып. 10.

Избранные произведения венгерских мыслителей. Конец XVIII – середина XIX в. М., 1965.

Илизаров С.С. История создания и публикации первого русского географического словаря // История и историки. Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978.

Исламов Т. Венгерская революция 1848–1849 гг. в контексте европейских революций 1848 г. // Научные издания московского венгерского колледжа. М., 2001. Вып. 1.

Исландские саги. М., 1956.

Исландские саги. Исландский эпос. М., 1973.

Исхаков Д.М. Тептяри: опыт этностатистического анализа // Советская этнография. 1979. № 4.

Итина М.А. Средняя Азия на карте Страленберга // Советская этнография. 1974. № 1.

Казанцев Д.Е. Истоки финно-угорского родства. Йошкар-Ола, 1979.

Казань в ее прошлом и настоящем. Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города. СПб., 1890.

Казьмина О.Е., Шлыгина Н.В. Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии и ее роль в жизни финнов-ингерманландцев // Этнографическое обозрение. 1999. № 4.

Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.

Камболов Б.А. А.И. Шёгрэн – кавказовед // Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993.

Каменский А.Б. Историко-географическая анкета В.Н. Татищева // Советские архивы. 1985. № 5.

Каменский А.Б. Г.-Ф. Миллер и наследие Татищева // Вопросы истории. 1987. № 12.

Каменский А.Б. Г.Ф. Миллер и архивное дело в России XVIII в. // Советские архивы. 1989. № 2.

Каменский А.Б. Академик Г.-Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века // История СССР. 1989. № 1.

Каменский А.Б. Работал для веков в глуши... // Родина. 1990. № 3.

Каптелер А. Образование наций и национальные движения в российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.

Карельский А.В. Повесть романтической души // Немецкая романтическая повесть. М., 1977.

Карл Бэр и Петербургская Академия Наук. Л., 1975.

Карпелан К. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982.

Карху Э.Г. Финляндская литература и Россия 1800–1850. Таллинн, 1962.

Карху Э.Г. История литературы Финляндии от истоков до конца XIX в. Л., 1979.

Карху Э.Г. Постановка проблемы финско-русского научно-культурного сотрудничества в конце XVIII – начале XIX в. // Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1980.

Касперович Н.И. Краеведение в Финляндии // Краеведение. 1928. Т. 5. № 8.

Катанов Н.Ф. Известия Лоренца Ланге о Сибири и сибирских инородцах // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1905. Вып. 14.

Катанов Н.Ф. Швед Филипп-Иоганн Страленберг и труды его по России и Сибири // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1903. Т. 19. Вып. 2.

Кенпен П.И. Каратаи – мордовское колено // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 268.

Киекбаев Дж.Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972.

Киселева Т.В. Карелы Олонецкой губернии в рукописном наследии А.М. Шёгрена // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск, 2005.

Киуру Э. О некоторых особенностях ижорского эпоса // Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск, 1990.

Клинге М. Очерк истории Финляндии. Хельсинки, 1990.

Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения. М., 1988. Т. 2.

Книпович Н. Гельсингфорский университет // Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф.А. и Эфрон И.А. СПб., 1896.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Коваленко Г.М. Д. Юслениус и развитие исторической мысли в Финляндии // Скандинавский сборник. 1986. № 30.

Коваленко Г.М. Х.Г. Портан и развитие исторической науки в Финляндии во второй половине XVIII в. // Скандинавский сборник. 1990. № 32.

Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1981.

Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР (1724–1917). М., 1977. Т. 1.

Конаков Н.Д., Шабаетов Ю.П. История этнографического изучения коми // Зырянский мир. Очерки по традиционной культуре коми. Сыктывкар, 2004.

Коновалов В.Н. Романтизм в оценке П.Л. Лаврова // Романтический метод и романтические тенденции в русской и зарубежной литературе. Казань, 1975.

Кононов А.Н. История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абулгази «Родословная тюрков» // Советская тюркология. 1971. № 1.

Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. М., 1989.

Копелевич Ю.Х. Из истории международных связей Петербургской Академии наук в XVIII в. (поездка Г.Ф. Миллера в Англию, Голландию и Германию в 1730–1731 гг.) // Наука и техника. Вопросы теории и истории. Л., 1972. Вып. 7. Ч. 2.

Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Середина XVII – середина XVIII в. Л., 1974.

Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977.

Косвен М.О. Материалы к истории ранней русской этнографии (XII–XVII вв.) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Труды института этнографии АН СССР. М., 1956. Т. 30. Вып. 1.

Косвен М.О. Г.-Ф. Миллер // Советская этнография. 1956. № 1.

Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. Труды института этнографии АН СССР. М.; Л., 1961. Вып. 3.

Косвен М.О. Местная этнография Сибири в XVIII веке // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Труды института этнографии АН СССР. М., 1974. Вып. 4. Т. 102.

Красильников А.Г. Духовная культура этноса: от устной к письменной традиции (на материале восточно-финских народов). Ижевск, 1999.

Красильников А.Г. Этапы аккомодации удмуртской культуры к письму // Первая удмуртская грамматика 225 лет. Ижевск, 2002.

Красникова О.А. Об истории создания «Этнографической карты Европейской России» // Из истории Санкт-Петербургской губернии: Новое в гуманитарных исследованиях. СПб., 1997.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.

Кром М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XIX–XX вв.). М., 1994.

Кузаков В.К. Отечественная историография истории науки в России X–XVII вв. М., 1991.

Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. 1905. Кн. 65–66.

- Кузнецова Е.В.* Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // Вопросы философии. 1989. № 3.
- Кузьменко Ю.К.* Лингвистическая концепция Расмуса Раска // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. Л., 1984.
- Кузьмин А.Г.* Русское просветительство XVIII в. // Вопросы истории. 1978. № 1. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003.
- Кяйвярйнен И.И.* Международные отношения на Севере Европы в начале XIX в. и присоединение Финляндии к России. Петрозаводск, 1965.
- Кяйвярйнен И.И.* О конституционалистской политике царизма в Финляндии в первый период автономии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1977.
- Лайдинен А.П.* Очерки истории Финляндии второй половины XVIII. Л., 1972.
- Лаллукка С.* Наследие академика Шёгрена и некоторые задачи изучения финно-угорских народов // Финно-угроведение. 1995. № 1.
- Лаллукка С.* Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997.
- Лаллукка С.* Формирование национальных движений на окраинах империй. Вводные заметки // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX в. Ижевск, 2000.
- Лаух А.* Бакмейстер и русский читатель эпохи Просвещения // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975. Сб. 10.
- Лашук Л.П.* Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. 1969. № 10.
- Лашук Л.П.* О человеках незнаемых // Вопросы истории. 1971. № 11.
- Лашук Л.П.* Проблема становления русской этнографической науки // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989.
- Левин Ю.Д.* Английский журнал «Московит» (1714) // Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975.
- Леви-Стросс К.* Руссо // Курьер ЮНЕСКО. 1963. № 3.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1980.
- Левицкий Т.* «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Лейбниц Г.В.* О приумножении наук // Лейбниц Г.В. Сочинения. М., 1982. Т. 1.
- Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Сочинения. М., 1983. Т. 2.
- Леонтьев А.Е.* Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
- Леонтьев Д.М.* География России петровского времени. М.; Л., 1950.
- Лерберг А.Х.* Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819.
- Лециловская И.И.* Культура Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе // Вопросы истории. 1985. № 1.
- Линкола М.* Образование различных этноэкологических групп саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982.

- Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980.
- Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6.
- Лосев А.Ф.* Классицизм. Конспект лекций по эстетике Нового времени // Литературная учеба. 1990. № 4.
- Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Статьи по типологии и семиотике культуры. Таллинн, 1992.
- Лотман Ю.М.* К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.
- Луков Вл. А.* Предромантизм. М., 2006.
- Лунтинен П.* Отношения между финнами и русскими во времена Великого княжества Финляндского // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006.
- Луппов П.Н.* О первых вотских источниках христианского вероучения // Православный собеседник. 1905. июль–август.
- Лурье С.В.* От магии пения к магии порядка // Человек. 1991. № 5.
- Луутонен Й.* Возникновение финно-угорских и тюркских литературных языков Поволжья и вопрос о литературном языке в начале XX в. // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX в. Ижевск, 2000.
- Луутонен Й.* Деятельность финских тюркологов связанная с Казанью, и ее культурно-исторический контекст // *Studia Slavica Finlandensia*. 2005. Том. 22.
- Львов С.* Немецкий романтизм и его истолкователи // Вопросы литературы. 1981. № 2.
- Магидович И.П., Магидович В.И.* История открытия и исследования Европы. Л., 1970.
- Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
- Макаров Н.А.* Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993.
- Манькова И.Л.* История православия на Севере Западной Сибири в современной историографии // Уральский исторический вестник. 2005. № 12.
- Марийцы: историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005.
- Маркова Л.А.* Наука. История и историография XIX–XX вв. М., 1987.
- Матвеев А.К.* Есть ли древнепермская топонимика в Заволочье? // Советское финно-угроведение. 1965. № 3.
- Матвеев А.К.* Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // Советское финно-угроведение. 1968. № 1.
- Матвиевский П.Е., Ефремов А.В.* Петр Иванович Рычков (1712–1777). М., 1991.
- Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв.: хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л., 1940.
- Материалы конференции о чуде // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. 1. Пермь, 1974.
- Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарии. М., 1979.

- Медведев П.П.* Нечаянное знакомство с А. Вамбери // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. 1878. Вып. 2.
- Мезин П.* Финно-угорский мир на карте П.И. Кёппена и в его научных исследованиях: этапы, проблемы и методы аккультурации // Финно-угроведение. 1999. № 2–3.
- Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986.
- Миллер А.* Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // Ab Imperio. 2003. № 4.
- Миллер А.* Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004.
- Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
- Милюков Ф.Н.* П.И. Рычков. Жизнь и географические труды. М., 1953.
- Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.
- Миненко Н.А.* Предания о чуде и народная концепция присоединения Сибири // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986.
- Михайлова С.М.* Казанский университет в духовной культуре народов Востока России. Казань, 1991.
- Михайлова С.М., Коршунова О.Н.* Востоковедение и финно-угроведение в Казанском университете (XIX век) // Studia Slavica Finlandensia. 2005. Том. 22.
- Михина Е.М.* Август Людвиг Шлёцер до его приезда в Россию в 1761 г. // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1981.
- Моисеев В.А.* В джунгарском плену // Вопросы истории. 1977. № 6.
- Мокшин Н.Ф.* Мордовский этнос. Саранск, 1989.
- Мокшин Н.Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993.
- Мокшин Н.Ф.* Из истории мордовско-русских связей // Этнографическое обозрение. 1994. № 3.
- Мордва: историко-культурные очерки.* Саранск, 1995.
- Муравьев В.Б.* Дорогами российских провинций: Путешествия П.С. Палласа. М., 1977.
- Мусихин А.Л.* Князь М.П. Гагарин в свете русско-шведских отношений начала XVIII в. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997.
- Мустелин О.* Историография в Финляндии в 1809–1866 гг. // Скандинавский сборник. 1968. № 3.
- Мыльников А.С.* Типология национальных движений в Европе XIX–XX вв. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4.
- Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.
- Надеждин Н.И.* Об этнографическом изучении народности русской // Записки РГО. 1848. Кн. 2.

Найт Н. Наука, империя народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855. // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.

Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.

Напольских В.В. К вопросу о диалектной базе удмуртского словника Ф.И. фон Штраленберга // *Linguistica Uralica*. 2002. Vol. 1.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Научное наследие П.С. Палласа. Письма (1768–1771). СПб., 1993.

На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Екатеринбург, 1996. Ч. 1.

Некрасов Г.А. Х.Г. Портан как историк России // Портан Х.Г. Основные черты русской истории. Первый университетский курс истории России за рубежом в XVIII в. М., 1982.

Некрасов Г.А. Роль Упсальского университета в развитии русско-шведских культурных связей в XVIII в. // Скандинавский сборник. 1988. № 31.

Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг: его работы по исследованию Сибири. М.; Л., 1966.

Новлянская М.Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.

Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

Оглезнева Т.А. Русское Географическое Общество и изучение народов Северо-востока Азии (1845–1917). М., 1989.

Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941.

Окорокова Н.А. «Помяни чудского дедушку, чудскую бабушку...» // Очерки истории Урала. Вып. 3. Екатеринбург, 1997.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.

Осипов В.И. Петербургская Академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII в. СПб., 1995.

Основы финно-угорского языкознания. М., 1974–1976. Т. 1–3.

Очерк жизни и трудов Кастрена // Вестник Императорского РГО. 1853. Ч. 3.

Очерки истории Югры, Екатеринбург, 2000.

Папану Й. Божество слова. Памяти Антала Регули. Сургут, 1993.

Пашков А.М. А.И. Шёгрен и северорусские краеведы // Императорская Санкт-Петербургская Академия наук и Финляндия. СПб., 1991.

Пашков А.М. Изучение вепсов в первой половине XIX в. // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999.

Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова // Сб. статей Отд. русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1868. Т. 2. № 1.

Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.

Переписка Карла Бэра по проблемам этнографии. Л., 1970.

- Петефи Ш.* Путевые записки // Избранное. М., 1955.
- Петефи Ш.* Стихотворения. Поэмы. М., 1971.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.
- Пименов В.В.* Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.
- Полевой Б.П.* Истоки начальной географической деятельности Академии наук // Известия АН СССР. Серия географическая. 1974. № 5.
- Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1993.
- Попов А.И.* Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики в СССР // Вопросы финно-угорского языкознания: грамматика и лексикология. М.; Л., 1964.
- Попов Н.А.* Татищев и его время. СПб., 1861.
- Попов Н.С.* Православие в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1987.
- Поппе Н.Н.* Этнографическое изучение финноугорских народов в СССР // Финноугорский сборник. Труды по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1928.
- Поппе Н.Н., Старцев Г.А.* Финно-угорские народы. Л., 1927.
- Портан Х.Г.* Основные черты русской истории. Первый университетский курс истории России за рубежом в XVIII в. М., 1982.
- Похлебкин В.В.* Переписка Н.П. Румянцева с финляндскими учеными // Скандинавский сборник. 1962. № 5.
- Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
- Примаковский А.П.* Первый научно-популярный журнал в России // Вестник АН СССР. 1955. № 5.
- Проект Положения Академии наук и художеств // История СССР. 1974. № 2.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в восточную и Центральную Европу (1131–1153). М., 1971.
- Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842. Петрозаводск, 1985.
- Пыпин А.Н.* Русская наука и национальный вопрос в XVIII в. // Вестник Европы. 1884. № 5, 6, 7.
- Пыпин А.Н.* История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1.
- Пэнто Л.* Государство и социальные науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 5.
- Рабинович В.Л.* Средневековый рецепт как форма познания природы // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982.
- Райков Б.Е.* Карл Бэр – его жизнь и труды. М.; Л., 1961.
- Райнов Т.* Наука в России XI–XVII веков. М.; Л., 1940.
- Ранк О.* Миф о рождении героя. М., 1997.
- Рассел Б.* История западной философии. М., 1993. Т. 1.
- Рафиенко В.В.* Лоренц Ланг и Восточная Сибирь // Известия СО АН СССР. № 6. Вып. 2.
- Рафиков А.Х.* Изучение Востока в Петровскую эпоху // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. 17.

Рев М. Сходство и различия в развитии идей Просвещения в России и Венгрии второй половины XVIII века // Русская литература XVIII века и ее международные связи. XVIII век. Л., 1975. Сб. 10.

Ремнев А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004.

Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004.

Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989.

Россиянов О.К. Романтизм в венгерской литературе // Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах центральной и юго-восточной Европы. Романтизм. М., 1983.

Руссо Ж.-Ж. Рассуждения о науках и искусствах // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. М., 1981. Т. 2.

Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI вв. М., 1974.

Рябинин Е.А. К этнической истории Русского Севера (чудь заволоцкая и славяне) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.

Сааринен С. Финские финно-угроведы в Казани // *Studia Slavica Finlandensia*. 2005. Tom. 22.

Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983.

Савельева Э.А. Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.

Сануков К. Финно-угорские народы России: проблемы историографии // *Finn-Ugristica*. 1998. № 1 (2).

Сануков К. Финно-угристика о финно-угорских народах России: основные этапы и тенденции развития исследований // Финно-угроведение. 2000. № 1.

Сапрыкина Е.Ю. Отступить, чтобы приблизиться // Романтизм: вечное странствие. М., 2005.

Сепеев Г.А. Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Йошкар-Ола, 1975.

Серебренников Б.А. Всякое ли внешнее сопоставление допустимо? // Советское финно-угроведение. 1968. № 1.

Слѣзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII в. и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.

Смилянская Е.Б. «Суеверие» и рационализм властей и подданных в России XVIII в. // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004.

Смирнов И.Н. Пермь. Историко-этнографический очерк // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. 1891. Т. 9. Вып. 2.

Соболевский А. Древняя Пермь, к вопросу о Биармии // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. 1929. Т. 34. Вып. 3–4.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972.

Соловьев Э.Г. У истоков российского консерватизма // Политические исследования. 1997. № 3.

- Степанов Н.Н.* РГО и этнография // Советская этнография. 1946. № 4.
- Степанов Н.Н.* В.Н. Татищев и русская этнография // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Труды института этнографии АН СССР. М., 1956. Т. 30. Вып. 1.
- Сто лет полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950.
- Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006.
- Суни Л.В.* Ингерманландские финны: исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998.
- Сурво А.А., Шапанов В.Э.* Псевдофигурные тексты // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар, 2005.
- Сухова Н.Г.* Академия наук и развитие географической науки в России в XVIII в. // Известия Всесоюзного географического общества. 1974. Т. 106.
- Сухова Н.Г.* Еще раз о предыстории Русского Географического Общества // Известия Всесоюзного географического общества. 1990. Т. 122. Вып. 5.
- Сухова Н.Г.* Основание Русского Географического Общества // Философский век: Россия в Николаевское время: наука, политика, просвещение. СПб., 1998. Вып. 6.
- Такала И.Р.* Финно-угорские народы в трудах Х.Г. Портана – предшественника А. Шёгрена // Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук: К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993.
- Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950.
- Татищев В.Н.* История российская в семи томах. М.; Л., 1961–1968.
- Татищев В.Н.* Избранные сочинения. Л., 1979.
- Таценко Т.* К вопросу о культурном и духовном влиянии немецких евангелическо-лютеранских общин Санкт-Петербурга на окружающую общественную среду // Studia Slavica Finlandensia. 2002. Tom. 19.
- Терра инкогнита Сибирь. У истоков научного освоения Сибири при участии немецких ученых в XVIII в. Галле, 1999.
- Терюков А.И.* Финно-угорская этнография в Петербурге – Ленинграде (XIX – 30-е гг. XX вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990.
- Терюков А.И.* А.И. Шёгрэн как директор Этнографического музея // Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук: К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993.
- Терюков А.И.* А.М. Шёгрэн и М.А. Кастрен // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. Историко-культурный контекст и личность. СПб., 1998.
- Терюков А.И.* Первый директор этнографического музея Академии наук академик А.И. Шёгрэн // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра. СПб., 2003. Вып. 1.
- Терюков А.И.* Петербург и финская наука // Санкт-Петербург – Хельсинки. Хельсинки – Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2004.
- Тиандер К.* Матиас Кастрен – основатель финнологии // Журнал министерства народного просвещения. 1904. Ч. 353.
- Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.
- Тиандер К.* Скандинавское переселенческое сказание. Пг., 1915.

Титова З.Д. Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д.Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Труды института этнографии АН СССР. М., 1978. Вып. 8.

Титова З.Д. Сообщения пленных иностранцев о народах Сибири (XVIII в.) // Вопросы истории, археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. Вып. 8.

Ткаченко О.Б. Мерянский язык. Киев, 1985.

Токарев С.А. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии // Советская этнография. 1951. № 2.

Токарев С.А. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Труды института этнографии АН СССР. М., 1956. Т. 30. Вып. 1.

Токарев С.А. Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // Вестник Московского университета. 1958. № 4.

Токарев С.А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966.

Токарев С.А. Истоки этнографической науки (До середины XIX в.). М., 1978.

Токарев С.А. История зарубежной этнологии. М., 1978.

Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. Киев, 2005.

Тот Т.А. Древнейшие периоды происхождения протovenгров // Вопросы антропологии. М., 1976. Вып. 30.

Трубецкой Е.И. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2.

Туркин А.И. Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX – начала XX вв. // Топонимика. М., 1964.

Туркин А.И. Этногенез народа коми по данным топонимики и лексики. Таллинн, 1985.

Уаризати В.С. А.И. Шёгрэн – исследователь культуры осетин // Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук: К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993.

Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993.

Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1.

Уортман Р. Записки о путешествиях и европейская идентичность России // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004.

Уредссон С. Карл XII и падение шведского великодержавия в историографии и традиции // Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы. М., 1999.

Фель С.Е. Картография в России в XVIII в. М., 1960.

Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменнo-литературных языков (ранний период). М., 1976.

Фермойлен Х.Ф. Происхождение и институционализация понятия Völkerkunde (1771–1843) // Этнографическое обозрение. 1994. № 4.

Филатова Ю.А. Формирование консервативного стиля мышления: Эдмунд Бёрк и Николай Карамзин. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. М., 2005.

- Флинк Т. По волнам нашей памяти: о становлении национального самосознания ингерманландских финнов в XIX и начале XX века // *Studia Slavica Finlandensia*. 2002. Том. 19.
- Флоров А. Зырянская грамматика. СПб., 1813.
- Финские ученые о языке и культуре Марийского края. Йошкар-Ола, 2002.
- Фрадкин Н.Г. Инструкция для академических экспедиций // Вопросы географии. М., 1950. Вып. 17.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994;
- Фуко М. Интеллектуалы и власть. Т. 1–2. М., 2005.
- Фукс А.А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840.
- Фукс А.А. Поездка к вотякам Казанской губернии // Северная пчела. 1844. № 160.
- Фукс К.Ф. Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 году // Журнал министерства внутренних дел. 1839. Ч. 33.
- Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
- Харлампович К.В. Известия И. Гмелина о Казани и казанских инородцах (1733) // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. 1904. Т. 19.
- Харлампович К.В. Казанские новокрещенские школы (К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в.) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. 1905. Т. 21.
- Хартанович М.Ф. Ученое сословие в России. Императорская Академия наук второй четверти XIX века. СПб., 1999.
- Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002.
- Худяков М.Г. Культ коня в Прикамье // Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры. М., 1933. Вып. 100.
- Цейтлин Р.М. Кеппен Петр Иванович // Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979.
- Цимерманис С. Развитие этнографических исследований, начатых А.И. Шёгреном, в Латвии // Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук: К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993.
- Чагин Г.Н. Шведы в Северном Прикамье в первой четверти XVIII в. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997.
- Чагин Г.Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX вв. Пермь, 1999.
- Чучмарев В.И. Лейбниц и русская культура. М., 1968.
- Шатино А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993.
- Шапот Е.Г. Анкеты В.Н. Татищева как источник по истории Сибири первой половины XVIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10.
- Шарыпкин Д.М. Русские дневники шведов – полтавских пленников // Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975.
- Шафрановская Т.К. О сокровищах Петровской Кунсткамеры // Советская этнография. 1965. № 2.

Шафрановская Т.К. Новые данные к биографии И.Г. Георги (К 200-летию начала его экспедиционной деятельности) // Краткое содержание докладов годичной сессии Института этнографии АН СССР. М., 1970.

Шафрановская Т.К. Лоренц Ланг и значение его дневников // Скандинавский сборник. 1971. № 14.

Шафрановская Т.К. Япония в середине XVIII в. по сообщению И.Г. Георги // Страны и народы Востока. М., 1972. Вып. 14.

Шафрановская Т.К. Конец сибирской экспедиции И.П. Фалька и его записки // Страны и народы Востока. М., 1973. Вып. 15.

Шебалдина Г.В. Московские перекрестки полтавских пленников // Шведы в Москве. М., 2002.

Шевякова Э.Н. Долгое эхо романтических идей // Романтизм. Вечное странствие. М., 2005.

Шёгрен А.М. // Русский биографический словарь. СПб., 1911. Т. 15.

Шенк Б. Ментальные карты. Конструирование географического пространства в Европе со времени эпохи Просвещения // Новое литературное обозрение. 2001. № 52.

Шлегель Ф. Идеи // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980.

Шлёцер А.Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, им самим описанная. СПб., 1875.

Шлыгина Н.В. Архаические формы женской одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.

Шольц Б. Варяжский вопрос в записках Ф.И. Страленберга об истории и географии России // Скандинавские чтения. СПб., 1998.

Штернберг Л.Я. Кастрен – алтаист и этнограф // Памяти М.А. Кастрена: К 70-летию со дня смерти. Очерки по истории знаний – II. Л., 1927. Вып. 2.

Штрэнге М.М. Идеи Просвещения в русской историографии 50–70-х гг. XVIII в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. СПб., 2003.

Щетинина Г.И. Центры изучения истории в дореволюционной Академии наук // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1978.

Элрт А.Х. Г.Ф. Миллер о коренном населении Томского уезда // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987.

Элрт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988.

Элрт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.

Элрт А.Х. Экспедиционные черновые записки Г.Ф. Миллера (1733–1743 гг.) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992.

Эмаусский А.В. Топографические и исторические описания Вятского наместничества в 80–90-х гг. XVIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 7.

- Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.
- Эрдели И. Волжские болгары и венгры // *Finno-Ugrica*. 1998. № 1.
- Юрьев А. Материалы для истории XVIII в. // Вятская старина. Вятка, 1888. Вып. 1.
- Юадапов К.Г. Горные марийцы. Йошкар-Ола, 1995.
- Юрченков В.А. Взгляд со стороны. Мордовский народ и край в сочинениях западно-европейских авторов VI–XVIII столетий. Саранск, 1995.
- Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–1995. М., 1998.
- Юхт А.И. Поездка В.Н. Татищева в Швецию (1724–1726 гг.) // Исторические записки. М., 1971. Т. 88.
- Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.
- Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса) // Политические исследования. 1996. № 6.
- Якупов Р.И. Тептяри: историко-этнологические очерки. М., 2002.
- Якупов Р.И. Новые этносы и проблемы их идентификации: опыт исторической реконструкции и осмысления // Расы и народы. 2003. Вып. 29.
- Янгусин Р.З. Угорская теория происхождения башкирского народа // Этнос – культура – человек. Ижевск, 2003.
- Янгусин Р.З. Происхождение башкирского народа. Уфа, 2003.
- Ярош Г. Ф.И. Табберт-Страленберг – спутник исследователя Сибири Д.Г. Месершмидта // Известия СО АН СССР. № 136. Вып. 1. Новосибирск, 1968.
- Adelung J.C., Vater J.S. *Mithridates oder allgemeine Sprachkunde*. Berlin, 1809.
- Ágnes P. A romantikusok történetiszemléletéről // *Filológiai közlöny*. 1984. Vol. 30. № 2–3.
- Alanen A. *Suomen historia vapaudenajalla*. Helsinki, 1963.
- Ancient Cultures of the Uralian Peoples*. Budapest, 1976.
- Anttila L. A.J. Sjögren – aikalaisemme menneisyydestä. Kouvola, 1995.
- Ariste P. Ferdinand Johann Wiedemann. Tartu, 1971
- Arendt D. Der «poetische Nigilismus» in der Romantik // *Studien zum Verhältnis von Dichtung und Wirklichkeit in der Frühromantik*. Studien zur deutschen Literatur. Tübingen, 1972. Bd. 1.
- Arwidsson A.I. *Tutkimuksia ja kirjoitelmia*. Helsinki, 1909.
- Aspelin J.R. Muinaisjäännöksiä Suomen suvun asumus-aloilta. I–V. Helsinki, 1877–1884.
- August Ludwig von Schlözer und Russland // *Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas*. Hrsg. von E. Winter. Berlin, 1961. Bd. 9.
- Autio V.-M. *Yliopiston virkaniemitykset 1809–1852*. Helsinki, 1981.
- A History of Hungary*. Budapest, 1973.
- Balassa I. Herder, Bécs és Magyarország // *Filológiai közlöny*. Vol. 29. № 1–2. 1983.
- Bartens H.-H. Die finnisch-ugrischen Minoritätsvölker in Europa. Hamburg, 1998.
- Baschmakoff N. «Казань – город мысли и науки». Казанские материалы XIX – начала XX веков в Славянской библиотеке Хельсинкского университета // *Studia Slavica Finlandensia*. 2000. Tom. 17.

Bereczki G. Budenz József mint a Volga-vidéki finnugor és török nyelvek kutatója // Nyelvtudományi közlemények. 1987–1988. Vol. 89.

Bibliographie der uralischen Sprachwissenschaft 1830–1970. München, 2001.

Bibliographia Studiorum Uralicorum 1917–1987. Helsinki, 1988–1993. Vol. 1–4.

Bibliographia Uralica 1918–1962. Tallinn, 1976.

Blomstedt Y. National and international viewpoints of the Finnish upperclass in the 19th century // Nationality and nationalism in Italy and Finland. Helsinki, 1984.

Blomstedt Y. The Anjala Covenant – ideals and propaganda // Under Two Crowns. The River Kymi, border river 1743–1811. Helsinki, 1998.

Blumberga R. Lībieši un vēstulēs: Somijas zinātnieku ekspedīcijas pie lībiešiem: Rīga, 2006.

Branch M. A.J. Sjögren studies of the North // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1973. Vol. 152.

Branch M. A.J. Sjögren – iittiläinen perinteentutkija. London, 1989.

Branch M. The Academy of Science in St. Petersburg as a center of Finno-Ugrian studies 1725–1860. // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1995. Vol. 86.

Branch M. The Academy of Sciences in St. Petersburg as a centre for the study of nationalities in the North-East Baltic // National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1999. Vol. 6.

Branch M., Sajavaara P. The identification of the Vepsians in the work of A.J. Sjögren // Studia Fennica. 1969. Vol. 14.

Bucher G. «Von Beschreibung der Sitten und Gebräuche der Völker». Die Instruktionen Gerhard Friedrich Müllers und ihre Bedeutung für die Geschichte der Ethnologie und der Geschichtswissenschaft. Stuttgart, 2002.

Bucher G. Die nicht publizierten Ausschnitte aus den Instruktionen Gerhard Friedrich Müllers // Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien. 2005. Bd. 3.

Bucher G. The development of research practices during the 18th century and their impact on 19th century research of the non-Russian peoples in Siberia // Research and Identity. Non-Russian Peoples in the Russian Empire. Kouvola, 2006.

Castrén L. Adolf Ivar Arwidsson isänmaallisenä herättäjänä. Helsinki, 1951.

Csepregi M. General information about the Ostjaks: the history of research of the ostjak language and culture // Acta Ethnographica Hungarica. 1997. Vol. 42. № 3–4.

Cserbák A., Gáborján A. XVIII. századi magyarországi parasztbrázolások és viselettörténeti tanulságai // Ethnographia. 1990. Vol. 101. № 1.

Csupor Z. Erinnerung an János Sajnovics der Begründer finnisch-ugrische Sprachwissenschaft // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum II. Helsinki, 1965.

Djupedal K. Personal letters as a research source // Ethnologia Scandinavica. 1989. Vol. 19.

Domokos P. Uralisztikai olvasókönyv. Budapest, 1977.

Droix D. Le voyage de «Schreiten»: Leibniz et les débuts du comparatisme finno-ougrien // Leibniz, Humboldt and the Origins of Comparativism. Amsterdam, 1990.

Glaser R. Aspekte der Herder-Reception in der deutschen Volkskunde // Ethnologia Europea. 1994. Vol. 24. № 2.

- Grasshoff H., Lauch A., Lehmann U.* Humanistische Traditionen der russischen Aufklärung. Berlin, 1973.
- Grau C.* Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und wissenschaftler Vasilij N. Tatišëev (1686–1750). Berlin, 1963.
- Gribaudi M.* Biography Academic Context and Models of Social Analysis // Between Sociology and History. Essays on Microhistory, Collective Action, and National-Buildings. Helsinki, 2004.
- Grünthal R.* Uralilaiset kansat – kalanrasvanhajuisia vai hovikelpoisia? // Sukukansapäivien satoa. Castrenianumin toimitteita. 2000. Vol. 57.
- Gyarmathi Sámuel Affinitas az 1799-ben Gottingában latinul megjelent mű magyar fordítása / Bibliotheca Reguliana. Vol. 3. Budapest, 1994.
- Haavio M. M.A.* Castrén and Finnish Folk-Lore // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1952. Vol. 56.
- Haltsonen S.* Suomalaiset tutkijat Tverin karjalaisten mailla // Virittäjä. 1942.
- Haltsonen S.* Antti Juhana Sjögren Itä-Karjalaa tutkimassa // Suomalainen Suomi. 1942.
- Haltsonen S.* Antti Juhana Hippingin tutkielma kirjallisuudesta v. 1820 // Suomen kirkkohistoriallinen vuosikirja. 1955–1957. Vol. 47.
- Haltsonen S. A.J.* Sjögren ja kansatietous // Kalevala seuran vuosikirja. 1956. Vol. 36.
- Haltsonen S.* Reguli Antal vót gyűjtése 1841-ből // Nyelvtudományi közlemények. 1958. Vol. 60.
- Haltsonen S.* Die Selbstbiographie von A.J. Sjögren // Studia Fennica. 1961. Vol. 9.
- Haltsonen S.* Peter von Köppen suomalais-ugrilaisten kansojen tutkijana // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1968. Vol. 145.
- Hegedus J.* Leibniz and the Finno-Ugrians // Magyar Nyelv. 2004. Vol. 4.
- Hogden M.T.* Early Anthropology in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Philadelphia, 1964.
- Hoffmann E.* Der Nördliche Ural und das Küstengebirge Pae-Choi. St.-Petersburg, 1856.
- Hoffmann P.* Gerhard Friedrich Müller. 1705–1783 // Wegbreiter der deutsch-slawischen Wechselseitigkeit. Berlin. 1983.
- Honko L.* Traditions in the constructions of cultural identity // National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1999. Vol. 6.
- Honti L.* Budenz József ob-ugristikai tevékenysége // Nyelvtudományi közlemények. 1987–1988. Vol. 89.
- Hoppál M.* Finno-Ugric mythology reconsidered // Uralic mythology and folklore. Ethnologica Uralica. 1989. Vol. 1.
- Hormia O.* Über die fennougristischen Interessen von Olaus Rudbeck // Finnisch-Ugrischen Forschungen. 1964. Bd. 35.
- Hovi K.* Der finnische und estnische Nationalismus. Ein Vergleich // Finns and Hungarians between East and West. Helsinki, 1989.
- Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge, 1985.

Hunfalvy P. Die ungarische Sprachwissenschaft. Historischer Überblick // Acta Ethnographica. 1978. Vol. 27.

Hűfner L. Sámuel Gyarmathi (1751–1830) und seine Bemühungen um die grammatische Komponente der Finnougristik // Nyelvtudományi közlemények. 1975. Vol. 77.

Hämäläinen A. Beiträge zur Geschichte der primitiven Bienenzucht bei den finnisch-ugrischen Völkern // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1933–1935. Vol. 47.

Hämäläinen A. Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karl XII. über die finnisch-ugrischen Völker // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1937–1938. Vol. 49.

Hämäläinen A. Das Gebiet, die Aufgaben und der gegenwärtige Stand der finnisch-ugrische Völkerkunde // Mitteilungen des Vereins für finnische Volkskunde. 1943. Bd. 1–2.

Farkas J. Sámuel Gyarmathi und die finnisch-ugrische Sprachvergleichung // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Göttingen, 1948. Bd. 3.

Farkas J. August Ludwig von Schlözer und die finnisch-ugrische Geschichts-, Sprach- und Volkskunde // Ural–Altaische Jahrbücher. 1952. Bd. 24.

Farkas J. Eräs suomalais-ugrilaisen tutkimuksen kukoistusaika 1700-luvulla // Virittäjä. 1952.

Fewster D. Visions of Past Glory – Nationalism and the Constructions of Early Finnish History. Helsinki, 2006.

Finnugor életrajzi lexicon. Budapest, 1990.

Finnugor kalauz. Budapest, 2001.

Finnugor–Szamójdé (Uráli) regék és mondák. 1–2. Budapest, 1984.

Fried I. Herder történetfilozófiai nézeteinek nyomában // Ethnographia. 1985. Vol. 96. № 4.

Janion M. A romantikusok és a forradalom // Filológiai közlöny. Vol. 20. № 1–2. 1974.

Jankó J. Die ethnographische Abtheilung des ungarischen Nationalmuseums // Acta Ethnographica Academiae scientiarum Hungaricae. 1978. Tom. 27.

Jarosch G. Voyages de recherche scientifique de D.G. Messerschmidt a travers la Sibirie source importante concernant les peuples de Sibirie // Actes du XI Congres international d'histoire des sciences. Paris, 1967. Vol. 2.

Junnila O. Ruotsiin muuttanut Adolf Iwar Arwidsson ja Suomi (1823–1858). Helsinki, 1972.

Estlander B. Mathias Aleksanteri Castrén. Hänen matkansa ja tutkimuksensa. Helsinki, 1929.

Ignotus P. Hungary. N.Y., 1975.

Inkerin bibliografia. Helsinki, 1981.

Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. Pieksämäki, 1991.

Kahla M. Bibliografinen luettelo Neuvostoliitossa vuosina 1918–1959 julkaistusta suomalais-ugrilaisesta kielitieteellisestä kirjallisuudesta. Helsinki, 1960, 1962. Vol. 1–2.

Kannisto A. Das Publikationsprogramm der Finnisch-Ugrische Gesellschaft // Journal de la Société Finno-Ougrienne, 1933. Vol. 46.

- Kappeler A.* Russia as a multi-ethnic Empire: Classifying people by Estate, Religion and Ethnicity (1760–1855) // Research and Identity. Non-Russian Peoples in the Russian Empire 1800–1855. Kouvola, 2006.
- Karjalainen K.F.* Dem andenken Anthon Regulys // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1909. Bd. 8.
- Karkama P.* The individual and national identity in J.V. Snellman's Young-Hegelian theory // National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1999. Vol. 6.
- Kaukonen V.* Das Kalevala – ein homerisches Epos // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 1985. Bd. 5.
- Kecskeméti I.* M.A. Castrénin kirjasto // Bibliophilos. 1964. Vol. 23.
- Kecskeméti I.* Suomalais-Ugrilaisen Seuran arkisto ja julkaisut vuoteen 1968 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1970. Vol. 69.
- Kemiläinen A.* Die Grundfaktoren des europäischen und finnischen Nationalismus im neuenzrhten Jahrhundert // Finns and Hungarians between East and West. Helsinki, 1989.
- Kemiläinen A.* Nationalism in Nineteenth Century Finland // Miscellanea. Studia Historica. 1989. Vol. 33.
- Kemiläinen A.* Suomalaiset, outo pohjolan kansa. Rotuteorijat ja kansallinen identiteetti. Helsinki, 1993.
- Kemiläinen A.* Finns in the shadow of the «Arians». Race Theories and Racism. Helsinki, 1998.
- Klaproth J.* Asia Polyglotta. Paris, 1823.
- Klinge M.* Kaksi Suomea. Helsinki, 1982.
- Klinge M.* Mikä mies Porthan oli? // Tietolipas. 1989. Vol. 116.
- Klinge M.* Univerité et Nation – University and Nation // University and Nation. The University and the Making of the Nation in the Northern Europe in the 19th and 20th Centuries.
- Kodolányi (jr) J.* Antal Reguly // Popular beliefs and folklore tradition in Siberia. Budapest, 1968.
- Kodolányi (jr.) J.* Finnish Ethnography in Hungary // Friends and Relatives. Finnish-Hungarian Cultural Relations. Budapest, 1985.
- Korhonen M.* Early Finno-Ugric Linguistics // Friends and relatives. Finnish-Hungarian Cultural Relations. Budapest, 1985.
- Korhonen M.* Finno-Ugrian language studies in Finland 1828–1918. Helsinki, 1986.
- Korhonen M.* Budenz József tudományos eredményei amai nyelvészet szemszögéből // Nyelvtudományi közlemények. 1987–1988. Vol. 89.
- Korhonen M.* Uralilaisten kansojen ja kielten tutkijoita // Matka–Arku. Helsinki, 1993.
- Korompay B.* Unkarin panos suomalais-ugrilaiseen kansatieteeseen // Kalevalaseuran vuosikirja. 1964. Vol. 44.
- Korompay B.* Kuinka Antal Reguly löysi elämänuransa // Virittäjä. 1969. Vol. 4.
- Korompay B.* Reguly és hagyatéka // Nyelvtudományi közlemények. 1971. Vol. 73.

- Korompay B.* Finn nyomokon: Folklor, néprajz, irodalom. 1–2. Budapest, 1989.
- Kovács G.* Batsányi és Herder // Filológiai közlöny. 1970. Vol. 16. № 1–2.
- Lallukka S.* The East Finnic minorities in the Soviet Union. Helsinki, 1990.
- Lakó G.* Das Kalevala als Quelle ung.-finn. Kulturbeziehungen // Virittäjä. 1971. Vol. 2.
- Lehrberg A.Ch.* Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands / Hrsg. von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaft durch Ph. Krug. St.-Petersburg, 1816.
- Lehtinen E.* Suomen varhaishistorian ja ristiretkikauden kuvasta uskonpuhdistus- ja suurvalta-aikana. Helsinki, 1968.
- Lehtinen I.* Field expedition as a source of Finno-Ugrian ethnology // *Pioneers: The History of Finnish Ethnology. Studia Fennica: Ethnologica.* Helsinki, 1992. Vol. 1.
- Lehtinen I.* A la mémoire de Mathias Alexandre Castrén // *Studia Orientalia.* 2003. Vol. 97.
- Lehtinen I.* Suomalais-ugrilainen kulttuuriperintö ja identiteetti // Sukukansaohjelman ARKI. Castrenianumin toimitteita. 2005. Vol. 64.
- Lehtonen J.U.E.* U.T. Sirelius ja kansatiede. Helsinki, 1972.
- Leete A.* Põhjarahvad antiigist tänapäevani: obiugrilaste ja neenetsite kirjelduste muutmine. Tartu. 2000.
- Le Calloc'h B.* Alexandre Csoma de Kőrös et la theorie finno-ougrienne // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1984. Vol. 79.
- Liikanen I.* Fennomania ja kansa. Joukkojärjestäytymisen läpimurto ja Suomalaisen puolueen synty. Helsinki, 1995.
- Manaster Ramer A., Sidwell P.* The truth about Strahlenberg's classification of the languages Northeastern Eurasia // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1997. Vol. 87.
- Mándoki Kongur I.* The question of identifying the Hungarian tribal name Jenő with the Bashkir ethnonim Yänäy // *Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae.* 1988. Vol. 42.
- Manninen I.* Die finnisch-ugrische Völker. Leipzig, 1932.
- Markantonio A.* Uralic language family. Facts, myths and statistic. Oxford–Boston, 2002.
- Marcantonio A.* The role of János Sajnovics in comparative linguistics: A critical review // *Fenno-Ugristica.* 2004. Vol. 24.
- Michalove P.A.* The classification of the Uralic languages: Lexical evidence from Finno-Ugric // *Finnisch-Ugrische Forschungen.* 2002. Bd. 57.
- Munkácsi B.* Bericht über meine linguistische Studienreise im Lande der Wogulen // *Acta Ethnographica Academiae scientiarum Hungaricae.* 1978. Tom. 27.
- Napolskikh V.V.* Uralic original home: history of studies. A preliminary review. Izhevsk, 1995.
- Nemet Gy.* Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren // *Acta Linguistica Hungarica.* 1966. Vol. 16.
- Nisbet H.B.* Herder: the nation in history // *National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries. Studia Fennica: Ethnologica.* Helsinki, 1999. Vol. 6.
- Nygård T.* Kustaa III. Vallanomaava mutta alamaisilleen armollinen kuningas. Helsinki, 2005.

- Olearius A.* Vermehrte neue Beschreibung der Moscowitischen und Persischen Reyse. Schleswig, 1656.
- Paládi-Kovács A.* Magyar tájak néprajzi felfedezői. Budapest, 1985.
- Paládi-Kovács A.* Néprajzi törekvések a reformkori Magyarországon // *Ethnographia*. 1989. Vol. 100.
- Pantenius M.* Büsching und Schlözer. Zwei Pioneere der deutschen Russlandkunde im Widerstreit // *Zeitschrift für Slavistik*. 1985. Bd. 30. № 4.
- Pearson R.* History and historians in the service of nation-building // *National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries*. *Studia Fennica: Ethnologica*. Helsinki, 1999. Vol. 6.
- Poor J.* August Ludwig Schlözer és magyarországi levelezői // *Filológiai közlöny*. 1985. Vol. 31. № 1–4.
- Rapola M.* M.A. Castrén as a university teacher // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1952. Vol. 56.
- Rathmann J.* Herder und Ungarn // *Jahrbuch für Geschichte*. 1979. Vol. 19.
- Ravila P.* M.A. Castrén – Philologist // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1952. Vol. 56.
- Régi Kalevala (Reguly Antal fordítása). Kecskemét, 1985.
- Richter L.* Leibnitz und sein Russlandbild. Berlin, 1946.
- Robel G.* German travel reports on Russia and their function // *Deutsch-Russische Beziehungen im 18. Jahrhundert: Kultur, Wissenschaft und Diplomatie*. Wiesbaden, 1997.
- Rommi P.* Die Stellung der finnischen und der schwedischen Sprache als politische Streitfrage im Finland des neunzehnten Jahrhunderts // *Finns and Hungarians between East and West*. Helsinki, 1989.
- Räsänen M.* Über die ural-altaische Sprachwissenschaft. Helsinki, 1965.
- Sajnovics János Demonstratio az 1770-es nagyszombati kiadás magyar fordítása / *Bibliotheca Reguliana*. Vol. 2. Budapest, 1994.
- Saarinen H.* Bürgerstadt und absoluter Kreegsherr. Danzig und Karl XII. im Nordischen Krieg. Helsinki, 1996.
- Salomies I.* Der Hallesche Pietismus in Russland // *Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ*. Helsinki, 1936. Bd. 30. № 2.
- Sandklef A.* Bee-keeping in the government of Kazan; in Russia, in early part of the 18th century // *Acta Ethnologica*. Helsinki, 1937.
- Sándor I.* A nép, nemzet, kultúra fogalma XVIII. századi magyar gondolkodóknál // *Ethnographia*. 1989. Vol. 100. № 4.
- Schlözer A.L.* Gesammelte Nachrichten von den Ueberresten der Liven in Livland und Kurland // *M.J.J. Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland II*. Riga-Leipzig, 1770.
- Schott W.* Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836.
- Schwamm K.* Johann Peter Falks Bericht über die Wotjaken aus dem Jahre 1772 // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 1980. Bd. 4.
- Selmeczi Kovács A.* Reguly Antal hazai néprajzi kutatásai // *Ethnographia*. 1974. Vol. 85. № 4.
- Setälä E.N.* Lisiä suomalais-ugrilaisen kielentutkimus historian // *Suomi*. 1892. Vol. 3.

Setälä E.N. Zum andenken Matthias Aleksander Castrén // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1901. Bd. 1.

Setälä E.N. Dem Andenken H.G. Porthans // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1904. Bd. 4.

Setälä E.N. H.G. Porthan sumen kansallisen tieteen perustajana // Valvojä. 1904.

Sihvo H. Karelia: a source of Finnish National History // National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1999. Vol. 6.

Skribnik E. Bibliographia Sibirica. Finno-Ugristics and samojedology in scientific centres of Siberia. Szombathely, 1994.

Smith A.D. Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations Nationalism. London, 1998.

Smith A.D. Myths and Memories of the Nations. Oxford, 1999.

Social construction of the Past: Representation of Power. London, 1997.

Sokolova Z.P. On the role of the Russian Geographical Society and its Department of Anthropology as well as of the Academy of Sciences of Russia in the development of studies in the peoples kindred to the Finns // Pioneers: The History of Finnish Ethnology. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1992. Vol. 1.

Spenser P. Automythologies and the reconstruction of ageing // Anthropology and autobiography. London, 1992.

Spira G. Das sich modernisierende Ungarn und die nationalitätenfrage // Finns and Hungarians between East and West. Helsinki, 1989.

Spira G. The Nationality issue in the Hungary of 1848–1849. Budapest, 1992.

Stagl J. Das Reisen als Kunst und als Wissenschaft (16.–18. Jahrhundert) // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1981. Bd. 61.

Stagl J. Der wohl unterwiesene Passagier. Reisekunst und Gesellschaftsbeschreibung von 16. bis zum 18. Jahrhundert // Reisen und Reisebeschreibungen im 18. und 19. Jahrhundert als Quellen der Kulturbeziehungsforchung. Berlin, 1987.

Stipa G.J. Finnisch-Ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1990. Vol. 206.

Strindberg A. Philipp Johann Strahlenberg och hans karta // Svenska Sällskapet för Antropologi och Geografi. Geografiska Sektionens Tidskrift. 1879. Vol. 1. № 6.

Sundhaussen H. Der Einfluss der Herderschen Ideen auf die Nationsbildung bei den Völkern der Habsburger Monarchie. München, 1973.

Suomalais-Ugrilaisen Seuran julkaisut (1885–2004). Helsinki, 2005.

Suomen kansan vanhoissa runoissa. Helsinki, 1928.

Szű E. Gyarmathi és Reguly és az Affinitas és az affinitas // Nyelvtudományi közlemények. 2000. Vol. 97.

Szű E. Reguly Antal votják földön // Permistica et Uralica. Ünnepi könyv Csúcs Sándor tiszteletére. Fenno-Ugrica Pázmániensia. Vol. 1. Piliscaba, 2003.

Szű E. Reguly Antal és a Tagil-menti sziklarajzok // Nyelvtudományi közlemények. 2003. Vol. 100.

- Taagapera R.* The Finno-Ugric republics and the Russian State. London, 1999.
- Tallgren A.M.* Biarmia // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1931. Vol. 6.
- Tammiksaar E.* The contribution of K.E. von Baer to the investigation of small nations in the Russian Empire in the 19th century // *Research and Identity. Non-Russian Peoples in the Russian Empire 1800–1855*. Kouvola, 2006.
- Tervonen V.* 19th – Century Pioneers of Cultural Relations // *Friends and Relatives. Finnish-Hungarian Cultural Relations*. Budapest, 1985.
- The Finno-Ugric World*. Budapest, 2004.
- The Great Bear. A thematic anthology of oral poetry in Finno-Ugric languages*. Helsinki, 1993.
- Topelius Z.* Finland framställt i teckningar. Helsingfors, 1845–1852.
- Tóth Z.I.* The Nationality Problem in Hungary in 1843–1849 // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1955. Vol. 4. № 1–3.
- Valonen N.* Why have Finno-Ugric ethnology // *Ethnologia Fennica*. 1981.
- Vásáry I.* A jezuita Cseles Márton és a Julianus-jelentés. Középkori kútforrás kritikus kérdései. Budapest, 1974.
- Vilkuna K.* Studien über alte finnische Gemeinschaftsformen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1966. Bd. 36.
- Voigt V.* A brief account of more than two hundred years of teaching folklore and ethnography at Hungarian universities // *Acta Ethnographica Hungarica*. 2004. Vol. 49. № 3–4.
- Vuorela T.* The Finnish Literature Society // *Studia Fennica*. 1957. Vol. 7.
- Vuorela T.* The Finno-Ugric Peoples. Bloomington, 1964.
- Väyrynen K.* Der Prozess der Bildung und Erziehung im finnischen Hegelianismus. Helsinki, 1992.
- Vääri E.* Andreas Johan Sjögren as a student of the Livonian language // *Fenno-Ugristica*. 1996. Vol. 19.
- Weithmann M.W.* Fenno-Ugrica in August Ludwig Schlözers «Allgemeine Nordische Geschichte» // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 1983. Bd. 7.
- Wendland F.* Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Berlin, 1992.
- Weöres G.* H.G. Porthan und die ungarische Sprache // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1966–1967. Bd. 36.
- Weöres G.* A. Regulyn Kalevalan käännös // *Virittäjä*. 1970. Vol. 1.
- White H.* Metahistory: Historical Imagination in the Nineteenth-century Europe. Baltimore–London, 1973.
- Wiedemann F.J.* Über die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandschaft mit den Völkern Mitteleuropas. Reval, 1838.
- Wiedemann F.J.* Über die Nationalität und die Sprache der jetzt ausgestorbenen Kreewinen in Kurland. St. Petersburg, 1871.
- Wilson W.A.* Folklore and Nationalism in Modern Finland. Bloomington–London, 1976.
- Winkler E.* G.F. Müller und H.L.Ch. Bacmeister // *Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien*. 2005. Bd. 3.
- Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953.

Winter E. A.H. Franke und Russland // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1963. Bd. 3.

Winter E. Die wissenschaftliche Erforschung Sibiriens in der Petrinischen Zeit. Die siebenjährige Forschungsreise D.G. Messerschmidts durch Sibirien (1720–1727). M., 1971.

Wooding C. Politics in English romantic poetry. Cambridge, 1970.

Zagrebin A. Reason against feelings, or the first pages in the history of Udmurt studies // Permiek, Finnek, Magyarok. Írások Szij Enikő 60. születésnapjára. Urálistikai Tanulmányok. Budapest, 2004. Vol. 14.

Zagrebin A. Researcher and Power, or about some Peculiarities of Finno-Ugric Fieldwork in Russia // Kultuur ja võim. ERM 46. konverents, Tartu 2005.

Zagrebin A. Die Position des Autors in der «Nachricht von den Tscheremisien, Tschuwaschen und Wotiacken» // Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien. 2005. Bd. 3.

Zagrebin A. The road as a life and work: the Udmurts in the travel notes of A.J. Sjögren and M.A. Castrén // Research and Identity. Non-Russian Peoples in the Russian Empire 1800–1855. The 2nd A.J. Sjögren Memorial Conference. Kouvola, 2006.

Zaics G. The Etimologist Sajnovics // Acta Linguistica Academiae scientiarum Hungaricae. 1970. Vol. 20.

Ziolkowski Th. German Romanticism and its Institutions. Princeton, 1990.

Zsirai M. Finnugor rokonságunk. Budapest, 1937.

Zsirai M. Reguly Antal emlékezete // Magyar Nyelv. 1939. Vol. 35.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абул-Гази Бахадур-хан 71, 72, 74, 123
 Август II Сильный 53, 91
 Аделунг И.К. 220
 ал-Гарнати 183
 Александр I 165, 166
 Алексеев М.П. 11
 Альквист А. 274, 278
 Альфред Великий 180, 204
 Андерсон Б. 16, 159
 Арвидссон А.И. 166, 177, 198, 199, 255

Б

Байер Г.З. 29, 76, 90, 109
 Бакмейстер Г.Л.Х. 90
 Барт Р. 11, 111
 Бассин М. 86
 Бахтин М.М. 10, 118
 Беккер К.Ф. 229, 265
 Бекович-Черкасский А. 63
 Бел М. 81
 Белл Дж. 56, 57
 Бергстади И.Р. 234, 238
 Бергхауз Г. 211
 Беринг В. 94
 Бешшеней Д. 30, 167
 Бёрк Э. 162
 Блюменбах И.Ф. 188, 226, 243
 Бопп Ф. 229, 259
 Брэнч М. 5, 211
 Брюс Я.В. 27, 62
 Бубрих Д.В. 182, 222
 Буденц Й. 276
 Бухгольц И.Д. 63
 Бэр К.М. 175, 187–189, 244, 261–263, 265, 268, 272
 Бушинг А.Ф. 90

В

Валлин Г. 230
 Вамбери А. 276
 Вебер Х.Ф. 67–69
 Вексониус-Гюльденстолпе М. 20

Велин И. 20

Видеман Ф.И. 173, 189, 216, 217, 220, 241

Вилкуна К. 183

Вильденов К. 132

Витсен Н. 117

Вологов Ф.А. 264

Врех К.Ф. 54, 55, 65

Вульф Л. 25

Г

Габеленц Х.К. 217, 268

Гагарин М.П. 56, 58, 68

Галлениус М. 20

Ганандер К. 20, 47, 199

Гваньини А. 117

Гегель Г.В.Ф. 174, 228, 245, 248, 255

Георги И.Г. 8, 18, 34, 36, 41, 43, 47, 109, 127–156, 189

Гердер И.Г. 15–17, 22, 50, 157, 168, 188, 199, 216, 226

Гиппинг А.И. 173, 200

Глинка Ф.Н. 203

Гмелин И.Г. 33, 44, 47, 49, 73, 85, 94, 95, 99, 106, 136

Горлов И.Я. 263

Готтлунд К.А. 165, 198, 199

Гофман Э. 175, 272

Гриппенхейм И.А. 50

Гумбольдт А. 188

Гумбольдт В. 229, 259

Д

Дамаскин И. 82

Демидов А. 262

Дефо Д. 118

Дидро Д. 118

Домашнев С.Г. 134

Домокош П. 7, 23

Дуглас М. 179

Дьярмати Ш. 24, 36, 254, 256

Дюркгейм Э. 8

Е

Европеус Д.Е.Д. 217, 222
Ейсен И.Г. 108
Екатерина II 43, 108, 131, 136

Ж

Жираи М. 185, 271

И

Ибн Фадлан 183
Игорь (вел. кн.) 216
Избранд Идес 82, 123
Ингергерд (княгиня) 216
Ире И. 19

К

Карамзин Н.М. 169, 170, 177, 201, 213, 214
Карпини П. 123
Кастрен М.А. 8, 173, 174, 176, 179, 180, 182, 185–187, 189–192, 194–196, 198, 217, 222, 226–252, 258, 260, 262, 265, 278
Капель Д. 60
Кер Г.Я. 72
Кёппен П.И. 173, 175, 189, 190, 191, 192, 193, 260, 265, 275
Кирилл (епископ Вятский) 205
Клапрот Ю. 191, 219, 239, 243
Ковалевский О.М. 263
Колумб Х. 224
Коль И.П. 92
Корнидес Д. 22, 47
Косвен М.О. 98, 100
Крашенинников С.П. 24, 101, 136
Крекшин П.Н. 107
Круг Ф. 203, 206, 217, 266
Кун Т. 6
Курсель И.Ф. 55

Л

Лавров П.Л. 170
Ланг Л. 57
Лашук Л.П. 7
Лейбниц Г.В. 15, 16, 26, 27, 35, 41, 42, 73, 118

Лепехин И.И. 33, 51, 129, 136, 155
Лерберг А.Х. 212, 213, 266
Лёнквист Э.К. 47
Лённрот Э. 174, 177, 196, 215, 217, 230, 231, 274
Линдхейм С. 63
Линней К. 128
Лицелиус А. 20
Локк Дж. 118
Ломоносов М.В. 7, 29, 39, 40, 106, 123, 131, 134, 183
Лотман Ю.М. 11
Лыткин В.И. 185

М

Магнус О. 78, 84, 182
Менке И.Б. 94
Мессершмидт Д.Г. 32, 36, 37, 44, 58–60, 61, 72, 94
Миллер Г.Ф. 8, 18, 29, 33, 42–44, 46, 47, 49, 73, 85, 89–126, 130, 136, 139, 140, 147, 150, 159, 163, 170, 173
Мюллер И.Б. 63, 70
Мюллер Ф.Х. 217

Н

Новицкий Г.И. 57, 70, 155

О

Олаф (конунг) 216
Олеарий А. 117, 119, 121, 122
Остерман А.И. 91
Отгер Халоголанд 180, 221

П

Павел I 136
Паллас П.С. 33, 34, 43, 47, 60, 109, 128–130, 132, 136, 212
Папаи Й. 278
Папаи К. 272, 277
Петефи Ш. 169, 177
Петр I Великий 14, 24, 26, 27, 52, 67, 69, 74, 86, 91, 93
Пильстрём А. 63
Плиний 80, 120

Погодин М.П. 262

Поло М. 123

Полунин Ф.А. 102

Поппиус А. 165, 199

Портан Х.Г. 7, 13, 17, 20, 21, 24, 34,
41, 47, 48, 51, 171–173, 182, 200,
201, 217

Пушкин А.С. 169, 236

Пыпин А.Н. 93

Пэнто Л. 35

Р

Раск Р.К. 199, 200, 212, 229 241, 259

Ребиндер Р.Х. 201, 205

Регули А. 8, 81, 179, 180, 184, 185, 187,
189, 190, 194–196, 215, 253–280

Ремезов С.У. 58

Ренат И.Г. 48, 63

Робрук Г. 123

Рот К.М. 135

Румянцев Н.П. 172, 200, 201

Рунеберг И.Л. 174, 228

Руссо Ж.-Ж. 15, 16, 48, 151, 157, 177

Рычков Н.П. 33, 136

Рычков П.И. 28, 29, 47, 107, 136

Рюдбек О. 18, 81

Рюль И.Ф. 55

С

Саксон Грамматик 78

Серебренников Б.А. 185

Сечени И. 262

Сетяля Э.Н. 81

Свечин И. 53

Слѣзкин Ю. 14

Снельман И.В. 174, 187, 198, 228,
240, 243

Спасский Г.И. 262

св. Стефан (Шубин) 264

св. Стефан (епископ Пермский) 78,
155, 184, 224

Стернхельм Г. 18

Страленберг Ф.И. 8, 18, 32, 37, 38,
52–55, 57–66, 69–88, 94, 117,
119–122, 124, 125, 150

Сюгнеус З. 200

Т

Татищев В.Н. 17, 28, 38, 43, 45, 46,
49, 56, 73–80, 84, 86, 88, 101, 109,
121, 123, 134, 183, 201, 216

Тенгстрём Я. 201

Теплов Г.Н. 122

Токарев С.А. 6, 137, 155

Толди Ф. 187, 279, 280

Траханиотов С.Д. 53

Туманский Ф.О. 115

У

Уваров С.С. 171, 187

Уортман Р. 25

Ф

Фальк И.П. 33, 47, 51, 129–131

Фатер И.С. 220

Филофей (Лещинский) 65, 70

Фихте И.Г. 162, 174

Фишер И.Э. 7, 39, 40, 90, 100, 136,
139, 140, 147

Флоров А. 220

Фортунатов А.Ф. 218

Франке А.Г. 54, 59, 69

Фриш Л. 74

Фрэн К.М. 201, 206, 247, 270

Фуко М. 9, 35, 122

Фукс А.А. 235, 236, 263

Фукс К.Ф. 235–237, 263

Х

Хайду П. 183

Халтсонен С. 274

Хорват И. 256

Хрох М. 160

Хунфалви П. 81, 273, 275–278

Хюбнер И. 74

Ч

Черкасов М.А. 74

Ш

Шайнович Я. 7, 23, 36, 254, 256

Шеллинг Ф.В.И. 162

Шенстрём П. 63, 69

- Шефферус И. 18, 66
Шёгрэн А.И. 8, 137, 172, 173, 175,
176, 179, 180, 187, 189, 190, 192,
194–225, 230, 232, 236, 257, 260,
262
Шифнер А. 195, 218, 278
Шлегель А.В. 162, 177
Шлегель Ф. 162, 186, 194
Шлёцер А.Л. 17, 21, 22, 31, 36, 39, 44,
46, 47, 73, 90–92, 99, 106, 170, 173,
206
Шнитшер И. 63
Шотт В. 241
Шумахер И.Д. 74, 92, 93, 106, 122

Э
Элерт А.Х. 96
Эрвас-и-Пандуро Л. 36

Я
Янко Я. 272
Ярослав Мудрый 213, 216

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ИСТОКИ ФИННО-УГОРСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (XVIII в.)	
Финно-угроведение в эпоху Просвещения	13
Ф.И. Страленберг(-Табберт) – путник в «странах полуночных»	52
Г.Ф. Миллер – историк на пути к этнографическим источникам	89
И.Г. Георги и первая сводная монография по этнографии народов России	127
СТАНОВЛЕНИЕ ФИННО-УГОРСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (первая половина XIX в.)	
Финно-угроведение в эпоху Романтизма	157
А.И. Шёгрен: в поисках финно-угорского Севера	197
М.А. Кастрен: дорога длиною в жизнь	226
А. Регули – пионер венгерского финно-угроведения	253
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	281
SUMMARY	283
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	286
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	319

Научное издание

Печатается по решению ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы
и НИСО УрО РАН

Загребин Алексей Егорович

**Финно-угорские этнографические исследования в России
(XVII – первая половина XIX в.)**

Монография

ЛР № 020764 от 24.04.98 г.

Обложка *В.Е. Романов*
Оригинал-макет, компьютерная верстка *И.В. Широбокова*
Корректura *А.В. Егоров, Л.М. Ившин*

НИСО УрО РАН № 16(07). Подписано в печать 26.12.06.
Формат 60х90^{1/16}. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 22,47. Уч.-изд. л. 21,38.
Тираж 500 экз. Заказ № 6166.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского
отделения Российской академии наук
426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Ижевская республиканская типография»
426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.